

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС

Древняя история и традиционная культура

- Перевозчикова С. А.** Калачиковидные украшения на территории Евразии
в первой половине I тыс. н. э.5
- Шиманский Е. О.** Наборы вещей в погребениях кочевников урало-казахстанских
степей II–IV веков н. э.13
- Лылова Е. В.** Об одном типе серег из погребений ранних кочевников
Южного Урала26
- Минибаева З. И.** Народная медицина башкир Южного Урала и тюркских
народов Сибири: общее и особенное37

История России и ее регионов

- Валеев Р. М.** Металлические зеркала как предмет внешней и внутренней
торговли в Золотой Орде47
- Таймасов С. У.** Об отношениях башкир с казахами Младшего жуза в период
правления Нурали-хана54
- Таиров Н. И.** Роль татарских предпринимателей Поволжья и Приуралья
в развитии периодических изданий на татарском языке
(вторая половина XIX – начало XX века)59

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Ю. Шатин — главный редактор
А. В. Мельников — зам. главного редактора
Н. Н. Алеврас — главный редактор научного направления
С. А. Баканов, А. П. Романов — зам. главного редактора на-
учного направления
Т. А. Андреева, Н. М. Арсентьев, А. В. Головнев,
Г. А. Гончаров, В. В. Груздинский, Г. Б. Зданович,
И. В. Нарский, А. А. Пасс

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения
авторов публикаций. Ответственность за содержание статей
несут авторы публикации.

С требованиями к оформлению статей можно ознако-
миться на сайте ЧелГУ www.csu.ru

Адрес редакционной коллегии:
454084 Челябинск, пр. Победы, 162 в, к. 109
Тел.: (351)799-70-41
e-mail: vhist@mail.ru

(материалы к публикации дублировать по указанным адресам)

Журнал зарегистрирован в Упринформпечати
администрации Челябинской области. Рег. № 87
Индекс 73855 в каталоге российской прессы «Почта России»

Редактор *М. В. Загидуллина*
Компьютерная верстка *А. А. Селютина*
Компьютерный набор *А. Мусиной*

Подписано в печать 26.11.09
Формат 60x84^{1/8}. Гарнитура Times.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,4. Уч.-изд. л. 16,5.
Тираж 1000 экз. Заказ 1295.
Цена договорная

ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет»
454001 Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Типография «Два комсомольца»
454084 Челябинск, Комсомольский пр., 2

<i>Токмакова Ю. Н.</i>	«От чистописания к юриспруденции»: проблема образовательного уровня провинциальных чиновников центральной России в первой половине XIX века	65
<i>Попп И. А.</i>	Губернаторы и мировые судьи Пермской губернии в 1870–1880-х годах в ситуациях взаимопонимания и конфликта	72
<i>Леконцев О. Н.</i>	Государство и крестьянство в условиях голода 1921 года (на материалах Вятской губернии и Вотской автономной области)	81
<i>Шарабаров П. Н.</i>	«Правый уклон» в Вятской окружной организации ВКП (б) в контексте внутривластной борьбы по проблемам коллективизации	87

Великая Отечественная война и послевоенное время

<i>Кусков С. А.</i>	Эвакогоспитали на территории Челябинской области в 1939–1945 годах как объект социальной политики советского государства	94
<i>Ивлев Н. Н.</i>	Деятельность финансовых органов Челябинской области в годы Великой Отечественной войны	102
<i>Гришаев В. В., Шевченко В. Н.</i>	Развитие энергетической базы военно-промышленного производства в Сибири в период Великой Отечественной войны ...	109
<i>Мамяченков В. Н.</i>	Политика цен и карточная система в СССР: государство и общество в 1946 году (на материалах Свердловской области)	115
<i>Лосева И. В.</i>	Кризис продовольственного снабжения 1946–1947 годов в Горьковской области	120
<i>Жарков О. Ю.</i>	Начальный этап освоения промышленного производства плутония в СССР	124

Религия. Общество. Власть

<i>Цыкина Ю. Ю.</i>	Традиции церковного пения и становление музыкального образования в Марийском крае в дореволюционный период	133
<i>Денисов Д. Н.</i>	Мусульманские молитвенные дома в промышленных поселках Южного Урала (конец XIX – начало XX века)	137
<i>Шакирова Э. З.</i>	Работа партийных организаций КПСС с верующими в середине 1950-х – 1980-е годы (на материалах Оренбургской, Челябинской, Курганской и Куйбышевской областей)	142
<i>Евдокимова Л. С.</i>	Процесс возвращения религиозным организациям имущества культового назначения в России (конец 80-х – начало 90-х годов XX века)	151

РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

<i>Хабибуллина А. Р.</i>	Разработка и реализация политики в сфере языка в 1990-е – начале 2000-х годов в Республике Башкортостан	155
--------------------------	---	-----

НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

<i>Скворцов А. М.</i>	М. С. Куторга и В. М. Ведров: конфликт учителя и ученика	162
<i>Иванова Т. Н.</i>	У истоков высшего женского образования в России: организационная деятельность В. И. Герье в свидетельствах современников	169

SUMMARIES	177
------------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	182
----------------------------------	-----

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

С. А. Перевозчикова

КАЛАЧИКОВИДНЫЕ УКРАШЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н. Э.

В данной статье рассмотрен один из видов раннесредневековых украшений на территории Евразии – полые калачиковидные серьги. Автором описаны их морфологические и технологические характеристики, исследовано их пространственное распределение, позволяющее четче выделить среди них импортные изделия и местную продукцию, обозначить основные направления эволюционного развития, преобладание тех или иных типов на разных этапах средневековой истории.

Ключевые слова: калачиковидные серьги, типология, технология, эволюционное развитие.

Одним из ярких индикаторов материальной культуры степного и лесостепного населения первой половины I тыс. н. э. являлись калачиковидные серьги. Они представляли собой полую, иногда декорированную, основу, продеваемую в мочку уха посредством дужки. Всего в обработку введено 93 экземпляра таких серег, происходящих из 41 памятника (рис. 1).

Значительное количество данных украшений позволяет разделить их на типы по форме основы серьги, на подтипы – по внешнему виду нижней привески, на варианты – по декору.

Тип 1. Калачик округлой формы.

Подтип а. Без привески.

Вариант 1. Основа без дополнений (10 экз.; рис. 4-1-7).

Вариант 2. Основа украшена вставками (4 экз.; рис. 4-8, 9, 20, 21).

Вариант 3. Основа украшена вставками, оконтуренными зернью, а также пирамидками зерни (12 экз.; рис. 4-10-15).

Вариант 4. Основа украшена рядами и пирамидками зерни (1 экз.; рис. 4-19).

Подтип б. С небольшим утолщением в нижней части в виде пирамидки зерни или имитации пирамидки.

Вариант 2. Основа украшена вставками (2 экз.; рис. 3-8, 9).

Вариант 3. Основа украшена вставками, оконтуренными зернью, а также пирамидками зерни (1 экз.; рис. 3-2).

Вариант 4. Основа украшена рядами и пирамидками зерни (1 экз.; рис. 3-1).

Подтип в. Привеска в виде четырех шариков, скрепленных в виде грозди.

Вариант 1. Основа без дополнений (23 экз.; рис. 4-16-18, 22-30).

Вариант 2. Основа украшена вставками (1 экз.; рис. 2-11).

Вариант 3. Основа украшена вставками, оконтуренными зернью, а также пирамидками зерни (3 экз.; рис. 2-2, 7; рис. 3-18).

Вариант 4. Основа украшена рядами и пирамидками зерни (2 экз.; рис. 2-1; рис. 3-3).

Вариант 5. Основа калачика рифленая (1 экз.; рис. 2-3).

Вариант 6. Основа без дополнений, с небольшой перемычкой в центре (3 экз.; рис. 3-19-21).

Подтип г. Привеска в виде четырех шариков, скрепленных попарно (1 экз.; рис. 3-22).

Подтип д. Привеска в виде грозди из большого количества шариков.

Вариант 3. Основа украшена вставками, оконтуренными зернью, а также пирамидками зерни (9 экз.; рис. 2-4-6, 14-19).

Подтип е. Привеска в виде пластины (2 экз.; рис. 3-16, 17).

Тип 2. Калачик в виде многоугольника.

Подтип а. Без привески.

Вариант 1. Основа без дополнений (1 экз.; рис. 3-6).

Подтип д. Привеска в виде грозди из большого количества шариков.

Вариант 3. Основа украшена вставками, оконтуренными зернью, а также пирамидками зерни (6 экз.; рис. 2-8-10, 12, 13).

Тип 3. Калачик с небольшими высту-

пами по боковым и нижней частям вместо привески.

Подтип б. Выступ в виде небольшого утолщения.

Вариант 1. Основа без дополнений (2 экз.; рис. 3-10, 11).

Вариант 3. Основа украшена вставками, оконтуренными зернью, а также пирамидками зерни (3 экз.; рис. 3-13-15).

Подтип ж. На концах выступов имеются по три псевдошарика.

Вариант 1. Основа без дополнений (1 экз.; рис. 3-7).

Вариант 2. Основа украшена вставками (3 экз.; рис. 3-4, 5, 12).

Из рассмотренных с точки зрения технологии изготовления экземпляров, калачиковидные серьги изготавливались тремя способами:

1) отливка отдельных деталей серьги (калачика-основы, дужки, муфт, шариков) и их последующая пайка (62 экз. – 66,0 %);

2) отливка и дальнейшая пайка двух вертикальных половинок, выпуклых с одной стороны, у которых калачик и нижняя гроздь уже были «соединены» (28 экз. – 28,9 %);

3) отливка уже готовой модели украшения (3 экз. – 3,1 %).

В первом варианте для упрочнения основы, спаянной из двух полых дутых половинок, внутрь заливали смолу (обнаружена в 7 экз.) или пасту (1 экз.). В верхней части калачика-основы имелась дужка, один конец которой припаивался к основе, а другой продевался через мочку уха. После продевания конец мог оставаться свободным или же закреплялся в другом отверстии основы. В качестве дополнительного крепежа дужки, а также декора верха основы служили муфты (зафиксированы у 69 экз. – 74,2 %) из тонкой плоской или рифленой пластины.

В половине случаев (52 экз. – 55,9 %) украшалась только основа серьги: каменными или стеклянными вставками, зернью (в виде плоских и объемных пирамидок, линий из зерни) или их сочетанием. Вставки помещались в шатон, иногда оконтуренный одним рядом зерни. В качестве материала использовались стекло (19 экз.), гранат (3 экз.) или сердолик (2 экз.). Чаще всего вставкам придавали округлую (27 экз.) и овальную (22 экз.) форму, реже – каплевидную (11 экз.), а также треугольную (8 экз.), прямоугольную (3 экз.), трапециевидную (1 экз.) и ромбическую (1 экз.). Нередко наблюдалось и сочетание различных форм вставок

(23 экз. – 46,9 %). В основном, они крепились на основе калачиковидной серьги (с одной или обеих сторон), в единичных экземплярах вставки имелись не только на основе, но и на нижней выступающей части (Большедмитриевский могильник)¹ (рис. 3-16, 17).

Иногда основу декорировали зернью в виде плоских треугольников или прямоугольников (18 экз. – 18,5 %), а также линий (10 экз. – 10,3 %). Последние «зрительно подчеркивали» контур и объемность калачика (рис. 3-1; рис. 4-19). Лишь на серьге из Харинского могильника от вставок до концов основы идут волны из зерни² (рис. 2-2). Примечательны также серьги из Большедмитриевского могильника, у которых боковые грани украшены рядом восьмеркообразных проволочек (рис. 3-16, 17).

Дополнительный декоративный эффект серьгам придавали и грозди из маленьких шариков, припаянных к низу основы (рис. 2). Шарики изготавливались из двух полых половинок, спаянных вместе, дополнительно украшенных пирамидками зерни.

В случае частичной отливки серьга изготавливалась аналогичным способом, за исключением того, что контур нижней части серьги (гроздь из шариков) уже заранее задавался при литье. Таким образом, ограничивалась сама «гроздь» – она уже состояла не из нескольких рядов, а только из трех-пяти шариков (рис. 2-1; рис. 4-18, 22-30). При этом зачастую их контур был весьма сглаженным (рис. 4-29, 30). Упрощение произошло не только в технике, но и в декоре: эти серьги совсем не украшались, за исключением серьги из Бурковского могильника (рис. 4-1).

Полной отливке были подвергнуты только три экземпляра (Подчеремский клад и могильник Соткамо)³ (рис. 3-19-21). Здесь также обозначена гроздь из трех шаров, имеются также и контуры муфт, а верхняя часть «дужки» слегка гофрирована.

Калачиковидные полые серьги впервые появились в степной полосе в III в. н. э. Истоки этим серьгам наверняка следует искать среди причерноморских украшений, несмотря на громадный временной промежуток – последние прекратили существовать в III в. до н. э.⁴ Их объединяют основные конструктивные черты: полый основа-калачик, дужка и дополнительные детали в виде привесок, зерни и скани. Однако, в отличие от причерноморских, нижняя часть степных калачиковидных серег оформлялась не различными шумящими при-

весками, а рядами мелких шариков, дополненных пирамидками зерни. Конечно, из-за большого разрыва во времени их существования, нельзя говорить о прямой преемственности степных и причерноморских серег, но, скорее всего, идея создания калачиковидных украшений в степной полосе основывалась именно на причерноморских моделях.

Среднеазиатские калачиковидные серьги были выполнены из золота, иногда с бронзовой дужкой (Джеты-асар), украшены двумя-тремя стеклянными вставками, иногда с плоскими пирамидками зерни. Характерной чертой являлось наличие в нижней части большой грозди мелких шариков⁵.

В конце III в. н. э. **серьги попадают и в позднесарматские памятники.** По внешнему виду и оформлению их можно разделить на два территориальных типа. Первый характерен для Западного Казахстана (Лебедевка II): серьги выполнены из золота, украшены стеклянными или гранатовыми вставками округлой или овальной формы, иногда с бронзовой дужкой⁶. Главное отличие от джетыасарских серег состоит в том, что в данном регионе у них отсутствует нижняя гроздевидная часть. Иногда, конечно, фиксируется небольшая пирамидка из зерни, но это больше похоже на случайные пробы мастера.

Второй тип характерен для Южного Приуралья. Здесь серьги уже просты в исполнении – имеют невытянутую форму, средние размеры, также отсутствует нижняя гроздевидная часть, иногда украшены каменными или стеклянными вставками, и, кроме этого, здесь полностью меняется материал – с золота на бронзу⁷.

К концу III в. н. э. появляются серьги, основа которых украшена не вставками, а только узором из зерни, сложенной в виде треугольников и полосок. При этом полоски, расположенные определенным образом, подчеркивают объемность модели (Дербеневский могильник)⁸.

В Южном Приуралье дополнительно формируется отдельный тип, особенность которого заключается в «приобретении» небольших прямоугольных или округлых выступов по бокам основы. Ее нижняя часть оформлялась в виде такого же выступа, по краю которого иногда задавался силуэт грозди из тех шариков (Дербеневский, Темясовский могильники)⁹. Такой же ряд псевдошариков иногда имелся и на боковых выступах (Дербеневский могильник).

В IV в. серьги с выступами по бокам и в нижней части в единичных экземплярах распространяются по Поволжью и Приуралью. При этом можно рассмотреть две линии развития. В Нижнем Поволжье продолжают бытовать прямоугольные выступы. Сама серьга достаточно больших размеров, украшена вставками и зернью¹⁰. Восточнее – в Среднем Поволжье и Южном Приуралье – выступы приобретают более сглаженные очертания, основы также украшены вставками и зернью¹¹.

В V в. калачиковидные серьги «перемещаются» в северо-восточном направлении – в Южное Приуралье и Прикамье. Они кардинально отличаются от поволжских и азиатских серег – нижняя гроздевидная часть заранее задавалась в литейной форме вместе с основой-калачиком. Увеличилась длина дужки, которая уже полностью застегивалась в муфте. Серьги изготавливались из бронзы и совершенно не украшались¹². Исключением являются серьги из Харинского и Бурковского могильников, выполненные из серебра и украшенные стеклянными вставками, зернью, а также прямыми или волнистыми полосками, а также серьга из могильника Сэбысь, выполненная из золота и украшенная вставками и зернью¹³.

Последнее (VI в.) **преобразование калачиковидных серег** связано с изменениями их технических характеристик. Известны три экземпляра (Подчеремский клад, Соткамо), изготовленные не из нескольких составных частей, а полностью отлитые. Они выполнены из бронзы, имеют внизу очертания шарикообразной пирамидки, а дужка гофрирована и полностью соединена с основой. В данном случае поменялось и функциональное назначение украшений – из серег они преобразовались в височные подвески.

Полые калачиковидные серьги, появившись среди степного населения в III в. н. э., благодаря этнокультурным контактам постепенно «проникли» в лесные районы, вплоть до Припечорья и Финляндии. Их передвижение на протяжении трех-четырех веков (III–VI вв. н. э.) в итоге сказалось на морфологических, технологических и на функциональных изменениях. Внешние изменения серег можно отметить в постепенном удлинении отдельных деталей украшения (самой основы и дужки). Свободный конец дужки за время существования серег постепенно «приближался» к основе-калачику, пока не соединился с ней. Нижняя часть основы была упрощена, начи-

Рис. 1. Карта распространения калачевидных серег: 1 – Сэбысь, 2 – Подчеремский клад, 3 – Шойнаяг, 4 – Пыштайский, 5 – Агафоновский I, 6 – Харинский, 7 – Митинский, 8 – Егвинская находка, 9 – Бурковский, 10 – Бродовский, 11 – Байрамгулово, 12 – Друженский, 13 – Малковский, 14 – Бирский, 15 – Уфимский, 16 – Дежневский, 17 – Турбаслинский, 18 – Старо-Кобановский, 19 – Дербеневский, 20 – Ахмеровский, 21 – Темясовский, 22 – Кара-Тал, 23 – Лебедевка, 24 – Андреевский, 25 – Маклашеевское, 26 – Большедмитриевский, 27 – Покровск, 28 – Котово, 29 – Беляус, 30 – Калагай, 31 – Кок-Мардан, 32 – Томпак-асар, 33 – Алтын-асар, 34 – Джеты-асар, 35 – Карабулак, 36 – Урюкзорский, 37 – Кетмень-Тюбе, 38 – Кенкол, 39 – Кара-агач, 40 – Сибирская коллекция Петра I

ная от двух-трех рядов полых шариков, украшенных зернью, до полного ее отсутствия или отливки вместе с основой. Упростился также и декор. Если вначале основу украшали каменными вставками и зернью, а в дальнейшем просто зернью, то в итоге декор полностью исчез.

Изменения претерпели и технологические приемы. В начале III в. н. э. для изготовления большого количества мелких деталей серьги (вставки, шатоны, зернь, шарики) требовалось больше трудовых затрат. В дальнейшем наблюдается взаимосвязь между стремлением упростить технологическое производство, что выражается, в итоге, в отливке целой модели («копирование» изначальной версии предмета), и изменениями в оформлении. С одной стороны, упрощение технологии привело к ис-

чезновению дополнительного декора в виде каменных и стеклянных вставок и зерни на основе серьги. Но, с другой стороны, отливка целой модели не повлияла на нижнюю гроздевидную часть. Кроме этого, поменялся и сам материал – степные серьги изготавливались из серебра и золота, лишь в исключительных случаях дужка отливалась из бронзы, а уральские и прикамские серьги уже выполнялись, в основном, полностью из бронзы. В данном случае, конечно, речь идет не о вкусовых предпочтениях, а об используемом в регионах сырье.

В целом, у калачиковидных серег, в отличие от других видов, трудно проследить какую-то одну четкую линию развития. Это один из тех видов серег, в производство и внешние черты которых население каждого региона вносило свои собственные задумки и переделки, опи-

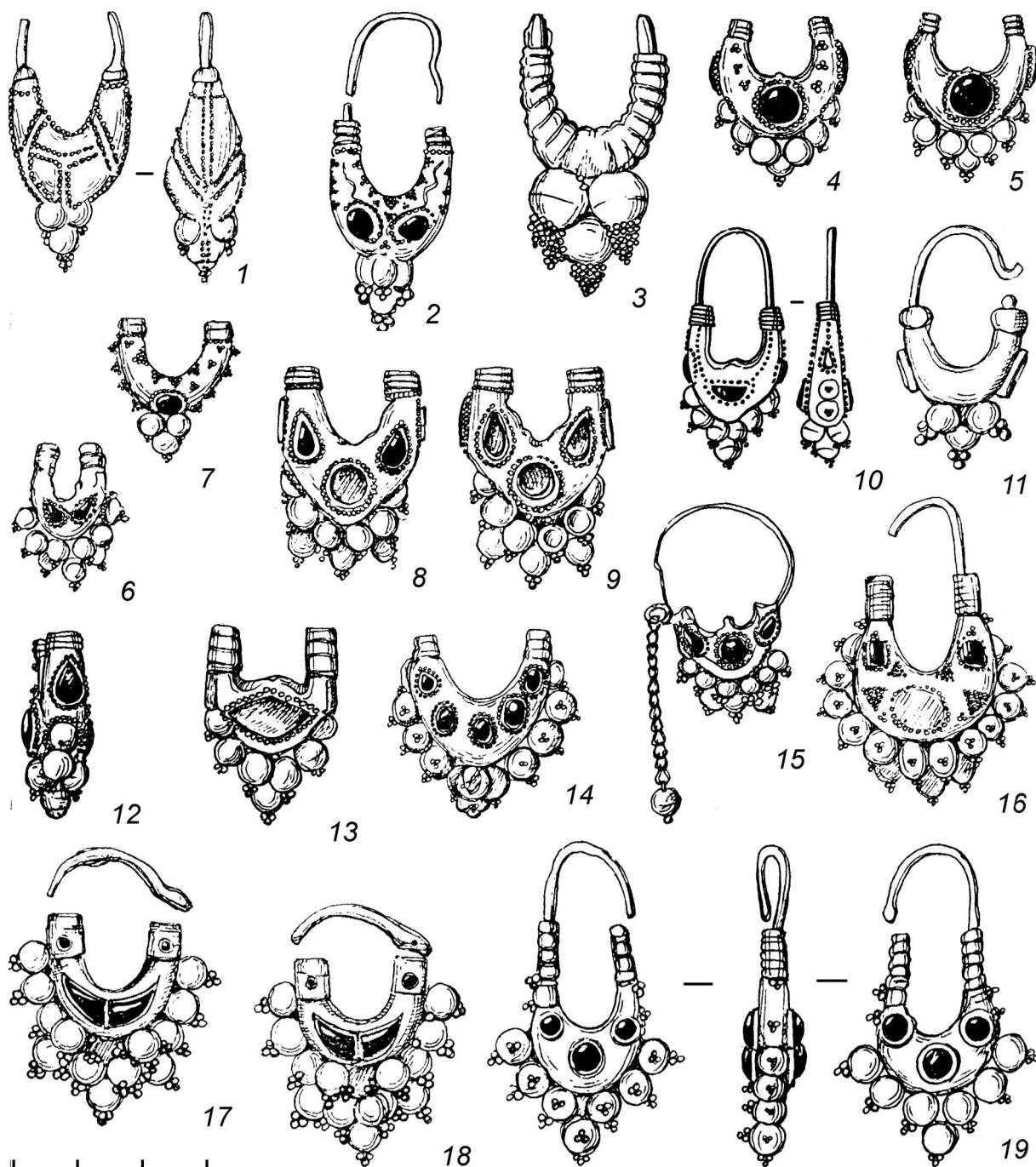

Рис. 2. Калачиковидные серьги: 1 – Бурковский мог-к (по Р. Д. Голдиной), 2 – Харинский мог-к (по Р. Д. Голдиной), 3 – Кетмень-Тюбе (Степная полоса...), 4–6, 8, 9, 12, 13, 15 – Сибирская коллекция Петра I (по С. И. Руденко), 7 – Байрамгулово (по С. Г. Боталову), 10 – Большая Дмитриевка (по А. Д. Матюхину), 11 – Кенкол (Степная полоса...), 14 – Алтын-асар (Степная полоса...), 16 – Джеты-асар (Степная полоса...), 17, 18 – Кок-Мардан (Древнее...), 19 – Томпаксар (Степная полоса...)

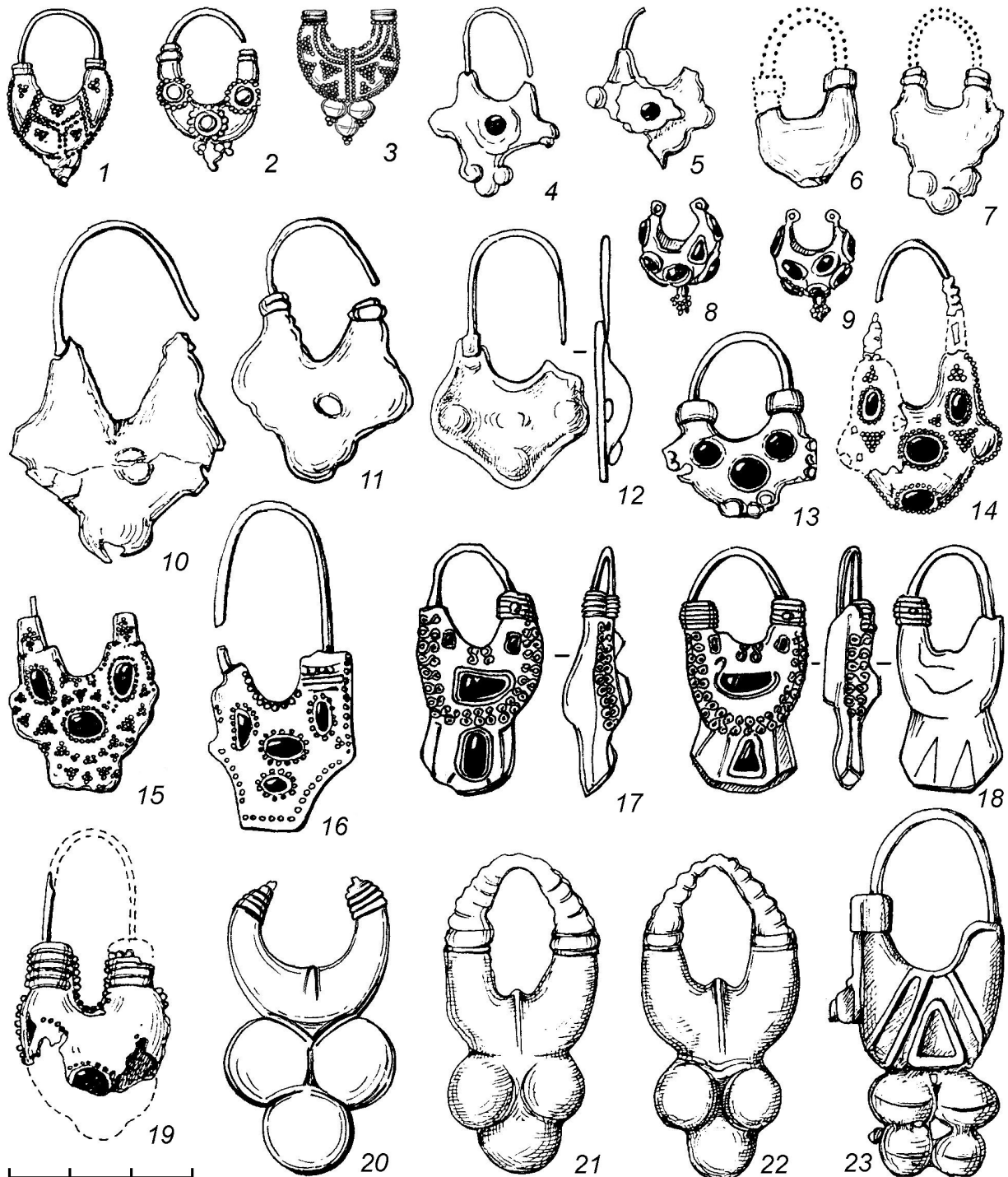

Рис. 3. Калачевидные серьги: 1 – Дежневский мог-к (по Н. А. Мажитову), 2 – Лебедевка (Степи...), 3 – Сэбысь (по А. Л. Багину), 4, 5 – Темясовский мог-к (по А. Х. Пшеничнюку), 6, 7, 12 – Дербеневский мог-к (по А. Х. Пшеничнюку), 8, 9 – Калагайский мог-к (по Треверу), 10 – Друженский мог-к (по С. Г. Боталову), 11 – Ахмеровский II мог-к (по С. М. Васюткину), 13 – Маклашеевское I городище (по И. П. Засецкой), 14 – Карагач (по И. П. Засецкой), 15 – Покровск, к.36 (по И. П. Засецкой), 16, 17 – Большая Дмитриевка (по А. Д. Матюхину), 18 – Уфимский мог-к (по А. Х. Пшеничнюку), 19 – Соткамо (по С. Carpelan), 20, 21 – Подчеремский клад (по В. А. Городцову), 22 – Карабулак (Степная полоса...)

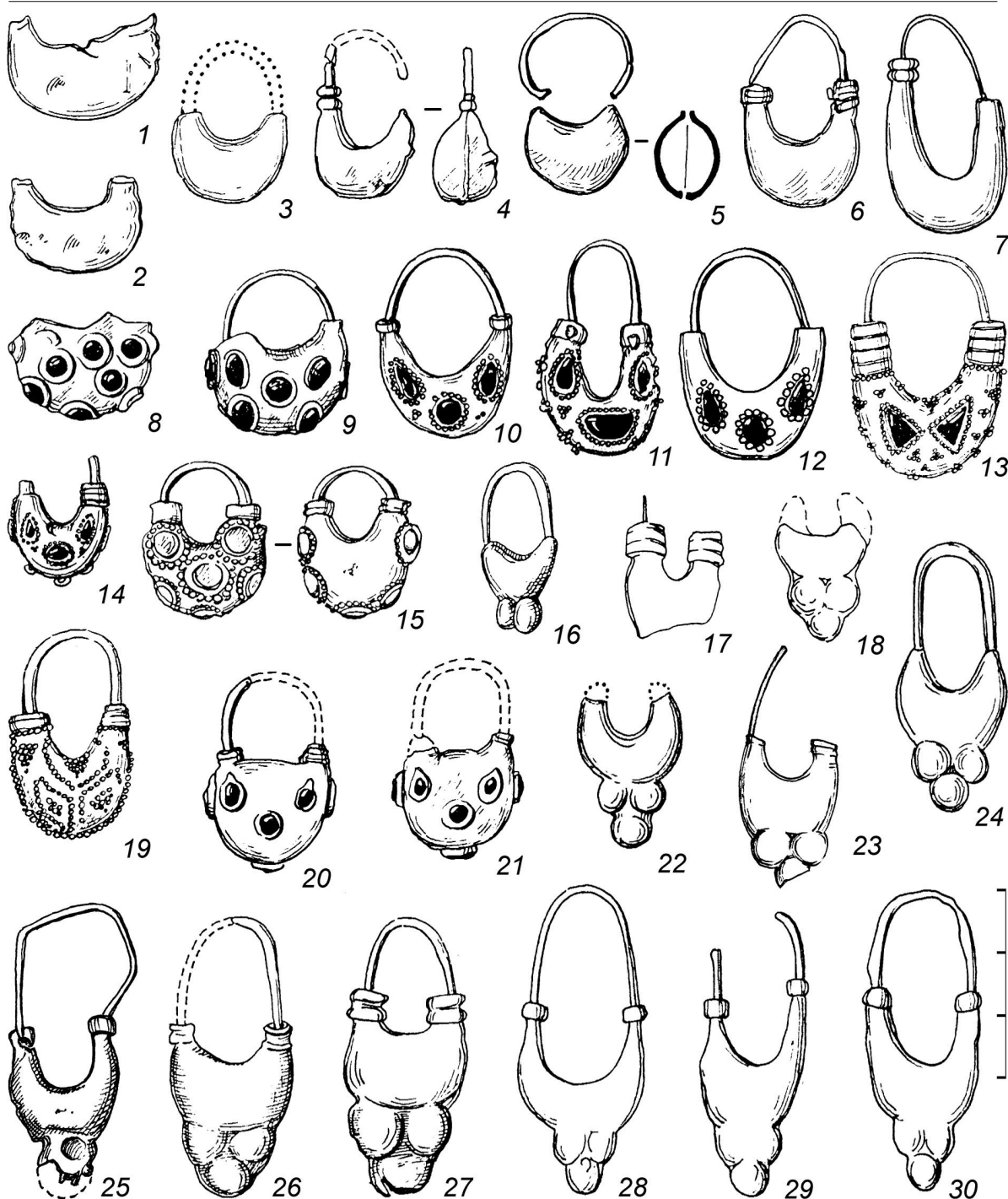

Рис. 4. Калачевидные серьги: 1, 2, 20, 21 – Темясовский мог-к (по А. Х. Пшеничнюку), 3 – Дербеневский мог-к (по А. Х. Пшеничнюку), 4 – Малковский мог-к (по С. Г. Боталову), 5 – Урюкзорский мог-к (по Н. Г. Горбуновой), 6 – Кара-тал I (по А. Х. Пшеничнюку), 7 – Андреевский мог-к (по И. Б. Васильеву), 8, 9 – Лебедевка II (по М. Г. Мошковой), 10 – Котово (по И. П. Засецкой), 11 – Беляус (по И. П. Засецкой), 12 – Котово (по А. С. Скрипкину), 13 – Новотурбаслинский мог-к (по Ф. А. Сунгатову), 14 – Алтын-асар (Степная полоса...), 15 – Лебедевка (Степи...), 16 – Митинский мог-к (по Р. Д. Голдиной), 17, 18, 23 – Бродовский могильник (по Р. Д. Голдиной), 19 – Уфимский мог-к (по Н. А. Мажитову), 22 – Егвинская находка (по Р. Д. Голдиной), 24 – Агафоновский I мог-к (по Р. Д. Голдиной), 25–27 – Бирский мог-к (по Н. А. Мажитову), 28–30 – Старо-Кобановский мог-к (по С. М. Васюткину)

раясь, скорее всего, на свой технический и декоративный потенциал, иногда полностью отбрасывая те или иные детали. Именно так, появившись в лесной полосе, исчезли ряды полых шариков. Точно так же возникли и потом исчезли боковые и нижний выступы.

В V–VI вв. они полностью исчезают. Повторное появление калачевидных серег фиксируется в X в., но они только внешне напоминают раннесредневековые украшения – у них также имеется форма калачика и дужка, украшены зернью и сканью. Но эти серьги уже не являются полыми внутри, они изготавливались из плоского листа, вырезанного или отштампованного под форму объемной калачевидной серьги.

Примечания

¹ См.: Матюхин, А. Д. Из истории исследования Большедмитриевского курганного могильника // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов, 1994. С. 88–93.

² См.: Голдина, Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. 280 с.

³ См.: Городцов, В. А. Подчеремский клад // Совет. археология. М.; Л., 1937. Т. II. С. 8–150; Christian Carpelan. Short river of prehistoric and early medieval connections between the Kama region and Finland in the light of archaeological evidence // Пути средневековых торговцев: сб. материалов «круглого стола» в рамках Междунар. (XVI Урал.) археол. совещания. Пермь, 2003. С. 17–33.

⁴ См.: Петренко, В. Г. Украшения скифии VII–III вв. до н. э. // Свод археологических источников. Д4-5. М., 1978. С. 29.

⁵ См.: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М., 1992. Табл. 24–33. С. 70; Древнее золото Казахстана. Алма-Ата, 1983. № 206–207.

⁶ См.: Мошкова, М. Г. Сарматские памятники Западного Казахстана / М. Г. Мошкова, Г. В. Кушаев // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. Рис. 4-4. С. 267; Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М., 1989. С. 201.

⁷ См.: Пшеничнюк, А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. С. 70–71. Табл. ЛП-4.

⁸ См.: Пшеничнюк, А. Х. Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени в

Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992. С. 67–84.

⁹ См.: Пшеничнюк, А. Х. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии / А. Х. Пшеничнюк, М. Ш. Рязанов // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 144. Рис. 4–4,5.

¹⁰ См.: Засецкая, И. П. Культура кочевников южно-русских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994. С. 182. Табл. 29–20.

¹¹ См.: Боталов, С. Г. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V веков / С. Г. Боталов, Н. А. Полушкин // Новое время в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 178–193; Пшеничнюк, А. Х. Уфимский курганный могильник // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. III. С. 111; Старостин, П. Н. Маклашеевское II городище именьковской культуры // Учен. зап. ПГУ. Пермь, 1968. № 191. С. 226. Табл. I-6.

¹² См.: Васкул, И. О. Шойнаягский могильник / И. О. Васкул, Ф. В. Овчинников // Этнокультурные процессы в древности на европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1999. Вып. 16. С. 48; Васюткин, С. М. II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. Табл. 17-12, 13. Табл. 19-4; Васюткин, С. М. Старо-Кобановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии / С. М. Васюткин, Т. И. Останина // Вопр. истории и культуры Удмуртии. Устинов, 1986. С. 64–125; Голдина, Р. Д. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области / Р. Д. Голдина, О. П. Королева, Л. Д. Макаров // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980. Табл. I-2; Голдина, Р. Д. Могильники неволинской культуры / Р. Д. Голдина, Н. В. Водолага. Иркутск, 1990. 173 с.; Мажитов, Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968. Рис. 2-17. Рис. 21-2. Рис. 30-1; Мажитов, Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977. С. 16. Табл. I-43.

¹³ См.: Генинг, В. Ф. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье / В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина // Вопр. по археологии Урала. Свердловск, 1973. Вып. 12. С. 67; Голдина, Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. Табл. III-32-33.

НАБОРЫ ВЕЩЕЙ В ПОГРЕБЕНИЯХ КОЧЕВНИКОВ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ II–IV ВЕКОВ Н. Э.¹

В статье рассматриваются компактно расположенные наборы инвентаря в погребальных комплексах кочевников II–IV вв. н. э. урало-казахстанских степей, анализируется встречаемость отдельных предметов, статистическими методами выделяются различные виды наборов, уточняется их локализация в погребениях, связь с половозрастными характеристиками погребенных. Классификация погребальных наборов позволяет точнее интерпретировать социальную структуру и религиозные представления номадов.

Ключевые слова: погребальный обряд, вещевой инвентарь, кочевники урало-казахстанских степей, гунно-сарматское время, позднесарматская культура, статистические методы в археологии.

В погребениях кочевников изучаемого пространственно-временного промежутка, как собственно и в иных (не кочевых и не только рассматриваемого времени и места) погребальных комплексах древности, предметы погребального инвентаря в могильных ямах зачастую образуют компактные скопления, локализующиеся в определенных зонах относительно костяка. Внимательное изучение состава и места положения таких наборов может расширить и конкретизировать знания о погребальной обрядности изучаемого социума.

Объектом изучения в статье стали компактные наборы вещей (далее комплекты или наборы), найденные в погребениях кочевников урало-казахстанских степей II–IV вв. н. э. Выбранные хронологические рамки обуславливаются существованием на рассматриваемой территории кочевого образования со схожим погребальным обрядом, антропологическим типом и вещевым инвентарем, что позволило одним исследователям выделить его в позднесарматскую археологическую культуру², другим в гунно-сарматскую культуру³, или в памятники гунно-сарматского времени⁴. Вопросы этнокультурной атрибуции остались вне рамок статьи, т. к. в данном случае важно отнесение рассматриваемых памятников к относительно единому этнокультурному комплексу, будь он позднесарматским или гунно-сарматским. Территориальный охват – степные памятники Зауралья и Приуралья. Базой исследования послужили 420 погребальных комплексов.

При подборке объектов для анализа выбирались неграбленные погребения с ком-

пактным расположением вещей в различных частях могильной ямы. Изначально под набором принималось близкое расположение двух и более разных вещей (т. е. в выборку не входили сочетания двух и более однотипных предметов – керамических сосудов, ножей, пряслиц и т. д.), при этом в категорию предметов входили и кости животных, заупокойная пища и предметы, не имеющие, в силу плохой сохранности, точной типологической идентификации. При наличии двух и более наборов в погребении каждый набор рассматривался в отдельности.

В результате выборку составили 98 наборов у 72 погребенных из 26 могильников и одиночных курганов (Джанатан, Бис-Оба, Агаповский, Липовка (Шиханы), Темясово, Лебедевка 2, Лебедевка 4, Лебедевка 5, Лебедевка 6, Кара-Тал-1, IV Комсомольский, Большекараганский, Красный Яр, Саралжин 3, 1 Хворостяньские курганы, Мамай-1, Ата 1, Восточно-Курайлинский 1, Магнитный, Сарытау-1, Целинный-1, Басшийли, Ульгули, Покровка 10, Соленый Дол, одиночный курган у пос. Солнце)⁵. Индивидуальных погребений 66, парных и коллективных – 6 (Темясово, курганы 5 и 7 – парные погребения, курганы 3 и 8(2) – коллективные, Восточно-Курайлинский 1, к.3 – парное погребение, Покровка-10, к.85 – парное погребение).

По одному набору в погребении встречено в 50 случаях, более чем один комплект в 22 погребениях, из них по два у 17 погребенных (Покровка 10, курганы 24, 43, 96; Целинный 1, курганы 6, 49, 86; Красный Яр, курган 3; Джанатан, курган 9; Липовка (Шиханы), курган 16; Темясово, курган 3, погребенный № 1;

Лебедевка II, курган 5; Лебедевка IV, курган 17; Лебедевка V, курган 19; Лебедевка VI, курганы 24 и 35; Кара-Тал 1, курган 1, погребенный 1; Большекараганский, курган 8), по три у пяти (Большекараганский, курган 18; Лебедевка VI, курган 3; Лебедевка V, курган 49; Красный Яр курган 7; Восточно-Курайлинский, курган 33).

По типам могильных ям исследуемая выборка разделилась следующим образом. Большинство составили погребения в простых прямоугольных ямах и в подбоях (28 (38,9 %) и 32 (44,4 %) случая соответственно), погребения в квадратных в плане ямах составили 9,7 % (7 случаев), в ямах с заплечиками 2,7 % (2 случая), в овальных, ямах с нишей и со ступенькой у длинной стенки по 1,4 % (по одному случаю).

Позы погребенных в выборке слабо варьируют по такому крупному показателю, как общее положение костяка. Только одно погребение (1,4 %) отличается положением умершего на правый бок (Сарытау 1, курган 8), остальные захоронены на спине в вытянутом положении. При этом выделяется слабое разнообразие в положении ног костяка (один раз «атакующая» поза и один раз поза всадника – Покровка X, курганы 41 и 43 соответственно) и большой размах в положении рук и головы погребенного и сочетаний между этими вариациями. В частности, наиболее повторяемыми были положение правой, левой или обеих рук костяка над или под тазовыми костями и поворот головы направо или налево.

Определение половозрастных характеристик антропологом отсутствует в некоторых публикациях, поэтому зачастую привлекались идентификации пола на основе сопровождающего инвентаря. Как показывают исследования, для кочевников II–IV вв. «археологические» определения в большинстве случаев оказываются верными.

В рассматриваемых погребальных наборах были выявлены следующие категории предметов: кусок мела (в количестве от одного до четырех, при преобладающем положении одного куска), пряслице (преобладает положение одного, но встречаются и до 4 штук вместе), зеркало (как целые предметы, так и фрагменты), раковина (от одной до двух), железные ножницы, глиняная курильница (от одной до двух), фибула, железные ножи, включая биметаллические и с костяной рукояткой (от одного до двух вместе), каменный

оселок, керамический сосуд и миниатюрный туалетный сосудик, кости животных, удила и сбруя, фрагменты нагаек, железный меч, кинжал, бронзовый котел, деревянный сосуд, колокольчики, кольца, серьги и железные предметы. Учтены единичные случаи положения в наборы пуговиц, горного хрусталя, кусков серы и смолы, каменных плиток, орнаментированных альчилов, жаберных костей рыб и др. Всего по составу инвентаря в наборах выделилось 33 признака.

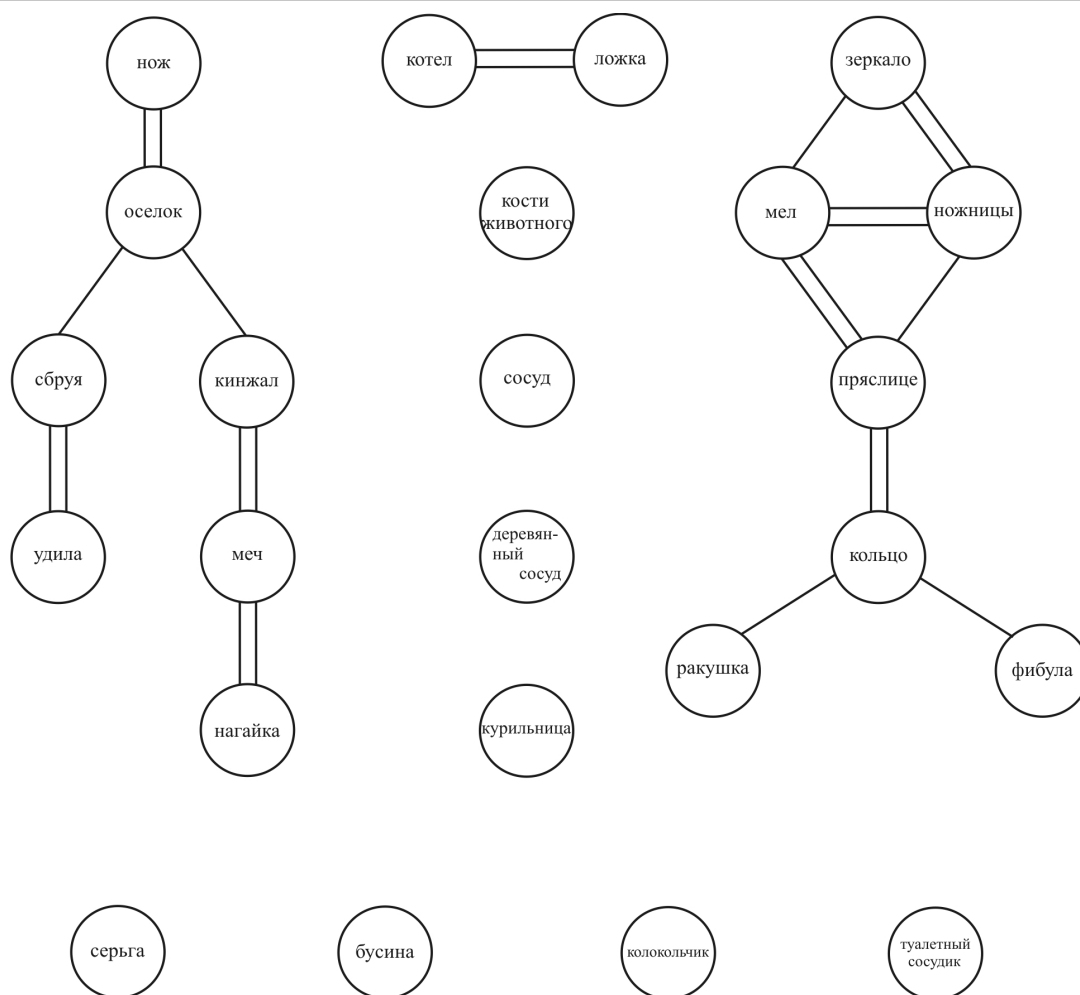
Статистический анализ проводился при помощи специализированной программы SPSS версия 13.0. Признаки, фиксирующие категории вещей, были представлены как дихотомические: присутствие-отсутствие. Для начала были вычислены связи между предметами (использовался коэффициент корреляции Пирсона). Предметы, единично встреченные в наборах, ожидаемо показали высокий коэффициент корреляции с теми вещами, с которыми были найдены, однако действительный их статистический вес мал. Поэтому в дальнейшем в расчетах они не использовались и рассматривались лишь на итоговом уровне объяснений. Граф связей, выстроенный на основе корреляционной матрицы из пар признаков с высокой двусторонней связью, представлен на рис. 1.

На втором этапе исследования был проведен факторный анализ (методом определения главных компонентов) признаков, описывающих категории предметов в наборах. В результате было выделено 10 факторов, величина которых превышает единицу. После подсчета наибольших факторных нагрузок признаки сгруппировались по факторам следующим образом:

- Ф1 – узда-удила
- Ф2 – ножницы-мел-прясло-зеркало
- Ф3 – меч-нагайка
- Ф4 – прясло-сосуд
- Ф5 – ложка-котел
- Ф6 – кольцо-колокольчик
- Ф7 – деревянный сосуд-кинжал
- Ф8 – ракушка-нож-зеркало-прясло
- Ф9 – туалетный сосудик-зеркало-нож
- Ф10 – фибула-зеркало

Интерпретация факторов представляется следующим образом.

Очевидно гендерное распределение, лежащее в основе разбивки большинства факторов. Сугубо мужская принадлежность фиксируется у наборов из факторов 1 и 3,

_____ корреляция является значимой на уровне 0,05 (2-х сторонняя)
 = = = = корреляция является значимой на уровне 0,01 (2-х сторонняя)

Рис. 1. Граф связей наиболее массовых категорий инвентаря в погребальных наборах.

условно обозначенных как «всаднический» (11 наборов из 10 погребений) и «воинско-всаднический» (11 наборов из 11 погребений). Эти наборы фактически всегда устойчивы в своих комплектующих. Сильная связь удила и узды логична, обращает на себя внимание положение нагайки не с удилами (комплекс предметов управления лошадью), а с мечом. Сливание функций всадничества и воина (отражаемые в инвентаре погребения) прослеживается как внутри одного выделенного фактора (воинско-всаднического), так и между обоими. В таблице (рис. 2) видно, что

всаднический и воинско-всаднический наборы частично взаимопроникают друг в друга. К воинско-всадническому фактору нами были отнесены и наборы с кинжалами, т. к. объединение их с деревянными сосудами в один фактор (фактор 7) представляется не совсем правомерным, вместе они встречены лишь в одном погребении (Красный Яр, курган 3). Более того, вместе с кинжалами в 2 случаях из четырех встречены мечи (Бис-Оба, курган 3 и Лебедевка V курган 23, погребение 1).

Отдельно стоит оговорить выделенную связь деревянного сосуда и кинжала. Таковая

не прослеживалась на общем фоне корреляций всех предметов из наборов. Это связано с тем, что деревянный сосуд как категория инвентаря не был изначально разделен на типы этих предметов. С кинжалами, и вообще предметами вооружения, в погребальном инвентаре (т. е. не только в отдельных наборах) встречаются деревянные чаши небольших размеров полусферической формы, зачастую с бронзовыми и серебряными накладками по бортику. Этот факт был отмечен и в синхронных комплексах Нижнего Поволжья⁶. Сосуды только такого типа связаны с мужскими захоронениями и, по-видимому, являются дополнительным гендерным показателем и несут некоторую сакральную окраску. В пользу последнего можно добавить не встречаемость их с керамическими курильницами – предметами женских захоронений, также интерпретируемых как культовые вещи. В этом видится пара вещей антиподов религиозного характера, разделенных в практике по половому принципу.

Деревянные сосуды других типов (миски, блюда) встречаются и в других, не воинских, наборах. Так, например, деревянные сосуды входят в факторообразующие признаки для фактора 5 – «заупокойная пища». Сюда же относятся бронзовый котел, ложка (деревянная или костяная), кости животного (мелкий рогатый скот, передняя или задняя часть туши), а также керамические сосуды и железный нож. Последние три категории составляют ядро группы «заупокойная пища». Наборы этой группы достаточно обособлены в рамках таблицы взаимовстречаемости (рис. 2), а формирующие признаки прочно взаимосвязаны между собой в пределах группы. Из 7 наборов, вошедших в этот фактор, лишь один не соответствует предложенной трактовке – это набор из кургана 7, могильника Красный Яр, статистически включенный на основании присутствия ложки. Остальные предметы из этого комплекта – зеркало и курильница – говорят в пользу иного предназначения вещей (культового? косметического?). Наборы из этого фактора встречены в мужских и женских погребениях.

Женскую принадлежность носят наборы, объединенные в факторы 2, 4, 6, 8–10.

Фактор 2. В основе – признак ножницы, к нему примыкают мел, пряслице и иногда зеркало. Все погребения с наборами этого фактора – женские. По составу предметов к

этому фактору близок фактор 8, где факторообразующими выступили категории ракушка, зеркало, пряслице и нож. Ключевое отличие, выделенное факторным анализом, выражается в объединении их вокруг ножниц, либо ракушки. В остальном, комплекты факторов 2 и 8 близки друг другу по составу предметов. Вероятно, пока не имеет смысла четко разграничивать наборы, входящие в эти факторы, на две разделенные группы. В дальнейшем оба этих фактора рассматривались нами в качестве одного – «хозяйственно-косметического». Группа наборов этого фактора не имеет четких внешних границ в сводной таблице (рис. 2), однако очевидно ядро этой группы (ажурное размытое компактное распределение признаков по Л. С. Клейну⁷), состоящее из куска мела, пряслица, ножниц, ракушки, зеркала. Размытость группы проявляется в том, что от нее легко, посредством переходных наборов, прийти к некоторым другим группам (группе украшений или к группе культовых предметов). Однако нужно отметить, что переходность в данном случае не означает наличия наборов с неустоявшейся, ненормированной комплектацией. Наоборот, некоторые из таких наборов могут являться проявлением самостоятельного, осмысленного положения конкретных вещей в погребальный комплект. Иными словами, нельзя включить «переходные» наборы в качестве собственно переходных, и в то же время нельзя априорно выделять таковые как отдельные типы наборов. Реализация культовой практики, находимая в археологическом материале, гораздо многообразней, чем выделяемые нами эмпирические типы (группы погребальных наборов), а попытки выделить латентную переменную, формирующую культурный тип, в данной ситуации с помощью статистических методов представляется затруднительной. Однако следует сделать оговорку, что сказанное касается лишь изначально выбранного горизонта исследования – вещей в погребальном наборе. Переход на более высокий горизонт (таксономический уровень) – к примеру, исследование всех предметов в погребении, и еще выше – к погребальному обряду в целом – вероятно, будет способствовать интерпретации отдельных погребальных комплектов вещей.

К факторам, объединяемых на основе украшений, были отнесены фактор 6 и фактор 10. В первом образующими выступили две категории предметов – кольцо и колоколь-

и фибула, пряслице, кольцо и предмет, интерпретируемый исследователями как рукоять нагайки (Целинный I, курган 86). Траковка трубочки из свернутой бронзовой пластины как нагайки представляется ошибочной. Подобные изделия найдены еще в нескольких погребениях изучаемой группы памятников. В погребении кургана 44 могильника Целинный I такое изделие с остатками дерева внутри зафиксировано вместе с фибулой⁸, такое же сочетание присутствует у костяка № 1 из кургана 3 могильника Темясово. Все изделия однотипны, за исключением присутствия бронзовой проволочной обмотки, отмеченной лишь в кургане 86 могильника Целинный I. Предметы, подобные им, рассматриваются как детали украшения одежды – пронизи (тип II, по А. С. Скрипкину) и широко распространены на территории Азиатской Сарматии⁹. Отметим, что типологически нагайками в погребениях этого времени исследователями считаются иные предметы – в виде деревянного стержня с бронзовыми (или серебряными) обоймами, закрепленными гвоздями или заклепками¹⁰. Кроме того, забегая вперед, можно указать и на еще одну особенность, заключающуюся в расположении наборов с бронзовыми трубками-пронизками относительно костяка. Они зачастую расположены на груди или у плеча с типично женским инвентарем и в женских погребениях.

Фактор 4. В его основе керамический сосуд, встреченный зачастую с пряслицами и/или с курильницами. Действительно, прослеживается, с одной стороны, взаимовстречаемость сосуда с пряслицами, с другой – с курильницами. Вероятно, стоит разграничить этот фактор на два, соответствующих основным сочетаниям (группы IV и VI на рис. 2). Количество наборов, входящих в эти группы, невелико, они различаются компоновкой вещей. Признаки в них не образуют сплошного, слитного распределения, а разграничение между этими группами (если представить их рядом) затруднительно. Фактически эти группы не имеют границ и выделяются по большому счету интуитивно. Поэтому данные выводы далеко не бесспорны и нуждаются в дополнительных исследованиях (в первую очередь, за счет пополнения базы данных), хотя тенденция к выделению таких (сосуд-курильница и сосуд-пряслице) факторообразующих сочетаний, на наш взгляд, правомерна.

Иная ситуация с фактором 9. Объединяю-

щая категория – туалетный сосудик. При начальном этапе исследования фактор рассматривался самостоятельно. Однако малое количество наборов, включенных в него, многообразие вариаций и проявление таких же наборов в других факторах заставили усомниться в возможности выделить фактор из рассматриваемого археологического материала. К тому же, вероятно, типологическое разнообразие миниатюрных сосудиков не соответствует определению всех в разряд туалетных. В итоге, фактор был расформирован, а наборы, содержащие туалетный сосудик, частично были распределены среди других факторов, частично размыты по полю таблицы взаимовстречаемости вещей в комплексах.

Отдельно нужно упомянуть о наиболее многочисленных предметах в наборах – пряслице и железном ноже. Они встречаются в комбинациях с различными предметами, при этом нож как универсальное бытовое орудие одинаково присутствует и в мужских, и в женских погребениях. Оба предмета имеют свою «пару» – кусок мела и оселок соответственно, при этом мел-прясло более устойчивая комбинация. В паре с ножом оселок проявляется только в мужских погребениях с предметами вооружения и конской упряжи. И пряслице, и нож часто фигурируют в паре с керамическим сосудом.

Еще одной задачей исследования было установление закономерностей положения разных видов наборов относительно погребенного. Несколько слов о том, как вещи в наборе расположены друг относительно друга. Выделяется несколько разновидностей расположения:

- кучно, компактным скоплением на одном уровне (дно могильной ямы, ступеньки подбоя, крышка гроба). Большинство наборов с небольшими предметами расположены таким образом. Как разновидность этого варианта можно выделить расположение вытянутых предметов длинными сторонами впритык друг другу. Это касается прежде всего ножей и оселков, а также мечей и нагаек.

- вдоль одной из конечностей в линию. Например: могильник Покровка 10, к. 103: обломки зеркал, куски мела, раковина, железный нож, фрагменты бронзовых пронизей – от стопы до колена у правой ноги¹¹, или курган 33 могильника Восточно-Курайлинский I – вдоль левой ноги – керамический сосуд и кости ног овцы¹².

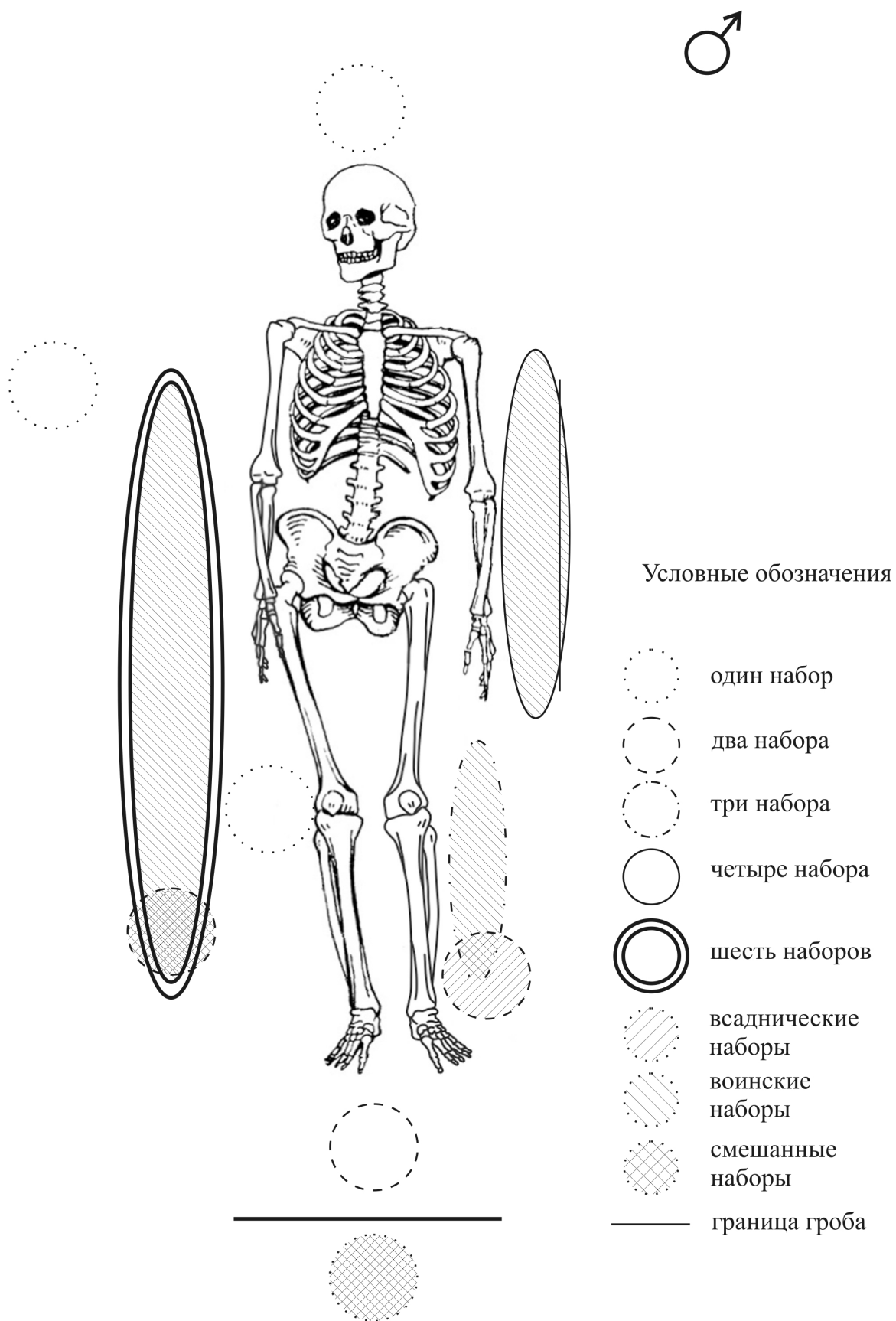

Рис. 3. Расположение наборов в мужских погребениях.

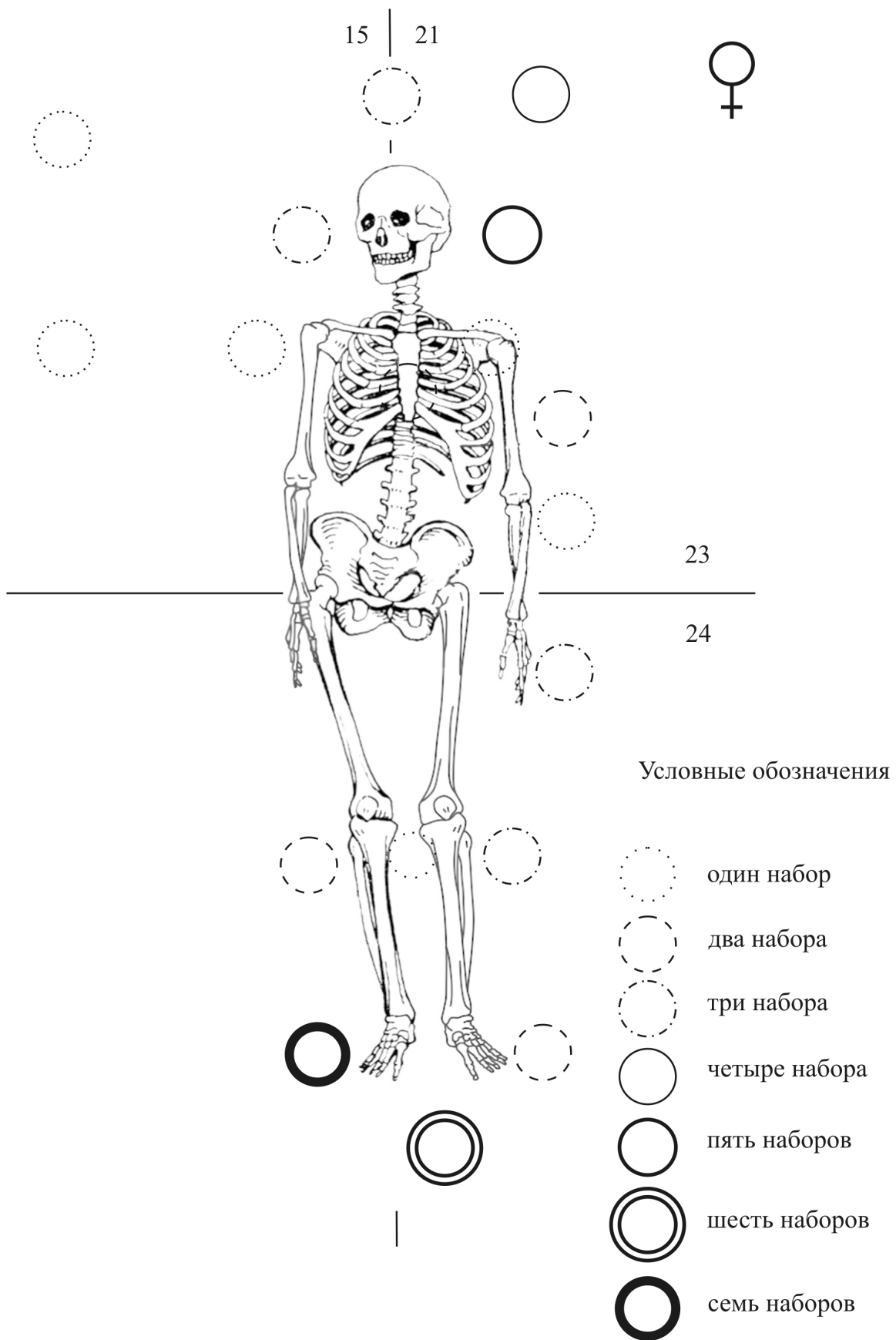

Рис. 4. Расположение наборов в женских погребениях.

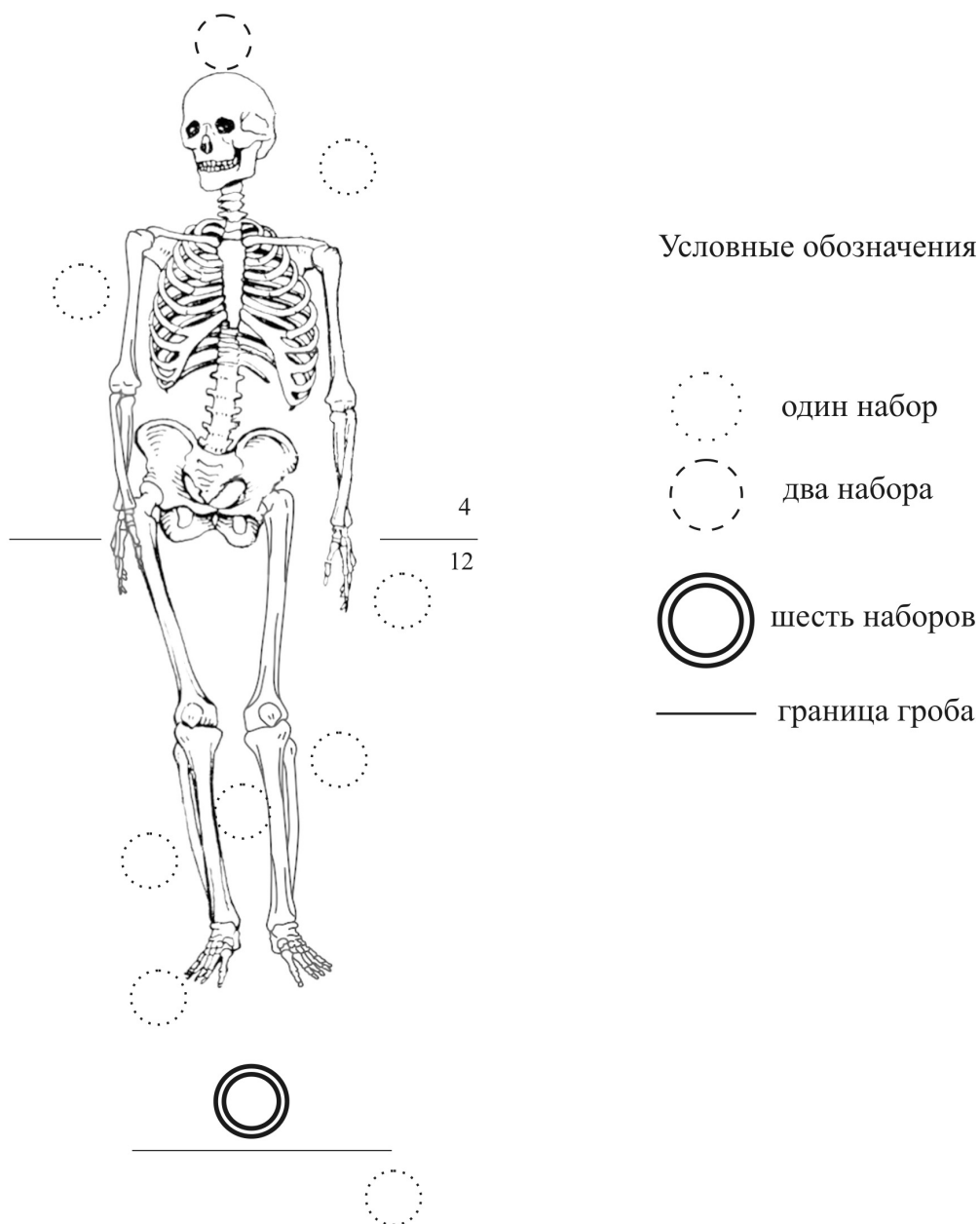

Рис. 5. Расположение наборов с заупокойной пищей.

- один предмет внутри другого. Наиболее часто встречаемый вариант – ложка внутри бронзового котла (Магнитный, к. 3, Лебедевка V, к. 49), и кости животного на дне деревянного сосуда (Лебедевка V, к. 49, Ульгули, к. 1)¹³. В кургане 8 могильника Большекараганский один из наборов, состоящий из бронзовой пуговицы, перстня, двух бусин, хрусталя, находился внутри деревянной чашечки, а рядом с ней – мел, два пряслица, раковина, ножницы и железный предмет¹⁴. В кургане 33 могильника Восточно-Курайлинский I внутри одного из керамических сосудов были найдены железные удила¹⁵.

- предметы лежат компактно – один над другим, перекрывая друг друга. Так, в кургане 57 могильника Целинный 1 у левого колена погребенного лежал кинжал, под ним железный нож с костяной ручкой¹⁶, а в кургане 32 того же могильника справа в изголовье разбитое зеркало в деревянном футляре перекрывало железный нож¹⁷. Еще один пример – набор из погребения кургана 7 могильника Лебедевка VI. Под одним из керамических сосудов, стоящих в ногах, лежали железный нож и каменный оселок¹⁸. Оригинальный случай зафиксирован в кургане 16 могильника Липовка. Под перевернутой глиняной миской,

служившей шкатулкой, находились пряслице, «ножик» с костяным лезвием и деревянной ручкой, железный предмет¹⁹.

Графическое представление о распределении наборов относительно костяка с половым разграничением показано на рис. 3 и 4, а также на рис. 5, где отдельно вынесены наборы с заупокойной пищей. Положение в мужские погребения мечей и кинжалов иллюстрирует способы ношения этих видов оружия при жизни владельцев и характер их использования. Они всегда лежат вдоль тела погребенного справа или слева от него, за пределами костных останков или частично перекрывая конечности. Элементы управления лошадью (удила и узды) в абсолютном большинстве случаев локализуются в нижней части костяка, в районе голени и стоп. Такая же локализация характерна и для наборов с напутственной пищей. Достаточно размытое распределение положений наборов в женских погребениях. На уровне гипотезы можно предполагать, что преимущественное значение предавалось положению в двух позициях: в ногах на уровне стоп и коленей, а также на уровне изголовья, головы и плеча. Во втором случае предпочиталась левая сторона. В зоне ног в большинстве случаев укладывались богатые хозяйственно-косметические наборы, в то время как слева от головы и плеча располагались сочетания вещей преимущественно хозяйственной направленности (сосуды, ножи, прясла). Наборы с украшениями в составе фибул, бронзовых пронизей и зеркал часто укладывались непосредственно на костяке – в районе груди и плеча. Если говорить об украшениях в целом, то обычно располагать украшения отдельно, в особой компактной группе, отсутствует в погребальном обряде изучаемого социума. Наиболее часто украшения (кольца, серьги, бусы, фибулы) находятся там, где их носили при жизни.

Делать выводы о социальной стратификации на основе изучения только погребальных наборов, на наш взгляд неправомерно. Однако непосредственно комплекты вещей дают представление о хозяйственной деятельности их носителя, показывают многоплановость и синкретизм отдельной вещи в комплекте с другими предметами, функционально отличными.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ по гранту № 09-01-85113а/у.

² См.: Мошкова, М. Г. : 1) К вопросу о двух локальных вариантах или культурах на территории Азиатской Сарматии во II–IV вв. н. э. // Проблемы истории и культуры сарматов. М., 1994; 2) Проблемы культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последних веков до н. э. – IV в. н. э. / М. Г. Мошкова, В. Ю. Малашев, С. Б. Болелов // Рос. археология. 2007. № 3.

³ См.: Боталов, С. Г. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей / С. Г. Боталов, С. Ю. Гуцалов. Челябинск, 2000.

⁴ См.: Иванов, В. А. Этнокультурная ситуация на Южном Урале в первой половине I тысячелетия н. э. / В. А. Иванов, И. Э. Любчанский // Уфим. археол. вестн. 2001. Вып. 3. С. 81, 83.

⁵ См.: Боталов, С. Г. Гунны и тюрки. Челябинск, 2009; Боталов, С. Г. Новые материалы по культуре гуннов Западного Казахстана / С. Г. Боталов, А. А. Бисембаев // Вопр. истории и археологии Запад. Казахстана. Вып. 1. Уральск, 2002; Боталов, С. Г. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей; Железчиков, Б. Ф. Отчет. Археологические работы в Уральской области в 1979 г. / Б. Ф. Железчиков, В. А. Кригер; Иванов, В. А. Новые памятники ранних кочевников в Южном Приуралье / В. А. Иванов, А. Ф. Фалалеев, И. М. Ягафарова // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989; Кушаев, Г. А. Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск, 1993; Любчанский, И. Э. Исследование могильника Солёный Дол в Брединском районе Челябинской области в 2007 г. Челябинск, 2008; Малашев, В. Ю. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время / В. Ю. Малашев, Л. Т. Яблонский. М., 2008; Мошкова, М. Г. Отчет об археологических работах в Уральской области в 1978 году / М. Г. Мошкова, Б. Ф. Железчиков, В. А. Кригер; Пшеничнюк, А. Х. : 1) Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983; 2) Сарматский могильник Красный Яр в Оренбургской области // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989; 3) Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии / А. Х. Пшеничнюк, М. Ш. Рязанов // Древности Южного Урала. Уфа, 1976; Сальников, К. В. : 1) Сарматские курганы близ г. Орск //

- Материалы и исслед. по археологии СССР. 1940. № 1; 2) Сарматские погребения в районе Магнитогорска // Крат. сообщ. Ин-та истории матер. культуры. 1950. Вып. XXXIV; Смирнов, К. Ф. : 1) Сарматские погребения Южного Приуралья // Крат. сообщ. Ин-та истории матер. культуры. 1948. № 22; 2) Смирнов К. Ф. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области / К. Ф. Смирнов, С. А. Попов // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972; Таиров, А. Д. Исследования Большекараганского могильника в Брединском районе Челябинской области // Отчет урало-казахстанской археологической экспедиции за 1987 г. Челябинск, 1988; Тулегенова, Н. И. Погребения II–IV вв. н. э. на территории Уральского левобережья (по материалам раскопок 2002–2003 гг.) / Н. И. Тулегенова, С. М. Виноградов // Вопр. истории и археологии Запад. Казахстана. Вып. 2. Уральск, 2003.
- ⁶ См.: Скрипкин, А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 79.
- ⁷ См.: Клейн, Л. С. Археологическая типология. Л., 1991. С. 59.
- ⁸ См.: Боталов, С. Г. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. С. 110. Рис. 34-III-13; Пшеничнюк, А. Х. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии. С. 135. Рис. 3.8.
- ⁹ См.: Скрипкин, А. С. Нижнее Поволжье... С. 40. Рис. 14.73,74.
- ¹⁰ См.: Ахмедов, И. Р. Плетки из могильника у с. Кораблино // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 147; Боталов, С. Г. Новые материалы по культуре гуннов Западного Казахстана / С. Г. Боталов, А. А. Бисембаев // Вопр. истории и археологии Запад. Казахстана. Вып. 1. Уральск, 2002. С. 111.
- ¹¹ См.: Малашев, В. Ю. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. С. 38. Рис. 126.
- ¹² См.: Боталов, С. Г. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. С. 94. Рис. 31.VII.
- ¹³ См.: Боталов, С. Г. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. С. 53; Мошкова, М. Г. Отчет об археологических работах в Уральской области в 1978 году; Тулегенова, Н. И. Погребения II–IV вв. н. э. на территории Уральского левобережья (по материалам раскопок 2002–2003 гг.) // Вопр. истории и археологии Запад. Казахстана. Вып. 2. Уральск, 2003. С. 256.
- ¹⁴ См.: Таиров, А. Д. Исследования Большекараганского могильника в Брединском районе Челябинской области // Отчет урало-казахстанской археологической экспедиции за 1987 г. Челябинск, 1988. С. 15.
- ¹⁵ См.: Боталов, С. Г. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. С. 94.
- ¹⁶ Там же. С. 114.
- ¹⁷ Там же. С. 106.
- ¹⁸ См.: Мошкова, М. Г. Отчет об археологических работах в Уральской области в 1978 году.
- ¹⁹ См.: Смирнов, К. Ф. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972. С. 16.

ОБ ОДНОМ ТИПЕ СЕРЕГ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА

В работе выделен тип серег в виде кольца с цилиндрическим блоком, характерный для погребений кочевников южноуральских степей, начиная со второй половины V по IV–III вв. до н. э. Рассмотрено 29 украшений данного типа, выделено 4 варианта цилиндрического блока. Прослежено сложение и развитие типа, определены его хронологические рамки и территория распространения, привлечены аналогии с соседних территорий.

Ключевые слова: ювелирные украшения, серьги, тип, вариант, кольцо-основа, цилиндрический блок, технология изготовления.

Во многом благодаря материалам, полученным в результате археологических раскопок на Южном Урале в последние десятилетия, среди ювелирных украшений эпохи ранних кочевников, которые известны в литературе как серьги или височные подвески, стало возможным выделение типа в виде кольца с цилиндрическим блоком. В настоящее время мне известно 29 экземпляров украшений данного типа (см. табл.). Основываясь на материалах раскопок, можно утверждать, что только 10 из них составляли пары и были найдены на месте их ношения при жизни – слева и справа от черепов погребенных (Филипповка К7, Филипповка К16П2, Лебедевка VI К25П1, Лебедевка VI К34П1, Кичигино К3П4). В трех из этих погребений антропологические определения показали, что скелеты являлись женскими (Филипповка К16П2¹, Лебедевка VI К25П1, Лебедевка VI К34П1²). В двух случаях серьги были найдены по одной у черепа (Филипповка К7; Филипповка К28). В остальных случаях мы ничего не можем сказать о способе их ношения, так как они были положены в могилу либо в качестве жертвенного комплекса, либо находились в потревоженном состоянии. Из золота было изготовлено 20 экземпляров, из серебра – 5, из бронзы и золота – 4. Наиболее массово данный тип представлен среди материалов I Филипповского могильника. К нему относятся 18 из 20 найденных экземпляров (табл., № 12–29)³. Они образуют компактную группу, существующую в одном временном промежутке: в пределах второй половины V – IV вв. до н. э.⁴

Серьги данного типа состоят из двух частей: кольца и цилиндрического блока, сделанных отдельно, а затем соединенных друг с другом. Кольцо является несущей частью

изделия и имеет несомкнутые или заходящие друг за друга концы, либо представляет собой спираль в полтора – не полных два оборота. Диаметры колец варьируют в пределах 1,7–3,8 см, они изготовлены из проволок⁵, диаметром сечения 0,1–0,4 см. Цилиндрические блоки по своей конструкции разделяются на четыре варианта: 1) блок спаян из проволок (рис. 1); 2) блок представляет собой спиральное проволочное колечко (рис. 2); 3) блок согнут из неорнаментированной полоски металла (рис. 3,1); 4) блок согнут из полоски металла с имитацией проволок (рис. 3,2–6). Диаметры блоков 0,4–2,5 см, ширина 0,3–1,5 см. Часто (в 20 случаях), место соединения блока с кольцом-основой украшено зернью.

К серьгам с первым вариантом цилиндрического блока относятся 12 из 29 рассматриваемых экземпляров (41,4 %) (рис. 1). Декоративные блоки различаются между собой по компоновке составляющих их элементов: гладких одинарных и двойных перевитых между собой проволок.

Наиболее сложной по художественному замыслу и техническому исполнению является серьга из кургана I Филипповского могильника (рис. 1,2). Ее кольцо-основа представляет собой спираль в полтора оборота из гладкой проволоки. Блок спаян из проволок, чередующихся в следующем порядке: одинарная, «косичка» из уложенных во встречном направлении двух двойных скрученных между собой проволок, одинарная, снова «косичка» из уложенных во встречном направлении двух двойных скрученных проволок, одинарная.

Блок серьги из Новокумакского могильника (разрушенный курган на восточной окраине г. Орска), происходящей из ком-

плекса, датированного авторами публикации Т. В. Савельевой и К. Ф. Смирновым V–IV вв. до н. э. (рис. 1,1)⁶ практически повторяет вышеописанную схему. Он отличается от блока филипповской серьги тем, что в одном из его рядов две двойные скрученные проволоки уложены в едином направлении, из-за чего эффекта «косички» не получилось.

Серьга из погребения 2 кургана 15 Филипповского могильника (рис. 1,3) также состоит из кольца-основы в полтора оборота из гладкой проволоки и декоративного блока, отличающегося от вышеописанного более простым решением: между двумя крайними одинарными проволоками уложены две двойные скрученные между собой проволоки, уложенные в одном направлении. Место спайки проволок цилиндрического блока в поперечном сечении находится не под кольцом-основанием, а несколько смещено в сторону.

У пары сережек из погребения 2 кургана 16 Филипповского могильника (рис. 1,4–5) кольцо основа имеет заходящие друг за друга концы, а декоративный блок сделан по предыдущей схеме. Серьги составляют пару, однако заметно отличаются друг от друга, прежде всего по качеству исполнения декоративных блоков, имеющих разный диаметр. У одной серьги проволоки блока круглые в поперечном сечении, две двойные скрученные проволоки образуют аккуратную «косичку» (рис. 1,4). Для изготовления блока другой серьги использована четырехгранная в сечении проволока (рис. 1,5). Наблюдается избыток припоя, из-за чего невозможно разобрать по какой причине не удался эффект «косички»: либо двойные скрученные проволоки уложены в одном направлении, либо вместо пары двойных скрученных проволок положено две одинарных, перекрученных вокруг своей оси (торсированных). Создается впечатление, что эту серьгу делал другой мастер в подражание имеющемуся образцу.

По вышеописанной схеме сделана серьга из центрального погребения кургана 12 могильника Переволочан. По мнению автора раскопок, полученный им материал укладывается в раннепрохоровский комплекс вещей IV в. до н. э.⁷

Одна из сережек, найденных в погребении 2 кургана 29 Филипповского могильника (рис. 1,6) имеет кольцо-основу в виде спирали, приближающейся к полутора оборотам и декоративный блок из одной пары скручен-

ных между собой проволок, уложенных между одинарными.

Две серьги из погребения 2 кургана 29 Филипповского могильника (рис. 1,7–8) хотя и найдены в погребении в разных местах, видимо, составляли пару. Их кольцо-основа приближается к спирали в полтора оборота, но в отличие от других экземпляров, сделано из профилированной проволоки с регулярным рельефом в виде ромбовидных углублений. Блок спаян из проволок: между крайними одинарными уложены три двойных скрученных между собой. Таким же образом оформлена поверхность кольца-основы серьги из кургана 19 могильника Бойтыгем-II на Алтае второй половины VII – начала VI в. до н. э.⁸ Но декоративная часть серьги сделана в виде конуса. Место припоя декоративного блока с кольцом-основанием, так же как и у филипповских экземпляров, украшено зернью.

Одна из сережек из погребения 5 кургана 29 Филипповского могильника (рис. 1,9) повторяет схему серьги из погребения 2 кургана 29 того же могильника (рис. 1,6). Только ее декоративный цилиндрический блок меньше диаметром.

Другая серьга из погребения 5 кургана 29 Филипповского могильника (рис. 1,10) состоит из кольца-основы с заходящими концами и цилиндрического блока, состоящего из проволок, уложенных по схеме: одинарная, двойная из скрученных между собой проволок, одинарная, двойная из скрученных между собой проволок, одинарная.

Одна из серег, найденных в паре в погребении 1 кургана 2 Филипповского могильника (рис. 1,11) состоит из кольца-основы с несомкнутыми концами из гладкой проволоки и блока, спаянного из трех гладких одинарных проволок. Концы проволок цилиндрического блока не запаяны, получившийся таким образом разрыв хорошо заметен, так как находится в стороне от места припайки блока к кольцу-основанию. Парная серьга имеет цилиндрический блок второго варианта и описана ниже.

У всех известных в настоящее время сережек с первым вариантом цилиндрического блока место припоя блока к кольцу-основанию украшено зернью. Из 12 рассмотренных экземпляров 11 сделано из золота. Все они происходят из Филипповского могильника. Кольцо-основа Новокумакской серьги изготовлено из обернутой золотым листом брон-

зовой основы, проволоки цилиндрического блока – золотые. Серьги с первым вариантом цилиндрического блока происходят из комплексов второй половины V – IV вв. до н. э.

К серьгам со вторым вариантом цилиндрического блока относятся 11 экземпляров (37,9 %) (рис. 2), семь из которых происходят из Филипповского могильника. Блок представляет собой проволочную многовитковую спираль. У большинства экземпляров (Филипповка, Булдухта) спираль выполнена в 3–4 оборота. У пяти экземпляров из Филипповки и двух экземпляров из Булдухты место припоя спирали к кольцу-основанию украшено зернью. Кичигинские серьги несколько отличаются от остальных вариантов. Спираль сделана из четырехгранной в сечении проволоки, местами перекрученной вокруг своей оси, имеет наибольшее число оборотов (6,5–7,5) и крепится к кольцу-основанию только концами. Три экземпляра (Филипповка К7, Кичигино КЗП4) сделаны из серебра, остальные – золотые. Большинство экземпляров сережек со вторым вариантом цилиндрического блока так же происходят из комплексов второй половины V – IV вв. до н. э.⁹ (точная датировка сережек из Булдухты мне не известна, возможно, они происходят из более раннего комплекса).

Наиболее близкой аналогией серьгам со вторым вариантом цилиндрического блока является золотое изделие из кургана 27 могильника Таткескень VI на Алтае второй половины VI – первой половины V в. до н. э. в виде кольца из гладкой проволоки в полтора оборота, к которому припаяно маленькое колечко в три оборота (рис. 4, 11)¹⁰.

К серьгам с третьим вариантом цилиндрического блока относится один экземпляр из погребения кургана 29 Филипповского могильника (3,5 %) (рис. 3,1). Кольцо-основа имеет заходящие друг за друга концы, сделано из уплощенной с внутренней стороны проволоки, чем отличается от всех остальных экземпляров, у которых сечение проволоки кольца-основы круглое. Цилиндрический блок представляет собой кольцо, согнутое из полоски металла, концы которой не запаяны. Место соединения кольца-основы с цилиндрическим блоком украшено зернью. Данное украшение отличает достаточно грубая работа мастера, выраженная, к примеру, низким качеством исполнения зерни. Наиболее близкие аналогии данному типу известны

среди ювелирных украшений скифского времени на Алтае, особенно в памятниках Средней Катунь: курганы 14 и 27 могильника Таткескень VI (рис. 4,8–11), курган 1 могильника Бике III¹¹ (рис. 4,12–13). Похожая золотая серьга происходит из кургана 1 могильника Арагол середины VI – середины V в. до н. э. из Горного Алтая¹² (рис. 4,14). Серьги с припаянным перпендикулярным колечком и подвешенными к ним цепочками известны в погребениях VI – начала-первой половины V в. до н. э. с территории Алтая, Тувы, Средней Азии и Южного Урала¹³. Однако у рассматриваемого типа блок, видимо, выполнял самостоятельную декоративную функцию.

К серьгам с четвертым вариантом цилиндрического блока относятся 5 экземпляров (17,2 %). Цилиндрические блоки у сережек из погребения 1 кургана 25 (рис. 3,2,3) и погребения 1 кургана 34 (рис. 3,4,5) Лебедевки VI сделаны из пластины, которые по описанию в публикациях имеют рифленую поверхность¹⁴. Необходимо заметить, что термин «рифленый» несет в себе технологическую нагрузку. Поскольку анализ технологии изготовления пластин не производился, мы можем лишь утверждать, что они имеют рельефную поверхность, имитирующую уложенные в ряд проволоки. Блок сережек из погребения 1 кургана 34 Лебедевки VI не припаян к кольцу-основанию, а просто надет на него и свободно перемещается. Авторами публикаций единственное погребение 1 кургана 34 отнесено к IV в. до н. э.¹⁵, погребение 1 кургана 25 к IV–III вв. до н. э.¹⁵, хотя автор раскопок Б. Ф. Железчиков датировал его IV в. до н. э.¹⁶

Серьга из погребения 1 кургана 4 Прохоровского могильника (рис. 3,6) представляет собой спиральное кольцо, продетое в трубочку, свернутую из полоски листового золота. К этой трубочке был припаян цилиндрический блок из полоски золотого листа, по поверхности которого способом ручного теснения нанесены продольные и косые линии, имитирующие чередование гладких и перевитых проволочек по описанной выше схеме. Такая конструкция обеспечивала блоку подвижность. Серьга датируется концом IV–III вв. до н. э.¹⁷

Таким образом, время появления сережек в виде кольца с цилиндрическим блоком определяется второй половиной V–IV вв. до н. э., на рассматриваемой территории в более ранний период они не известны. Однако

Серьги в виде кольца с цилиндрическим блоком из погребений раннесарматского времени с территории степной зоны Южного Урала

№ п/п	Комплексы	Источники	Номер рисунка в данной статье
1	Булдурта	Сдыков, М. Н. Сокровища скифов Западного Казахстана / М. Н. Сдыков, С. Ю. Гуцалов, А. А. Бисембаев. Уральск, 2003. Цветная вклейка.	Рис. 2,11
2	Булдурта	Сдыков, М. Н. Указ. соч. Цветная вклейка.	Рис. 2,12
3	Кичигино КЗП4	Таиров, А. Д. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) / А. Д. Таиров, С. Г. Боталов, М. Л. Плешанов // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008. С. 141. Рис. 2, 1.	Рис. 2,9
4	Кичигино КЗП4	Таиров А. Д. Указ. соч. С. 141. Рис. 2, 2.	Рис. 2,10
5	Лебедевка VI К25П1	Железчиков, Б. Ф. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н. э.) / Б. Ф. Железчиков, В. М. Клепиков, И. В. Сергацков. М., 2006. С. 104. Рис. 53,11.	Рис. 3, 2
6	Лебедевка VI К25П1	Железчиков, Б. Ф. Указ. соч. С. 104. Рис. 53,11.	Рис. 3,3
	Лебедевка VI К34П1	Железчиков, Б. Ф. Указ. соч. С. 108. Рис. 57,7.	Рис. 3,4
8	Лебедевка VI К34П1	Железчиков, Б. Ф. Указ. соч. С. 108. Рис. 57,7.	Рис. 3,5
9	Новый Кумак (Разрушенный курган на восточной окраине г. Орска)	Савельева, Т. В. Ближневосточные древности на Южном Урале / Т. В. Савельева, К. Ф. Смирнов // Вопр. древ. истории. 1972. № 3. С. 107. Рис. 1, б.	Рис. 1,1 (рисунок автора)
10	Переволочан К12	Сиротин, С. В. Исследования на курганном могильнике Переволочан в Зауральской Башкирии в 2007 г. (предварительное сообщение) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008. С. 138. Изображение было продемонстрировано автором раскопок С. В. Сиротиным во время презентации доклада на международной научной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» 21–25 апреля 2008 года в г. Оренбурге	Рисунок отсутствует
11	Прохоровка К4П1	Лылова, Е. В. Золотые серьги из IV Прохоровского кургана // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VI. Оренбург, 2004. С. 73. Рис. 2, 4.	Рис. 3,6 (рисунок автора)
12	Филипповка I К1	Золотые олени Евразии. СПб., 2001. С. 76. Кат. 16.	Рис. 1,2
13	Филипповка I К2П1	Яблонский, Л. Т. Отчет о раскопках курганов 2 и 29 могильника Филипповка 1 на территории Илекского района Оренбургской обл. РФ в 2008 году. М., 2009. Рис. 38,1.	Рис. 2,1
14	Филипповка I К2П1	Яблонский, Л. Т. Отчет о раскопках курганов 2 и 29... Рис. 38,2.	Рис. 2,2
15	Филипповка I К4П5	Сокровища сарматских вождей. Каталог выставки в Оренбургском областном краеведческом музее. Оренбург, 2008. Кат. 34; Яблонский, Л. Т. Отчет о раскопках кургана 4 могильника Филипповка 1 на территории Илекского района Оренбургской обл. РФ в 2006 году. М., 2008. Рис. 449,2.	Рис. 2,3

16	Филипповка I К7	Пшеничнюк, А. Х. Отчет о раскопках Филипповских курганов в Илекском районе Оренбургской области в 1987 году. Уфа, 1988. Рис. 86,1.	Рис.2,4
17	Филипповка I К7	Пшеничнюк, А. Х. Указ. соч. Рис. 86,2.	Рис.2,5
18	Филипповка I К7	Пшеничнюк, А. Х. Указ. соч. Рис. 97.	Рис.2,6
19	Филипповка I К15П2	Сокровища сарматских вождей. Каталог выставки в Оренбургском областном краеведческом музее. Оренбург, 2008. Кат. 80; Яблонский, Л. Т. Отчет о раскопках кургана 4 могильника Филипповка 1 на территории Илекского района Оренбургской обл. РФ в 2006 году. М., 2008. Рис. 71,1.	Рис.1,3
20	Филипповка I К16П2	Сокровища сарматских вождей. Каталог выставки в Оренбургском областном краеведческом музее. Оренбург, 2008. Кат. 102; Яблонский, Л. Т. Отчет о раскопках кургана 4 могильника Филипповка 1 на территории Илекского района Оренбургской обл. РФ в 2006 году. М., 2008. Рис. 209,53.	Рис.1,4
21	Филипповка I К16П2	Сокровища сарматских вождей. Каталог выставки в Оренбургском областном краеведческом музее. Оренбург, 2008. Кат. 102; Яблонский Л.Т. Отчет о раскопках кургана 4 могильника Филипповка 1 на территории Илекского района Оренбургской обл. РФ в 2006 году. Москва, 2008. Рис. 209, 55	Рис.1,5
22	Филипповка I К28П1	Сокровища сарматских вождей. Каталог выставки в Оренбургском областном краеведческом музее. Оренбург, 2008. Кат. 118; Яблонский, Л. Т. Отчет о раскопках кургана 4 могильника Филипповка 1 на территории Илекского района Оренбургской обл. РФ в 2006 году. М., 2008. Рис. 313,4.	Рис.2,7
23	Филипповка I К29П2	Яблонский, Л. Т. Отчет о раскопках курганов 2 и 29 могильника Филипповка 1 на территории Илекского района Оренбургской обл. РФ в 2008 году. М., 2009. Рис. 98,1.	Рис.3,1
24	Филипповка I К29П2	Яблонский, Л. Т. Отчет о раскопках курганов 2 и 29... Рис. 98,3,5.	Рис.1, 7
25	Филипповка I К29П2	Яблонский, Л. Т. Отчет о раскопках курганов 2 и 29... Рис. 99,2.	Рис.1,8
26	Филипповка I К29П2	Яблонский, Л. Т. Отчет о раскопках курганов 2 и 29... Рис. 98,6.	Рис.1,6
27	Филипповка I К29П5	Яблонский, Л. Т. Отчет о раскопках курганов 2 и 29... Рис. 135.	Рис.1, 9
28	Филипповка I К29П5	Яблонский, Л. Т. Отчет о раскопках курганов 2 и 29... Рис. 135.	Рис.1,10
29	Филипповка I К29П5	Яблонский, Л. Т. Отчет о раскопках курганов 2 и 29... Рис. 135.	Рис.2,8

в кургане 23 могильника Кырык-Оба II найдены серьги или височные подвески, основу которых составляет кольцо с несомкнутыми концами, к каждому из которых припаяно

по четыре двойных скрученных проволоки (рис. 4,1,2). К ним на цепочке из семи звеньев была подвешена шаровидная бусина, сплошь покрытая зернью. Звенья цепочки представ-

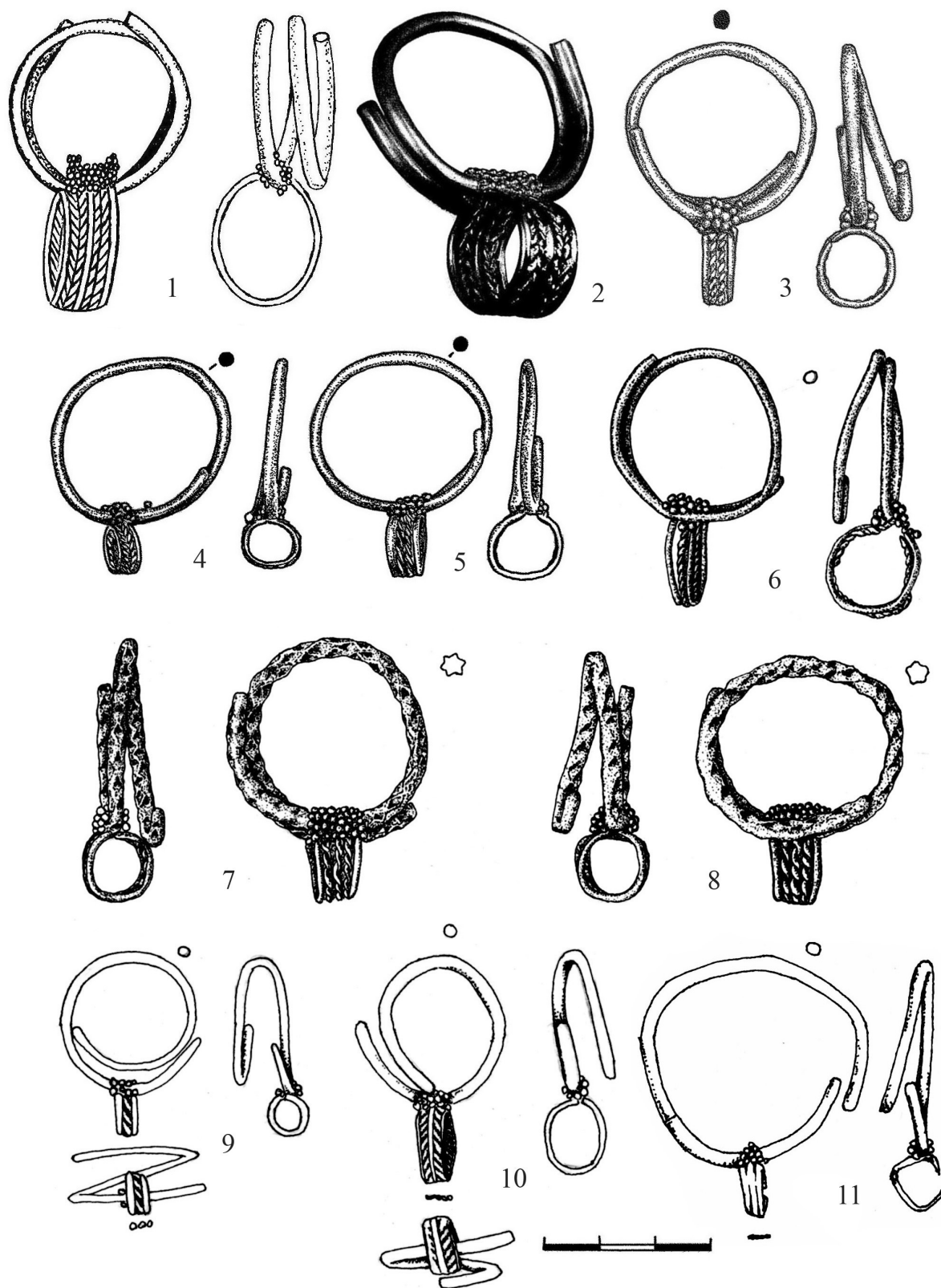

Рис. 1. Серьги в виде кольца с цилиндрическим блоком первого варианта с территории Южного Урала. 1 - Новый Кумак (разрушенный курган на восточной окраине г.Орска); 2 - Филипповка К1; 3 - Филипповка К15П2; 4,5 - Филипповка К16П2; 6-8 - Филипповка К29П2; 9-10 - Филипповка К29П5; 11 - Филипповка К2П1 (1 - бронза, золото, 2-11 - золото).

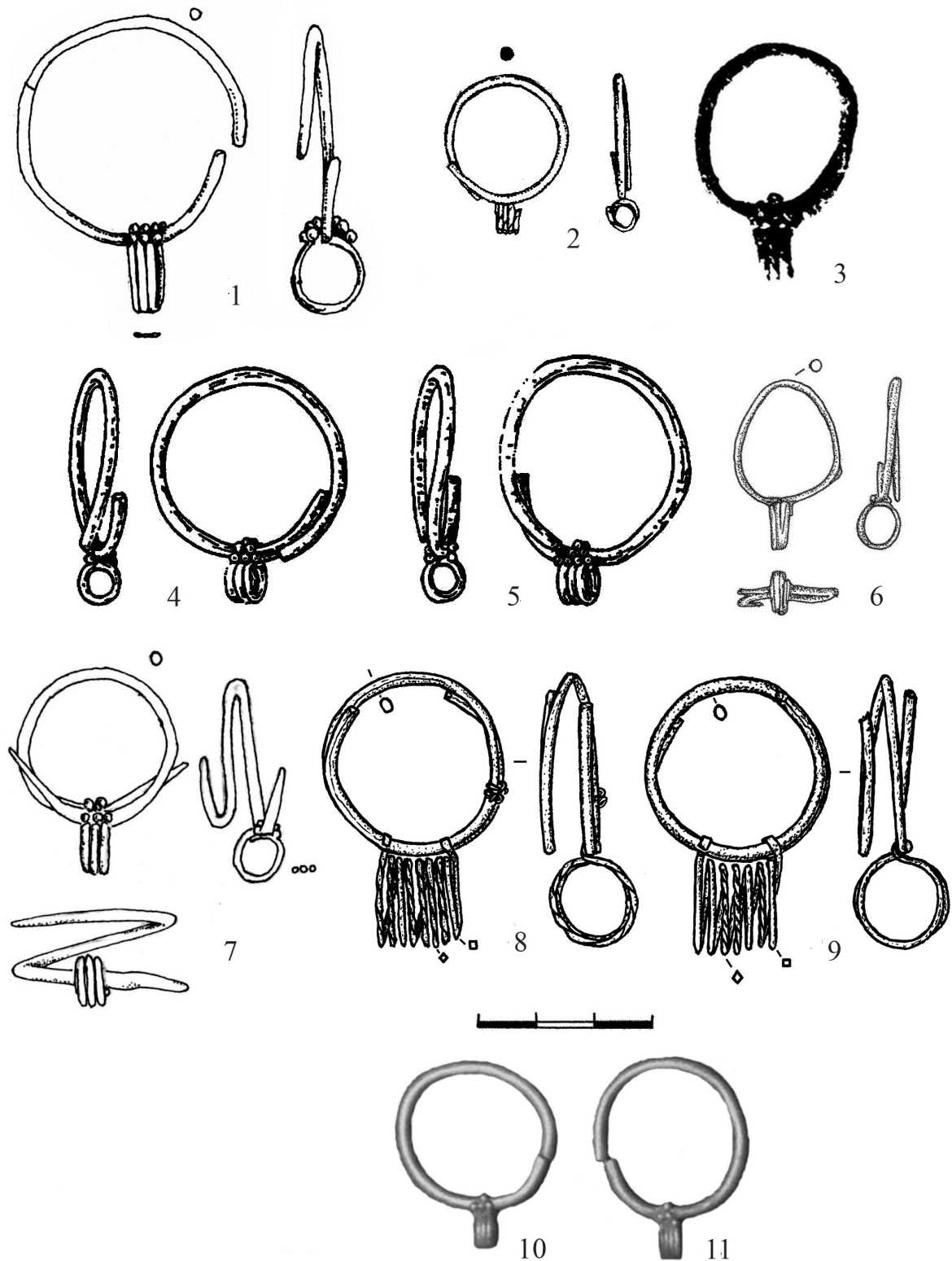

Рис. 2. Серьги в виде кольца с цилиндрическим блоком второго варианта с территории Южного Урала. 1 - Филипповка К2П1; 2 - Филипповка К4П5; 3-5 - Филипповка К7; 6 - Филипповка К28; 7 - Филипповка К29П5, 8-9 - Кичигино К3П4; 10-11 - Булдурта (1, 2, 6, 7, 10, 11 - золото, 3-5, 8, 9 - серебро)

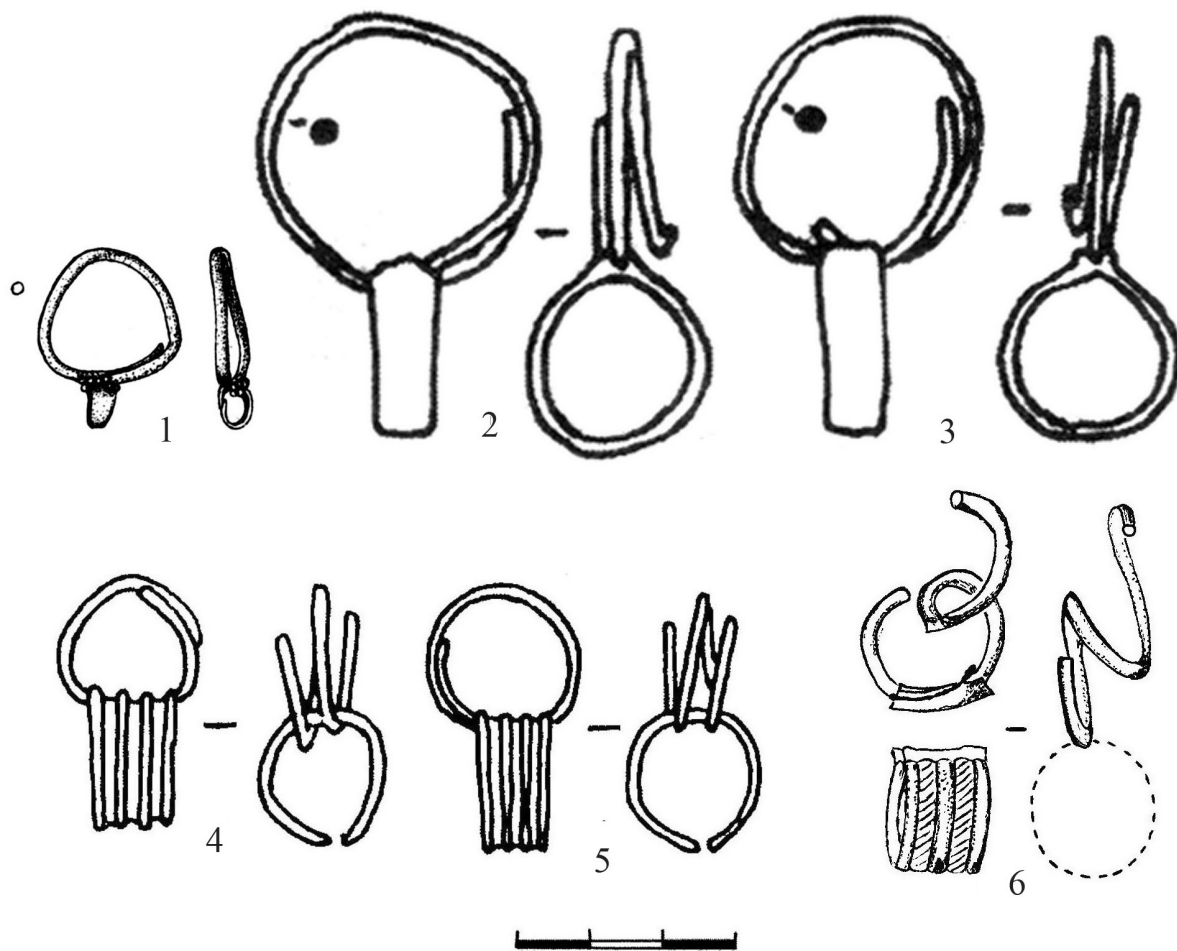

Рис.3. Серьги в виде кольца с цилиндрическим блоком третьего и четвертого вариантов с территории Южного Урала. 1 - Филипповка К29П2; 2-3 - Лебедевка VI К25П1; 4-5 - Лебедевка VI К34П1; 6 - Прохоровка К4П1 (1 - золото, 2, 3 - серебро, 4-6 - бронза, золото)

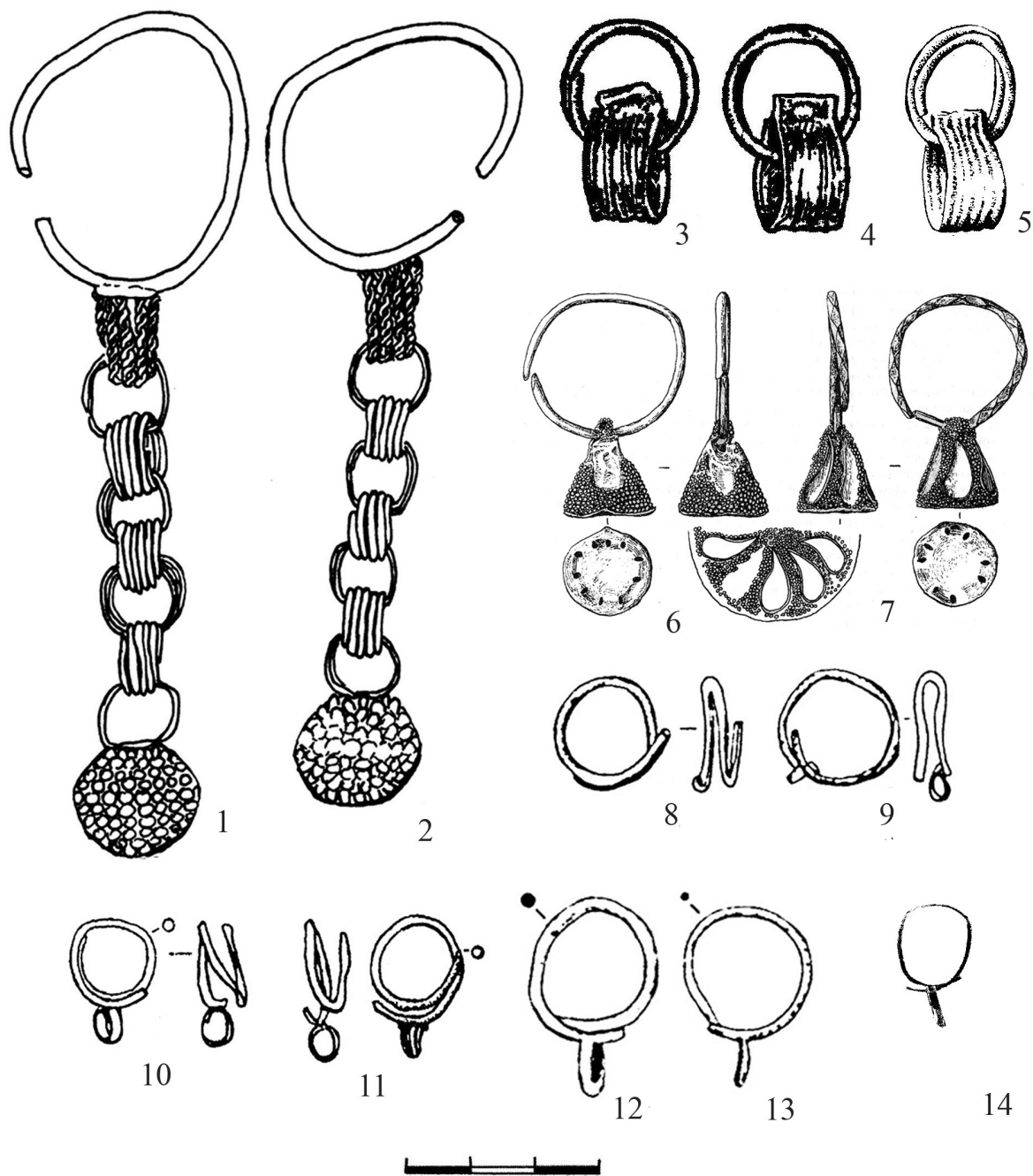

Рис. 4. Аналогии серьгам в виде колец с цилиндрическим блоком:
 1-2 - Кырык-Оба II К23; 3-4 - Охлебинино П126; 5 - Биктимировский
 могильник; 6-7 - Бойтыгем II К19; 8-9 - Таткескень VI К14; 10-11 -
 Таткескень VI К27; 12-13 - Бике III К1; 14 - Арагол К1 (вне масштаба)
 (1-2, 6-14 - золото, 3-5 - бронза, золото).

ляют собой пятивитковые кольца из гладких одинарных проволок, продетые друг в друга. Бусина и последнее звено соединены при помощи пайки. Серьги происходят из комплекса конца VI–V вв. до н. э.¹⁸ Данные серьги без цепочки с подвеской очень близки по своей конструкции к серьгам в виде кольца с цилиндрическим блоком первого варианта. Таким образом, серьги из кургана 23 Кырык-Обы II вполне могли служить прототипом для рассматриваемого в данной статье типа украшений.

Рассмотренные экземпляры изготавливались мастерами разного уровня квалификации. Учитывая различное качество исполнения рассмотренных предметов, вряд ли можно говорить о едином центре их производства. Серьги с блоком первого, второго и третьего варианта имеют схожую технологию изготовления и существуют в одном временном промежутке – вторая половина V–IV вв. до н. э. Серьги с первым вариантом цилиндрического блока в указанный период получили широкое распространение в кочевнических погребениях Южного Урала, однако на соседних территориях они не представлены. Обращает на себя внимание тот факт, что серьги этого времени, составляющие пару, могут отличаться между собой (Филипповка К2П1, Филипповка К16П2). Подобные наблюдения были сделаны А. А. Тишкиным при изучении пары сережек из кургана 19 могильника Бойтыгем II на Алтае¹⁹, которые обнаруживают определенное сходство в конструктивных деталях и технологии изготовления с рассматриваемым типом украшений, о чем уже было сказано выше.

Серьги с блоком первого и второго вариантов в погребениях, датирующихся позже IV в. до н. э. до настоящего времени не обнаружены. В более позднее время цилиндрические блоки из гладких одинарных и двойных скрученных между собой проволок или выполненные в виде многовитковой спирали стали заменяться блоками из пластины с имитацией проволоки (IV вариант блока) (рис. 3,2–6). Такие серьги на Южном Урале характерны для погребений IV–III вв. до н. э. Таким образом, со временем одни и те же изобразительные задачи стали решаться более простыми по технике способами. Данное наблюдение сделано и для других категорий ювелирных украшений из кочевнических погребений Южного Приуралья начиная с IV в. до н. э.²⁰

Подобные явления можно объяснить либо утратой технологий, либо разрывом связей с

центрами, изготавливающими украшения с применением зерни и пайки из нескольких деталей. Версия об утрате технологий, на мой взгляд, является более предпочтительной, поскольку данный тип украшений продолжает существовать в IV–III вв. до н. э. в упрощенном виде. Позже серьги с цилиндрическим блоком в кочевнических погребениях степной зоны Южного Урала уже не встречаются. Рассматриваемый тип украшений имеет параллели среди древностей скифской эпохи Алтая, что может быть объяснено культурными контактами населения этих двух регионов, как прямыми, так и опосредованными.

На протяжении III–II вв. до н. э. серьги рассматриваемого типа с блоком IV варианта продолжают существовать среди кара-абыско-гафурийских древностей (рис. 4,3–5)²¹, после чего заканчивают линию своего развития. Появление рассматриваемого типа украшений в ареале кара-абысской культуры объясняется участием в ее сложении носителей раннепрохоровского комплекса инвентаря²² и являются темой самостоятельного исследования.

Примечания

¹ Яблонский, Л. Т. Коллекция из Филипповского могильника (раскопки 2004–2007 гг.) // Сокровища сарматских вождей. Каталог выставки в Оренбургском областном краеведческом музее. Оренбург, 2008. С. 45, 64. Рис. 346.

² Ефимова, С. Г. «Савроматы» и ранние сарматы по антропологическим материалам из Лебедевского курганного комплекса // Железчиков, Б. Ф. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н. э.) / Б. Ф. Железчиков, В. М. Клепиков, И. В. Сергацков. М., 2006. С. 138. Табл. 1.

³ Благодарю Л. Т. Яблонского и А. Х. Пшеничнюка за возможность использовать неопубликованные материалы.

⁴ Пшеничнюк, А. Х. Филипповские курганы в центре скифского мира: открытие и исследования // Золотые олени Евразии. СПб., 2001. С. 37; Яблонский, Л. Т. Указ. соч. С. 50.

⁵ Поскольку анализ технологии изготовления рассматриваемых изделий не проводился, в данной статье под проволокой понимается тонкий металлический стерженек.

⁶ Савельева, Т. В. Ближневосточные древности на Южном Урале / Т. В. Савельева, К. Ф. Смирнов // Вопр. древ. истории. 1972. № 3. С. 107. Рис. 1, б.

- ⁷ Сиротин, С. В. Исследования на курганном могильнике Переволочан в Зауральской Башкирии в 2007 г. (предварительное сообщение) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008. С. 139.
- ⁸ Тишкин, А. А. Украшения раннескифского времени из горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 187.
- ⁹ Яблонский, Л. Т. Указ. соч. С. 50; Таиров, А. Д. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) / А. Д. Таиров, С. Г. Боталов, М. Л. Плешанов // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008. С. 143; Сдыков, М. Н. Сокровища скифов Западного Казахстана / М. Н. Сдыков, С. Ю. Гуцалов, А. А. Бисембаев. Уральск, 2003. С. 63.
- ¹⁰ Кирюшин, Ю. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III. **Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни** / Ю. Ф. Кирюшин, Н. Ф. Степанова. Барнаул, 2004. С. 96, 266. Рис. 85,3.
- ¹¹ Кирюшин, Ю. Ф. Указ. соч. С. 96, 223. Рис. 42,2,5,7,8.
- ¹² Руденко, С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л., 1953. Табл. XXVII, рис. 3; Кубарев, В. Д. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула) / В. Д. Кубарев, П. И. Шульга. Барнаул, 2007. С. 25.
- ¹³ Кубарев, В. Д. Указ. соч. С. 28.
- ¹⁴ См.: Железчиков, Б. Ф. Погребения IV в. до н. э. из Южного Приуралья и вопрос о времени появления дромосных могил // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992. С. 87; Железчиков, Б. Ф. Указ. соч. С. 27.
- ¹⁵ Железчиков, Б. Ф. Указ. соч. С. 138. Табл. 1.
- ¹⁶ Железчиков, Б. Ф. Указ. соч. С. 92.
- ¹⁷ Лылова, Е. В. Золотые серьги из IV Прохоровского кургана // Археол. памятники Оренбуржья. Вып. VI. Оренбург, 2004. С. 71.
- ¹⁸ Гуцалов, С. Ю. Восточные импорты в погребениях кочевников Западного Казахстана середины I тыс. до н. э. // Вопр. древ. истории. 2009. № 2 (в печати).
- ¹⁹ Тишкин, А. А. Указ. соч. С. 190.
- ²⁰ Лылова, Е. В. Ювелирные украшения из раннекочевнических погребений Южного Приуралья VI–IV вв. до н. э. // Археол. памятники Оренбуржья. Вып. V. Оренбург, 2001. С. 135.
- ²¹ Пшеничнюк, А. Х. : 1) Биктимировский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа, 1964. С. 226; 2) Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебнинского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 43.
- ²² См.: Савельев, Н. С. Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тыс. до н. э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008. С. 116–136.

З. И. Минибаева

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА БАШКИР ЮЖНОГО УРАЛА И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ¹

Данная статья посвящена исследованию народной медицины башкир Южного Урала и тюркских народов Сибири. Сравнительные материалы показывают сохранение древнетюркской основы в традиционном врачевании и давних исторических этнокультурных контактов у народов Урало-Алтайского региона.

Ключевые слова: этнография, народная медицина, традиционное лечение, представления о болезнях, средства и методы лечения, лечебные заговоры, лечебные обряды, магический прием лечения, окуривание, знахарь.

Целью статьи является выявление общих черт в народных знаниях в области медицины у башкир Южного Урала и тюркских народов Сибири: в народной лечебной терминологии, в применении тех или иных средств и способов лечения болезней. Сравнительное изучение данной проблемы способствует определению исконно тюркских черт в традиционных знаниях и выявлению некоторых этнокультурных связей.

Традиционное лечение в повседневной жизни и в быту тюркских народов называлось *им-том*. Знахари назывались *эмчи*, *эмчи-томчи*, *имче*, *имсе*, *им-томсы*, эти названия относятся к общетюркско-монгольской лексике². Под *эмчи* у алтайцев понимался лекарь. Среди них существовала узкая специализация: массажисты, лечащие словесными благопожеланиями (*алкыш*), а также горловым пением (*кай*) и травами. Некоторые *эмчи* применяли в лечебной практике заговоренную воду и отливание воском³. У теленгитов *эмчи-томчи* – врачеватели, которые использовали при лечении целебные травы, наложение рук и заговоры, в их деятельности не практиковалось общение с духами⁴. *Имче* у сибирских татар – знахарь, лекарь. *Имсе*, *им-томсы* у башкир – знахарь широкого профиля. Термин *имляв* у сибирских татар означает лечение болезней с помощью заговоров⁵. У башкир *имльJ* (диал. кург. башк.: *имдльJ*) – способ лечения болезней, чаще всего, с помощью какого-либо предмета. Например, ячмень в глазу лечили ячменным зерном, слегка укалывая им воспаленное место на веке глаза, одновременно заговаривая болезнь: «– *Ни имдльйёг?* – *Арпа имдльйем.*» («– Что лечишь? – Ячмень лечу»)⁶. У тюркских народов были распространены и другие наименования знахарей: *бокчы*, *ба-*

гымчы (сиб. тат.), *баксы*, *баһымсы* (башк.); а также предсказателей: *ырымчы* (теленг.), *ырымсы* (башк.), *жарынчы* (теленг.), *журынсы* (башк.)⁷.

В названиях болезней у тюркских народов также наблюдается сходство. Болезнь имеет общетюркское название *аврыв*, древнетюркское – *чирь*, например: *оврыв*, *чир* (сиб. тат.), *ауырыу*, *сир* (башк.). Сохранились народные названия болезней: радикулит – *биленке* (сиб. тат.), *биртек* (башк.); малярия – *пискэк* (сиб. тат.), *биҮгьк* (башк.); гнойное заболевание уха – *татыран* (сиб. тат.), *татран* (башк.); лишай – *тимряв* (сиб. тат.), *тимрьJ* (башк.); бородавка – *сеоль* (алт.), *уһыйьл* (курган. башк.), *сJьл* (перм. башк.); фурункул – *чикан* (алт.), *сикан* (курган. башк.), *чипан* (перм. башк.); панариций, нарыв под ногтем – *йылан корак* (сиб. тат.), *длан каразы* (алт.), *йылан карак* (курган. башк.), *елан кJзе* (перм. башк.)⁸.

В качестве сравнительного материала рассмотрим народные представления тюркоязычных народов Урало-Алтайского региона, связанные с древнетюркским словом *qut* (*кут*), (башк.: *кот*). По представлениям башкир, одной из довольно частых причин заболеваний человека является отсутствие в нем жизненной силы – *кот*. *ҫот* покидает человека, в основном, при сильном испуге, а на его место вселяется болезнетворный дух – *зьхмьт* (*захмат*). При этом человек выглядит вялым, бледным, а также теряет аппетит и чувствует упадок сил. По внешнему виду о нем говорят «*нуры юк*», т. е. человек «не сияет». У курганских башкир наиболее распространенным способом изгнания злого духа из тела человека и возвращения *кот* в свое «жилище» является магический прием лечения «*уапылдату*» (диал.: *уһпелдьтеJ*, *уһптльJ*,

льптыл, каһыу), т. е. похлопывание, поглаживание ладонями грудной части больного в сопровождении лечебных заговоров (ўамак). Лечение заключается в следующем: Знахарка (баһымсы) сажает больного на табуретку, а сама стоит справа от него и похлопывает ладонями по спине и груди больного под ритм заговора. Затем, переходя за спину больного, она похлопывает его по бокам на уровне грудины и подмышками. Далее, продолжая заговаривать, кладет одну ладонь на другую и похлопывает по голове и плечам по три раза. В конце лечебного обряда поглаживает лоб, спину больного и дует в затылок. В своих заговорах баһымсы Муршида Хакимова (1929 г. р., Курган. обл.) упрашивала *кот*, чтобы он вернулся в свое «жилище», такими словами (дословный перевод):

Ғьлп, ўьлп, ўьлп.
 ғайўан килдеҒ, иунан сык!
 Мында ўинеҒ макамеҒ⁹ тҒгел,
 Ци макамеҒль кайт
 Мында ўинеҒ макамеҒ тҒгел,
 Ци макамеҒль кайт.
 Ай ўа кайтты Ји макамень,
 ғояш та кайтты Ји макамень
 Ғин дль кайт!
 Йьш агас башына
 ғунһан котом,
 Кил ,котом, кил!
 Эй, Раббым!
 Ошбу колоҒа сихьтен бир!
 Сыккан кото кире керуен,
 Зьхмьттьре осоп китуен!

Другим традиционным лечебным обрядом, связанным с возвращением к человеку его жизненной силы *кот*, называется «*кот койоу*» (отливание *кот*). Обряд совершается таким образом. Знахарка сажает больного на табуретку и накрывает его голову платком. Затем набирает воду в посуду и, держа ее над головой больного, вливает в нее расплавленное олово (свинец или воск), при этом одно-

- Ни кояўыҒ?
 - ғот коям.
 - Ни кояўыҒ?
 - ғот коям.
 - Ни кояўыҒ?
 - ғот коям.
 - Ни кояўыҒ?
 - ғот коям.
 - Ни кояўыҒ?
 - Йьрльк эўўьйем.
 Сльблп миньн булўын,
 Сихьт Алланан булўын.
 Кьф, кьф, кьф.

временно произносит заговор (*ўамак*) в форме вопроса и ответа. Данный заговор записан нами у баһымсы Махикамал Галимжановой (1894 г. р., Курган. обл.) в 1997 г.:

По словам знахарей, при сильном испуге олово рассыпается мелкими кусочками в разные стороны, а по отлитым в воде фигурам определяется причина испуга. Обычно отливают 1, 3, 7 раз или же до тех пор, пока не появится отливка в форме сердечка, которая называется «*кот*» или «*йьрльк*» (сердце). Обшивают его тряпкой и пришивают к одежде больного в области сердца, чтобы он носил его до успокоения сердца. Воду, оставшуюся после отливания, знахарка дает отпить больному, затем выливает ее через свое плечо у порога дома¹². В результате возвращения *кот* человек заново может приобрести силу, здо-

Хап, хап, хап.
 Откуда пришел, отсюда выйди!
 Здесь не твое место,
 В свое место вернись!
 Здесь не твое место,
 В свое место вернись!
 И луна вернулась в свое место,
 И солнце вернулось в свое место,
 И ты возвращайся!
 На макушке молодого дерева
 Сидящий *кот* мой,
 Вернись, *кот* мой, вернись!
 О, Господи!
 Своему рабу дай исцеление!
 Покинувший *кот* пусть вселится,
 А захматы пусть улетают!¹⁰

ровье и свой жизненный потенциал.

Магический прием отливания *кут* применяется в лечебной практике у многих тюркских народов Сибири. Например, аналогичным способом лечения хакасы снимали испуг детей при помощи воска¹³.

Тюркоязычные народы Сибири также понимали *кут* как жизненную силу. Они испрашивали его у племенных и родовых божеств

- Что отливаешь?
 - ғот отливаю.
 - Что отливаешь?
 - ғот отливаю.
 - Что отливаешь?
 - ғот отливаю.
 - Что отливаешь?
 - ғот отливаю.
 - Сердце ишу (шёпотом говорит)
 Причиной лишь являюсь я,
 Исцеление от Аллаўа пусть будет¹¹.
 Куф, куф, куф.

или духов-покровителей. «Поедание» *кут* или его «похищение злыми духами» приводило к болезни или смерти человека¹⁴. В представлениях сибирских татар *кут*, как и душа, находится в человеке и при определенных условиях может «вылететь» из тела человека, затем возвратиться назад. Татарами часто употребляется выражение «*котом оцты*» (кут мой улетел). У алтайцев *кут* – жизненная сила, присутствие духа плодородия. У хакасов *кут* – душа живого человека, если она покидает его, человек начинает болеть, а если не возвращается вовсе – человек умирает. У тувинцев *кут* – душа, животворная сила, а у якутов – одна из душ¹⁵. У телеутов *кут* имела свойство души и обладала способностью покидать тело как произвольно, так и непроизвольно (например, во время испуга говорили: «*кут чыкты*» – «кут вышел») и возвращаться туда же как самостоятельно, так и с помощью шамана. Потеря *кут* всегда влекла несчастье: либо болезнь, если потеря была временной, либо смерть, если она оказывалась невозвратимой даже с помощью шамана. Наличие *кут* служило своего рода индикатором жизни. Особенность *кут*, вышедшего из тела обыкновенного человека (не шамана), заключалась в его полной незащищенности от различных злых духов¹⁶.

По исследованиям Л. П. Потапова, древнетюркское слово *qut* (*кут*) часто встречается в письменных древних и средневековых источниках, в том числе и рунических¹⁷.

Как у башкир, так и у алтайцев распространено представление о вихре как злом духе, причиняющим к людям болезни. По поверьям курганских башкир, считается, что во время сильного вихря (*койон*) болезнетворный дух *зъхмьт* [захмат] переселяет себе невесту (*зъхмьт килен кӀсерь*). Болезни, возникшие от «удара» вихря, обозначаются словами *ел ѱуккан* (ветер ударился) или *зъхмьт ѱуккан* (захмат ударился). Особенно опасно оказаться внутри вихревого столба, т. к. человек может заболеть умопомешательством. Чтобы отогнать вихрь от себя, нужно плюнуть в его сторону трижды ругательными словами:

ТфӀ, лъӀин!
БӀӀӀ, урынӀГды тан!
ТфӀ, лъӀин!
ТфӀ, лъӀин!
ТфӀ, лъӀин!

У алтайцев и телеутов было распространено представление о вихре как злом духе,

если он крутился против часовой стрелки. Качинцы и сагайцы принимали вихрь за злого духа, уносящего похищенную им человеческую душу (*кут*)¹⁹. По представлениям тувинцев, дух болезни *аза* иногда в виде вихря входил в юрту через дымник, в таких случаях тувинцы трижды в него плевали. Теленгиты ограждали себя от вихря *ээля тьянек* разными способами: плевали (3 или 7 раз), бросали в его сторону камни, материли, а также произносили слова заклинания. В качестве оберега от вихря использовали плетку с красной рукояткой, сделанной из таволги, которая отгоняет всех нечистых духов²⁰.

Значительный интерес представляет сравнительное изучение средств и способов лечения болезней у тюркоязычных народов Южного Урала и Сибири. По материалам В. И. Вербицкого, алтайцы, при змеевикнарыве, подобно большому закожному чирью, красном и жестком (*дӀлан каразы*), привязывали размоченную змеиную кожу, которую часто находили весной в камнях или сдирали с живой змеи. Обычно в этом случае наступали ногой на голову змеи и, отделив ногтем кожу вокруг шеи, в одно мгновение сдирали ее, как чулок²¹. Тарские татары на такой чирей (*елан карак*) накладывали также сброшенную змеей шкуру. Иногда шкуру сушили в печке, затем толкли в маленькой металлической ступе и этим порошком присыпали чирей²².

В народной медицине башкир нарыв под ногтем называется *Ӏылан каразы* (*Ӏылан* – башк.: «змея», *карак* – тюркско-монг.: *харах* – «видеть», «змеиный взгляд») ²³. Курганские башкиры очерчивали такой *Ӏылан карак* нагретым точилом для ножа (*каӀрак менӀн имльӀ*), затем, слегка прижимая больное место точилом, выдавливали гной и прикладывали к пальцу размяченную на пару сброшенную змеей шкуру. В некоторых случаях окуривали больной палец дымом белены (*тиле бӀръӀн менӀн ыцтау*)²⁴.

Алтайцы прикладывали к фурункулам (*чӀкан*) живую лягушку и держали ее до тех пор, пока она не умрет²⁵. Гайнинские башкиры Пермского края при лечении фу-

Тьфу, проклятый!
 Иди, свое место найди!
 Тьфу, проклятый!
 Тьфу, проклятый!
 Тьфу, проклятый!¹⁸

рункула (*чипан*) специально умерщвляли лягушку, снимали с нее шкуру и приклады-

вали ее к больному месту²⁶. По описанию В. И. Вербицкого, алтайцы лечили боли в ушах следующим образом: намазав бумагу салом, свертывали ее в воронкообразную трубку и вставляли в ухо узким концом, а верхнюю часть поджигали снаружи²⁷. Аналогичный способ лечения ушных заболеваний у башкир называется «*колакка шьм ултыртыу*» (вставление свечи в ухо). Этот метод широко применяется и в настоящее время. Нами зафиксировано на видеоленте лечение больных восковыми воронками (или свечами) *имсе* Вилии Шарафутдиновой и ее дочери Нуриды, проживающих в д. Сард-Абдряшево Сафакулевского района Курганской области. Они продемонстрировали нам весь процесс изготовления и применения ушных свечей в лечебной практике. По их словам, для изготовления ушных свечей больше всего подходят натуральный шелк или лощенная бумага, но можно использовать любую ткань, желательно тонкую. Сначала растапливали воск в чугунной сковородке на медленном огне,

- Ни кыскыраўыГ?
- Татран кыскырам.
- Ни кыскыраўыГ?
- Татран кыскырам.
- Ни кыскыраўыГ?
- Татран кыскырам.

затем разрывали белую простыню на полоски размером примерно 30х5 см. С помощью

*Татран тигьн татты кош,
Мъгъитъре утты кош,
Елендъре ўъттъ кош –
Тат-татран.
К!К! К!К! К!К!*

пинцета каждую полоску обмакивали в жидкий горячий воск и заворачивали на веретено по спирали. Когда остывшую ткань снимали с веретена, она имела воронкообразную форму. Воронку вставляли в ухо больной женщины при лечении глухоты. Больную укладывали на бок, накрывали голову платком со специальным разрезом для уха. Вставляли воронку в ухо узким концом, затем поджигали сверху наружную часть воронки, после этого было видно, что дым тянется вниз, внутрь в ухо. «Дым лечит ухо», – говорила Вилия. По ее словам, два разных уровня пламени у свеч показывали, что у больной одна сторона носа слабо функционировала. В своей практике Вилия использует ушные свечи для лечения

многих болезней и каждый раз добавляет в воск разные масла, самодельные или купленные в аптеке. Например, для улучшения памяти помогают масло гвоздики или чайного дерева; при головной боли – масло лимона или жасмина; при болезнях горла – масло шалфея или пихты; при гайморите – масло жасмина или гвоздики. По словам Вилии, они с дочкой раньше изготавливали ушные свечи сотнями, даже тысячами и продавали их на рынке²⁸.

По материалам Ф. Т. Валеева, причину заболевания уха сибирские татары объясняли проникновением внутрь уха злого духа – носителя ушных болезней *татыран*. Магическим приемом изгнания его из уха служило неоднократное повторение слова *татыран*²⁹. По представлениям курганских башкир, *татран* является живым существом, вселяющимся в ухо человека в образе птицы и способствующим появлению гнойного заболевания уха. Народный способ его изгнания называется «*татран кыскырыу*» или «*татран бакырыу*» («заговаривать татран»):

- Что кричишь?
- Татран кричу.
- Что кричишь?
- Татран кричу.
- Что кричишь?
- Татран кричу.

Для выселения *татрана* использовали также добрые, похвальные слова:

Татран – сладкая птица,
С рогами огненными птица,
С выменем молочным птица –
Тат-татран.
Выходи! Выходи! Выходи!³⁰

У сибирских татар при систематических головных болях знахарь при помощи тонкой веревки или ниток обмерял голову больного, затем «выравнивал» отдельные участки головного мозга. Действия знахаря при этом сопровождались причитаниями³¹. Хакасские женщины также умели лечить сотрясение мозга, они измеряли голову ниткой и делали массаж, «вправляя» смещенную часть мозга в нужное место³². Башкирская знахарка при жалобах пациента на постоянные головные боли, в первую очередь определяет, не смещен ли у него мозг (*мейе тъшьнъ*). Для этого она измеряет окружность головы веревкой из лыка по височной области (над ушами) и завязывает ее узлом на затылке. На верев-

ке отмечает 4 метки, ориентируясь на нос, ушные отверстия и затылок, затем осторожно снимает веревку, подхватывая ее с точек над ушами. При этом, если лобная часть веревки оказывается длиннее затылочной, считается, что мозг смещен вперед, или же наоборот. Если обе части веревки равны, то это является показателем отсутствия смещения мозга, и, причину головной боли нужно искать в другом. После измерения головы знахарка разрывает использованную веревку на мелкие кусочки и выбрасывает. При смещении мозга башкирскими знахарями применяются разные приемы «вправления мозга» (*мейль каһыу*). Например, нам приходилось наблюдать, как *баһымсы* Махикамал Галимжанова (1894 г. р., Курган. обл.) «вправляла мозг» у больного при смещении мозга вперед. Она сажала больного на табуретку, а сама становилась за его спиной. Голову больного обрачивала полотенцем вдоль линии веревочки и закручивала на затылке. Затем левой рукой придерживая полотенце, в одно и то же время кулаком правой руки делала резкие удары о левую, одновременно произнося слова: «*УрыныҠа ултыр!*» (Сядь на место!).

Некоторые знахари обходились без полотенца, они ударяли голову больного заты-

*Билем-билем биртенгън,
Биртек жыйып йъръйъм.*

*Билем-билем биртенгън,
Биртек жыйып йъръйъм.*

*Билем-билем биртенгън,
Биртек жыйып йъръйъм.*

лочной частью о свою грудь трижды, чередуя легким массажем лобной части. Сохранился и такой прием: знахарка прикладывала правую ладонь ко лбу больного, а левой – стучала кулаком о правую, сопровождая лечение чтением мусульманских молитв из Корана (1 и 112 суры). По словам информатора Рахилы Гилемьяновой (1956 г. р., Курган. обл.), ее метод «вправления мозга» считается наиболее эффективным. Она укладывает больного спиной на пол. Одной рукой берет голову с затылка, другой – со лба и слегка ударяет голову, охваченную руками знахарки, о пол трижды. По ее словам, если при ударе слышен звенящий звук, то это является показателем смещения мозга. Звук должен исчезнуть в случае правильной «посадки» мозга на свое место. После завершения процедуры больной должен полежать на ровном месте около получа-

са. Народ помнит *баһымсы* Рахиму (Курган. обл.), которая «вправляла мозг», надевая на голову больного сито для просеивания муки. К сожалению, никто из информаторов нам не смог подробнее описать этот старинный метод³³.

Резкие боли в области поясницы тобольские татары называли *билэнке*. Сохранился старинный метод ее лечения, который заключается в том, что больной брал в руки железный ковшик и бил им по дверям семи домов. Если больной заставлял хозяев за едой, то он ел вместе с ними, но только из своего ковшика. Обычно после такой процедуры больной выздоравливал³⁴. У башкир подобная болезнь называется *биртек* или *бил биртенеҠ* (радикулит). Традиционным способом ее лечения является *биртек йыйыу* (кург. башк.: *биртек жыйыу*), т. е. сбор пищи для лечения больного. У курганских башкир какая-нибудь бабка собирает пищу из семи дворов в течение семи дней. Бабка ходит по дворам с закрытой посудой или мешочком. Подойдя к дверям спиной, не переступает через порог, просунув только руку, просит пищу, одновременно произнося заговор. Существует несколько вариантов заговорных формул, наиболее распространенным из них является:

Поясница, поясница заболела,
Пищу собираю я.

Поясница, поясница заболела,
Пищу собираю я.

Поясница, поясница заболела,
Пищу собираю я.

Употребляется и другой вариант заговора, где больной мужчина представляется «сыном хана», а женщина – «дочкой хана»:

По сообщениям информаторов, больной, после того, как съест собранную пищу, выздоравливает³⁵.

Согласно материалам, собранным татарским исследователем Л. М. Кадыровой, в прошлом у сибирских татар была распространена болезнь под названием *цоце*. Болезнь приводила к тому, что у больного полностью разлагался нос, т. е. мелкие жучки (*курт*) разъедали плоть³⁶. У татар, проживающих в Республике Башкортостан, подобная болезнь называлась *тъче*, *тъче ашый* (тёчѐ поедает)³⁷, а у башкир – *съсь*, *кара съсь* (черный сѐсѐ). В ходе полевых исследований среди башкир обнаружено немало примеров, когда *съсь* поедал губы, нос, часть лица

Хандыҫ улы биртенгльн,
 Биртек жыйып йьртыйьм.
 Хандыҫ улы биртенгльн,
 Биртек жыйып йьртыйьм.
 - Ни жыйауыҫ?
 - Биртек жыйам.
 - Ни жыйауыҫ?
 - Биртек жыйам.
 Хандыҫ улы биртенгльн.
 - Ни жыйауыҫ?
 - Биртек жыйам.
 Хандыҫ улы биртенгльн.
 Или же:
 - Ни жыйауыҫ?
 - Биртек жыйам.
 Хандыҫ кыҫы биртенгльн.
 - Ни жыйауыҫ?
 - Биртек жыйам.
 Хандыҫ кыҫы биртенгльн.

или ноги. Мусульманские муллы излечивали *сьсь* чтением молитв из Корана. Одним из таких врачевателей был святой (*ьЛиль*) Тажи, проживающий в д. Большое Султаново Сафакулевского района Курганской области. И татары, и башкиры утверждали, что современное название этой болезни – рак. Считают, что к *сьсь* нельзя прикасаться ножом, иначе он будет распространяться по всему телу, т. к. имеет много корней³⁸.

При лечении бородавок тюркские народы прибегали к магическим свойствам луны. Например, алтайцы избавлялись от бородавок (*сеоль*), показывая ее молодому месяцу³⁹. Курганские башкиры также показывали бородавку (*йьйль*) молодому месяцу, произнося при этом слова:

Ай, кайҫа йьнеҫ зьзьйеҫ?
 Мень минеҫ зьзьйем.
 Ай, кайҫа йьнеҫ зьзьйеҫ?
 Мень минеҫ зьзьйем.

Или же просили луну, чтобы она забрала болезнь:

Ғинеҫ тьськльйеҫ бармы?
 Мень минеҫ тьськльйем бар.
 Бйҫль, йиҫль бирльйем,
 Бйҫль, йин ал!

Алтайские народы при лечении некоторых глазных болезней использовали перламутровые подвески из украшений. Например, тувинцы соскребали верхний слой с поверхности перламутровой подвески *тана* и лечили им некоторые болезни глаз (*каракка чува тужер*)⁴¹. Алтайцы также пускали в

Сын хана заболел,
 Пищу собираю я.
 Сын хана заболел,
 Пищу собираю я.
 - Что собираешь?
 - Пищу собираю.
 - Что собираешь?
 - Пищу собираю.
 Сын хана заболел.
 - Что собираешь?
 - Пищу собираю.
 Сын хана заболел.
 Или же:
 - Что собираешь?
 - Пищу собираю.
 Дочь хана заболела.
 - Что собираешь?
 - Пищу собираю.
 Дочь хана заболела.

глаза порошок, полученный из перламутра с красным отливом (*тынду тана*)⁴². У башкир подобный метод лечения применялся при появлении бельма на глазу. Для лечения использовали белый перламутровый сердолик (*акык*). Обычно соскоблив немного порошка с пуговиц и перстней, сыпали его в больной глаз. При отсутствии сердолика использовали порошок комкового сахара⁴³.

Тюркские народы приписывали лечебные свойства некоторым предметам обихода. Например, якуты при появлении нарывов в полости рта у ребенка клали ему в рот еще теплые удила коня, прибывшего с дальней дороги⁴⁴. У башкир было принято закусывать удила и скакать вокруг жилища, покрикивая «ихохо», подобно лошади⁴⁵. Как у башкир,

Луна, где твоя игрушка?
 Вот моя игрушка.
 Луна, где твоя игрушка?
 Вот моя игрушка.

так и у алтайцев магическими свойствами наделялись детские обереги: раковины

У тебя есть игрушка?
 Вот у меня есть игрушка.
 Давай, я тебе отдам,
 Давай, ты заведи!⁴⁰

каури, медвежьи когти, ножи, разноцветные нитки, бусы и др. Из растительных средств в народной медицине тюркских народов издавна практикуется лечение и окуливание с помощью *можжевельника*. Самое раннее упоминание о применении можжевельника (*артыш*) в народной медицине башкир

имеется в трудах ученых-путешественников XVIII в. И. Г. Георги и И. И. Лепехина. По их сообщениям, башкиры широко применяли можжевельник в качестве отпугивающего и отгоняющего средства всех злых духов и предохраняющего от всяких волшебных наговоров, притом можжевельник брали на горе каким-нибудь обетом⁴⁶. П. С. Паллас отмечал, что башкиры употребляли можжевельник для окуривания больных детей и в качестве оберега жилища от чародеев⁴⁷. По материалам В. З. Гумарова, башкиры давали пить отвар ягод можжевельника детям при ночном недержании мочи (или при задержке мочи)⁴⁸. В ходе полевых исследований среди башкир Кугарчинского района Республики Башкортостан (1999 г.) информаторы сообщали нам о том, что если человек корчится и сжимается при судорогах (башк.: *корошкәк*, алт.: *курулгак*), то его можно вылечить только с помощью можжевельника. Для этого больной должен принять ванну из веток можжевельника в теплой бане. Его трижды сажают в ванну по 10–15 минут с небольшими перерывами между ними в предбаннике, где ему дают пить теплое молоко. По рассказам очевидцев, в д. Сатлык у девочки-пятиклассницы неожиданно ноги закрутились назад и перестали двигаться. По диагностике знахарей, у нее был *корошкәк*. Девочку на руках понесли в баню и лечили можжевельниковой ванной таким же способом, после чего она вернулась домой на своих ногах⁴⁹.

Алтайцы также глубоко почитали и ценили можжевельник (*артыш*, или *арчын*). Они верили, что он обладает особой чистотой и священностью. Весьма интересны запреты и предписания, касающиеся этого растения. Прежде всего, не каждый мог при желании набрать веточек можжевельника, человек должен был быть чистым перед хозяином тайги, т. е. среди членов его семьи и родственников не должно было быть покойников в течение года, и женщины должны были быть чистыми. Вначале повязывали на кустарник ленточки, затем просили у духа хозяина тайги разрешения и только после этой церемонии набирали можжевельник. В местах, где рос кустарник, нельзя было кричать, браниться, ибо, осквернив это место, человек мог понести тяжелое наказание. Чаще всего оно насылалось в виде болезни или даже смерти⁵⁰. Алтайцы верили в сверхъестественные свойства можжевельника, дымом его отпугивали злых духов от

жилища, скота и людей⁵¹. Теленгитские женщины после родов очищали одежду роженицы дымом можжевельника (*арчын*), а послед закапывали вместе с веточками можжевельника⁵².

Артыш в переводе с монгольского языка означает «лекарство против страха» или магическое растение, защищающее от злых людей. В основном трактате памятника средневековой тибетской культуры «Чжуд-ши» написано, что «*артыш* – изгоняющий злых духов». По исследованиям В. Ф. Васильева, в Тибете *артыш* считается священным растением, и место, где он растет, также считается святым. Эти места являются идеальными для медитации и созерцания, т. к. в этих местах монахи впадали в состояние транса и просветления. В буддийских монастырях *артыш* применялся для окуривания помещений во время медитации и различных обрядов. Каждый монах имел его у себя в ашраме. Тибетские ламы-врачеватели применяли *артыш* в своей медицинской практике для восстановления психоэмоционального состояния, снятия слеза, лечения неврозов. Окуривали детей от ночного страха, водя веточкой три круга против часовой стрелки. При этом использовали специальную бронзовую курильницу. При хронической бессоннице давали курить сигареты из сухого истолченного *артыша*, или же принимать внутрь отвар из веток по 100 грамм перед сном. Окуривали больных также при гриппе, эпилепсии, энурезе и т. д.⁵³

Следует отметить, что великий врачеватель Востока и Запада Абу Али Ибн Сина (Авиценна) (980–1037 гг.) подробно описывал свойства можжевельника и рекомендовал его применять для лечения. Он писал так: «От глухоты хорошо помогает закапывание в уши жидкости, которая получается после кипячения ягод можжевельника с кунжутным маслом до тех пор, пока ягоды не чернеют»; «Если опухоли и боли в суставах становятся хроническими, то <...> берут сухих ягод можжевельника четверть части и, залив ягоды водой, варят на медленном огне, пока вода не почернеет. Потом берут примерно 340 г отцеженной воды и выливают туда примерно 100 г кунжутного масла. Больной должен выпить эту смесь с соком незрелого винограда»; «При грыжах <...> для повязок можно применять ягоды можжевельника, шишки и листья кипариса»; «При лечении любых затвердений селезенки <...> дают уксус, в котором хорошо

проварили ягоды можжевельника и кипарисовые шишки». Авиценна также рекомендовал лечение можжевельником при язвах на деснах, расстройстве желудка, твердых опухолях печени и т. д.⁵⁴

В народной медицине тюркских народов широко применялась вода и глина святых источников. По материалам Л. В. Чанчибаевой, значительный интерес представляет почитание алтайцами святых источников – *аржанов*. Алтайцы почитали не собственно источник, а его хозяина, так как лечебное действие источника приписывается духу-хозяину *аржана*. Лучшим временем для посещения *аржана* считалась весна и осень⁵⁵. На ветки деревьев у источника повязывали ленты, в *аржан* бросали монеты. Пребывание на *аржане* ограничивалось различными запретами: около него нельзя было копать землю, ломать кустарники, выражать недовольство водой. Если в семье кто-нибудь умирал, то члены этой семьи считались нечистыми, и им не разрешалось посещать *аржан* в течение года. Нарушение этих запретов навлекало на человека болезнь. Считалось, что от степени виновности человека зависели

*Мине ашама, шуны аша,
Мине эчмь, шуны эч.*

как продолжительность недуга, так и сама возможность исцеления⁵⁶. После посещения источника нельзя было рассказывать в течение года о том, что слышали и видели даже во сне, во время лечения на *аржане*. Лечившегося на *аржане* нельзя было спрашивать о состоянии его здоровья⁵⁷. Тувинцы, приехав к источнику, обращались к хозяину *аржана* (или самому *аржану*), сообщали ему о своей болезни и просили от нее избавиться. После молитвы совершали обряд окуривания можжевельником. У источника вешали на ветку кустарника ленточки и варили чай; первым чаем угощали хозяина *аржана*. Из пищи ему подносили сыр, сметану, масло⁵⁸. У теленгитов, по сообщению В. П. Дьяконовой, запрещалось ездить на *аржан* здоровым людям. Поездки совершались только в новолуние и в определенные часы дня. Детей до 15 лет запрещалось возить на источники, в случае болезни лечили их на дому водой из источника. Женщины перед отъездом с *аржана* обмакивали в его воду плитки зеленого чая. Заварка такого чая считалась столь же целебной, как если бы человек искупался в воде источника. Его обыкновенно заваривали, когда кто-то заболел⁵⁹.

Во время полевых исследований по народной медицине среди гайнинских башкир в Бардымском районе Пермского края (1999 г.) нам стало известно, что в 3 км от с. Барды находятся населенные пункты под названием Аржан I и Аржан II, современные названия которых – Красный яр I, Красный яр II. Рядом с деревней Аржан I находится источник красной глины, а рядом с деревней Аржан II – источник белой глины. Оба источника считаются целебными и почитаются местным населением, для лечения используют и воду, и глину. Например, при желудочно-кишечных болезнях разбавляют глину (красную и белую) водой и принимают внутрь. При ноющих болях, согрев глину в устье печи, прикладывают к больному месту, затем использованную глину выбрасывают. Каждый житель деревни старается хоть бы раз в году попить воды из этих источников. По народным обычаям, подойдя к источнику, нельзя умываться ее водой, разрешается только ее пить. Затем нужно отблагодарить хозяина источника, для чего достаточно оторвать нитку с одежды и положить в воду, произнося слова:

Меня не ешь, а вот это ешь,
Меня не пей, а вот это пей.

Безусловно, после подачи милостыни хозяин источника «не трогает» (*тотмый*) человека, и он получает исцеление. По сообщению информаторов, в случае несоблюдения традиций человек может сильно заболеть, даже может умереть. При таких заболеваниях знахари диагностируют больного термином «*каһылһан*», т. е. «ударенный» хозяином источника. Для лечения больного необходимо дать милостыню кому-нибудь, чтобы тот прочитал молитву и посвятил ее хозяину источника⁶⁰.

Сравнительное изучение народных верований, связанных с топонимом *аржан* может дать много интересных фактов для выяснения этнокультурных контактов между различными народами Урала и Сибири. Термин *аржан* приурочен к колоссальной территории Азии: от Средней Азии до Дальнего Востока и от Бурятии до Тибета включительно. В «Словаре народных географических терминов» Э. М. Мурзаева отмечено: *арасан*, *арашан* *аршан* – минеральный, целебный источник, святая вода (тюрк., монг., тунг.-маньчж.); *арашон* – узб.; *аржан* – тув. и алт.; *арасан* – казах.; *аршан* – бур, калм., монг.; *арашан* – кирг. и маньчж.⁶¹

Таким образом, исследование, а также сравнительные материалы свидетельствуют о значительной степени близости и порой однотипности народных знаний в области медицины у башкир Южного Урала и тюркских народов Сибири. Вышеизложенные примеры свидетельствуют о сохранении древнетюркской основы в традиционном врачевании и давних исторических этнокультурных контактах у народов Урало-Алтайского региона.

Примечания

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ. Проект «Зауральские башкиры: история, этнография, антропология» № 07-0-84109 а/у.

² Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М., 2006. С. 451, 526; Кадырова, Л. М. Народно-медицинские знания Сибирских татар Омского Прииртышья (конец XIX–XX вв.) : автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 2004. С. 13.

³ Тюркские народы Сибири. С. 451.

⁴ Там же. С. 526.

⁵ Кадырова, Л. М. Народно-медицинские знания... С. 13.

⁶ Полевые материалы автора, 1997 г.: Сафакулевский район Курганской области.

⁷ Тюркские народы Сибири... С. 525; Кадырова, Л. М. Народно-медицинские знания... С. 14; Кудряшев, П. М. Предрассудки и суеверия башкир // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1989. Т. 1. С. 359.

⁸ Кадырова, Л. М. Народно-медицинские знания... С. 12–14; Вербицкий, В. И. Алтайские инородцы : сб. этногр. ст. и исслед. М., 1893. С. 87; Башкирско-русский словарь / под ред. З. Г. Ураксина. М., 1996.

⁹ Макам (араб) – местожительство, местопребывание, жилище // Башкирско-русский словарь / под ред. З. Г. Ураксина. М., 1996. С. 418.

¹⁰ Полевые материалы автора, 2003 г.: Сафакулевский район Курганской области.

¹¹ Башкирские знахари обычно завершают свое лечение словами: «Причиной лишь являюсь я, исцеление от Аллаха пусть будет». По мусульманским представлениям башкир, на самом деле больного исцеляет Аллах, а врачеватель – проводник воли Его. Это подтверждается хадисом: «Чтобы Аллах принял ваши молитвы, делайте пророков и праведников причиной этого!». (Осман Нури Топбаш. Тасаввуф. М., 2008. С. 393). Полевые исследования показы-

вают, что на народную медицину башкир оказало большое влияние целительство башкирских суфиев.

¹² Полевые материалы автора, 1997 г.: Сафакулевский, Альменевский районы Курганской области.

¹³ Кустова, Ю. Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. Спб., 2000. С. 44.

¹⁴ Алексеев, Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. С. 136–137.

¹⁵ Валеев, Ф. Т. Алтайские этнические элементы у западносибирских тагар // Этнография народов Алтая и Зап. Сибири. Новосибирск, 1978. С. 118–119.

¹⁶ Потапов, Л. П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. С. 40–41.

¹⁷ Там же. С. 33.

¹⁸ Полевые материалы автора, 1997 г.: Сафакулевский район Курганской области.

¹⁹ Потапов, Л. П. Алтайский шаманизм... С. 81.

²⁰ Яданова, К. В. Вихрь таянок в религиозно-мифологических представлениях теленгитов // Изв. Алт. гос. ун-та. Барнаул, 2008. № 4–1 (60). С. 175–176.

²¹ Вербицкий, В. И. Алтайские инородцы... С. 87.

²² Валеев, Ф. Т. Сибирские татары. Казань, 1993. С. 165.

²³ Минибаева, З. И. Традиционная медицина // Курганские башкиры. Уфа, 2002. С. 188; Кадырова, Л. М. Народно-медицинские знания... С. 13.

²⁴ Полевые материалы автора, 1997 г.: Сафакулевский район Курганской области.

²⁵ Вербицкий, В. И. Алтайские инородцы... С. 89.

²⁶ Полевые материалы автора, 1999 г.: Бардымский район Пермского края.

²⁷ Вербицкий, В. И. Алтайские инородцы... С. 89.

²⁸ Полевые материалы автора, 2003 г.: Сафакулевский район Курганской области.

²⁹ Валеев, Ф. Т. Сибирские татары : культура и быт. Казань, 1993. С. 168.

³⁰ Полевые материалы автора, 1997 г.: Сафакулевский, Альменевский районы Курганской области.

³¹ Валеев, Ф. Т. Сибирские татары... С. 168.

³² Кустова, Ю. Г. Ребенок и детство... С. 44–45.

³³ Минибаева, З. И. Традиционная медицина... С. 161–162.

- ³⁴ Валеев, Ф. Т. Сибирские татары... С. 167.
- ³⁵ Минибаева, З. И. Традиционная медицина... С. 182–183.
- ³⁶ Кадырова, Л. М. К вопросу о функционировании и системности народных медицинских знаний аялыньских групп татар Омской области // Этнографо-археологические комплексы : Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1999. С. 200.
- ³⁷ Полевые материалы автора, 2000 г.: Миякинский район РБ.
- ³⁸ Полевые материалы автора, 1997 г.: Сафакулевский район Курганской области.
- ³⁹ Вербицкий, В. И. Алтайские инородцы... С. 86.
- ⁴⁰ Полевые материалы автора, 1997, 2003 гг.: Сафакулевский район Курганской области.
- ⁴¹ Ключева, Н. И. Каталог съемочных украшений народов Сибири (по материалам МАЭ) / Н. И. Ключева, Е. А. Михайлова // Сб. МАЭ. Т. 42. Материальная и духовная культура народов Сибири. М. ; Л., 1988. С. 128.
- ⁴² Вербицкий, В. И. Алтайские инородцы... С. 86.
- ⁴³ Полевые материалы автора, 1997 г.: Сафакулевский район Курганской области.
- ⁴⁴ Алексеев, Н. А. Общее в ранних формах религии якутов и тувинцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 200.
- ⁴⁵ Полевые материалы автора, 1997, 2003 гг.: Сафакулевский район Курганской области.
- ⁴⁶ Георги, И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов. СПб., 1799. С. 107–108; Лепехин, И. И. Дневные записи путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 73–75.
- ⁴⁷ Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1809. С. 655.
- ⁴⁸ Гумаров, В. З. Башкирская народная медицина. Уфа, 1985. С. 34.
- ⁴⁹ Полевые материалы автора, 1999 г.: Кугарчинский район Республики Башкортостан.
- ⁵⁰ Кипчакова, Л. В. К вопросу о культе деревьев // Вопр. археологии и этнографии Гор. Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 144.
- ⁵¹ Алексеев, Н. А. Ранние формы религии... С. 68.
- ⁵² Дьяконова, В. П. Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988. С. 168.
- ⁵³ Васильев, В. Ф. Тайны тибетских врачей. М. ; СПб., 2000. С. 117–118.
- ⁵⁴ Авиценна. Канон врачебной науки : пер. с лат. Минск, 2000. С. 71, 216, 221, 363, 68, 302, 349.
- ⁵⁵ Чанчибаева, Л. В. О современных религиозных пережитках у алтайцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 95.
- ⁵⁶ Шатинова, Н. И. Мир «невидимых» по традиционным представлениям алтайцев // Вопр. археологии и этнографии Гор. Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 153.
- ⁵⁷ Алексеев, Н. А. Ранние формы религии... С. 67.
- ⁵⁸ Там же. С. 75.
- ⁵⁹ Дьяконова, Д. П. Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве тюркоязычных народов Саяно-Алтая // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984. С. 39.
- ⁶⁰ Минибаева, З. И. Общие черты в народной медицине башкир и алтайцев // Урал – Алтай : через века в будущее : материалы Всерос. науч. конф. Уфа, 2005. С. 379.
- ⁶¹ Мурзакаев, Е. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 53.

Башкирские шрифты набраны на Palatino Linotype через (правый alt), сохранены на Times New Roman Cyr

Ј – у
 к – к
 ъ – е
 Г – н
 ħ – г
 Ў – з
 ў – х
 ь – о
 ц – с

Р. М. Валеев

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛА КАК ПРЕДМЕТ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛИ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Металлические зеркала, поступающие из восточных стран в результате внешнеторговых контактов, были широко распространены как предметы быта и, учитывая их эстетические качества, являлись произведениями декоративно-прикладного искусства. В результате технико-художественной подготовленности ремесленных производств в Булгаре и Золотой Орде и широкой потребности в этом виде товара было организовано их местное изготовление. Они распространялись на внутреннем рынке путем реализации местной и импортной продукции, поэтому являются одним из важных показателей, характеризующих расширение товарного производства в Золотой Орде.

Ключевые слова: предмет внешней и внутренней торговли, типы металлических зеркал, организация ремесленного производства, расширение товарного производства в Булгарии и Золотой Орде, реализация местной и импортной продукции.

О внешней торговле Золотоордынского государства, называемого в XIII–XV вв. Улусом Джучи, в той или иной степени писали практически все занимавшиеся вопросами истории и археологии этого государства. Специальному анализу были подвергнуты связи Золотой Орды и Египта¹. По данным нумизматики были выявлены достаточно активные контакты этого государства с Индией. Серии золотых монет, найденные как в кладах, так и на Булгарском городище, стали основанием для таких выводов. Вывозились самые различные товары – меха из Булгара, которые, по словам Ибн-Баттуты, отправлялись в Индию, Китай, Иран, где оценивались очень высоко². Хлеб, мед, лес, ковры, ткани, серебро, кони и крупный рогатый скот – главные статьи экспорта. Из внешнеполитических партнеров надо отметить также города Италии, Египта, Венеции, Средней Азии и др. Товары татарских купцов ценились за рубежом. Ибн-Дукмак сообщает, что хан Узбек отправил египетскому султану наряду с другими подарками кольчугу, булатный шлем и меч. Никто из царей прежде не присылал ничего подобного³. Наиболее ярким примером внешнеторговых связей Булгара является тот факт, что название юфть в виде «ал-булгари» вошло в монгольский, венгерский, румынский, тибетский и другие языки³.

Более опосредованными были контакты с Китаем. При раскопках на Булгарском городище выявлен большой массив селадоновой и фаянсовой посуды, часть которой несомненно поступила из Китая.

Однако говоря о торговых отношениях Золотой Орды, стоит подходить к этому вопросу шире. Практически невозможно сегодня выделить единые центры производства серийных изделий в Золотой Орде, таких как украшения или предметы туалета. Достаточно сложно атрибутировать и импорт из государств чингизидов. В данной статье мы остановимся на одном сюжете, который даст представление не только об импорте товаров, но и о заимствовании идей, образов, художественных приемов и организации на этой основе производства и реализации востребованных на внутреннем рынке товаров.

Рассмотрим это на примере металлических зеркал. Г. А. Федоров-Давыдов так писал о них: «Хорошо видны синкретизм и эклектичность художественных вкусов у обитателей золотоордынских городов в оформлении некоторых бытовых предметов, например обратной стороны круглых металлических зеркал»⁴.

К изучению зеркал обращались в XIX в. Не раз становились они объектом исследований и в последующее время. О зеркалах имеются сюжеты в работах исследователей XX в. А. П. Смирнова⁵, Т. А. Хлебниковой⁶. Изучением этой категории предметов активно занималась Г. Ф. Полякова⁷. Также зеркала ордынского Увека и его округа были проанализированы в работе Л. Ф. Недашковского⁸.

Находки зеркал с негородских поселений на территории Волжской Булгарии, зафиксированные на Полянском, Малиновском, VI Старокуйбышевском, III и V Семеновских,

II Коминтерновском селищах, опубликованы Е. П. Казаковым⁹. Из раскопок на селищах происходят зеркала из Кременкинского поселения XII–XIV вв. в Ульяновской области, из Убейского селища XII – начала XV в. в Чувашии¹⁰ и из селища Песчаный остров второй половины XIII – начала XIV в. в Татарстане. В этот круг находок надо включить зеркала из кочевнических погребений и могильников на территории Булгарии: Балымерского¹¹ и Песчаный остров¹².

Типология зеркал VIII–IX вв. предложена С. А. Плетневой¹³, а X–XIV вв. – Г. А. Федоровым-Давыдовым¹⁴. Эта типология была дополнена В. А. Ивановым и В. А. Кригером¹⁵.

Г. А. Федоровым-Давыдовым было проведено также исследование стилистики изображений на зеркалах, что позволило создать основу для их искусствоведческой характеристики¹⁶. В искусствоведческом аспекте изучались болгарские зеркала Ф. Х. Валеевым¹⁷ и Г. Ф. Валеевой-Сулеймановой¹⁸. Специальный раздел был посвящен зеркалам в монографии Д. К. Валеевой¹⁹.

Стоит отметить характеристику сюжетов, характерных для этой категории предметов, данную Г. А. Федоровым-Давыдовым. «Художественная культура Золотой Орды восприняла и поглотила как составной свой элемент не только вещи, разные по этническим своим традициям и по происхождению, но и вещи одного происхождения, но совершенно разностильные, разных эпох. Но все же на большинстве изделий мы чувствуем или ярко выраженную, или замаскированную тенденцию к объединению расчлененной формы мотивами орнамента – особенность декоративного стиля этой эпохи»²⁰.

Наиболее интересным и важным вопросом было происхождение этих зеркал. Основные точки зрения по этому вопросу изложены в исследовании Б. А. Литвинского²¹. Большинство ученых, начиная с А. Ф. Лихачева, Н. Ф. Катанова, М. П. Лаврова, считали их иранского и китайского производства и, соответственно, предметами импорта в Поволжье в результате внешней торговли. В золотоордынских городах Нижнего и Среднего Поволжья, в том числе в Булгаре, Биляре, Джукетау, Казани, Елабуге, металлические зеркала были широко распространены как предметы быта и, учитывая их эстетические качества, являлись произведениями декоративно-

прикладного искусства. Изготавливались они из особого сплава меди и олова, известного под названием зеркального, и поверхность, служившая для отражения, всегда была хорошо отполирована.

Несомненно, что среди большого количества этих зеркал было немало импортных, поступивших в Булгарию и Золотую Орду из Ирана, Средней Азии и Китая в результате внешнеторговых контактов или военных походов. Однако в результате новых исследований в последние годы было доказано, что некоторые виды металлических зеркал производились в Золотой Орде и в Булгаре, в частности²². А, следовательно, выступали и как предмет для продажи в организации внутренней торговли. На примере металлических зеркал можно ярко проиллюстрировать процесс организации их производства и продажи. В условиях, когда потребность населения Золотой Орды в зеркалах не удовлетворялась только за счет импорта из Ирана и Китая, ремесленниками городов этого государства было налажено их изготовление. В соответствии с экономической теорией товар включает одновременно и благо, поскольку он нужен потребителю, и затраты, с учетом, что для его производства необходимы ресурсы и соответствующие технологии. А эти качества товара проявляются как полезность, поскольку удовлетворяются потребности людей, редкость, поскольку для их производства нужны ограниченные ресурсы, и ресурсоемкость. Но товар обладает не только свойством удовлетворять человеческие потребности, но и свойством вступать в отношения с другими предметами, обмениваться на другие товары. Эта способность товара к обмену в определенных количественных пропорциях и есть меновая стоимость²³. Итак, в крупных городах Золотой Орды при сформировавшейся потребности было налажено изготовление металлических зеркал и их продажа на рынках.

Золотая Орда представляла собой государство с достаточно развитой экономикой, основу которой составляло скотоводство, земледелие, городское ремесло (металлургическое, гончарное, ювелирное, кожевенное, косторезное, строительное и др.), а также торговля. Экономика Золотой Орды была основана на симбиозе оседло-земледельческого и кочевого компонентов, и это явилось тем фактором, который длительное время определял экономическое благосостояние Улуса Джучи²⁴.

Однако необходимо отметить, что экономике Улуса Джучи надо рассматривать внутри каждого из этих укладов хозяйствования в плане разграничения конкретных географических регионов и определенных категорий населения, связанного с дифференциацией внутренней структуры, методов ведения хозяйства и характера организации общественных связей. Общественные системы, которые существовали в Волжской Булгарии, Хорезме, Крыму, мордовских землях и других областях с оседлым населением, испытав огромное потрясение в момент монгольского нашествия, сохранились в своих основных чертах и в условиях созданной империи развились и достигли зрелых форм²⁵.

Следует заметить, что в экономике Золотой Орды ремесленные производства играли важную роль. Для кочевников Улуса Джучи были характерны домашние промыслы, которые составляли необходимую принадлежность натурального хозяйства²⁶. На этом этапе образования государства Плато Карпини отмечает, что у монголов жены делают полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их. В. Рубрук добавляет, что мужчины делают луки и стрелы, готовят стремяна, уздечки, делают седла, строят дома и повозки²⁷. В период распада Золотой Орды И. Барбаро сообщает, что у кочевников имелись следующие ремесла: сукновальное, кузнечное и оружейное. Ремесленники были заняты только обслуживанием нужд ханского двора и неотлучно находились во дворе²⁸.

Совсем иной характер носили ремесленные производства в городах Улуса Джучи, поскольку ханы после завершения завоевательных войн, осознав значение городского ремесленного производства и торговли, стали способствовать возрождению старых городских и созданию новых центров и безопасности торговых путей. Торговля в экономике Золотой Орды играла значительную роль. Причем она начала возрождаться уже в 40-е гг. XIII в. Плато Карпини, побывавший на территории Улуса Джучи в 1246–1247 гг., сообщает о западноевропейских купцах из Генуи, Венеции, Акры, Пизы и других городов, приезжавших «через землю татар» в Киев из Константинополя²⁹. А. Джувейни в своей книге «История завоевателя мира» («Тарих-и-джехангуша» – 1252–1260 гг.) пишет о Бату хане: «Торговцы с (разных) сторон

привозили ему различные товары; все это, чтобы оно ни было, он брал и за каждую вещь давал цену, в несколько раз превышавшую ее стоимость»³⁰.

Начало чеканки джучидских дирхемов в Булгаре в 40–50-е гг. XIII в. свидетельствует о потребности в серебряных и разменных медных монетах для организации купли-продажи. По сравнению с домонгольским периодом, вначале Среднее Поволжье, а затем и Нижнее стало центром империи, где силой государственной власти гарантировалась безопасность спокойной торговли, внутренней и внешней, без таможенных сборов, без борьбы с ордами кочевников, окружавших мелкие государства и разбойников. Это определяло коренное отличие торговли между домонгольским и золотоордынскими периодами в истории Волжской Булгарии и в целом Среднего Поволжья, а также расцвет развития внутренней торговли и внешнеторговых связей.

В 1266–1272 гг. золотоордынский хан Менгу-Тимур направляет ярлык-послание великому князю Владимирскому Ярославу, в котором просит дать путь немецкому гостю на свою волость³¹, по всей видимости, для обеспечения безопасности рижских купцов из Прибалтики через Владимиро-Суздальскую Русь в Поволжье для активизации торговли с Балтикой и Западной Европой. Расположение государства в благоприятном в географическом отношении районе Евразии, где находились Волга, Кама и Вятка – три крупнейшие водные магистрали – и стык торговых путей Запада и Востока, а также соединение традиционного пути из Причерноморья и Прикаспия с торговой магистралью из Балтийского региона и включение в огромную и сложную систему Великого шелкового, Волжского и пушного путей, определило значение и роль Золотой Орды в истории Евразии и резко усилило социально-экономические и цивилизационные процессы.

Во второй половине XIII в. вместе с прежними городами домонгольской Волжской Булгарии появляются и развиваются города Нижнего Поволжья – Сарай, Укек, Хаджи-Тархан и другие, которые во многом были связаны со значением Волги как крупнейшей торговой артерии³². Происходило по сути искусственное расширение оседлого уклада за счет принудительного переселения жителей старых городов, ранее задействованных в товарном производстве. В первой половине

XIV в. усиление централистских тенденций в Золотой Орде привели к интенсивному развитию процесса урбанизации степной части государства и переносу в Нижнее Поволжье экономического центра³³.

Г. А. Федоров-Давыдов отмечает, что золотоордынские города как торгово-ремесленные центры зависели во многом от сильной ханской власти и не смогли существовать сами по себе, без ее поддержки в разорванном междоусобицами государстве. Золотоордынский стиль и городская цивилизация были в значительной степени имперскими. Разноголосица электрически соединяемых элементов покрывалась мощным звучанием нового стиля в прикладном искусстве – главном искусстве золотоордынской культуры, стиля в значительной степени патетического с сильной тенденцией к «живописности»³⁴.

Высокий уровень развития торговли в Волжской Булгарии³⁵ и других оседлых районах в домонгольский период определили преемственность, дальнейшее развитие товарно-денежных отношений в XIII – начале XV в. Развивающаяся внутренняя торговля, налаженная денежно-весовая система, обширная внешняя торговля, оставившая после себя столько ярких свидетельств, все эти черты экономики Золотой Орды отразились и в социальной сфере. В Золотой Орде активно развивался слой купечества, который можно рассматривать как особую социальную группу.

Письменные источники сохранили нам значительное число сведений, в которых само упоминание торговой деятельности в Золотой Орде как самой обыденной весьма показательны. Сначала для булгар, а затем и для населения Золотой Орды торговая деятельность является одной из важнейших характеристик. Купечество пользовалось большим влиянием и участвовало в государственных делах. Шло и организационное оформление купечества. Г. А. Федоров-Давыдов отмечает создание торговых «товариществ» (уртачества)³⁶, куда активно вступала и джучидская знать, которая принимала участие в деловых предприятиях купцов, и им давались соответствующие широкие полномочия. При этом она сама не занималась торговыми и финансовыми операциями, а просто передоверяла их своим доверенным лицам: «Если [говорить] об их торговле и купле-продаже, то [они] все, начиная от владетеля татар до незаконных царевичей, незаконных князей, незаконных принцесс и

прочих, отдают мусульманам [в оборот] серебро. [Те же] или дают его займы народу и [имеют на] нем огромные проценты – на один вложенный динар накручиваются за 10 лет проценты в [размере] 1024 динаров, или покупают всяческие товары и перевозят для торговли [в дальних местах], или требуют с народа возмещения убытков, ссылаясь на [якобы] ночное воровство (Пер. с кит. ист.: Хэй-да ши-люэ (Краткие сведения о черных татарах))»³⁷.

Вопросы, связанные с практикой организации ремесленной деятельности, являются одним из наиболее сложных и вместе с тем наименее изученных сфер экономики Улуса Джучи. В историографии изучаемой нами темы в 20–40-е гг. XX в. наметилась тенденция преувеличения степени развития ремесла и торговли в городах Золотой Орды, писалось о наличии здесь «восточного капитала», «заводов», «фабричного производства типа современной индустрии»³⁸. Однако археологические раскопки показали, что ремесло включало три основные формы организации товарного производства: мелкое ремесло отдельных производителей, ремесла при усадьбах крупных представителей джучидской аристократии и большие мануфактуры с использованием рабского труда, причем последние обеспечивали основную часть продукции, выпускаемой местными ремесленниками³⁹.

Монографически исследованное археологами Булгарское городище позволяет получить представление об объемах торговли зеркалами в масштабах города. Общее количество зеркал, найденных на городище, составляет 879, и они являются обычной находкой в золотоордынских напластованиях памятника. Массовое изготовление зеркал в Булгарии осуществлялось в XIII–XIV вв. и рассматривается как одно из проявлений новых черт в булгарской культуре после монгольского нашествия и включения в состав Золотой Орды⁴⁰. Причем эти зеркала имеют аналогии в нижневолжских и северокавказских городах Золотой Орды, кочевнических курганах XIII–XIV вв. на р. Чардам (бывш. Саратовской губернии), Минусинском крае, Муранском могильнике, в Новгороде в слое 60–80-х гг. XIII в.⁴¹ Интересно и то, что на территории Билярского городища – крупнейшего ремесленного центра Булгарского государства домонгольского периода – найдено не более 25 зеркал. Исследовательница

Г. Х. Полякова на основе имеющегося материала делает вывод, что производство зеркал в Волжской Булгарии домонгольского времени не было значительным⁴².

Достаточно большое количество находок металлических зеркал в кочевнических погребениях XIII–XIV вв. ярко свидетельствует о торговле между городом и степью, а также о включении во внешнюю торговлю по караванным путям, связывавшим Золотую Орду с Китаем, Ираном и Средней Азией. Но, как пишет исследователь кочевнических курганов XII–XIV вв. на Южном Урале В. Иванов, количество зеркал, найденных в Булгарах, почти в 5 раз превышает количество зеркал, найденных в кочевнических погребениях золотоордынского времени, и их распространение соответствовало традиционным эстетическим канонам, уходящим корнями еще в домонгольскую, половецко-кыпчакскую культуру. При этом в материальной культуре золотоордынских кочевников русские вещи так и не появились⁴³. Находки зеркал на селищах Волжской Булгарии золотоордынского периода свидетельствует о продаже их из городов и в сельской местности.

Следовательно, технологические и художественные возможности для производства металлических зеркал в крупных городах Поволжья были и, учитывая востребованность этого товара, кроме привозных зеркал, были и своего изготовления, которые вливались в ассортимент внутренней торговли. Тем более известно, что кроме своего прямого назначения, металлические зеркала использовались в качестве талисманов и играли определенную роль в магии и астрологии⁴⁴, что еще более увеличивало их потребительную стоимость.

Итак, разработана типология этих предметов, а также проведен хронологический, культурный, искусствоведческий и историко-экономический анализ. Это позволяет нам перейти к анализу возможных истоков этой категории предметов.

Наиболее простыми и распространенными были зеркала без орнамента или с несложным геометрическим орнаментом. Прототипы в среде кочевников восточноевропейских степей имеют зеркала⁴⁵ без орнамента (тип А) и с геометрическим орнаментом: из концентрических кругов, с утолщением по краю в центре (тип Б); с ромбами, вписанными между кругами и с утолщением по краю с боковой

ручкой или со стилизованным растительным орнаментом типа «бегущая волна» между кругами, с утолщением по краю (тип В-III, IV). К этой группе зеркал относятся изделия с крестово-арочным орнаментом из ромбов, состоящих из выпуклых зерен и таких же пирамидок или точек между ними (тип Ю-I)⁴⁶.

Растительные мотивы в орнаменте золотоордынских зеркал формировались в городских ремесленных центрах джучидского государства и не имели единого прообраза. Это зеркала с орнаментом в виде многолепестковой розетки, с утолщением по краю и боковой ручкой; с орнаментом в виде четырехлепестковой розетки. По краю бордюры с наческами, между лепестками стилизованный растительный орнамент. Внутри основного рисунка композиция из маленьких восьми лепестковых розеток с точкой в каждой лепестке (типы ДI, II). Как самостоятельный ордынский орнаментальный мотив можно рассматривать изображения тюльпанов или лотосов (тип Ц-I), хотя их восточные истоки вполне очевидны.

В XIV в. и ранее из мусульманских стран пришли в орнаментику зеркал сюжеты с арабесками. Это изделия с надписью почерком «наسخ» вокруг центральной орнаментальной розетки, с утолщением по краю (тип С-II) и зеркала с орнаментом из двух полос: на внешней эпитафический орнамент, в центре – симметричное изображение двух сфинксов (тип III-I).

Китайские сюжеты тиражировались на зеркалах с изображением четырех фигур божеств и помещенных по сторонам драконов (тип К-II); с фестончатым краем, с изображением драконов (тип Л-II). Г. Ф. Полякова считает местом их производства г. Булгар и датирует XIII–XIV вв.⁴⁷ Весьма многочисленны зеркала с изображением рыб (тип Н-I). Встречаются как традиционные для Китая изображения карпов, так и весьма схематичные рисунки рыб.

В Китае династии Тан имеют истоки зеркала с четырьмя «кнопками» и с рельефным псевдорастительным орнаментом между ними (тип Т-I).

Восточное происхождение (отчасти и китайское) имеют мотивы, связанные с зодиакальным календарным циклом в виде «гона» животных или стилизаций. К последним относятся сюжеты с изображением бегущих собак (тип О-I); с изображением четырех

олений или козлов (тип П-II); с орнаментом в виде сетки из четырехлепесковых розеток (тип Х-I). В наиболее полном виде такие зеркала украшены орнаментом из трех полос: внешней, где изображен гон животных на растительном фоне, средней и внутренней со стилизованным растительным орнаментом (тип Ч-I).

Таким образом, мы можем констатировать, что металлические зеркала являются важным показателем, характеризующим *расширение товарного производства в Волжской Булгарии и Золотой Орде* [отчерк наш. – Р. В.], когда их изготовление нужно не для собственного потребления производителя, а в качестве носителя стоимости, позволяющего получить нужные предметы. Они как нельзя лучше отвечали на три ключевых вопроса рыночного механизма, что, как и для кого производить? Зеркала, которые являлись предметом восточного импорта, были достаточно востребованы и имели высокую цену. А в соответствии с экономической теорией известно, что количество товара, которое покупатели хотят и могут купить, в зависимости от изменения цены этого товара называют изменением величины спроса⁴⁸. Учитывая этот спрос, ремесло Булгарии, в частности, и городов Золотой Орды в целом, смогло создать технологические и художественные возможности для их производства на месте и, учитывая их полезность и ценность предложить на рынке, обеспечив тем самым потребности общества. Зеркала распространялись на внутреннем рынке как путем реализации импортного товара, а также местной продукции, в результате производства копий или стилизаций, достаточно востребованных и обеспечивавших потребности населения Золотой Орды в этом виде товара.

Примечания

¹ Закиров, С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966.

² Тизенгаузен, В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1984. Т. 1. С. 298.

³ Подробнее см.: Валеев, Р. М. Развитие торговли и товарно-денежных отношений Улуса Джучи в XIII–XV вв. // *Катанов. чтения*. Казань, 1998. С. 114–123.

⁴ Федоров-Давыдов, Г. А. Искусство кочевни-

ков и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976. С. 162.

⁵ Смирнов, А. П. Волжские Булгары. М., 1951. С. 117–118.

⁶ Хлебникова, Т. А. Основные производства волжских булгар периода X – начала XIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1964.

⁷ Полякова, Г. Ф. : 1) К вопросу о систематизации зеркал Волжской Булгарии // *Древности Волго-Камья*. Казань, 1977. С. 78–82; 2) Зеркала с драконами из Болгар // *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. М., 1978. С. 217–218; 3) Изделия из цветных и драгоценных металлов // *Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. Казань, 1996. С. 223–239.

⁸ Недашковский, Л. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. С. 50–67.

⁹ Казаков, Е. П. : 1) Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань, 1991. С. 91; 2) О домонгольских торгово-ремесленных поселениях волжских булгар в Закамье // *Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья*. Н. Новгород, 1991. С. 342–352.

¹⁰ Васильева, И. Н. Кременкинское поселение // *Археологические исследования в Поволжье*. Самара, 1993. С. 237–238; Каховский, В. Ф. Исследования археологических памятников Чувашии в 1982 г. // *Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии*. Чебоксары, 1983. С. 18. Рис 4, 8.

¹¹ Халикова, Е. А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР // *КСИА*. 1965. № 104. С. 114–116.

¹² Руденко, К. А. Могильники на острове «Песчаный» // *Тат. археология*. Казань, 1999. № 1–2 (4–5). С. 3–10. Рис. 3–10.

¹³ Плетнева, С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитровский археологический комплекс. М., 1989. С. 100–104.

¹⁴ Федоров-Давыдов, Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. С. 163.

¹⁵ Иванов, В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.) / В. А. Иванов, В. А. Кригер. М., 1988. С. 19.

¹⁶ Федоров-Давыдов, Г. А. : 1) Искусство кочевников и Золотой Орды; 2) Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.

¹⁷ Валеев, Ф. Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар

Ола, 1975.

¹⁸ Валеев, Ф. Х. Древнее искусство Татарии / Ф. Х. Валеев, Г. Ф. Валеева-Сулейманова. Казань, 1987.

¹⁹ Валеева, Д. К. Искусство волжских булгар периода Золотой Орды (XIII–XV вв). Казань, 2003. С. 153–157.

²⁰ Федоров-Давыдов, Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. С. 181.

²¹ Литвинский, Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. М., 1978. Вып. 4. С. 91–93.

²² Полякова, Г. Ф. : 1) Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 223–239; 2) Изделия из цветных и драгоценных металлов из Болгар : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 11. Рис. 18.

²³ Экономическая теория (политэкономия). М., 1997. С. 68–71.

²⁴ Егоров, В. Л. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // Вопр. истории. 1974. № 8. С. 37.

²⁵ Федоров-Давыдов, Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 26–28.

²⁶ Сафаргалиев, М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 76–78.

²⁷ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / ред., вступ. ст. и прим. Н. П. Шастинной. М., 1957. С. 78.

²⁸ Сафаргалиев, М. Г. Распад Золотой Орды. С. 77.

²⁹ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 82.

³⁰ Тизенгаузен, В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М. ; Л., 1941. Т. 2. С. 22.

³¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. ; Л., 1949. С. 57.

³² Егоров, В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 94–120.

³³ Федоров-Давыдов, Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 10–13.

³⁴ Там же. С. 12–17, 210.

³⁵ Валеев, Р. М. Волжская Булгария : торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII в. Казань, 1995. С. 30–112.

³⁶ Федоров-Давыдов, Г. А. Общественный строй Золотой Орды. С. 81–82.

³⁷ Храпачевский, Р. П. Эволюция государственного аппарата в государстве Чингисхана и ее влияние на экономическую политику в монгольской империи (по китайским источникам) // Тр. III междунар. нумизмат. конф. «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв.» Старый Крым. М., 2005. С. 82.

³⁸ Якубовский, А. Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // Изв. ГАИМК. 1931. Т. VIII, вып. 2/3. С. 11–15.

³⁹ Федоров-Давыдов, Г. А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XII–XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С. 217.

⁴⁰ Полякова, Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов. С. 236–237.

⁴¹ Там же. С. 237–239.

⁴² Там же. С. 237.

⁴³ Иванов, В. Великий Волжский путь и кочевая степь в эпоху средневековья (к проблеме историко-культурного взаимодействия) // Великий Волжский путь. Казань, 2001. С. 136–137.

⁴⁴ Валеева, Д. К. Проблемы возникновения и развития татарского ювелирного искусства в контексте «Запад-Восток» // Очерки по истории татарской культуры. Казань, 2001. С. 515.

⁴⁵ По величине зеркала достаточно стандартны и имеют диаметр 6–8 и 8,5–14,5 см.

⁴⁶ Типы обозначены в соответствии с типологией (Федоров-Давыдов, Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966) и дополнениями (Руденко, К. А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань, 2001).

⁴⁷ Полякова, Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов. С. 234–236, 239.

⁴⁸ Экономика. М., 2004. С. 114–115.

ОБ ОТНОШЕНИЯХ БАШКИР С КАЗАХАМИ МЛАДШЕГО ЖУЗА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ НУРАЛИ-ХАНА

В статье показаны важнейшие вехи истории башкирского и казахского народов, прослеживается эволюция башкирско-казахских отношений во второй половине XVIII в. в контексте национальной политики русского правительства. На основе архивных материалов существенно пополняется картина событий в период башкирского восстания 1755 г., приводятся новые сведения о последних годах казахского хана Нурали, проведенных в уфимской ссылке.

Ключевые слова: башкиры и казахи, русское правительство, национальные движения, упадок ханской власти в Казахстане.

Башкир и казахов объединяют общие исторические, этнические и культурные корни, язык, уклад жизни, традиции и вера. На протяжении веков жители Урала поддерживали со своими кочевыми соседями многосторонние связи. Поэтому для целостного восприятия истории этих двух народов необходимо подробное изучение их взаимоотношений. На сегодняшний день наиболее известными являются события, связанные с башкирским восстанием 1755 г., специально рассмотренные советским историком А. П. Чулошниковым¹. Эти события, происходившие при Нурали-хане, стали переломными в истории башкирско-казахских отношений. Правление Нурали-хана, длившееся почти всю вторую половину XVIII в., сопровождалось значительными переменами в Казахстане и Башкирии. По мере изменения политической обстановки менялся и характер отношений. Несмотря на то, что отдельные аспекты этой темы получили отражение в литературе, следует признать, что она до сих пор не стала предметом специального исследования. Этой проблеме и посвящена настоящая статья.

Как известно, до XIX в. Казахстан разделялся на три жуза: Старший, Средний и Младший. Наибольшее соприкосновение с башкирами имели казахи Младшего жуза. Особенно близкими контакты были в первой трети XVIII в. Правитель Младшего жуза Абулхаир-хан принимал участие в башкирском восстании 1707–1711 гг. В начале 1730-х гг. старшины Ногайской дороги выступили посредниками в русско-казахских переговорах, в результате которых Младший жуз перешел под протекцию России. Ухудшение началось в ходе башкирского восстания 1735–1740-х гг.,

вызванного действиями Оренбургской экспедиции. Хан Абулхаир, оказавшийся перед сложной политической дилеммой, пошел на свертывание казахско-башкирских отношений². Среди казахской верхушки далеко не все поддерживали политический курс Абулхаира, что, в конце концов, стало причиной его гибели.

Приемником Абулхаира, при активной поддержке И. И. Неплюева и А. И. Тевкелева, стал его старший сын Нурали. Выборы нового хана прошли с нарушением многовековой традиции чингизидов, с участием ограниченного количества людей. Жалованной грамотой Елизаветы от 26 февраля 1749 г. Нурали был утвержден, и в августе присягнул на верность императрице. Таким образом, Нурали стал первым казахским ханом, фактически получившим власть из рук русского правительства. Сильная оппозиция его власти существовала даже внутри Младшего жуза, где на ханство давно претендовал Батыр-султан, обладавший не меньшим авторитетом и влиянием, чем Абулхаир. Потомок древнего общенационального правителя хана Джадька, сын бывшего хивинского хана Каипа, отец правящего хивинского хана Каипа, Батыр был самым старшим по возрасту среди казахских династов. Он был выбран ханом рядом родов, живших у Аральского моря, параллельно с назначением Нурали.

По словам русского историка А. Рязанова, «...имея много врагов в орде, Нурали-хан не мог вести самостоятельную политику, подобно предкам. Он постоянно опасался потери своей власти и поэтому, естественно, искал опоры в русском правительстве. Русское правительство поддерживало Нурали, но за то требовало определенного курса политики, ко-

торая часто шла в ущерб национальным интересам киргиз-кайсацкого народа. Идя путем уступок русскому правительству и проводя русскую политику в орде, в конце концов хан Нурали превратился в русского чиновника, получавшего содержание из русской казны, правительство вечно грозило хану: если не сделаешь то-то, то не получишь жалованья. Превратившись в русского чиновника, хан почувствовал безответственность, свойственную царским воеводам того времени и стал злоупотреблять своей властью в орде. Он был корыстолюбив и несправедлив; притеснял и грабил враждебные его власти киргизские роды и таким образом возбудил к себе ненависть в орде... Проживая вдали от орды около русских границ, Нурали к концу своей долгой жизни потерял всякое влияние на внутренние дела орды»³.

Пограничные крепостные линии становились причиной конфликтов между казахами и прибывающим потоком переселенцев. Казахи Среднего жуза были недовольны тем, что в результате строительства Ишимской линии их лишили пастбища в междуречье Ишима и Иртыша. Еще раньше им запретили кочевать на правом берегу Иртыша. Зимой 1754–1755 гг. кочевники открыто пересекали кордон и выступали в конфликт с пограничными властями. Казахи Младшего жуза протестовали против ограничений в передвижении в междуречье Яика и Илека. Строительство в 1754 г. крепости на Илецком месторождении вызвало возмущение всех местных народов, испокон веков бесплатно пользовавшихся илецкой солью.

Во второй трети XVIII в. царизм активизировал политику христианизации. В 1731–1732 гг. начала действовать Новокрещенская комиссия, затем указом императрицы Анны Иоанновны от 11 сентября 1740 г. была учреждена Контора новокрещенских дел для обращения в православие мусульман и язычников Казанской, Астраханской и Воронежской губерний. Во главе этого учреждения был поставлен архиепископ Казанский и Свяяжский Лука Конашевич. К середине 1750-х гг. Луке удалось окрестить в Казанском крае 269213 душ. Здесь было закрыто и разрушено 418 мечетей из 536⁴.

В сложившейся обстановке башкиры решили поднять восстание мусульман России. Для объединения сил они прибегли к помощи известного религиозного деятеля мишар-

ского муллы Абдуллы Алиева по прозвищу Батырша. Современник событий оренбургский историк П. И. Рычков сообщает, что Батырша «... в 1754 году, как то по допросам открылось, по всей Башкирии и в другие места ездил с истолкованием своего закона, рассеивая в народ разные возмутительные мысли и якобы еще 1754 г. со многими волостями согласился, чтоб сделать бунт и усилясь склонить на то, с одной стороны, в Казанской губернии живущих магометан, а с другой киргизцев и прочих тамошних народов, а потом рассеял в разные места возмутительное письмо...»⁵.

Сохранившиеся документы свидетельствуют о предварительных переговорах башкир с казахами. Например, одним из переговорщиков был старшина Бурзянской волости Бикбулат Аркаев⁶. Впоследствии власти установили, что осенью 1754 г. башкиры ездили в Средний жуз и договорились, чтоб «... по разорении всех от Воздвиженской к Верхояицкой крепости почтовых станом и ближних заводов и крепостей в той орде приняты были, что де киргис-кайсацкой Аблай-салтан в таком случае учинить и обещал»⁷.

Скорее всего, Нурали и его братья султаны Айчувак (правитель семиродцев) и Ирали (правитель алиулинцев) знали о готовящемся восстании и в какой-то степени разделяли настроения мятежников. Известно, что Нурали выражал свое недовольство по поводу строительства русской крепости на реке Илек и порядком содержания его сыновей в качестве аманатов в Оренбурге⁸.

15 мая 1754 г. группа молодых башкир Бурзянской волости расправилась с начальником горно-изыскательной команды Брагиным и разорила близлежащий почтовый стан. Узнав, что оренбургский губернатор выслал карательный отряд, 124 бурзянца с семьями бежали к казахам. 21 мая они переправились через Яик между Кизильской крепостью и Березовским редутом. После переправы башкиры разгромили пытавшуюся преградить им путь команду капитана ландмилицкого Сергиевского полка Г. Лядомского и ушли в степь. Через два дня они были встречены казахами и разделены на две части: первая была уведена в Младший жуз в кочевья старшины джагалбайлинского рода Серки-батыра, вторая – в Средний жуз, к увак-гирейцам и кипчакам. Дорога в казахские улусы заняла 8 дней. Оставив семьи, повстанцы, в сопрово-

ждении казахов, двинулись обратно за имуществом и скотом⁹.

Неплюев сразу почувствовал всю опасность ситуации. Он решил во что бы то ни стало разрушить союз двух народов, дабы не повторились события начала 1740-х гг., когда разбитый предводитель восстания башкирский хан Карасакал, бежав в Казахстан и установив тесные связи с казахами, доставил немало хлопот российской администрации. 29 мая оренбургский губернатор направил Нурали письмо с требованием «злодеев-башкирцев в киргис-кайсацких улусах ограбить и разобрав по разным рукам, пленниками учинить». 7 июня аналогичное письмо было направлено правителю Аблаю¹⁰.

Нурали не сразу выполнил требование, и губернатору пришлось проявить настойчивость. Раз за разом он направлял хану, его братьям и знатным старшинам депеши с подарками, укорял хана за то, что его подвластные вместе с бунтовщиками-башкирами «между башкирских жилищ шатаются». В конце концов, Нурали поддался нажиму. В середине июля на реке Илек прошло совещание представителей верхушки Младшего жуза, которое вынесло нужное начальству решение. Через несколько дней алчинцы Ирали-султана напали на бурзянцев и приютивших их джагалбайлинцев¹¹.

Несмотря на принятые превентивные меры, 8 августа восстала вся Бурзянская волость. Повстанцы появились около Преображенского и Вознесенского заводов, 11 августа окружили вновь построенную Зилаирскую крепость. Вслед за бурзянцами поднялись племена усергенов, тангауров, тамьянцев и кипчаков. Разорив несколько почтовых станов и заводов, разбив пограничные отряды, башкиры со своими семьями, общим числом около 10 тысяч человек, ушли за границу. Часть из них была принята в Среднем жузе, часть – в Младшем жузе. Оставив семьи, повстанцы с казахами стали совершать рейды в Башкирию, нападать на Яицкую и Сибирскую пограничные линии. Военные действия продолжались до глубокой осени. Правда, существенной помощи от казахов не последовало. Аблай откочевал на юг для урегулирования взаимоотношений с Джунгарией и Китаем, Нурали же изначально не годился в союзники. Тем не менее, ситуация в крае стала угрожающей: если бы Батырше и башкирским старшинам удалось поднять остальную

Башкирию и Поволжье и опереться на часть казахов, то последствия для властей были бы очень серьезными.

Нурали и его братья, под давлением Неплюева, развязали боевые действия против башкирских беженцев и приютивших их казахов. Оставшиеся в живых и избежавшие плена башкиры ушли на зимовку в Средний жуз, часть вернулась домой. Причем пограничные власти не препятствовали им. Рассказы беженцев взбудоражили Башкирию. Стали стихийно формироваться отряды возмездия. Они также беспрепятственно пересекали границу. В этом и состоял расчет Неплюева. В своих мемуарах он пишет: «Башкирцы ж, мужья и отцы, увидев в своих защитниках и обнадеживателях такое над женами их и над дочерьми насильства, принуждены нашлись защищать их с потерянением жизни, и сим способом погибло немало башкирцов и киргисцов <...> Многие, потеряв матерей, сестер и жен своих и дочерей, приезжали ко мне просить дозволения переехать им за Яик для отмщения и воздаяния за обиду обманувших их киргизцам; я в них более старался влагать к ним ненависти <...> озлобленные башкирцы обратили всю свою ярость на ближайшия киргизские улусы, многих побили и взяли их жен и детей и весь скот <...> Сие происшествие положило таковую вражду между народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна»¹².

Более всех пострадали алчинцы. Это означает, что башкиры совершали глубокие рейды, вплоть до Аральского моря. Весной 1756 г. восстание переросло в башкирско-казахскую войну. В мае Нурали обратился с жалобой на башкир, на что Неплюев ответил, что этих бед можно было избежать, если бы казахи не оказали прием бунтовщикам. В другой раз хан жаловался, что до него доходят слухи, будто башкиры «от киргис-кайсац лошадей отгоняют по приказанию генеральскому»¹³.

Эти события оставили глубокий след в памяти двух народов и во многом определили характер дальнейших отношений. В сентябре 1760 г. в степи произошло убийство ханского племянника Мамбет-Али и двадцати знатных старшин родов Ожрай, Кипчак, Шекты и Тама. Было подозрение на башкир, работавших в разведывательной партии Тимашева, что вызвало негодование у казахов, и «султан Айчувак собрал около 10000 человек, чтобы двинуться на разорение крепостной

линии»¹⁴. 19 января 1761 г. Сенат рассматривал доношение оренбургского губернатора А. Р. Давыдова с приложенными письмами Нурали-хана и Айчувак-султана «с нареканием на башкирцев, якобы они, будучи в прошедшем сентябре месяце за Яиком рекою с надворным советником Тимашевым, в числе 200 человек для прииска к заводам его сиятельства сенатора генерал-аншефа и кавалера графа Александра Ивановича Шувалова медных рудников убили до смерти салтана и 19 человек киргисцев». После обсуждения Сенат пришел к заключению, что «...о таком смертном убийстве, кроме полученных от Нурали-хана и брата его Айчувак-салтана писем, другого достоверного известия нет и надворный советник Тимашев <...> обнадеживает, что в бытность его за Яиком от них ничего противного произойти не могло»¹⁵.

Еще более враждебными были взаимоотношения казахов с линейными казаками и солдатами, участвовавшими как в санкционированных карательных операциях, так и самовольных грабительских набегах. Историк М. Вяткин пишет: «В качестве репрессивных мер против казахов, заподозренных в нападении на линию или на караваны, применялся захват приезжавших на линию казахов и так называемая пограничная бармта, т. е. нападения русских пограничных отрядов на казахские аулы <...> Бармты устраивались в степь по всякому мелкому предлогу, и нередко нападения казахов на пограничную линию, которые служили основанием для организации бармты, измышлялись или крайне преувеличивались местной администрацией. Бармта превращалась в одну из форм колониального грабежа»¹⁶. В. В. Вельяминов-Зернов утверждает, что идея такой бармты была подсказана русским самим Нурали-ханом в 1749 г.¹⁷

С 1760-х гг. правительство начинает менять политику по отношению к своим новым подданным, постепенно переходя от дипломатических приемов к административно-полицейским. 17 ноября 1766 г. Коллегия иностранных дел следующим образом наставляла оренбургского губернатора А. А. Путятину: «Киргис-кайсаки, становясь время от времени продерзостнее, производят здесь нужду заблаговременно мыслить и намерение положить, каким образом удобно было б, если от них когда великия злодейства произойдут, чего и в самом деле чаять можно, ежели далеко от здешних границ в степь отлучатся,

смирить их за то оружием и привести к нашей стороне в почтение так, как они напредь сего боялись зенгорцев, а ныне китайцов, по неупущению им никаких противных поступок, и в какое время над ними произвести для того поиски, и сколько к тому надобно будет нарядить яицких казаков, башкирцов и волских калмык. А особливо, не можно ли будет обойтись и без башкирцев, яко их однозаконцев, дабы они прежде времени их не уведомили. И не надобно ли где приготовить для подкрепления регулярную команду, и с какой стороны их атаковать. О том о сем имеете Вы положить Ваши разсуждения...»¹⁸.

Казахско-русские противоречия, сложная обстановка в Младшем жузе нашли отражение в таком неоднозначном явлении, как движение под руководством Срыма Датова. В 1784 г. его отряды действовали на Нижнеуральской линии, в районе Орской крепости, готовилось нападение на линию между Верхнеуральской крепостью и Илецким городком. В феврале 1785 г. против Срыма был направлен генерал-майор Смирнов с 237 оренбургскими казаками и 2432 башкирами. Действия карателей вызвали недовольство в Младшем жузе и привели к активизации движения. В ответ Оренбург послал дополнительные отряды казаков. Нурали никак не контролировал власть в орде и оправдывался перед О. А. Игельстромом своим бессилием. В этой обстановке генерал-губернатор пошел на сближение со старшинами. Осенью 1785 г. по его инициативе состоялся съезд старшин, который поставил вопрос о смещении хана Нурали и разделении жуза на три части-Байулинскую, Семиродскую, Кара-кисецкую, а батыр Срым был поставлен «начальным советником» во всей орде. В апреле 1786 г. Нурали бежал в Уральск, а 3 июня Екатерина II своим указом отстранила его от власти. Беглец был вызван в Оренбург и оттуда отправлен в Уфу, являвшуюся в то время административным центром края¹⁹.

Впрочем, крах Нурали как правителя произошел раньше: еще в 1783 г. он требовал от генерал-губернатора А. И. Апухтина защиты от собственных подданных, а в следующем году уже просил об отставке²⁰.

Представляют интерес обнаруженные автором некоторые подробности последних лет жизни опального хана. В Уфе он жил под охраной караула Пермского пехотного полка. В 1790 г. Нурали регулярно жаловался на

свою болезнь подагрой²¹. На содержание его и свиты Уфимская казенная палата выделяла крупные суммы: в 1789 г. – 5 тыс. р., в 1790 г. – 4 тыс., в 1791 г. – 4 тыс.²²

Последний факт опровергает принятую в исторической литературе дату его смерти – 1790 г. Судя по сохранившемуся письму его сыновей от 1792 г., в котором они жалуются на притеснения, последовавшие после смерти отца²³, Нурали умер не позднее указанного года. В его похоронах в Уфе местные мусульмане отказались участвовать²⁴.

События 1755 г. стали апогеем многовековой совместной истории башкир и казахов, завершившейся неожиданным разрывом. Важную роль в таком резком повороте сыграла политика «*Divide et impera*», искусно осуществленная Неплюевым. Однако, как мы видели, сказались и такие факторы, как внутреннее положение Младшего жуза и личные качества Нурали-хана. По мере укрепления позиций царизма в Казахстане башкирско-казахские отношения переходят под полный контроль администрации и теряют политическое значение. Происходит парадоксальный процесс: интеграция двух родственных народов в одно государство приводит к их разделению и отчуждению друг от друга.

Примечания

¹ Чулошников, А. П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М. ; Л., 1940.

² Об этом подробнее см.: Таймасов, С. У. Башкортостан и Казахстан в период становления Оренбургской губернии. Стерлитамак, 2006.

³ Рязанов, А. Ф. Батырь Срым Датов // Совет. Киргизия. 1924. № 10. С. 94–95.

⁴ Чулошников, А. П. Указ. соч. С. 65–66.

⁵ Рычков, П. И. Топография Оренбургской губернии. Уфа : Китап, 1999. С. 183.

⁶ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 139. С. 204–208, 217.

⁷ Сенатский архив. Т. IX. Протоколы Правительствующего Сената. 1753–1756 гг. СПб., 1901. С. 388.

⁸ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках : сб. док. и материалов. Алма-Ата : Изд-

во АН Каз. ССР, 1961. С. 456, 528, 533–534.

⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37. Л. 71, 101–101 об.; Д. 63. Л. 154, 276–278 об.; ЦГИА РБ. Ф. 1. Д. 3381. Л. 107; Чулошников, А. П. Указ. соч. С. 93.

¹⁰ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 139. С. 149, 151, 169, 176.

¹¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37. Л. 163–163 об.; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 139. С. 149, 181, 186, 189; Чулошников, А. П. Указ. соч. С. 95.

¹² Жизнь И. И. Неплюева (им самим написанная) : факсимил. изд. «Записок И. И. Неплюева». Оренбург : Оренбург. губерния, 2004. С. 157, 159, 161.

¹³ Чулошников, А. П. Указ. соч. С. 105.

¹⁴ Вяткин, М. Очерки по истории Казахской ССР. Л. : Огиз. Госполитиздат, 1941. Т. 1 : С древнейших времен по 1870 г. С. 168–169.

¹⁵ Сенатский архив. Т. XII. Протоколы Правительствующего Сената 1761, 1762, 1763 гг. СПб., 1907. С. 5; Крафт, И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. Приложение. С. 83.

¹⁶ Вяткин, М. Указ. соч. С. 170–171.

¹⁷ Вельяминов-Зернов, В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абуль-Хайр хана (1748–1765 гг.) Т. 1. Уфа, 1853. С. 18.

¹⁸ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. С. 683–684; Рязанов, А. Ф. Указ. соч. С. 96–97.

¹⁹ Рязанов, А. Ф. Указ. соч. С. 98, 101; История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) : в 5 т. Т. 3. Алматы : Атамур, 2000. С. 227–228; Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы) : сб. док. и материалов. Алма-Ата : Наука, 1964. С. 125.

²⁰ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 1. 1784 г. С. 1–3.

²¹ НА УНЦ РАН. Ф. 23. Д. 3. Л. 76 об., 137.

²² ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 815. Л. 285; Д. 816. Л. 72; Д. 817. Л. 74–74 об.

²³ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 1. 1792 г.

²⁴ Валиди, А.-З. История башкир. История тюрок и татар (на баш. яз.) Уфа : Китап, 1994. С. 127.

Н. И. Тауров

РОЛЬ ТАТАРСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В РАЗВИТИИ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

В статье Н. И. Таурова «Роль татарских предпринимателей Поволжья и Приуралья в развитии периодических изданий на татарском языке (вторая половина XIX – начало XX века) исследована деятельность татарских предпринимателей по изданию газет и журналов на татарском языке, показана активность купцов и промышленников Рамиевых, Акчуриных, Губайдуллиных и др.

Ключевые слова: татарские предприниматели, купцы, промышленники, газеты, журналы, периодическая печать Поволжья и Приуралья, татарская печать.

В зарождении, становлении и развитии периодических изданий на татарском языке значительную роль играли татарские купцы и промышленники. Зарождение татарской периодической печати, как одно из важнейших процессов в культурной жизни татарского общества, проходило в годы первой российской революции. Известно, что татарские предприниматели пытались издавать газеты на татарском языке еще в XIX в. В 1887 г. купец Габдрахман Ильяси, автор первого опубликованного в печати татарского драматического произведения «Бичара кыз» («Несчастливая девушка»), с просьбой о разрешении издания газеты «Казань» на татарском языке обратился в Главное управление по делам печати МВД России. Данная попытка не увенчалась успехом, ему было отказано¹. В 1904 г. неудачная попытка издать газету на татарском языке была сделана содержателем типографии г. Троицка Оренбургской губернии Х. Сосновским. Высокую активность татарские предприниматели проявляли в издании татарских периодических изданий в начале XX в. Свидетельство тому газета «Вақыт» («Время»), журнал «Шура» («Совет») (они выпускались в г. Оренбург золотопромышленниками братьями Рамиевыми), газеты «Кояш» («Солнце») (братья Каримовы), «Баянелъхак» («Глашатай истины») (Сайдашевы), газета «Азат» («Свободный») (представитель купцов Апанаевых Г. Г.-К. Апанаев)², газета «Эль-Ислах» («Реформа») (поддерживали казанский купец Салих Губайдуллин и Ш. Л. Хакимов), «Тан юлдузы» («Утренняя звезда») З. Шафигуллин³. Газету «Эхбар» («Известия») Х. Файзуллин издавал на деньги либерально настроенных татарских предпринимателей. В фи-

нансировании газеты «Эль-Ислах» большую роль играли и татарские купцы Губайдуллины, Аитовы (Сулейман). Газиз и Габделькадир Губайдуллины (сыновья казанского купца Салиха Губайдуллина) в 1908 г. выделили для газеты «Эль-Ислах» в общей сложности 300 р.⁴ Симбирские купцы и предприниматели в 1917 г. издавали мусульманскую общественно-политическую и литературную газету «Джумхурият» («Республика»). Необходимо подчеркнуть роль г. Оренбурга в издании газет и журналов на татарском языке. Здесь выпускались одна из популярных газет на татарском языке до 1917 г. «Вақыт» («Время»), журнал «Шура» («Совет») и др.

Татарские купцы и промышленники принимали участие и в выпуске периодики, отраслевого характера. На средства предпринимателя, мецената Мухаммадвали Хусаинова выпускался религиозный журнал «Дин ва Маишат» («Религия и жизнь»). Данное еженедельное издание выходило с декабря 1906 по февраль 1918 г. В первое время журнал издавался под названием «Дунья ва маишат» («Мир и жизнь»). Создателями первого женского журнала на татарском языке «Сююмбака» были дочь купца Загидуллы Шафигуллина – Асма и ее муж, учитель, журналист, редактор и издатель Якуб Ибрагимович Халили. Исследователь А. Х. Махмутова, опираясь на воспоминания Асмы, пишет: «Журнал начал издаваться на средства Асмы и Якуба Халили <...> в первый год всю работу по выпуску журнала вели они <...> сами писали большинство статей, сами корректировали и сами же рассылали журнал подписчикам»⁵.

Своеобразной и довольно распространенной формой финансирования татарских

периодических изданий стало размещение рекламы предпринимателей. Она была разнообразной: официальная реклама продукции своих предприятий или предмета непосредственной торговли (продажи). Они в первую очередь касались крупнейших промышленников и торговцев – татар региона. Отрывок текста рекламы казанцев Сабитовых гласил: «Наследники Мухаммед-Вафы Сабитова в Казани Сенная, здании мечети № 7, 8, 9 и 1. На ярмарках Нижегородской – против мечети № 14, Бугульминской, Мензелинской, Бирской, Уфимской, Стерлитамакской, Симбирской и проч. Производство и торговля. Азиатских головных уборов, вышитых золотом, серебром, мишурой и шелком мужских тюбетеек и фесок, женских колпаков и шапок»⁶. Постоянным рекламодателем газеты И. Гаспринского был известный казанский промышленник, купец и благотворитель А. Сайдашев, торгово-промышленная деятельность которого получила большое распространение в разных губерниях страны. Одновременно на страницах изданий помещалась информация о создании торгово-промышленных товариществ (Акчуриных, Дебердиевых) и торговых домов, состава правлений татарских купцов и промышленников. В практику деятельности екатеринбургских купцов Агафуровых вошло размещение рекламы своих товаров на страницах газеты «Уральский край». Татарские предприниматели не ограничивались финансовой поддержкой газет. В частности, они участвовали в распространении периодических изданий. Среди них отличились предприниматель Гатаулла Мансуров из д. Сарыш Пермской губернии и Ибрагим Камалов из г. Чистополя Казанской губернии. За свою подвижническую деятельность они в начале XX в. были удостоены благодарности редакции газеты «Тарджеман» и лично редактора И. Гаспринского. Татарские газеты выписывали и читали предприниматели, их приказчики, иногда и рабочие. В частности, газету «Тан юлдузы» выписывали: фабриканты Акчурины, их служащий Асфандиар Хабибуллоевич Маракаев. Названной газете отдавал предпочтение и предприниматель Алей Хасанович Кулахметьев из д. Алеевой Неверковской волости Кузнецкого уезда Саратовской губернии. Более того, некоторые представители предпринимателей проводили подписку на газеты. В их числе был Исмаил Утямышев. Особым местом распространения

татарских периодических изданий, в первую очередь, среди купцов, стали ярмарки. На рубеже XIX–XX вв. на Нижегородской ярмарке была возможность подписаться на «Тарджеман» и другие издания. Уже в первые годы выхода газеты И. Гаспринского (80-е гг. XIX в.) у известного книготорговца Ш. Хусаинова можно было оформить на нее подписку. Будучи на Нижегородской ярмарке, татарские купцы и фабриканты находили время и средства для покупки и чтения периодических изданий, в основном на татарском языке. На главной ярмарке страны в 1914 г. товарищество А. Агишева потратило на приобретение газет и журналов десятки рублей. Не только предприниматели, но и люди из их ближайшего окружения были связаны с татарскими газетами. В первую очередь это касается газеты «Тарджеман» и татарских фабрикантов сукна Акчуриных, Дебердиевых, Хусаиновых, Рамиевых, Яушевых, Алеевых, Агишевых. Люди, близкие к ним по духу, считали своим делом знакомить читателей общетюркской газеты с добрыми делами предпринимателей. Татарские издания выписывались и мусульманскими благотворительными обществами (где основную роль играли татарские предприниматели) для своих библиотек. В 1915 г. екатеринбургское мусульманское благотворительное общество получало 11 газет и 13 журналов на татарском языке и 16 периодических изданий на русском языке. Тюрко-татарские газеты выписывались и отдельными состоятельными подписчиками. Большую часть их составляли предприниматели. В г. Оренбурге в 1893 г. газету «Тарджеман» выписывали 7 человек⁷. Татарские издания выписывали мусульманские учебные заведения региона. Среди них было симбирское медресе, финансируемое Акчуриными и другими предпринимателями. С татарскими изданиями сотрудничал Ю. Музафаров, выпускник старотимошкинского медресе Акчуриных, который в 1906 г. проживал в с. Каргалы (Сеитов Посад) Оренбургской губернии. В рассматриваемый период газеты «Тарджеман», «Вақыт», «Йолдыз» выписывали практически все прогрессивные татарские предприниматели Поволжья и Приуралья. Татары участвовали и в кампаниях по поддержке газет и журналов. Это были татарские литературно-музыкальные вечера, получившие широкое распространение в рассматриваемый период.

Значительная роль татарских предпринимателей в развитии национальной прессы прослеживается и в других регионах страны. Известно, в 1914 г. **Гаяз Исхаки смог переехать с редакцией газеты «Иль» («Отчизна») из г. Петрограда в Москву с помощью некоторых татарских купцов и основать там типографию. Супруга суконного фабриканта Т. К. Акчурина З. С.-Г. Акчурина после смерти мужа стала спутницей жизни депутата Государственной Думы был Ибниамина Ахтямова. Она имела в «Торгово-промышленном товариществе Т. Акчурина» паи и избиралась в правление товарищества, вплоть до кандидата в директора. Ее сын Хамза также являлся владельцем паев товарищества.**

На наш взгляд, деньги, дивиденды товарищества Т. Акчурина были использованы И. Ахтямовым в проведении своей общественно-политической и депутатской деятельности. Не вызывает сомнения и то, что деньги товарищества Акчуриных, возможно и Дебердиевых, шли на издание известной газеты «Миллят» («Нация») – органа мусульманской фракции в IV-й Государственной Думы. Эта общественно-политическая и экономическая еженедельная газета издавалась в г. Санкт-Петербурге (позднее в Петрограде) в 1913–1915 гг. Ибниамином Ахтямовым совместно с С. Джантуриным. Ее редактором был журналист Исмаил Лемановым, в прошлом один из активных сотрудников газеты «Тарджеман», получивший образование за рубежом на деньги газеты И. Гаспринского, т. е. и на средства татарских предпринимателей России, в том числе Поволжья и Приуралья.

При самом активном участии, на наш взгляд, и на средства дочери чистопольского предпринимателя Муртазы Ахметхановича Вагапова – Фатимы-Фариды, известной журналистки и педагога, и ее мужа М. Наурузова выходила газета «Сибиряк». Издание выходило с марта 1912 г. в г. Томске, а с марта 1913 г. по 31 августа 1913 г. – в Уфе.

Специфической формой рекламы татарских газет в других изданиях, издающихся также предпринимателями, стала публикация информации о выходе отдельных номеров и краткое изложение их содержания. О выходе журнала «Иктисад» («Экономика»), издающегося общественным и религиозным деятелем Фатихом Муртазиным (№ 9 за 1909 г.) информировала читателей газета «Вақыт». Как известно, это был единственный эконо-

мический журнал, выходивший на татарском языке в г. Самаре.

Помощь татарских предпринимателей в издании национальных газет и журналов была весьма разнообразна. Например, это были сборы денег на вечерах национальной музыки и литературы. Один из них был проведен в зале Купеческого собрания г. Казани 28 марта 1908 г. В вечере участвовал оркестр под руководством В. Апанаева, а также Г. Тукай, Ф. Амирхан, С. Рамиев, Алмазов и др. В числе участников мероприятия были представительницы татарских предпринимателей Кулахметьевых: Шамсикамар-ханум и Суфия-туташ. Данный факт говорит о поддержке татарскими предпринимателями как самой газеты «Эль-Ислах», так и национального искусства в целом. На вечере выступала и известная певица Г. Трейтер с дочерьми. Кулахметевы, в первую очередь дочь Юнуса Суфия, были активными общественными деятелями в обществе Ф. Амирхана и других татарских интеллигентов⁸.

Тяга к журналистике, к творчеству проявилась и у людей из окружения татарских купцов и фабрикантов. Об этом говорят их публикации на страницах тюрко-татарской прессы: «Тарджеман», «Вақыт», «Шура» и др. Интерес к изданию газет проявили и люди из окружения предпринимателей. Выпускник медресе Акчуриных, сын старотимошкинского урядника Хасана Музафарова и человек из окружения татарских купцов Оренбурга Юсуф Музафаров издавал журнал «Яз» («Весна»). Политический, литературный, юмористический и сатирический журнал выходил в г. Оренбурге на татарском языке. К сожалению, век издания оказался очень коротким: один месяц и всего два номера. Но и в них удалось поднять серьезные и актуальные проблемы, в том числе положение рабочих из татар региона⁹.

Татарские купцы активно поддерживали издание популярной тюрко-татарской газеты «Тарджеман» («Переводчик»), редактором которой был Исмаил Гаспринский. Идея издания газеты была поддержана просветителем, ученым-богословом Ш. Марджани и татарскими предпринимателями во время поездки Гаспринского в г. Нижний Новгород и Казань. По признанию редактора и издателя И. Гаспринского, в первый период издания газеты ощущалась поддержка таких предпринимателей из татар, как Нигметулла Сейду-

ков (г. Тюмень), братья Яушевы и Бакировы (г. Троицк). Среди поддержавших начинание Гаспринского были золотопромышленники братья Рамиевы. Об этом свидетельствуют строки письма золотопромышленника М.-Ш. Рамиева брату М.-З. Рамиеву: «Некоторые люди испугались, услышав, что подготавливается Гаспринским издание газеты, и говорили, грозя палкой издаека: “Газета, газета <...> ведет к порче мира”»¹⁰. Из предпринимателей можно выделить известных симбирских купцов и суконных фабрикантов Акчуриных. Они были в родственных отношениях с Исмаилом Гаспринским. Зухра (Зегря) дочь Асфандияра Акчурина была замужем за редактором газеты. Не ограничившись материальной поддержкой, представители рода Акчуриных принимали участие и в издании газеты. Известно, что в подготовке и издании газеты активное участие принимали Зухра и другие дети Асфандияра. Особо следует сказать о роли Зухры, ставшей незаменимой помощницей мужа в издании газеты. Люди из ближайшего окружения семьи Гаспринских, знавших ситуации достаточно неплохо, считали ее «правой рукой» мужа в выпуске газеты. Представительнице рода купцов и фабрикантов приходилось писать статьи, делать литературную обработку материалов и вести переписку с авторами и читателями, разбросанными по всей империи. Известный ученый и религиозный деятель Р. Фахретдин отмечал ее большую роль в налаживании и укреплении связей «Тарджемана» с татарами Поволжья и Приуралья. Это можно объяснить и тем, что она прекрасно знала язык, культуру и быт земляков.

В начальный период издания названной газеты ей приходилось проводить всю конторскую и экспедиторскую работу редакции: разбор заказов, писем, подготовку номера газеты к отправке по почте. Всю перечисленную работу мог выполнять лишь высокообразованный человек. Зухра, владевшая несколькими тюркскими и русским языками, соответствовала этому требованию. Всем, что имела, представительница рода Акчуриных, она была обязана родителям, родным и педагогам. Так, средства, вложенные симбирскими купцами в образование Зухры, служили просвещению тюркского и исламского мира страны. В редакции газеты трудились и братья Зухры. Л. И. Климович писал: «Его [И. Гаспринского. – Н. Т.] тесть, татарский

фабрикант Акчуринов, относившийся к просветительским замыслам зятя отрицательно, обанкротился и сменил гнев на милость: прислал в Бахчисарай сыновей Мухаметшу, Ахмедшу, Ибрагима, и началась их “совместная работа”»¹¹. Мухаметша (Мухамеджан) довольно длительное время был секретарем редакции (до весны 1909 г.) и в свое время получил ценный подарок из рук бухарского эмира. Связи Акчуриных с редакцией газеты «Тарджеман» и И. Гаспринским носили многоплановый и постоянный характер. В апреле 1908 г., когда популярное издание отмечало свое 25-летие, среди именитых гостей был и Юсуф Акчура. Приезд в Бахчисарай за месяц до торжественных мероприятий говорит и о его большой роли в подготовке юбилея. Эти дни были использованы Ю. Акчуриной для внимательного изучения подшивки газеты за четверть столетия. Вторым после Гаспринского и первым из гостей он выступал и на торжественном вечере. Безусловно, это говорит об особом отношении устроителей торжеств к молодому политику и ученому. Одновременно это было знаком уважения крымчан к Акчуриным конкретно и татарским купцам, промышленникам вообще, внесших значительный вклад в издании популярнейшей газеты. Ю. Акчура говорил о жизни и деятельности редактора, его идеях. Его прекрасно построенное выступление, произнесенное на татарском и турецком языках, неоднократно прерывалось аплодисментами и возгласами «браво». На русский язык речь Ю. Акчуры была переведена Исмаилом Лемановым.

Редакция «Тарджемана» переживала и финансовые трудности. Нередко они решались за счет сбережений и драгоценностей Зухры Акчуриной. Деловые люди региона на протяжении всего периода издания газеты оказывали ей всяческую материальную и духовную, нравственную помощь. В дни торжеств в честь 10-летия газеты были присланы телеграммы из разных концов страны: из г. Орск Оренбургской губернии Латфулла Надыров, Нигметзян Нигматуллин, Гариф Бурнаев, Хамзя Каникеев, Исмаил Бурнаев. Среди приславших поздравительные телеграммы были и симбирские фабриканты Акчуриных: Асфандияр, Исмаил, Ибрагим и Якуб. В эти же дни житель д. Стерлибаша Уфимской губернии Абдул Кабир Сатиев на нужды типографии прислал 2 р. Как известно, И. Гаспринский и члены его семьи выпускали также журна-

лы «Галэми нисван» («Женский мир», 1906–1910), «Галэми сабиян» («Детский мир», 1906 г.), «Ха-ха-ха» (1906 г.). Решающая роль деловых людей из татар Поволжья и Приуралья в издании названных журналов и газеты «Тарджеман» признается и современными исследователями. Имея в виду названные периодические издания, исследователь истории татарской прессы Р. У. Амирханов пишет: «В материальном плане крымские издания почти целиком обеспечивались татарскими деловыми и интеллигентскими кругами»¹². В дни празднования 20-летия газеты братья Агафуровы из г. Екатеринбург Пермской губернии подарили редакции и журналистам красивую массивную печать из горного хрусталя.

Без всякого сомнения, татарские предприниматели сыграли большую роль в повышении культурного уровня своего народа и через финансирование издания газеты «Тарджеман» И. Гаспринского. Неслучайно исследователь Дж. Валиди считал, что «...И. Гаспринскому принадлежит видное место и в истории культурного развития волжских татар»¹³.

В годы первой российской революции (на рубеже 1905–1906 гг.) сын фабриканта Асфандиара Акчурина Мухамметша планировал открыть издательство и выпускать две газеты в Симбирске (возможно в Сызрани): татарскую газету «Бу кен» («Этот день») и русскую «Восток». Первая должна была выходить три раза в неделю, вторая – раз в неделю. Оба издания должны были иметь общее направление¹⁴. К сожалению, сведений о выходе названных изданий нет. Впоследствии М. А. Акчурин был ответственным секретарем газеты «Сызранская почта». Планы Акчурина строились не на пустом месте и в материальном плане. Его брат Ибрагим в начале XX в. был владельцем типографии в г. Сызрань Симбирской губернии.

По подсчетам А. Каримуллина, с 1905 г. по октябрь 1917 г. в Российской империи на татарском языке выходили (в разное время) до 100 журналов и газет, в том числе в Поволжье и Приуралье. По утверждению Д. Исакова, это «...привело к окончательному сложению в начале XX века национальной информационной сети татар»¹⁵. В этом судьбоносном для татар России явлении была и немалая заслуга татарских предпринимателей. Татарские купцы и промышленники участвовали и в финансировании газет, выходящих на русском языке. Екатеринбургский купец З. Х. Агафуров

являлся одним из учредителей газеты «Уральский край» (1907 г.) (г. Екатеринбург)¹⁶. В 1907 г. сын фабриканта Асфандиара Курамшевича Акчурина Мухамметша намечал издание в Симбирске еженедельной газеты «Восток» на русском языке.

Известно о чтении газет и журналов на татарском и русском языках рабочими и служащими торгово-промышленных компаний, принадлежащих татарам. Для удовлетворения читательских потребностей своих рабочих и служащих в газетах, журналах и книгах Акчурины открыли для них библиотеку-читальню. Так, в 1914 г. такая библиотека была открыта при Гурьевской фабрике товарищества Т. Акчурина. Несколько раньше аналогичная библиотека-читальня была открыта Акчуриными для рабочих и служащих Самайкинской фабрики¹⁷. Источники свидетельствуют о том, что газету «Тарджеман» читали и рабочие Самайкинской фабрики «Торгово-промышленного товарищества Т. Акчурина». Об этом же говорят номера журналов «Анг» («Сознание»), «Шура» и других периодических изданий, обнаруженные нами в ходе поисковой работы в местах, где располагались предприятия татарских предпринимателей. Отдельные номера периодических изданий нам удалось обнаружить в архивах потомков предпринимателей. Некоторые представители татарского предпринимательства принимали непосредственное участие в издании газет и журналов. Редактором татарской газеты «Казан мухбире» («Казанский вестник») был политический, общественный деятель и журналист, представитель рода Акчуриных Юсуф Акчура. Одновременно он сотрудничал с газетами «Эль-Ислах» и «Вақыт». Более того, Ю. Акчура сотрудничал с газетами зарубежных стран: «Мусаввер маглюмат» (Каир), «Мешверет» («Совет», Париж), «Шураи умме» («Совет Общины», Каир), «Тюрк юрду» (издавал и редактировал). В татарских газетах и журналах публиковались и другие представители татарских предпринимателей: И. К. Акчурин выступал на страницах журнала «Шура» и газеты «Вақыт»; М.-Ю. М.-А. Дебердиев – журнала «Шура». С татарскими национальными изданиями сотрудничали и дочери татарского религиозного деятеля и предпринимателя из г. Чистополя Мухамад-Закира Камалова: Эммегульсум и Шамсенисса. Они одновременно были и супругами татарских промышленников Акчуриных. В частности,

статьи Эммегульсум были напечатаны на страницах журнала «Шура».

Большой вклад в развитие татарской литературы предпринимателей можно проследить и через содержание татарских газет и журналов. Это проявлялось в публикации в изданиях прозаических, поэтических и драматических произведений национальных авторов. На страницах журнала «Шура» печатались З. Рамиев, Г. Тукай, Ю. Дебердиев, Р. Фахретдин, М. Акчурина.

Усилиями татарских предпринимателей в регионе была заложена и традиции открытия и издания национальных периодических изданий. Данное начинание и определенный опыт сыграли свою положительную роль в издании и первых татарских советских периодических изданий после 1917 г. (Симбирск, Оренбург, Троицк, Самара, Уфа и т. д.). Опыт, накопленный татарскими предпринимателями с 1905 г. по 1917 г., связанного с организацией издательского дела, формированием широкого круга, как журналистских кадров, так и читателей, помог, значительно ускорил процесс появления первых советских газет на татарском языке и их довольному успешному функционированию.

Таким образом, вышеизложенное дает нам основание говорить об определенной роли татарских купцов и промышленников Поволжья и Приуралья в зарождении, становлении и в дальнейшем успешном функционировании национальной периодической печати. В появлении, открытии и издании татарских (в том числе и общетюркских) газет и журналов («Тарджеман», «Вақыт», «Йолдыз», «Тан юлдузы», «Миллят», «Шура» и многих других), что стало совершенно новым невиданным явлением в татарской истории, значительна заслуга и татарских предпринимателей. Они своей благородной, меценатской деятельностью внесли существенный вклад в формирование как журналистских кадров, так и широкого круга читателей. Одновременно трудоемкий процесс привлечения разновозрастной читательской аудитории (взрослой, женской, религиозной, студенческой, детской и отраслевой), формирования культуры чтения периодических изданий на родном языке шел также не без усилий предпринимателей. Всем этим татарские купцы, промышлен-

ники, издатели и журналисты внесли свою лепту в повышении общеобразовательного и культурного уровня своего народа, в особенности молодежи, в подготовку несомненных успехов, достижений многонациональной прессы первых лет советской власти.

Примечания

¹ Ахметзянов, М. Ильяси // Татарская энциклопедия. Т. 2. Казань, 2005. С. 560.

² Татарская энциклопедия. Т. 1. Казань, 2002. С. 164.

³ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 199. Оп. 1. Д. 777. Л. 116; Салихов, Р. Р. Татарская буржуазия Российской империи: взаимодействие с обществом и властью (вторая половина XIX – начало XX века): дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2006. С. 365.

⁴ Эмирхан, Фатих. Эсэрлэр: 4 томда. Т. 4. Казань, 1986. С. 248, 356.

⁵ Махмутова, А. Х. Пора и нам зажечь зарю свободы! Казань: ТКИ, 2006. С. 45.

⁶ Тарджеман («Переводчик»). 1891. 28 дек.

⁷ Оренбург. край. 1893. 8 июня.

⁸ Эль-Ислах («Реформа»). 1808. 3 апр.; Эмирхан, Фатих. Эсэрлэр: 4 томда. Т. 4. С. 254.

⁹ Яз («Весна»). 1907. № 1, 2.

¹⁰ Климович, Л. И. На службе просвещения // Гаспринский, Исмаил бей. Россия и Восток. Казань: Фонд Жиен: ТКИ, 1993. С. 100.

¹¹ Там же. С. 104.

¹² Амирханов, Р. У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток» – «Запад». Казань: ТКИ, 2002. С. 76.

¹³ Валиди, Дж. Очерк по истории образованности и литературы поволжских татар (до революции 1917 года). М.; Пг., 1923. С. 84–85.

¹⁴ Вақыт («Время»). 1907. 17 февр.

¹⁵ Исхаков, Д. М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань, 1997. С. 43.

¹⁶ Корепанова, С. А. Общественная деятельность екатеринбургских купцов Агафуровых // Памяти Онисима Егоровича Клера: К 150-летию со дня рождения: материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1995. С. 48.

¹⁷ Таиров, Н. Акчурины. Казань, 2002. С. 81–83.

Ю. Н. Токмакова

«ОТ ЧИСТОПИСАНИЯ К ЮРИСПРУДЕНЦИИ»: ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ЧИНОВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Статья посвящена проблеме приобщения провинциального российского чиновничества к систематическому образованию в первой половине XIX в. Автором проанализированы правительственные меры, направленные на повышение образовательного уровня государственных служащих, а также рассмотрены конкретные данные об образованности чиновников в начале и конце рассматриваемого периода.

Ключевые слова: чиновничество, государственный аппарат, российская провинция, профессиональная подготовка, образование, Курская губерния, формулярные списки.

В настоящее время перед нашей страной стоит сложная задача – формирование гражданского общества, главными принципами которого не только де-юре, но и де-факто, стали бы законность, уважение к правам человека, а также доверие населения к органам власти. Выполнение этой задачи во многом зависит от эффективности функционирования системы государственной службы. От российских чиновников во многом зависит судьба проводимых в стране реформ; рост благосостояния и социальной защищенности граждан, преодоление кризисных тенденций в экономике также напрямую связаны с тем, насколько грамотно и эффективно государственными служащими исполняются предначертания высшей власти. Система гражданской службы в России, с одной стороны, должна аккумулировать в себе лучшие достижения мировой цивилизации, а с другой – опираться на отечественные традиции, учитывать особенности менталитета и правосознания российских граждан. Сказанное означает, что совершенствование организации работы российских чиновников напрямую зависит от того, насколько правильно будет учтен имеющийся исторический опыт.

Одной из важнейших предпосылок эффективной работы чиновников была и остается их профессиональная подготовка, предполагающая высокий уровень образованности. В данной статье проанализирован процесс приобщения провинциального чиновничества центральной России к систематическому образованию в первой половине XIX в. Указанные хронологические рамки выбраны не случайно: именно в это время в Российской империи под влиянием правительственной политики в

области государственного и местного управления в основном сложился тип «профессионального бюрократа»¹. При характеристике образовательного уровня представителей данной категории в большинстве случаев используются данные Курской губернии, в XIX столетии являвшейся типичным провинциальным регионом центральной России.

Записки современников и официальные материалы свидетельствуют, что уровень образованности провинциальных государственных служащих в конце XVIII – начале XIX в. был весьма низким. Это обстоятельство определялось не только отсутствием в России системы всеобщего образования, но и незаинтересованностью значительной части общества в его получении. Так, в 1788 г. в столице была создана специальная комиссия, которой было поручено провести ревизию школьного дела в десяти наместничествах европейской России. Глава этой комиссии О. П. Козодавлев в своём отчете написал, что во всех главных народных училищах число учеников в третьем и четвертом классах очень мало – по причине того, что родители учащихся «не видят цели учения, в высших классах преподаваемого. Они почитают, что детям их нужны токмо предметы двух нижних классов, да и то по причине чтения и чистописания, а прочие науки почитают они бесполезными... Всякий знает, что для снискания места в гражданской службе нужно одно токмо чистописание...»². Такова была общая ситуация с формированием системы общеобразовательной школы и отношением родителей к школьному обучению в конце XVIII в. Во всяком случае, так виделись проблемы школы чиновникам ведомства народного просвещения.

Прагматизм сознания вкупе с низким уровнем благосостояния большинства провинциальных обывателей, включая и чиновничество нижних рангов, заставляли родителей ограничивать обучение детей лишь начальным образованием. Для того чтобы научиться читать, писать, знать четыре действия арифметики, совсем не обязательно было посещать учебное заведение. Этому издавна обучали частные учителя, которые составляли сильную конкуренцию педагогам, трудившимся на ниве казенного просвещения. Даже в 1821 г. учитель Щигровского уездного училища Курской губернии И. П. Ананьев доносил начальству, что у него занимаются всего 17 учеников, в то время как несколько десятков мальчиков и девочек учатся у частных учителей, среди которых были комендантский писарь, унтер-офицерская вдова и канцеляристы присутственных мест³.

Посещать учебные заведения не стремились и большинство представителей дворянского сословия. А. Д. Галахов по этому поводу писал в своих записках: «Зажиточному помещику не было в то время надобности отдавать <...> сына в гимназию или частный пансион. Ни то, ни другое учебное заведение не давало тогда никаких видных прав. Обучавшийся дома нисколько не терял от того ни в военной, ни в гражданской службе»⁴. Дворяне, как правило, получали домашнее образование. Оно в то время, как правило, предполагало знание действий арифметики, русской грамматики, получение самых общих сведений по истории, географии, литературе, в лучшем случае включало изучение одного-двух иностранных языков. По мнению П. А. Зайончковского, домашнее образование в целом «значительно уступало систематическому курсу гимназии»⁵. Большинство потенциальных госслужащих, таким образом, в начале XIX в. не учились ни в каких учебных заведениях, а потому большую часть необходимых для службы знаний должны были приобретать уже после вступления в должность.

Имеющиеся сведения по Курской губернии подтверждают тезис о чрезвычайно низком уровне образования провинциальных чиновников с точки зрения формальных показателей. Для выявления последнего были использованы сохранившиеся формулярные списки служащих Курской губернии. Их данные за 1801–1816 гг. позволили соста-

вить таблицу, характеризующие показатели образованности провинциальной бюрократии в период предопределяющий рассматриваемый. Данные в таблице распределены по следующим рубрикам: 1) высшее; 2) незаконченное высшее; 3) среднее; 4) неполное среднее; 5) начальное (низшее); 6) данные об образовании отсутствуют (домашнее образование). В первую включены служащие, окончившие высшие учебные заведения (университет, лицей, духовную академию), во вторую – чиновники, окончившие средние образовательные учреждения (гимназии, семинарии, кадетские корпуса и т. п.). В графу «начальное» образование включены лица, окончившие уездные, приходские и низшие уездные училища, приходские школы. Сюда же причислены служащие, не окончившие полного курса обучения в начальных учебных заведениях. Чиновники, в формулярных списках которых не имеется данных об образовании, объединены с чиновниками, в формулярах которых значится «получил домашнее образование». Следует отметить, что формулярные списки с пустой графой, предназначенной для фиксации образовательного уровня чиновника, периодически встречаются. Вместо необходимых сведений в документах указывается, например: «определен в штат губернского правления», или «в службу вступил в Фатежский суд» и т. д. Отсутствие конкретных данных об образовании вряд ли стоит связывать с упущениями составителей формуляров. Образовательный ценз наряду с социальным происхождением и возрастом был одним из важнейших условий, принимавшихся во внимание при поступлении на службу. Следовательно, графа об образовании считалась весомой. Какие-либо случайные неточности в ней практически исключались. Следовательно, лица, в формулярных списках которых отсутствуют сведения об образовании, попросту не закончили никакого образовательного учреждения, получив «домашнее образование». Этот факт составители документов, видимо, в силу его типичности и распространенности просто специально не оговаривали.

Как видно из таблицы, основная часть курских чиновников в начале рассматриваемого периода обучалась вне специальных образовательных учреждений. Лишь 4 % из тех служащих, формулярные списки которых удалось рассмотреть, были выпускни-

Таблица 1

Образовательный уровень
служащих учреждений Курской губернии в 1801–1816 гг.⁶

Класс чинов	Всего учтено служащих	Высшее	Незаконченное высшее	Среднее	Неполное среднее	Начальное	Данные в форм. списке отсутствуют (домашнее)
V	1	1	-	-	-	-	-
VI	3	1	-	-	-	-	2
VII	4	-	-	-	-	-	4
VIII	7	-	-	2	-	-	5
IX	6	1	-	-	-	-	5
X	10	1	1	2	1	-	5
XII	14	-	-	-	-	3	11
XIV	22	-	-	3	-	3	16
Безчина	35	-	-	-	2	7	26
Итого	102 (100 %)	4 (4 %)	1 (1 %)	6 (5,7 %)	3 (3 %)	13 (12,3 %)	75 (74 %)

ками высших учебных заведений (по одному человеку из Московского университета и Государственной коллегии иностранных дел, двое окончили Духовную Академию). Один чиновник (и соответственно 1 %) начал, но не окончил обучение в Московском университете, 6 человек (примерно 5,7 %) прошли курс в средних учебных заведениях (трое окончили семинарии, двое – гимназию, один – кадетских корпус). Трое чиновников (3 %) не окончили обучение в семинариях, а еще 13 (12,3 %) оказались выпускниками начальных образовательных учреждений.

Полученные показатели наряду с данными по социальному статусу религиозной принадлежности, материальному положению и устройству быта, по всей видимости, были характерны для провинциального чиновничества России в целом. По крайней мере, правительство страны предпринимало в первые десятилетия XIX в. активные меры по приобщению потенциальных чиновников к систематическому образованию, желая поднять уровень квалификации управленческого аппарата на местах.

Если административная реформа Александра I должна была улучшить устройство административных органов, то расширяемая система образования была призвана подготовить людей, способных служить в такой администрации. Пример Европы по-

казывал, что для получения места в администрации необходима университетская степень или сдача экзамена на вступление в гражданскую службу, и соответствующие образцы поощряли стремление сравняться в этом с европейским чиновничеством. Александр I начал царствование с учреждения трех высших учебных заведений – университетов в Казани и Харькове и педагогического института (с 1819 г. – Университета) в Петербурге. В предварительных правилах для новой системы народного просвещения главной целью высшего образования провозглашалось «приготовление юношества к государственной службе»⁷.

Первоначально правительство пыталось привлечь в эти новые заведения дворянство. Указ от 24 января 1803 г. устанавливал следующую норму: «Ни в какой Губернии, спустя пять лет по устройении в округе, к которому она принадлежит <...> училищной части, никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище»⁸. По настоянию М. М. Сперанского, Александр издал указ об экзаменах 1809 г. «Из ежегодных отчетов Министерства Просвещения и из сведений к Нам доходящих <...> к вящему прискорбию Нашему, Мы видим, что Дворянство, обыкшее примером своим предшествовать всем другим состояниям, в сем полезном учрежде-

нии менее других приемлет участия», – признавал царь в преамбуле⁹. Согласно указу, отныне прохождение Табели о рангах должно зависеть не от старшинства или родства, но от «заслуг и отличных познаний». В соответствии с указом условием производства в 8-й ранг на гражданской службе и, соответственно, продвижения к важным правительственным должностям, равно и получения потомственного дворянства являлась сдача экзамена при университете. Экзамен включал в себя целый ряд предметов: словесность (русская грамматика и сочинение, один иностранный язык), юриспруденцию, историю, математику и физику. По части юриспруденции экзаменуемые проверялись в знании естественного права, римского права, частного права, государственной экономики и уголовного права¹⁰.

Чтобы отклонить дворян от раннего поступления на службу, правительство ввело новые стимулы к обучению в университетах. Указом 1822 г. был повышен чиновный ранг, в который производились выпускники университетов. Посещение университетских курсов давало чин 14-го класса; окончание университета действительным студентом, т. е. с успешной сдачей прослушанных курсов – чин 12-го класса. Тем же, кто выпускался кандидатом, присваивался чин 10-го класса, магистром – 9-го и, наконец, доктором – 8-го. Николай I дополнил эти правила мерами, которые сокращали срок выслуги низшего чина (14-го класса) на основе рождения и доуниверситетского образования, т. е. **предоставляли дворянам, окончившим начальное или среднее учебное заведение, возможность быстрого достижения классовых чинов**¹¹.

Правительство установило образовательные стандарты даже для низших канцелярских служащих. Закон 1827 г. требовал, чтобы все кандидаты на канцелярские должности, не окончившие начальных училищ, проходили испытание в чтении, письме, грамматике и арифметике. «Устав гимназий и училищ уездных и приходских», введенный 8 декабря 1828 г., **предписывал, чтобы главы учрежденных отдавали выпускникам государственных гимназий и лицам с полным средним образованием преимущество перед имеющими только начальное образование**. Наконец, были основаны новые школы для сыновей бедных канцелярских чиновников, с тем, чтобы обучать их делопроизводству и навыкам канцелярской службы¹¹.

Весьма показательны усилия правительства по подготовке будущих чиновников, имеющих юридическое образование. Для того чтобы профессия юриста стала вполне «дворянской», был необходим более сильный стимул. Сформировать образец дворянина-чиновника ведомства юстиции должна была элитная юридическая школа. Это и было целью Училища правоведения, открывшегося в 1835 г. **в ответ на предложения, поступившие от племянника царя, принца Петра Ольденбургского и М. М. Сперанского**. Здесь дворяне должны были изучать в течение шести лет как «практическое русское правоведение», так и «вспомогательные науки». Выпускники должны были прослужить шесть лет в учреждениях, подведомственных Министерству юстиции, начиная с низших канцелярских должностей¹². Образование, которое давало училище, было по преимуществу средним. Воспитанники начинали обучение в возрасте от 12 до 15 лет. Обучение занимало 6 лет, позднее было продлено до семи. В первые три года преподавались языки, история, математика и другие начальные предметы. Вторая половина учебной программы была отведена изучению права, основанному на программе, сходной с университетской, хотя и менее высокого уровня¹³. Выпускникам присваивался 9-й, 10-й или 12-й класс по Табели о рангах, в зависимости от результатов экзамена. Нуждающиеся выпускники получали денежную помощь¹³. Вероятно, имея в виду правительственные меры подобного рода, П. И. Ярославский писал, что в первой половине XIX в. российский служащий начал путь «от чистописания к юриспруденции»¹⁴.

Выпускники университетов или Училища правоведения в провинциальных административных органах, конечно, и в середине XIX в. составляли явное меньшинство (об этом свидетельствуют данные приведенной ниже таблицы), однако стремление молодых дворян из провинции получить систематическое образование перед поступлением на гражданскую службу явственно отражено уже в документах 1810–1820-х гг. В делах, проходивших через Курское губернское правление, отражающих поступления на службу в губернские и уездные учреждения, постоянно фигурируют запросы и сведения о получении образования в отличие от дел конца XVIII – начала XIX в. В прошениях о предоставлении места молодые люди постоянно подчеркивали свою

приобщенность к наукам и успехи в учении, прилагали соответствующие доказательства. Типичным в этом отношении выглядит комплект документов, поданный сыном подпрапорщика дворянином Иваном Ермолаевичем Поздняковым в 1819 г. для зачисления его на статскую службу в Курскую Казенную Палату в ранге канцеляриста. К прошению прилагаются свидетельство о грамотности и аттестат из училища. В свидетельстве, выданном дворянами Фатежского уезда, говорится: «1819 г. мая 28-го дня, мы, нижеподписавшиеся Фатежского уезда дворяне и чиновники, дали сие свидетельство из дворян подпрапорщика Ермолая Антонова сына Позднякова сыну Ивану в том, что действительно он Иван из дворян и реченного Ермолая сын, который имеет от роду 16 лет, обучен российской грамоте читать и писать, в том и подписуемся»¹⁵ (Иван сын Ермолая Позднякова). Поскольку в 1819 г. такого свидетельства было уже недостаточно для легкого поступления на службу, к прошению приложен аттестат из Фатежского уездного училища, подтверждающий факт успешного окончания Иваном Поздняковым этого учебного заведения. В аттестате отмечено, что «ученик из дворян Иван Ермолаев сын Поздняков, находясь в оном училище с 1815 года <...> обучался чтению, письму и грамматике русского языка, Священной истории, Катихизису, Разумению Должностей Человека и Гражданина и Арифметике». Подчеркнуто, что в перечисленных «науках» молодой дворянин «оказывал хорошие успехи; при всем том во все время сего учения вел себя добропорядочно, при открытых испытаниях заслуживал похвалу и был за то награждаем книгами»¹⁶ (Ермолаев сын, не Иван Ермолаев).

Аналогичный аттестат приложен и к прошению о принятии на службу молодого дворянина из Тимского уезда Ивана Кислинского¹⁷, а также потомственных канцеляристов Афанасия Карпова и Алексея Бочарова¹⁸. Судя по прилагаемым документам, их трудоустройство не затянулось, чего нельзя сказать об их сверстниках, приложивших к прошениям только свидетельства об умении читать и писать. Рассмотрение прошений последних обычно продолжалось дольше, соответствующими учреждениями запрашивались дополнительные справки с мест проживания претендентов на чиновничье место¹⁹.

Конечно, уровень образованности потенциальных чиновников не мог расти быстро.

Если дворяне оказались довольно восприимчивы к новым веяниям, то мещанская среда была более консервативной. Горожане первой половины XIX в. жили в доиндустриальном обществе, в котором еще только формировалась социальная потребность во всеобщем начальном образовании. В маленьких уездных провинциальных городах на протяжении всего рассматриваемого периода можно было наблюдать скептическое отношение большей части населения к «учености». Даже в конце 1850-х гг. педагоги жаловались на низкий престиж своей профессии в глазах жителей уездных городов. В 1859 г. в «Журнале для воспитания» были опубликованы две статьи на одну и ту же тему: положение учителей в уездных городах. Автор одной из статей В. Флорикс с горечью отмечал, что от городских сословий трудно ожидать любви к просвещению: «Каждый мещанин скорее согласится отдать сына своего в самую трудную работу, нежели в школу, отговариваясь тем, что его дед и отец не учились, так и внукам не к чему забивать голову бестолковщиною»²⁰. С этими оценками солидарен и Р. Крылов, отмечавший, что общество в провинции заранее предубеждено против учителя и «ставит ему в насмешку и то, что он ученый». Р. Крылов говорит о предвзятом отношении к учителю в уездных городах даже в дворянской среде. Он приводит характерную зарисовку с натуры – посещение учителем дома из местных «сановников». Родители его ученика просят обратить внимание на изучение их сыном французского языка, не обременяя другими предметами. Учитель замечает что, наука ещё никому не помешала. «Эх, батенька, прерывает его папенька, добродушно улыбаясь, да что ж ваше образование-то? Много ли оно вам даст хлеба? Вот мой брат полковником, а из второго класса»²¹.

Из приведенных фактов следует, что в первой половине XIX в. рост образованности чиновничества стимулировался правительственными мерами, а с другой стороны, должен был оказаться заторможенным господствующими в провинциальной среде стереотипами о малой пользе «учености». Оценить, насколько сильным был первый из названных факторов можно с помощью данных об образовательном уровне чиновников Курской губернии в 1855–1861 гг.

Таблица 2

Образовательный уровень
служащих учреждений Курской губернии в 1855–1861 гг.²²

Класс чинов	Всего учтено служащих	Высшее	Незаконченное высшее	Среднее	Неполное среднее	Начальное	Домашнее
V	1	1					
VI	3	3					
VII	3	2					1
VIII	6	2	1	1		1	1
IX	5	1		1			3
X	11		1	3		6	1
XII	18	1		4	1	10	2
XIV	29			6		20	3
Безчина	44	2		9	2	21	10
Итого	120 (100 %)	12 (10 %)	2 (2 %)	24 (20 %)	3 (2 %)	58 (49 %)	21 (17 %)

Как видно из таблицы, прогресс образованности у служащих курских бюрократических учреждений в 1855–1861 гг. по сравнению с началом XIX в. **оказался довольно внушительным**. Если относительно 1801–1816 гг. были получены данные о 4 % лиц с высшим образованием, 5,7 % со средним и 12,3 % с начальным, то теперь эти цифры составляли соответственно 10 %, 20 % и 49 %. Лиц с домашним образованием осталось всего 17 %. Конечно, эти данные не могут считаться точными, поскольку получены в результате естественной выборки, однако тенденция в любом случае оказывается очень явственной.

Полученные результаты опровергают встречающиеся в литературе суждения о безуспешности попыток правительства «приохотить» дворянство и чиновничество к образованию, в том числе о недейственности указа 6 августа 1809 г. Напротив, резонной представляется мысль историка народного просвещения И. Алешинцева, который писал, что после данного указа «пассивная забастовка общества по отношению к гимназиям и училищам кончилась, будущие чиновники стали учиться»²³. Заметное улучшение образовательных характеристик курского чиновничества говорит о том, что образование стало весомым фактором профессионального роста. Этот вывод согласуется с выводом Б. Н. Миронова, писавшего что «образование не гарантивало успешной карьеры» в

первой половине XIX в., но «являлось необходимым для неё условием», которое в сочетании с другими факторами, такими как социальное происхождение, богатство, национальность, родственные и личные связи, способности и др., становилось более действенным фактором социальных перемещений²⁴. Фактически ту же мысль проводит и американский исследователь В. Пинтнер. Согласно его анализу социальной мобильности российской бюрократии, в первой половине XIX в. карьера чиновника на 31 % зависала от образования, на 18 % – от социального происхождения, на 12 % – от числа крепостных душ и на 39 % – от всех других факторов²⁵.

Имеющие данные свидетельствует, что чиновничество стало наиболее «начитанной» социальной категорией провинциального общества в рассматриваемый период. Так, согласно исследованию А. И. Куприянова, затронувшего вопрос о посещаемости провинциальных публичных библиотек в 1830–1840-е гг., среди читателей преобладали лица, занятые на государственной службе. В среднем они составляли 61 % читателей (а в 1835–1837 гг. даже 72,3 %), тогда как на долю мещан приходилось около 20 %, почетных граждан и лиц купеческого сословия – 11,8 %, крестьян – 0,6 %²⁶. Правда, читали чиновники в основном газеты, журналы и «легкую» художественную литературу²⁷.

Таким образом, усилия российского правительства, предпринятые в первой половине XIX столетия по повышению образовательного уровня чиновничества, в том числе и провинциального, не пропали зря. Будучи весьма далеким от охарактеризованного М. Вебером идеального типа «просвещенного бюрократа», «среднестатистический» провинциальный чиновник из центральной России на рубеже 1850–1860-х гг., тем не менее, заметно продвинулся по пути «от чистописания к юриспруденции» и был заметно образованнее, чем в начале века.

Примечания

- ¹ Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. 2. СПб., 2003. С. 162–175.
- ² Цит. по.: Сухомлинов, М. И. История Российской академии. СПб., 1876. Вып. 6. С. 46.
- ³ Ярославский, П. И. Очерки по истории просвещения в провинциальной России. М., 1913. С. 47.
- ⁴ Галахов, А. Д. Записки человека. М., 1999. С. 26.
- ⁵ Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 131.
- ⁶ Таблица составлена автором на основании формулярных списков чиновников. См.: Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 33. Оп. 2. Д. 366, 467, 513, 514, 573, 574, 594–599, 610–621, 659–675, 683, 719–758.
- ⁷ Уортман, Р. Властители и судии : Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 98.
- ⁸ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXVII. № 20597. 24 янв. 1803 г.
- ⁹ Уортман, Р. Указ. соч. С. 123.
- ¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXX. № 23771. 6 авг. 1809 г.
- ¹¹ Уортман, Р. Указ. соч. С. 113.
- ¹² Там же. С. 115.
- ¹³ Там же. С. 116.
- ¹⁴ Ярославский, П. И. Указ. соч. С. 54.
- ¹⁵ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 968. Л. 6.
- ¹⁶ Там же. Л. 7.
- ¹⁷ Там же. Л. 13.
- ¹⁸ Там же. Л. 21–23, 37–38.
- ¹⁹ См., напр.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 968. Л. 26–27, 46–54, 61–69, 83–86.
- ²⁰ Флорикс, В. Несколько слов о приходских училищах и учителях // Журн. для воспитания. 1859. Т. 5. С. 191.
- ²¹ Крылов, Р. Об отношении учителей к уездному обществу // Там же. С. 40–41.
- ²² Таблица составлена автором на основании формулярных списков чиновников. См.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 19, 20, 23, 42, 44, 45, 46, 47, 146, 152; Ф. 33. Оп. 2. Д. 4400, 4402, 4403–4405, 4407, 4408, 4410–4416, 4418, 4420, 4422–4425, 4427, 4428, 4431, 4434–4436, 4438, 4439, 4441–4449, 4463–4465, 4468–4477, 4479–4492, 4505–4507, 4510–4516, 4518, 4519, 4520, 4522–4525.
- ²³ Алешинцев, И. История гимназического образования в России (XVIII–XIX вв.). СПб., 1912. С. 55.
- ²⁴ Миронов, Б. Н. Русский город в 1740–1860-е гг. : демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 141.
- ²⁵ Pintner, W. M. Civil officialdom and the nobility in the 1850-s // Russian officialdom. Chapel Hill. 1980. P. 237.
- ²⁶ Куприянов, А. И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М., 2007. С. 100.
- ²⁷ Там же. С. 100–101.

ГУБЕРНАТОРЫ И МИРОВЫЕ СУДЬИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1870–1880-Х ГОДАХ В СИТУАЦИЯХ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ И КОНФЛИКТА¹

В статье рассматривается малоизученная проблема взаимоотношений пермских губернаторов и участковых мировых судей. На основе региональных материалов раскрываются причины и факты нормальных или конфликтных ситуаций между двумя ветвями власти, имевших значительные последствия для развития, а затем и ликвидации судебно-мировых учреждений в Российской империи.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., мировой суд, местная администрация, независимость суда, земские собрания, избирательный процесс судей, всеподданнейшие отчеты губернаторов, Правительствующий Сенат.

Взаимоотношения администрации и введенных в империю по судебной реформе 1864 г. мировых судов находились в центре внимания современников. Либералы еще до введения Судебных уставов заявляли о необходимости независимого суда², а потом указывали на невозможность «установления вновь какого-либо влияния губернаторов на производство судебных дел»³, жаловались на тщетность ожиданий в ограждении судебской независимости «от произволения местной администрации» и приводили примеры, когда «неблагоприятные» отзывы губернатора повлияли на мнение Сената, несмотря на «наилучшие» высказывания председателей и прокуроров окружных судов об избранных мировых судьях⁴. Защитники независимого суда видели, что новое судебное учреждение быстро стало «нелюбимым ребенком», которому никак не удастся угодить своим родителям и воспитателям⁵. Одновременно либеральная общественность осознавала, что случаи «препятствий, недоразумений и неудовольствий» между судебной и административной властями не могут быстро исчезнуть: «Россия была бы сказочной страной, если бы в ней изменение нравов и воззрений местной бюрократии шли наравне с быстрым чередом Великих реформ»⁶.

Консерваторы не понимали составителей Судебных уставов, создавших судебную организацию, которая «поставила судебных чинов в ненормальные отношения к администрации» (ведь этим они нарушили «единство управления»). Они задавали вполне справедливые вопросы: кто же будет защищать права граждан, если даже министр юстиции не может отстранить мирового судью за «неспособность» и «нерадивость»?⁷

К пятидесятилетию судебной реформы 1864 г. появились первые исследования, посвященные отношениям администрации и мирового суда. Эти труды указывали на «голословность» и «чрезмерную склонность» к обобщениям отдельных губернаторов в отношении мировой юстиции, отмечали симптоматичное совпадение негативных отзывов с «однородным» курсом Министерства внутренних дел⁸, обличали завуалированные требования глав губерний в установлении их прямого надзора за мировым судом⁹. Авторы проводили идею о «фактическом преобладании ведомства министерства внутренних дел над судебным»¹⁰. Дореволюционная историография коснулась проблем взаимодействия судебных институтов с исполнительной властью, ввела в научный оборот неопубликованные архивные материалы разных министерств и ведомств. При этом большинство работ носило описательный характер.

Советские исследователи не выходили за рамки марксистско-ленинской парадигмы, видели классовый характер во враждебных отношениях административных и судебных структур: борьбу старых феодальных порядков с «буржуазными судебными принципами»¹¹. Некоторые авторы, скрупулезно изучавшие рассматриваемую проблематику, обращали внимание на большую роль губернаторов «в подборе “нужных людей” на должности мировых судей»¹² и воздействие высшей бюрократии на судебное ведомство, которая стремилась, не обращая внимания общественного мнения, подчинить суд влиянию административной власти¹³.

С конца XX в., в связи с восстановлением мирового суда в России, возродился интерес к взаимодействию и борьбе судебной и админи-

стративной власти. Так, Ю. Г. Галай отметил поэтапное наступление на независимость мирового суда в период правления Александра II¹⁴. И. И. Дунаев обратил внимание на фактический контроль «губернаторской власти над мировым судом»¹⁵. Н. Н. Трофимова и Г. А. Боева определили, что «по мере того как режим переходил на все более реакционные рельсы, судебная власть становилась под все больший контроль администрации», а процесс избрания мировых судей находился под бдительным надзором администрации и приобретал все более формальный, «фарсовый» характер¹⁶. Л. В. Пашкевич также согласилась с постепенным нарастанием тенденции административного подчинения мировых судов¹⁷.

В итоге в современных работах утвердилось мнение о преобладании административной власти над мировыми судьями, которые послушно исполняли ее волю. В то же время, в новейших исследованиях справедливо отмечается, что не все губернаторы стремились подчинить себе мировой суд. Можно наблюдать примеры не только давления на судебные учреждения, но и явного содействия развитию судебных инстанций со стороны губернаторов. При этом «процесс взаимодействия суда и административных органов на местах при реализации судебной реформы изучен слабо»¹⁸. Только в последнее десятилетие появились диссертационные исследования, в которых проанализированы некоторые аспекты деятельности мировых судов в отдельных регионах Российской империи. Тем не менее, тема взаимодействия и борьбы администрации и судебно-мирового института остается плохо освещенной. Авторы только упоминают о зависимости мировых судей от губернаторов, при этом не исследуют факты, мотивы, подтексты и последствия таких взаимоотношений. Нет понимания истинных причин неприязненных или же миролюбивых отношений между этими двумя ветвями власти.

Судебная реформа 1864 г. основывалась на независимости суда от администрации. По закону ни губернаторы, ни министр внутренних дел, ни министр юстиции не могли вмешиваться в судебную деятельность выборных мировых судей, влиять на их материальное положение, избрание или отстранение от службы. Судебная власть распространялась на все сословия¹⁹.

Судья мог вызвать на судебное заседание даже «начальника» губернии. Некоторые высокопоставленные чиновники считали подобную «равноправность» «показухой», «посмеянием»

и «глумлением» публики, «которую мировой судья может увеселять, делая облеченному властью лицу разные оскорбительные вопросы под предлогом разбирательства дела»²⁰.

При этом во время очередных выборов местных «деятелей Фемиды» у губернатора осталось право сообщать гласным земских собраний, а затем и Сенату свои «замечания» о кандидатах в мировые судьи²¹. После утверждения судей I Департаментом Сената отстранение их от должности допускалось только по приговору уголовного суда²². Такое положение не устраивало высших представителей местной администрации, которые усматривали крупный недостаток в том, что судебное ведомство оказалось вне надзора губернатора: «чиновники и представители разных ведомств долго не могли освоиться с ролью, которая дана им законом на суде – ролью стороны и ничего более»²³.

Создание новых судебных институтов проходило в строгом соответствии с «Положением о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г.»²⁴. Для введения судебно-мировых учреждений в каждом из 12 уездов Пермской губернии нужно было образовать особое уездное присутствие, состоявшее из главных лиц местного самоуправления и представителей исполнительной власти. Этот орган за три месяца должен был составить список кандидатов, которые по закону имели право баллотироваться в мировые судьи.

К обязанностям уездного присутствия относилось также распределение уезда на судебно-мировые участки, а, следовательно, и определение числа участковых мировых судей. При этом учитывалось количество «населения, пространство, удобство сообщений, развитие промыслов и торговли»²⁵. Итоги работы уездного присутствия проверялись губернским присутствием во главе с губернатором, а затем передавались на рассмотрение уездного земского собрания, где гласные должны были выбрать участковых и почетных мировых судей, определить им содержание, подтвердить распределение уезда на участки. Если во время выборов мировых судей на уездном земском собрании присутствовало меньше 12 гласных или выборы не состоялись по другим причинам (недостаток кандидатов или при баллотировке не получили большинства), то избрание мировых судей передавалось в губернское уездное земское собрание²⁶. Окончательное утверждение принятых решений производил I Департамент Сената.

В мае 1871 г. гласные 2 чрезвычайного Пермского губернского земского собрания единогласно постановили: «...поручить управе ходатайствовать о скорейшем открытии в Пермской губернии судебно-мировых учреждений»²⁷. Однако просьба была удовлетворена только после активного содействия пермского губернатора Н. Е. Андреевского. В апреле 1872 г. он направил прошение министру внутренних дел, в котором указал: «...долгом считаю заявить, что сама народная жизнь всем своим существом нуждается в скорейшем введении судебно-мирового института, который представляется одним из благонадежнейших средств к ее обновлению и развитию»²⁸. Уже в мае 1872 г. министр юстиции К. И. Пален внес в Государственный совет «...представление о введении в действие Судебных уставов в губерниях Пермской и Вологодской»²⁹, которое было рассмотрено и утверждено 12 декабря 1872 г.³⁰

В период генезиса мирового суда в Пермской губернии местная администрация всеми средствами содействовала быстрому созданию нового института. В январе 1873 г. началась активная переписка Н. Е. Андреевского с председателями уездных земских управ о скорейшем образовании особых уездных присутствий для подбора кандидатов в мировые судьи и распределении уездов на судебно-мировые участки³¹. Губернатор своевременно «испрашивал» разрешения у министра внутренних дел на открытие чрезвычайных земских собраний для избрания мировых судей в Пермской губернии³².

«Начальник» губернии, особые уездные присутствия и земские собрания работали без задержек и промедлений. Это позволило К. И. Палену «...признать ныне возможным назначить время введения в этой губернии означенных установлений на 1 декабря сего (1873) года»³³. С начала 1874 г. канцелярия пермского губернатора начала собирать статистические сведения о новом судебном институте³⁴. Во всеподданнейшем отчете Александру II за 1873 г. Н. Е. Андреевский с удовольствием отапортовал: «...институт мировых судей введен в действие с 1 декабря. Вся губерния подразделена на 68 судебно-мировых участков. 53 мировых судьи избраны местными земскими собраниями, а остальные назначены от правительства»³⁵.

В последующих отчетах губернатор постоянно указывал, что «в Пермской губернии все обстоит благополучно»³⁶. Подобные успехи заключались в тесном и разумном сотрудниче-

стве губернатора с представителями земского самоуправления, в их союзе, основанном на взаимном доверии и уважении. Недаром правление Н. Е. Андреевского называют «веком серебряным» в истории пермского губернаторства³⁷. Подобные примеры характерны и для других регионов Российской империи, в частности, Ярославской губернии: при введении мирового суда администрация «выказывала полное содействие судебным учреждениям». Наблюдалось «согласие обеих отраслей управления, т. е. администрации и юстиции, идущих рука об руку»³⁸.

В 1878 г. новым «начальником» губернии был назначен В. А. Енакиев. Современники считали его человеком «доступным», «демократичным» и сочувствующим мирным преобразованиям³⁹. Вскоре после назначения губернатор признал, что первоначально проявился «некоторый антагонизм между органами администрации и земством»⁴⁰.

Вероятно, поэтому в первом же отчете он назвал пермских гласных «людьми умными и дельными», но отметил, что «вместе с тем эти лица все почти принадлежат к классу людей, не владеющих сколько-нибудь крупной собственностью и не чувствующих потому тяжести земских налогов»⁴¹. В последующие годы В. А. Енакиев весьма благоприятно отзывался о земском самоуправлении, где «проявляется постоянно много жизни и обнаруживаются таланты, которые при отсутствии подобных учреждений, оставались бы неизвестными»⁴².

Отношения с земством зеркально проецировались и на мировой суд. В 1879 г. губернатор умеренно покритиковал «некоторых» мировых судей, небрежно относившихся к принятым на себя обязанностям⁴³. Однако в начале 1880-х гг. отзывы носили совсем иной характер: «...население, находя в новом суде защиту против личных обид и оскорблений, начинает отвыкать от самовольной расправы с обидчиками и более обращается в суд»⁴⁴. Увеличение количества обвиненных по решениям мировых судей он объяснял «усиленным рассмотрением в отчетном году дел»⁴⁵.

После смерти В. А. Енакиева, 23 сентября 1882 г. в г. Пермь прибыл А. К. Анастасьев – отставной поручик, участник Крымской войны, а затем успешный администратор в Царстве Польском. Политические взгляды нового губернатора соответствовали новому духу времени и полностью укладывались в принципы «бескомпромиссного консерватизма»⁴⁶.

Уже в первом всеподданнейшем отчете за 1882 г. губернатор выразил свое недовольство кадровым составом земских учреждений. Вероятно, у А. К. Анастасьева сразу не сложились отношения с руководителями земского самоуправления: «...распорядителями земского дела являются по преимуществу волостные писари и даже сидельцы питейных заведений, попадающие на места председателей и членов земских управ посредством происков и интриг». Губернатор очень резко отозвался о земских гласных: «традиционная страсть этого класса людей к наживе», «при малом своем кругозоре», «неразвиты и незнакомы с общественной жизнью», «ловкие люди». Причина такого внезапного «нападения» заключалась в том, что представители земств «стараятся в различных мелочах выставить свою самостоятельность и независимость от администрации»⁴⁷.

А. К. Анастасьев не оставил без внимания и мировых судей, которых выбирали «ловкие» гласные на заседаниях земских собраний. Глава губернии в первом отчете сообщил Александру III, что «...замечался важный недостаток: мировые судьи несочувственно относятся к деятельности полиции». По мнению губернатора, нарушители штрафовались «ничтожной» суммой, а дела, направленные полицией в мировой суд, долго не рассматривались. Для исправления удручающего положения предложил перейти от процесса избрания судей к их назначению: «служба ранее в губерниях Царства Польского, где мировые судьи назначаются от правительства, я убедился в преимуществе их пред выборными судьями»⁴⁸.

В августе 1883 г. губернатор самостоятельно попытался устранить ранее заявленные недочеты в деятельности судей, не дождавшись указаний из столицы. Во время поездки в г. Екатеринбург он решил помочь полиции в «обуздании» местных мировых судей, которые «положительно» игнорировали составляемые ей акты и протоколы. «Желая по возможности поправить дело к общей пользе» А. К. Анастасьев пригласил к себе трех мировых судей, которые тотчас и к нему явились.

Позднее А. К. Анастасьев в секретном доносении министру внутренних дел так описывал эту встречу: «Чтобы обстоятельно уяснить себе положение дела, я предпочел переговорить с каждым из них отдельно. Переговорив, таким образом, с двумя мировыми судьями и заручившись их обещанием помогать полиции, я приказал пригласить третьего мирового судью

Кикина, но оказалось, что он удалился из моей квартиры!». Обиженный губернатор вновь послал за судьей, пригрозив ему ответственностью за неподчинение. И. К. Кикин явился на следующий день в назначенный час и на вопрос о причине своего быстрого ухода, «скрестив руки на груди, смерив меня с ног до головы, самым дерзким тоном ответил мне: “Так что ж, я, мировой судья, должен дежурить у презренной администрации!!!”»⁴⁹.

Мировой судья тоже послал жалобу на губернатора в Правительствующий Сенат. И. К. Кикин объяснил, что сидел в приемной губернатора более часа, но Анастасьев его так и не принял, а «в камере ожидал народ для разрешения дел», поэтому судья предпочел возвратиться к исполнению своих служебных обязанностей. На следующий день А. К. Анастасьев, «не говоря ни слова о деле, в позе и тоне начальника» грубо спросил судью, чем он может объяснить вчерашнее свое поведение? «Находя этот вопрос неуместным и обидным», И. К. Кикин спокойно напомнил, что по закону губернаторы не имеют права требовать объяснений от мировых судей. После этого глава губернии закричал: «Вон, вон!» И судья удалился⁵⁰.

Сенат возбудил по этому конфликту «дело в порядке надзора». В декабре 1883 г. возмущенный А. К. Анастасьев написал объяснение, в котором оскорбительно отзывался о судье: «Кикин, как я узнал впоследствии, человек нетрезвого поведения и с большими странностями, почему, как мне заявил председатель местной земской управы, многие считают Кикина самого сумасшедшего, да иначе и нельзя было объяснить его необычайной выходки со мной»⁵¹. Несмотря на жалобы, губернатор не смог добиться отстранения И. К. Кикина от службы, который доработал мировым судьей пятого участка Екатеринбургского судебного-мирового округа четвертое трехлетие (1882–1885 гг.)⁵², а затем был снова выбран в почетные мировые судьи⁵³.

Таким образом, А. К. Анастасьев, следуя принципу подчинения суда администрации, попытался повлиять на судопроизводство и вмешался в работу мировых судей, которые по закону не подчинялись губернатору. И. К. Кикин тоже не проявил осторожности. Он сильно задел самолюбие «начальника» губернии, заявив о полной независимости мирового суда от администрации. Терпения, мудрости и уважения не хватило обоим представителям разных ветвей власти.

Нетрудно представить, какой отзыв написал А. К. Анастасьев во всеподданнейшем отчете за 1883 г. о мировых судьях Пермской губернии. С этих пор настоящим врагом для «начальника» губернии являлся весь мировой суд: «нередко приходится даже слышать о продажности судей», «личный персонал мировых судей стоит на крайне низком нравственном уровне». Теперь не только председатели земских собраний и управ избирались из бывших «волостных писарей», но и большинство мировых судей, «успевших приобрести, чаще всего, неблагоприятными средствами имущественный ценз». Несмотря на явную эмоциональность высказываний, губернатор рационально призывал обратить внимание на сильную зависимость мирового суда от земских собраний, но выход видел только в отмене процесса избрания судей, которые только «стремятся добиться популярности среди населения, не отступая для этой цели ни пред какими средствами»⁵⁴.

С. Мокринский, изучавший замечания разных губернаторов о мировом суде, назвал отзыв пермского губернатора «первым по времени»⁵⁵. Действительно, впервые прозвучали столь серьезные обвинения от высокопоставленного представителя власти, которые не могли не вызвать большого резонанса в правительственных кругах. Александр III приказал «обратить внимание министра юстиции», а также направил отчет на рассмотрение Комитета министров, где возник вопрос: «не следует ли изменить существующий в Пермской и Вятской губерниях порядок назначения мировых судей?»⁵⁶

Министр юстиции Д. Н. Набоков сначала распорядился собрать сведения «о неудовлетворительных выборах мировых судей по Вятской и Пермской губерниям» за весь период деятельности мирового суда. После скрупулезного рассмотрения всех документов, он пришел к выводу, что находящиеся в распоряжении министерства материалы не позволяют сделать заключения относительно тех мер, «кои должны быть приняты для устранения указываемых губернатором неудовлетворительных сторон постановки дела отправления правосудия мировыми судебными установлениями означенной губернии» и предложил произвести всестороннюю ревизию мирового суда⁵⁷.

Летом 1885 г. член харьковской судебной палаты В. Ненарочкин ревизовал мировую юстицию в Пермской губернии. Этот судебный деятель обстоятельно подошел к одной из главнейших проблем мирового суда не только Пермской

губернии, но и «вообще во всей России». Он указал на большое количество нерешенных уголовных и гражданских дел и медленность в судопроизводстве. Однако В. Ненарочкин объяснял это не леностью судей или их «нерадивым» составом, а вполне объективными причинами: «огромные пространства Пермской губернии и отдаленность одного мирового участка от другого»⁵⁸. Так, например, все судебномировые участки Верхотурского судебного-мирового округа были абсолютно неравнозначны по размерам и численности населения. Самым большим по площади был 2 судебномировой участок – 30000 кв. верст, а самым маленьким – шестой – 1200 кв. верст⁵⁹.

Участковый мировой судья мог заболеть, умереть, уехать в отпуск и т. п., в это время его замещал судья соседнего участка. В. Ненарочкин возмущался: «...если каждый мировой судья при его поистине тяжелой и трудной деятельности пожелает в течение года отдохнуть хотя бы один месяц и получит на это время отпуск, то в таких больших мировых округах, как, например, Екатеринбургский, где 9 участков, на девять месяцев будет приостановлено отправление правосудия»⁶⁰. Такой проблемы можно было бы избежать, увеличив количество судебномировых участков, а, следовательно, число судей.

Особое внимание В. Ненарочкин уделил кадровому составу судебномировых учреждений. Прежде всего, он покритиковал выборщиков мировых судей – составы земских собраний, которые «легко смотрят на избрание лиц в мировые судьи». Местных судей он назвал «разночинцами интеллигенции» и «неудачными карьеристами», которые «творят суд далеко не ради достижения высших интересов, а ради одного прокормления на общественный счет». Однако «...мировые судебные учреждения этой губернии не представляют таких аномальностей, которые вызывали бы особые правительственные меры. Ни продажности, ни полного противодействия их администрации, о чем упоминается во всеподданнейшем отчете бывшего пермского губернатора Анастасьева, как изволите усмотреть из представляемого подробного отчета, мною не обнаружено»⁶¹.

В. Ненарочкин прилагал и подробные списки мировых судей, выбранных осенью 1882 г. на четвертое трехлетие (1882–1885 гг.). Из них видно, что А. К. Анастасьев сильно преувеличил низкий кадровый состав мирового суда в Пермской губернии. Из 63 «наличных» ми-

ровых судей Пермской губернии – 27 имели высшее образование (43 %), а 14 (22 %) – юридическое. 15 судей (24 %) окончили средние учебные заведения, 16 судей (25,5 %) обучались в уездных училищах, остальные 5 (7,5 %) получили «домашнее образование». Несмотря на большой процент судей с низким уровнем образования (33 %), большинство имело стаж работы в судебной сфере (в среднем 14 лет). Ревизору удалось найти только одного судью, работавшего до 1873 г. волостным писарем, – это И. Я. Тугаринов, которого только 30 октября 1884 г. Ирбитское уездное земское собрание утвердило в должности участкового мирового судьи⁶².

Реформа местного суда в Пермской губернии значительно повысила уровень образования судей, разбиравших незначительные уголовные и гражданские дела. Так, до 1873 г. «в среде личного состава существующих в Пермской губернии уездных судов не было ни одного чиновника, получившего образование в высшем учебном заведении»⁶³. Поэтому средний показатель по губернии в 43 % судей с высшим образованием хорошо доказывал явные достижения пореформенного этапа в судебной системе.

Несмотря на значительную удаленность Пермской губернии от центра, отсутствие системы высшего образования и малочисленность дворянского сословия, здесь было больше судей, окончивших вузы, чем в исконно дворянских губерниях. Так, ревизия сенатора С. Мордвинова в начале 1880-х гг. выявила в Воронежской и Тамбовской губерниях только по 36 % мировых судей, имевших высшее образование. При этом большинство судей до выборов находились на военной службе⁶⁴. В это же время сенатор И. Шамшин провел ревизию в Саратовской и Самарской губерниях, где из 92 судей только 28 (30 %) окончили высшие учебные заведения, а 53 (57 %) – средние⁶⁵. Даже в столице в первые 20 лет работало не более 70 % судей с высшим образованием⁶⁶.

В отчете В. Ненарочкина были приведены и советы по улучшению процесса судопроизводства. Главный из них заключался в «приближении» выборных мировых судей к судьям общих судов: «тем самым заставите мировых судей не думать, что они пасынки судебного мира без будущности, надежд и поощрений!». Ревизор поднял важнейшую проблему существования мирового суда, находившегося на полном обеспечении земств, которые «смотрят

на мировых судей исключительно как на своих местных земских деятелей». Поэтому отрицательные высказывания губернаторов о гласных земских собраниях порой заканчивались угнетением и выбранных ими мировых судей, формально принадлежавших к судебной власти, но не пользовавшихся льготами коронных судей (пенсия на общем основании, эмеритальная касса министерства юстиции и др.)⁶⁷.

Несмотря на фактическое опровержение высказываний А. К. Анастасьева о мировом суде Пермской губернии, давление на судебно-мировые учреждения продолжилось со стороны уже нового пермского губернатора В. В. Лукошкова, назначенного в апреле 1885 г.⁶⁸ Он сразу перенял слова и тон предшественника и еще от себя высказался негативно об адвокатуре и институте присяжных заседателей⁶⁹.

Во многих всеподданнейших отчетах разных губернаторов за 1884–1885 гг. сквозили мнения о мировом суде, высказанные еще А. К. Анастасьевым. Так, самарский губернатор в отчете за 1885 г. сообщил, что правительство уже обратило внимание на недостатки мирового суда, на борьбу партий в земских собраниях, интриги во время выборов и потребовал назначать мировых судей⁷⁰. Вятский губернатор А. Н. Волков жаловался на «недостойных занятия столь важных должностей» и предлагал «возможно большее назначение правительством лиц» на должности мировых судей⁷¹. О «зависимости их от влиятельных людей и партий в уезде» писал новгородский губернатор⁷².

«Начальники» губерний обычно ругали мировых судей в связке с избравшими их земскими гласными. Так, пензенский губернатор А. А. Татищев, подобно А. К. Анастасьеву, сначала заявил, что земские и городские учреждения «более и более становятся арендой деятельности лиц, преследующих своекорыстные цели», а затем отметил: «в руках этого же кружка находится суд», который не может быть лучше, чем его покровители⁷³. Ярославский губернатор В. Д. Левшин с возмущением заявил о равнодушии, «...с каким относятся к своим обязанностям как исполнительные органы земства, так, в особенности, земские собрания», а потом обрушился на мировой суд, где часто «встречаются лица, не соответствующие этому высокому званию»⁷⁴. По этой же схеме действовал и полтавский губернатор Е. О. Янковский: «во многих земствах дух партий отодвигает общественную пользу на задний план, устанавливая почву личных страстей...» и в продолжение

– «во многих случаях мировые судьи далеко не отвечают требованиям закона»⁷⁵.

Отношения, складывавшиеся между администрацией и мировым судом, зависели, прежде всего, от личных взглядов губернаторов на проблемы земского самоуправления, от взаимоотношений между ними и, конечно, правительственного курса, направленного на получение тех или иных сведений о пореформенных институтах. Такое мнение подтверждает не только пример с пермским губернатором А. К. Анастасьевым. Например, в отчете за 1884 г. исполнявший обязанности курского губернатора А. Ф. Анисин заявил, что «отношения этих учреждений (земских и городских) к администрации являются вообще нормальными», поэтому и «судебно-мировые учреждения никаких нареканий не вызывали»⁷⁶. Однако через год новый курский губернатор П. П. Косаговский сильно ругал и земство, и мировой суд. Все эти неудовольствия вызваны банальной мелкой обидой: «губернатор ставится иногда в положение даже ненормальное, так, например, будучи обязан лично открывать губернское земское собрание, губернатор должен явиться туда в мундире, в то время как подчиненные губернатору лица, одновременно находящиеся на службе в земстве, принимают своего начальника губернии в домашнем платье»⁷⁷. Подобные жалобы проскальзывают и у пензенского губернатора А. А. Тагищева, который, нападая на пореформенные учреждения, оперирует словами: «губернатор не может», «не в праве вмешиваться», «он следит лишь», «он лишен возможности» и т. п.⁷⁸

Одновременно многие губернаторы успешно взаимодействовали с земствами и мировыми судьями. Так, ничего плохого о земских собраниях и мировых судьях не писали в 1880-х гг. вологодские, владимирские, воронежские, костромские, московские, нижегородские, симбирские, орловские, псковские, рязанские, саратовские и др. губернаторы⁷⁹.

Однако негативные отзывы отдельных губернаторов сильно повлияли на Правительствующий Сенат, который в 1886 г. издал указ «О мировых судьях», опубликованный во всех официальных губернских газетах: в связи со «значительным числом жалоб», необходимо установить «надзор» за мировыми судьями (правда, пока со стороны мировых съездов), который должен был простирается вплоть до уголовного преследования⁸⁰. Несомненно, мнения губернаторов учитывались и при под-

готовке закона «О земских участковых начальниках», ликвидировавшего выборный мировой суд. Впоследствии выдержки из отчетов активно использовались комиссией Н. В. Муравьева для пересмотра «законоположений по судебной части»⁸¹.

Подведем основные итоги.

Во-первых, негативные высказывания некоторых «начальников» губерний основывались на субъективных взглядах и носили личностный характер. Все зависело от мировоззрения губернатора, от его социально-политических пристрастий, от конфликтных ситуаций с земским самоуправлением и мировыми судебными установлениями. Либеральные деятели даже в административной среде видели в выборном мировом суде необходимый судебный институт, «воспитывающий» население для современной жизни; консерваторы – развал основополагающих устоев государственного управления, расстройство иерархической системы и, наконец, в будущем – революцию в стране.

Во-вторых, нельзя полностью возлагать ответственность в конфликтных ситуациях только на администрацию. К сожалению, мы не выявили источников, в которых сохранились бы мнения гласных уездных земских собраний о губернаторах и его подчиненных. Вероятно, они были не самыми лесными. Возможно, что, чувствуя свою безнаказанность, гласные земских собраний иногда вели себя вызывающе, специально пытались подчеркнуть свою независимость от административных структур. В результате назревали неприятные инциденты, которые заканчивались резкими отзывами губернаторов о земском самоуправлении и выбранных ими мировых судьях.

В-третьих, для характеристики деятельности мирового суда в качестве источников исследователи широко используют высказывания губернаторов, не проводя необходимой источниковедческой критики. На примере отчетов пермского губернатора А. К. Анастасьева видно, что его отношение к мировому суду обусловлено не конкретными фактами разных нарушений, а его конфликтом с мировым судьей.

В-четвертых, несмотря ни на что, мировой суд сохранял большую самостоятельность и независимость от администрации вплоть до 1889 г., когда был издан печально известный закон о земских начальниках, объединивших в своем лице судебные и административные функции. Подтверждение этому находится в самих всеподданнейших отчетах: губернаторы

даже в середине 1880-х гг. постоянно просили поставить под правительственный контроль всех выборных мировых судей.

В-пятых, дух «бескомпромиссного консерватизма» оказывал сильное влияние на губернаторов и подталкивал к критике судебных учреждений. Вероятно, многие главы губерний рассуждали по принципу: «необходимо писать то, что хочет читать начальство». Этим и объясняется большое количество однообразных высказываний о мировом суде.

В-шестых, администрация не упоминала о действительных проблемах судебно-мировых учреждений, выражавшихся в катастрофически малом количестве участковых мировых судей и больших по территории судебных участках. Из-за этого одному судье приходилось разбирать большое количество уголовных и гражданских дел, что вело к замедлению судопроизводства и недоступности суда. Сложная система выборов, утверждений и цензов также препятствовала избранию знающих и высококвалифицированных мировых судей. Губернаторы упоминали лишь о контроле над мировыми судьями, но не о решении этих насущных проблем судебно-мировых учреждений.

Примечания

¹ Выполнено в рамках исследования, финансируемого грантом РГНФ № 09-01-83102а/У.

² Суд, администрация и мировые учреждения // *Соврем. летопись*. 1862. Окт. № 43. С. 17.

³ Карнович, Е. П. *Очерки наших порядков административных, судебных и общественных*. СПб., 1873. С. 18.

⁴ Передовая статья // *Рус. ведомости*. 1880. № 301. 22 нояб. С. 1.

⁵ Из общественной хроники // *Вестн. Европы*. 1886. № 10. С. 864.

⁶ Внутреннее обозрение // *Вестн. Европы*. 1876. № 5. С. 349.

⁷ Фукс, В. Суд и полиция. М., 1889. Ч. 1. С. 94–95.

⁸ Мокринский, С. Выборный мировой суд // *Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет*. Т. 2. Пг., 1914. С. 24, 57–58.

⁹ Нольде, А. Отношения между судебной и административной властями и судьба основных начал Судебных уставов в позднейшем законодательстве // *Судебная уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет*. Т. 2. Пг., 1914. С. 498.

¹⁰ Полянский, Н. Мировой суд // *Судебная реформа 1864–1914 гг.* Т. 2. М., 1915. С. 207.

¹¹ Виленский, Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969. С. 370–371; Воробейкова, Т. У. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX в. / Т. У. Воробейкова, А. Б. Дубровина. Киев, 1973. С. 56–62; Шувалова, В. А. К вопросу о судебной реформе 1864 г. // *Вопр. истории*. 1965. № 2. С. 209–212; Скрипилев, А. Е. Об одной стороне судебной контрреформы в России // *Совет. государство и право*. 1983. № 7. С. 119–124 и др.

¹² Галай, Ю. Г. Российская администрация и суд во второй половине XIX (1866–1879 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 10.

¹³ Шавров, А. В. Надзор и дисциплинарная ответственность в судебном ведомстве пореформенной России (1864–1917 гг.) // *Совет. государство и право*. 1985. № 10. С. 102.

¹⁴ Галай, Ю. Г. Суд и административно-полицейские органы в пореформенной России (1864–1879 гг.). Н. Новгород, 1999. С. 23–55.

¹⁵ Дунаев, И. И. Институт мировых судей Нижегородской губернии во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Нижегородской губернии) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 46–47.

¹⁶ Боева, Г. А. Особенности организации и деятельности мировой юстиции в Российской империи по уставам 1864 г. (на примере Симбирской губернии) : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2008. С. 98; Трофимова, Н. Н. Мировая юстиция Центрально-промышленного района России в 1864–1889 гг.: генезис, региональные особенности судоустройства и деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 127–128.

¹⁷ Пашкевич, Л. В. Становление и развитие института мировых судей на Дальнем Востоке России (1896–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006. С. 34.

¹⁸ Попова, А. Д. Фемида в эпоху преобразований: судебные реформы 1864 г. и рубежа XX–XXI вв. в контексте модернизации. М., 2009. С. 139.

¹⁹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ-2). Т. XXXIX. Отд. 2. СПб., 1867. № 41475. Ст. 2. С. 181.

²⁰ Нольде, А. Указ. соч. С. 493.

²¹ ПСЗРИ-2. Т. XXXIX. Отд. 2. СПб., 1867. № 41475. Ст. 37. С. 183.

²² Там же. Ст. 72. С. 186.

²³ Свод замечаний о применении на практике судебных уставов (1864–1870 гг.). Б.м., б.г. С. 9; Нольде, А. Указ. соч. С. 494.

- ²⁴ ПСЗРИ-2. Т. 40. СПб., 1867. № 42587.
- ²⁵ Там же. § 18.
- ²⁶ СЗРИ. Т. 2, ч. 1. № 1662, 1670. СПб., 1876. С. 370–371.
- ²⁷ Систематический сборник постановлений Пермского губернского земского собрания за 1870–1879 гг. Пермь, 1880. С. 708.
- ²⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 91. Д. 28. Л. 2 об.
- ²⁹ Там же. Л. 5.
- ³⁰ ПСЗРИ-2. 1872. Т. XLVII. СПб., 1875. № 51635.
- ³¹ О введении в Пермской губернии в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г. // Журн. III чрезвычайн. Красноуфим. уезд. зем. собр. Екатеринбург, 1873. С. 19.
- ³² РГИА. Ф. 1284. Оп. 91. Д. 28. Л. 14–15.
- ³³ Там же. Л. 52.
- ³⁴ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 1. Д. 77. Л. 2–75 об.
- ³⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 227. Л. 3; Судебные уставы императора Александра II изданные по повелению императора Александра Александровича. СПб., 1886. С. 9. «За недостатком лиц, которые могли бы быть избраны в участковые мировые судьи, недостающее число судей назначается до следующих выборов I Департаментом Сената по представлению министра юстиции».
- ³⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 225. Л. 4 об.; Д. 252. Л. 3 об.; Д. 237. Л. 7.
- ³⁷ Популярная энциклопедия Пермского края. Сборник полезных краеведческих сведений. Пермь, 2006. Т. 1. С. 113.
- ³⁸ Свод замечаний о применении на практике судебных уставов (1864–1870 гг.)... С. 7–8.
- ³⁹ Пермские губернаторы: традиции и современность. Пермь, 1997. С. 110.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 333. Л. 64 об.
- ⁴¹ Там же. Оп. 69. Д. 244. Л. 5 об.
- ⁴² Там же. Оп. 70. Д. 297. Л. 3 об.
- ⁴³ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 45. Л. 5.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 297. Л. 62.
- ⁴⁵ Там же. Д. 315. Л. 79; ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 47. Л. 21.
- ⁴⁶ Пермские губернаторы: традиции и современность... С. 113.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 99. Л. 4–4 об.
- ⁴⁸ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 48. Л. 3 об.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 2. Д. 1028. Л. 1.
- ⁵⁰ Там же. Л. 3–3 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 5 об.
- ⁵² РГИА. Ф. 1405. Оп. 86. Д. 2949. Л. 110 об.
- ⁵³ Журн. Екатеринбург. уезд. зем. собр. XVI оче-
- ред. сессии 1885 г. Екатеринбург, 1886. С. 231.
- ⁵⁴ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 49. Л. 5.
- ⁵⁵ Мокринский, С. Указ. соч. С. 58.
- ⁵⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 86. Д. 2949. Л. 1–3 об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 22.
- ⁵⁸ Там же. Л. 50 об.
- ⁵⁹ Кронеберг, А. Доклад о результатах деятельности мировых судей и съезда Верхотурского округа за 1874 и 1875 гг. Пермь, 1877. С. 2–3.
- ⁶⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 86. Д. 2949. Л. 51.
- ⁶¹ Там же. Л. 40 об.–43 об.
- ⁶² Там же. Л. 80–141.
- ⁶³ Там же. Ф. 1284. Оп. 91. Д. 28. Л. 2 об.
- ⁶⁴ НСБ РГИА (Научно-справочная библиотека Российского государственного исторического архива). Ревизия сенатора С. Мордвинова Воронежской и Тамбовской губернии. Л. 10.
- ⁶⁵ НСБ РГИА. Ревизия сенатора И. Шамшина Саратовской и Самарской губернии. Л. 16.
- ⁶⁶ Петроградский мировой суд за пятьдесят лет. Пг., 1916. Т. 1. С. 208.
- ⁶⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 86. Д. 2949. Л. 54–57.
- ⁶⁸ Пермские губернаторы: традиции и современность... С. 117.
- ⁶⁹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 51. Л. 10–11 об.
- ⁷⁰ НСБ РГИА. Всеподданнейший отчет начальника Самарской губернии за 1885 г. Л. 5–6.
- ⁷¹ Там же. Всеподданнейший отчет вятского губернатора за 1884 г. Л. 13–14.
- ⁷² Там же. Всеподданнейший отчет новгородского губернатора за 1884 г. Л. 14.
- ⁷³ Там же. Всеподданнейший отчет пензенского губернатора за 1885 г. Л. 8–11.
- ⁷⁴ Там же. Всеподданнейший отчет ярославского губернатора за 1885 г. Л. 6–8.
- ⁷⁵ Там же. Всеподданнейший отчет полтавского губернатора за 1884 г. Л. 5, 9.
- ⁷⁶ Там же. Всеподданнейший отчет курского губернатора за 1884 г. Л. 7.
- ⁷⁷ Там же. Всеподданнейший отчет курского губернатора за 1885 г. Л. 9–10.
- ⁷⁸ Там же. Всеподданнейший отчет пензенского губернатора за 1885 г. Л. 8–9.
- ⁷⁹ См. Всеподданнейшие отчеты вышеназванных губерний за 1884–1895 гг. в НСБ РГИА.
- ⁸⁰ Пермские губернские ведомости. 1886. № 79. 1 окт. С. 329.
- ⁸¹ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Подготовительные материалы. Т. X. СПб., 1895. С. 1–25.

О. Н. Леконцев

ГОСУДАРСТВО И КРЕСТЬЯНСТВО В УСЛОВИЯХ ГОЛОДА 1921 ГОДА (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ И ВОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

Голод 1921 г. произошел из-за плохих погодных условий, низкого уровня сельского хозяйства и последствий Гражданской войны. Государство в таких условиях, с одной стороны, усилило налоговый пресс, с другой – оказало разноплановую помощь деревне. Крестьянство, оказавшееся в тисках голода, обостренно реагировало на деятельность государства в зависимости от направленности его действий.

Ключевые слова: крестьянство, государство, голод, налоги, помощь, реакция крестьян.

Начало 1920-х гг. – небольшой промежуток между войной и миром, военным коммунизмом и нэпом. Большевистское государство рассчитывало единым рывком перескочить через эти годы в строительстве нового строя, развитии экономики. Увы, практика оказалась иной, начало десятилетия вошло в историю нашей страны как время очередного испытания – тяжелого голода 1921 г.

В отечественной историографии эта тема до сих пор остается одним из слабоизученных сюжетов советской истории. Если не считать работ 1920-х гг., имеющих практическую окраску¹, и краткого описания голода 1921 г. в общих работах по истории крестьянства в 1960–1970-х гг.², то к подходящему 90-летнему юбилею этого события имеется лишь две специальные монографии: Ю. А. Полякова и Е. М. Хенкина³. При всем положительном влиянии эти работы, скованные советской идеологией, описывали события согласно принятой схеме, в которой роль большевистского государства оценивалась сугубо положительно. Новейшие работы⁴ отображают картину прошлого достаточно объективно, но из-за небольшого объема им не удается охватить ситуацию в полной мере. И уж тем более поверхностно показана деятельность государства и особенно ответная реакция крестьянства.

Региональные труды в целом повторили путь общесоюзных (общероссийских) исследований. Работ по истории Вятской губернии и Вотской автономной области эпохи голода 1921 г. до сих пор также недостаточно. Труды 1920-х гг. носили поверхностный характер, затем о голоде 1921 г. начинают писать уже только в 1960-х гг. По-настоящему открыто об этом сюжете заговорили только с 1990-х гг.⁵

Между тем, исследование темы голода

1921 г. и важной в этом отношении проблемы взаимоотношений государства и крестьянства позволяют серьезно дополнить картину развития страны в один из тяжелейших отрезков XX в.

В начале 1920-х гг. политика советского государства была нацелена на скорейший перевод страны на мирный лад, а затем, с марта 1921 г., на переход к нэпу. Голод, начавшийся в отдельных регионах в 1920 г., поначалу считался досадным недоразумением и всерьез не рассматривался, поскольку нехватка продовольствия периодически происходила в регионах на протяжении всей Гражданской войны.

Следует отметить, что эта же причина составляет ряд ученых растягивать хронологические рамки голода 1921 г. с 1917 г. и до середины 1920-х гг. Очевидно, что традиционное название темы – голод 1921 г. – хронологически не охватывает всего комплекса причин, основных событий и последствий голода, но, на наш взгляд, более целесообразно выделять нижнюю границу с 1920 г., а верхнюю – с 1924–1925 гг. (в зависимости от региона). В Вятской губернии и Вотской области первым урожайным годом эпохи нэпа был 1924 г., а сам голод 1921 г. длился с 1920 по 1923 г.

Причины голода 1921 г. были разнообразными:

– Погодные условия. Два плохих сезона – 1920 и 1921 гг. – привели к серьезным неурожаям. Особенно плохой погода была в 1921 г. Провинциальная пресса сообщала, что к лету почти повсеместно по Вятской губернии «погода для роста хлебов весьма неблагоприятная, заморозки, иней, холод по ночам, жар и ветер днем. Много случаев порчи хлебов от заморозков, особенно ячменя, гречи, гороха, пшеницы, даже ржи»⁶.

– Низкий уровень дореволюционного сельского хозяйства. Примитивной сохой крестьянин царапал истощенную землю, получая минимум продовольствия. Средний урожай до революции составлял с 1 десятины в Вятской губернии: рожь – 7,9 ц (47 пудов), овес – 7,2 ц (43 пуда)⁷; в Вотской области с 1 га: рожь – 6,4 ц, овес – 6,7 ц, лен-волокно – 2,1 ц, картофель – 49,4 ц⁸. В таких условиях даже незначительное ухудшение погоды приводило к голоду.

– Гражданская война и военный коммунизм. Через территорию Вятско-Камского района военные действия прокатывались дважды: в 1918 г. в ходе Ижевско-Воткинского мятежа, и в 1919 г. – наступления Колчака. Повстанцы, колчаковцы грабили, убивали, разрушали хозяйства крестьян. Военные действия, мобилизация мужчин и лошадей отрицательно сказывались на деревне.

Не меньший ущерб деревня несла и из-за политики Советской власти в годы военного коммунизма. Тотальный контроль и постоянные конфискации были типичной практикой Гражданской войны. По Вятской губернии только с 1 июля 1920 по 1 января 1921 г. в счет разверстки было собрано по некоторым данным 9250496 пудов хлеба⁹.

Государство, нуждаясь в продовольствие, изымало у крестьян в годы гражданской войны не излишки, а необходимую для нормального существования продукцию. В конечном итоге это сказалось и на текущем производстве, и на положении в неурожайный год. Отдел управления Вотского облисполкома отмечал, касаясь практики предыдущих лет: «Продотряды закачивали хлеб, не считаясь ни с чем, и вот теперь в неурожайный год крестьянин остался без хлеба»¹⁰. Об этом писала и вятская пресса: «Уржумский уезд в годы Гражданской войны отдавал последнее. За 3 года свыше 10 млн. пудов одного хлеба. К лету 1921 года старых запасов не осталось»¹¹.

В результате к началу 1920-х гг. положение ухудшилось. Руководство Вятской губернии, учитывая общее положение и тенденции предыдущих лет, еще до начала голода 1921 г. считало, что на территории их региона происходит сельскохозяйственный кризис¹².

В Вотской области председатель облисполкома И. А. Наговицын констатировал в 1922 г.: «Хозяйство области приходило все в больший и больший упадок, благодаря ряду неблагоприятных причин в связи с военным

периодом (в частности в 1919 году вся территория была занята военным фронтом)»¹³.

Голод пришел в Вятскую губернию и Вотскую область уже весной 1921 г. Практически все сообщения с мест весной 1921 г. свидетельствовали о нехватке или отсутствии продовольствия и недовольства населения по этому поводу.

Вятская губерния:

Уржумский уезд – «1 апреля <...> из Шурминской и Кузнецовской волостей прибыли делегации с требованием хлеба»¹⁴.

Советский уезд – «по отношению к Советской власти наблюдалось скрытое недовольство на почве продовольственных затруднений»¹⁵.

Малмыжский уезд – «Особенно сильное недовольство и ропот среди крестьянства, так как последнее действительно испытывает чрезвычайный кризис. Положение крестьянства некоторых волостей безвыходное»¹⁶.

Нолинский уезд – «отношение масс к работникам по-прежнему враждебное по той причине, что нет предметов первой необходимости»¹⁷.

Уржумский, Яранский, Малмыжский уезды – «Голодный кризис [проявляется] необычайно остро»¹⁸.

Вятский уезд – «Недовольство из-за нехватки продовольствия»¹⁹.

В Вотской области оботдел ЧК сообщал: «...Настроение населения области ниже удовлетворительного. На почве критического продовольственного положения происходят эксцессы. Толпы голодных в волостях собираются у исполкомов с требованием хлеба и, получая отказы, проклинают и грозят выступлением»²⁰.

И государство, и крестьянство надеялись только на урожай 1921 г. Но он оказался очень низким, и наступил жестокий голод.

Роль государства в 1921/22 хозяйственном году, в условиях голода, была в деревне противоречивой, что сказалось на отношении к нему крестьянства.

Налоговая сфера всегда являлась тяжелой для деревни. Государство, учитывая это, в начале 1920-х г., еще до начала засухи, корректирует свою политику. Переход к нэпу привел к переходу от разверстки к продналогу, что кардинально меняло всю налоговую политику. И, скорее всего, даже при продолжении разверстки (а она на местах была отменена не сразу), крестьянство позитивно отозвалось

бы на такой шаг государства, не будь неурожая 1921 г.

Формально продналог был небольшим. По данным Глазовского ЭКОСО Вотской области, в сравнении с 1916 г., когда продналог составлял 44 р. на хозяйство, в 1921 г. продналог снизился до 17 р. в соответственных ценах. Однако плохой урожай 1921 г. и истощение крестьянского хозяйства привели к тому, что для деревни, по сравнению с эпохой военного коммунизма, налоговое положение не только не улучшилось, но и в ряде случаев ухудшилось. Налоговое давление в 1921/22 хозяйственном году было большим в относительном, а кое-где и в абсолютном отношении, чем в предыдущие годы: «При проведении продналога в виде зерна у населения в 1916 году подлежало бы отчислению около 15 % валового сбора, а в 1921 году 50 %»²¹.

Тяжесть натурального продовольственного налога хорошо видна по уездам Вотской области. В 1921 г., по явно завышенным данным облпродкома, было собрано около 7 млн. пудов зерновых. А общий объем только продналога составил почти 2,5 млн. пудов²². Такой налог был для крестьянина невыносим.

Между тем, были и другие налоги. Так, помольный налог – один из важнейших налогов – должен был составить по стране 26 млн. пудов – 16,2 % общего сбора²³. Затем государство ввело общегражданский налог.

Конец лета – осень 1921 г. были временем очередного противостояния государства и крестьянства. В августе 1921 г. в регионы страны был направлен циркуляр № 313 «О сборе продналога», за подписью председателя ЦО В. И. Ленина, в котором, в частности, говорилось: «Признать необходимым при первых признаках противодействия сбору продналога <...> принять самые решительные меры принудительного характера, вводя в упорствующие волости и селения воинские части, немедленно направляя туда выездные секции Ревтрибунала и строжайше карая упорствующих и т. д.»²⁴

В сентябре 1921 г. Вятский губисполком сообщал на места: «...При данных условиях налог берется не с излишков, а с недостатков в порядке внутри губернского перераспределения. Немедленно собрать продналог во что бы то ни стало»²⁵.

Подобная политика центра имела на местах тяжелые последствия. Налоговое давление государства оказалось высоким, в резуль-

тате чего «в северных уездах [Вятской губернии] настроение крестьянства несомненно хуже, т. к. продналог собирался при сильном нажиме»²⁶.

Сопrotивление крестьянства подавлялось. Только административных арестов, по неполным данным, по губернии было применено к 20273 налогоплательщикам. Кроме того, было осуждено по приговорам нарсудов, ревтрибуналов 1528 человек, в том числе условно 336, с конфискацией имущества 740²⁷.

Но деятельность советской власти в деревне нельзя сводить только к негативным проявлениям. Тяжелое состояние крестьянства голодающих районов параллельно с налоговой кампанией привело к организации помощи государством деревне. Вятская губерния и Вотская область считались более благополучными, но часть их уездов так же начала получать соответствующую помощь в сокращенных размерах уже летом 1921 г.

В целом помощь пострадавшим регионам можно разделить на несколько крупных направлений:

- А) Списание государственных налогов;
- Б) Продовольственная помощь, в том числе помощь государственных, общественных и международных организаций;
- В) Помощь при посевной кампании, главным образом через семенные ссуды.

Процедура помощи регионам исходила, прежде всего, из официального признания их полного или частичного кризисного состояния специальной комиссией из центра, которые опирались на ряд количественных показателей для признания критического положения. Весь регион (или его часть – уезды, волости) мог быть признан пострадавшим от неурожая или голодающим, если оказывалось, что урожай меньше 6 пудов на душу населения²⁸. После этого пострадавшим местностям оказывалась помощь.

Полная или частичная отмена государственных налогов в признанных пострадавшими уездах и волостях, а в эпицентрах засухи и регионах, была наиболее легкой мерой, не требующей от центра больших усилий. Налоговое давление было смягчено и в Вятско-Камском районе. Уже в решении ВЦИК от 7 июня 1921 г. отмечалось: «Включить в область пострадавших от неурожая в текущем году 4 уезда Вятской губернии: Яранский, Уржумский, Советский и Малмыжский»²⁹. Позднее к ним был добавлен еще Вятский уезд.

В Вотской области голодающими были признаны Можгинский и Ижевский уезды полностью и семь волостей Дебесского уезда³⁰, а осенью к ним была присоединено большинство волостей остальных уездов.

Освобождение крестьян от наиболее тяжелых государственных (центральных) налогов, безусловно, положительно влияло на положение в деревне.

Эффективной поддержкой населения была продовольственная помощь. Голодающие регионы стали получать ее уже с лета 1921 г. Однако крайний недостаток средств вынуждал концентрировать ее в наиболее пострадавших местностях, к которым, с точки зрения государства, Вятская губерния и Вотская область не относились. Даже в декабре 1921 г. два эти региона считались губерниями с низкой урожайностью, не объявленных голодающими³¹.

Поэтому продовольственная помощь из центра здесь выдавалась в незначительных масштабах. Перелом произошел только поздней весной 1922 г. Это хорошо видно на примере Вотской автономной области: во второй половине 1921 г. поступления были очень слабыми, в среднем около 3 тыс. пудов в месяц при потребности более 25 тыс. пудов по минимальным расчетам областного руководства. И только с января 1922 г. поступления продовольствия начинаются по двум важным каналам: по нарядам центра и из Ярославской губернии, являющейся шефским регионом.

Вместе с тем, с января по апрель 1922 г. поставки, хотя и увеличились, все равно были явно недостаточны. Перелом наступил в мае, когда поступления выросли сразу в четыре раза. Рост был вызван в первую очередь поступлениями по нарядам центра и помощи (в мае) из Ярославской губернии. Май – сентябрь 1922 г. явились временем наибольших поставок. В эти месяцы было завезено 76,9 % продовольствия³². Неравномерное прибытие продовольствия, несомненно, уменьшало эффективность помощи.

В Вятской губернии в июне 1922 г., по данным ГПУ, функционировало 754 столовых и питательных пунктов, организованных губкомпомголом, которые обеспечивали питанием 91413 человек. Кроме того, в наиболее голодающих районах Слободского уезда на местные средства при поддержке губкомпомгола было открыто две столовые, 9 питательных пунктов, с общей пропускной способностью 981 человек. Две платные удешевленные

столовые были открыты в городах Вятка и Слободской. Также были открыты для воспитания детей из голодающих районов два детских дома. И «...кроме перечисленного губкомпомголом, с целью поддержки малоимущих хозяйств, при реализации нового урожая в июне отпущено дополнительно к июньскому плану голодающим южным уездам 10000 пудов хлеба и северным уездам 5000 пудов».

Большую помощь в борьбе с голодом оказали международные организации. Особое место среди них заняла АРА – Американская организация помощи (American Relief Administration).

Распределение продовольствия по линии АРА осуществляли специальные органы, созданные на местах: уездный (уракпод), волостной (волракпод) и сельский (селракпод) русско-американские комитеты помощи голодающим. Возглавлял эту систему областной (губернский) комитет (иногда он именуется комиссией).

Продовольствие разделялось по уезду (или его части), объявленных голодающими, согласно официальным спискам, определенных заранее.

В большинстве случаев помощь делилась на детские (до 14 лет) и взрослые пайки.

Так, по Вотской области Ижевскому уезду было выделено 5800 детских пайков и 9820 взрослых пайков, Глазовскому уезду – соответственно 2860 и 3600, Можгинскому уезду – 5600 и 11420.

В Дебесском уезде, согласно протоколу № 4 Дебесского уездного русско-американского комитета помощи голодающих от 16 июля 1922 г., распределение продуктов для голодающих шло без деления на пайки: для детей было выделено муки 26 пудов 7 фунтов, сала – 29 пудов 7 фунтов, крупы – 24 пуда 5 фунтов, сахара – 156 пудов 3 фунта, какао – 10 пудов 21 фунт, молока – 604 пуда 22 фунта. Для взрослого населения: кукурузы – 100 пудов 10 фунтов, крупы – 722 пуда.

Для взрослого населения паек выдавался сразу на 2 недели. Детские пайки на руки не выдавались, а направлялись в столовые, в которых дети питались³³.

В Вятской губернии, по данным председателя губернской комиссии последголода, в декабре 1922 г. «...АРА работает в Малмыжском и Уржумском уездах. Оказывается помощь детским домам, инвалидам отпущено продовольствия в размере 25000 пайков»³⁴.

В прессе того времени деятельность АРА оценивалась высоко. Газета «Вятская правда» отмечала, в частности, что в пределах Уржумского уезда с июля 1922 г. АРА ежемесячно отпускала 15 тыс. пайков, состоящих из белого хлеба, риса, какао, сахара, молока. «Кроме того, помогают одеждой, обувью, медикаментами. За 4 месяца в уезде была спасена не одна тысяча детей»³⁵.

В целом продовольственная помощь для населения Вятской губернии и Вотской области, хотя и была недостаточна, но в условиях страшного голода 1921 г. она избавила от смерти тысячи людей, в первую очередь в сельской местности.

Еще одним направлением помощи была выдача семенных ссуд. Разоренное крестьянство имело мизерные запасы низкосортных семян, и без помощи государства обеспечить урожай было не в состоянии, что в конечном итоге могло привести Советскую Россию к окончательной катастрофе.

Семена выдавались уже на посев яровых весной 1921 г. Позже, осенью 1921 г. – весной 1922 г., в совокупности было выдано в Вотской области 565000 пудов семенного зерна и 170000 пудов картофеля³⁶. Крестьянство Вятской губернии, по данным 1923 г., получило весной 1922 г. 1393700 пудов³⁷. Семенная помощь позволила деревне спасти посевной клин. И хотя посевы 1922 г. сократились до критических размеров, но собранного урожая все же хватило, чтобы ослабить тиски голода.

Таким образом, деятельность государства в сельском хозяйстве в условиях голода оказалась весьма противоречивой. В связи с этим, реакция крестьянства тоже была разной, в зависимости от направленности государственных мероприятий.

В частности, несмотря на все льготы и послабления, тяжело воспринималась налоговая кампания. Разделение на голодающие и не голодающие уезды в большинстве случаев было условным. Урожай был низким везде. И хотя в северных уездах Вятской губернии и Вотской области он был лучше, чем в южных, где урожая, по сути, не было вообще, но выполнить налог, а нередко даже просто прокормить население оказывалось невозможным и там. Вотское обстатбюро указывало, что к началу февраля 1922 г. повсеместно по области население питалось исключительно всевозможными суррогатами – лебедой, жмыхами,

картофельной ботвой, молотой соломой, травой, опилками и т. д.³⁸

В таких условиях налоговая кампания вызывала только противостояние. При этом для эпохи начала нэпа характерно не активное, а преимущественно пассивное сопротивление крестьянства. Один из таких способов – неплата налогов.

Органы ЧК (ГПУ) в 1921–1922 гг. отмечали: «Настроение крестьян – неудовлетворительное, налоги и всевозможные труд повинности вызывают с его стороны всяческое противодействие <...> местные налоги в голодных уездах вызывают среди крестьян также недовольство»³⁹, «...были случаи отказа от уплаты [местного] продналога целых селений. В других уездах, как, например, в Дебесском, где работает и в настоящее время продревтрибунал, можно заметить, что крестьянство продолжает [местный] продналог платить»⁴⁰.

В редких случаях, когда положение крестьян становилось безвыходным, происходят их открытые выступления против Советской власти. Вятский губернский отдел ГПУ по итогам за июнь 1922 г. сообщал: «В Нолинском уезде, Унинской волости голодающие, собираясь большими толпами – требуют хлеб, среди них слышатся возгласы, что собранный хлеб сгноили и прочее»⁴¹.

Различного вида помощь также находила среди крестьян ответную реакцию. Так, в мае 1922 г. Глазовский уком Вотской области в своем отчете сообщал: «Политическое состояние уезда благополучно. Настроение крестьян в связи с оказываемой помощью улучшается»⁴².

Таким образом, начало 1920-х гг. оказалось новым периодом обострения положения в советской стране. Молодое большевистское государство, едва победив в кровопролитной гражданской войне, вновь оказалось на грани краха. Сложное положение заставило государство в очередной раз усилить давление на крестьянство, выгрести остатки продовольствия из уже пустых закромов. С другой стороны, помощь государства деревне в начале 1920-х гг. была в тех условиях значительной и разнообразной, и хотя она не внесла перелома, но спасла по всей стране, как минимум, сотни тысяч жизней.

При том, что деятельность советского государства была не идеальной, но проявлений политики государственного геноцида в начале 1920-х гг. в деревне не заметно.

В свою очередь крестьянство, находясь на грани голодной смерти, все свои усилия уделяло выживанию, что определяло его отношение к государству. На давление большевистского режима оно глухо роптало, помощь заставляла его примиряться с ним. Политических выступлений крестьянства в начале 1920-х гг. в исследуемых регионах было мало.

С улучшением обстановки, к середине 1920-х гг., взаимоотношения государства и крестьянства начинают меняться, но это уже другая эпоха, с другими интересами и целями как государства, так и крестьянства.

Примечания

¹ Радек, К. Б. Голод в России и капиталистический мир. М., 1921; Попов, П. И. Производство хлеба в РСФСР и федерирующихся с ней республиках. М., 1921; Хрящева, А. И. Крестьянство в войне и революции : статистико-экономические очерки. М., 1921; Итоги борьбы с голодом в 1921–22 гг. : сб. ст. и отчетов. М., 1922 и др.

² См. например: Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917–1969) / под ред. В. П. Данилова, М. П. Кима, Н. В. Тропкина. М., 1970.

³ Поляков, Ю. А. 1921-й : победа над голодом. М., 1975; Хенкин, Е. М. Очерки борьбы советского государства с голодом. Красноярск, 1988.

⁴ Филиппов, И. Т. Продовольственная политика в России в 1917–1923 гг. М., 1996; Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Документы и материалы : в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. Т. 1; Орлов, В. В. Голод 1920-х годов в Чувашии : причины и последствия // Отечеств. история. 2008. № 1. С. 106–114 и др.

⁵ Единый натуральный налог 1922–23 гг. Вятка, 1922; Отчет Вятского экономического совещания. Апрель – сентябрь 1922 года. Вятка, 1922; Вотская автономная область. Народное хозяйство. 1921–1926. Ижевск, 1926; Удмуртское хозяйство к 10-летию Октябрьской революции. Ижевск, 1927; Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 2. Горький, 1969; Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск, 1968; Куликов, К. И. Удмуртская автономия : этапы борьбы, свершений и потерь. Ижевск,

1990; История Удмуртии. XX век / под ред. К. И. Куликова. Ижевск, 2005 и др.

⁶ Вят. правда. 1921. 7 июня. № 126.

⁷ Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 250. Л. 171.

⁸ Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1985. Л. 2.

⁹ Вят. правда. 1921. 5 янв. № 3 (207).

¹⁰ Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-154. Оп. 3. Д. 4. Л. 14.

¹¹ Вят. правда. 1921. 27 нояб. № 269.

¹² Государственный архив Кировской области. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 504. Л. 199.

¹³ ЦГА УР. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

¹⁴ ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 215. Л. 14.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 28. Д. 71. Л. 463.

¹⁶ ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 215. Л. 41об.

¹⁷ ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 4. Д. 12. Л. 94.

¹⁸ ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 215. Л. 23об.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 28. Д. 71. Л. 470.

²⁰ ЦГА УР. Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

²¹ Отчет Глазовского уездного экономического совещания с 1 октября 1921 по 1 января 1922 г. Глазов, 1921. С. 31.

²² ЦГА УР. Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 39. Л. 5–5об.

²³ Правда. 1921. 24 нояб. № 65.

²⁴ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 28. Д. 7а. Л. 51.

²⁵ ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 293. Л. 87.

²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 340. Л. 15.

²⁷ Там же. Д. 314. Л. 221.

²⁸ Поляков, Ю. А. 1921-й : победа над голодом... С. 16.

²⁹ ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 293. Л. 230.

³⁰ ЦГА УР. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 7. Л. 40.

³¹ Правда. 1921. 4 дек. № 274.

³² ЦГА УР. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 7. Л. 42.

³³ ЦГА УР. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 4. Л. 5–5об.

³⁴ ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 346. Л. 118об.

³⁵ Вят. правда. 1922. 6 окт. № 225.

³⁶ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 157. Л. 181об.

³⁷ ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 459. Л. 92.

³⁸ ЦГА УР. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 7. Л. 40.

³⁹ ГАКО. Ф. Р-876. Оп. 2. Д. 75. Л. 14.

⁴⁰ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 40. Л. 28.

⁴¹ ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 4. Д. 15. Л. 5.

⁴² ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 168. Л. 8.

П. Н. Шарабаров

«ПРАВЫЙ УКЛОН» В ВЯТСКОЙ ОКРУЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВКП (Б) В КОНТЕКСТЕ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ ПО ПРОБЛЕМАМ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

В статье рассказывается о конкретных формах проявления внутрипартийной борьбы на региональном уровне в 1929–1930 гг., связанной с так называемым «правым уклоном» в ВКП (б). Обозначена тесная взаимосвязь политических процессов с начавшейся в СССР массовой коллективизацией деревни.

Ключевые слова: «правый уклон», аграрные преобразования, политика партии, кулаки и коммунисты.

Замалчиваемая многими десятилетиями проблема политических репрессий конца 1920–1930-х гг. в последнее время обретает весомое место в отечественной историографии. Вводимое в оборот большое количество ранее закрытых документов создало предпосылки для более глубокого анализа указанной проблемы. Историография «правого уклона» в XX в. в своем развитии претерпела значительную эволюцию от не всегда доказательного осуждения пробухаринского течения¹ до диаметрально противоположной оценки взглядов Н. И. Бухарина и его сторонников². В целом, в данном вопросе точки над «i» еще не расставлены³. Продолжаются острые дискуссии об обоснованности и законности политических репрессий, призванных обеспечить поворот государственной политики в сторону проведения форсированной индустриализации промышленности и массовой коллективизации сельского хозяйства в конце 1920-х гг.

Проблема политической борьбы в ВКП (б) конца 1920-х гг. в региональном контексте, в том числе на материалах Вятского округа, практически не изучена.

Источниковой базой данной статьи явился комплекс документов, в частности материалы фондов Вятского губернского комитета ВКП (б) (Ф. П-1), Вятского окружного комитета ВКП (б) (Ф. П-2), Вятской окружной контрольной комиссии (Ф. П-101) Государственного архива социально-политической истории Кировской области.

Зимой 1928 г. в СССР разразился очередной хлебозаготовительный кризис. Крестьяне отказывались сдавать государству излишки хлеба вследствие отсутствия необходимых им промышленных товаров. По предложению И. В. Сталина, Политбюро санкционировало

компенсацию дефицита хлебозаготовок с помощью чрезвычайных мер: блокировки специальными заградительными отрядами хлебопроизводящих районов и применение 107 статьи Уголовного кодекса о «сокрытии товаров». Анализ причин возникновения, хода разрешения, последствий кризиса вызвал острый конфликт в руководстве. Противники сталинских методов – главный редактор «Правды» и председатель исполкома Коминтерна Н. И. Бухарин, глава СНК А. И. Рыков и руководитель профсоюзной страны М. П. Томский – с февраля 1928 г. стали критиковать И. В. Сталина на заседаниях руководящих органов. Вскоре их позиция стала восприниматься сталинской группировкой как «правый уклон», то есть новое проявление фракционности в партии большевиков.

Но первое время конфликт в руководстве развивался подспудно. Агитационная машина начала критику «правого уклона» в партии⁴. Характерной чертой первого этапа борьбы с бухаринской группировкой было то, что по именам «правых уклонистов» никто не называл, этот уклон представлялся лишь как неверные настроения «отдельных товарищей», с которыми нужно бороться идеологически. Борьба между правыми и сталинистами практически не выходила на поверхность. Даже знаменитое письмо заместителя министра финансов М. Фрумкина от 15 июня 1928 г., составленное полностью в духе правой оппозиции, не прервало это молчание. В обличительном ответе И. В. Сталина ни слова не говорится о «правом уклоне» и позиция М. Фрумкина представляется «ходатайством за облегчение кулака, ходатайством за отмену ограничений в отношении кулака»⁵.

Впервые о «правом уклоне» широкие массы узнали из официального выявления и

осуждения правых настроений в Московской парторганизации, возглавляемой союзником Бухарина Н. Углановым. Именно в ходе этой политической кампании 18 октября 1928 г. Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило текст обращения ко всем членам Московской партийной организации. В этом документе, «сыгравшем большую роль в борьбе с правым уклоном и примиренческим отношением к нему, излагалась политическая линия партии, вскрывались ошибки руководства Московского комитета ВКП (б), указывались меры по сплочению московской партийной организации»⁶.

Окончательное же оформление понятия «правого уклона» было осуществлено в ходе пленума ЦК ВКП (б) 16–24 ноября 1928 г., в резолюции которого отмечалось, что «правый оппортунистический уклон находит свое выражение в стремлении снизить темп и задержать дальнейшее строительство крупной индустрии, в пренебрежительном или отрицательном отношении к колхозам и совхозам, в недооценке и затушевывании классовой борьбы, в частности борьбы с кулаком, в бюрократическом невнимании к нуждам масс, в недооценке борьбы с бюрократизмом, в недооценке военной опасности и т. д.»⁷. Таким образом, в официальном документе произошла конкретизация проявлений так называемого «правого уклона». Отныне каждый коммунист, уличенный хотя бы в одном из вышеуказанных деяний, должен был быть причислен к правой оппозиции с последующими оргвыводами. Если же этого не следовало, руководителей соответствующей партийной ячейки обвиняли в примиренчестве оппортунизму, за что уже в их адрес следовали соответствующие наказания.

Баталии в «верхах» самым прямым образом находили свое отражение в жизнедеятельности региональных партийных организаций. Не была исключением и Вятская окружная организация. Вятский окружной комитет ВКП (б), образованный на первой окружной партийной конференции 17 июля 1929 г. в связи с созданием Вятского округа Нижегородского края, был упразднен постановлением Нижегородского крайкома ВКП (б) от 18 июля 1930 г. вследствие ликвидации округа⁸.

Время существования округа пришлось на начальный период проведения радикальных преобразований в стране в конце 1920–1930-х гг., главными из которых были массовая коллективизация сельского хозяйства и форсированная индустриализация промыш-

ленности. Конкретные проявления «правого уклона» связывались именно с ними, на что указывал ответственный секретарь Вятского окружкома ВКП (б) (с ноября 1929 г.) Лазарь Исаакович Пугачевский во время третьего пленума окружкома ВКП (б) 3–6 декабря 1929 г.: «Хозяйственно-политические кампании вскрыли значительное количество случаев проявления правого уклона на практике со стороны отдельных партийцев и даже ячеек. Это проявлялось, главным образом, в недооценке классовой борьбы, в недооценке возросшей активности кулака»⁹.

Так называемый «правый уклон» в Вятской окружной организации ВКП (б) проявлялся прежде всего в связи с преобразованиями в деревне. Это было связано с аграрным характером округа, где 88 % населения представляло собой крестьянство¹⁰. Само же сельское хозяйство находилось, по выражению ответственного секретаря окружкома ВКП (б) Эдуарда Карловича Прамнэка (находился в должности с июля по ноябрь 1929 г.), на «додедовском этапе развития, когда многопольем охвачено 18 % крестьянских хозяйств, 82 % – трехпольем, землеустроено же всего 18 % пашни»¹¹. Таким образом, преобразования в деревне приходилось осуществлять в очень сложных условиях.

Кроме того, коллективизация сельского хозяйства, проведение налоговой политики в деревне наталкивались на сопротивление зажиточных слоев крестьянства, в первую очередь кулачества¹², которых в силу различных обстоятельств поддерживала определенная часть членов коммунистической партии, что, собственно, и считалось проявлением «правого уклона» в первую очередь.

Действительно, часть коммунистов была связана с верхушкой деревни. Это выражалось и в определенной материальной зависимости. Так, в Халтуринском районе на собрании партячейки коммунист Хоробрых заявил: «Я сознаюсь, что я на одном собрании не выступал против кулака, который срывал проводимые нами мероприятия лишь потому, что нужно было обращаться к нему за быком-производителем»¹³. В Мухинской же ячейке Зуевского района председатель сельсовета, член ВКП (б) Пенегин, «...имея связь с зажиточной частью деревни, укрывал у них доходы от обложения и не участвовал на проводимых партией кампаниях»¹⁴.

Члены партии порой сближались с кулака-

ми на почве нетрезвого поведения. Про подобный случай сообщала окружная контрольная комиссия: «Секретарь Нагорской партячейки Вожгальского района Фищев сдружился с местным кулачеством, совместно с ними пьянствует. Своим приятелям он, по дружбе, представляет различные льготы. Бывшего торговца Обухова он провел руководителем колхоза в дер. Вшивцевы, в Шестаковском колхозе зажиточного освободил от [сдачи. – П. Ш.] излишков хлеба»¹⁵.

Некоторые коммунисты, имея родственников среди представителей верхушки деревни, всячески пытались облегчить им жизнь, как, например, в селе Поломе Синегорского района, член партии Е. А. Драчков, будучи председателем Троицкой лесоартели, выдал фиктивную справку кулаку – своему брату Александру – и указал в ней заниженный заработок от лесозаготовок¹⁶.

Нередко члены партии не были заинтересованы в коллективизации сельского хозяйства, т. к. сами являлись зажиточными крестьянами. Так, коммунист Низевской ячейки Фаленского райкома ВКП (б) Рякин (являющийся зажиточным крестьянином) заявил, что в коммуны не пойдет и «зачем теперь коммуны создавать, сначала нужно крестьянство воспитать, а тогда уже создавать коммуны. Коммуны все равно не спасут сельское хозяйство и крестьянство в целом»¹⁷. Схожие случаи имелись в ячейке коммуны «Единение» Просницкого района¹⁸, ячейке Вятского потребительского союза¹⁹.

Все же иногда подобные коммунисты, повинувшись партийной дисциплине, вступали в коллективные хозяйства, но при этом они ущемляли права бедняков. Так, в Осиновской коммуне Фаленского района беднота уходила из коммуны, так как в ней подвергалась травле: жена коммуниста Караваева заявила бедноте: «Мы в коммуны привели лошадей, коров, овец, свиней и т. д., будем кушать мясо, а вы что будете? На наше добро не надейтесь». Караваев, как один из руководителей, зная об этом факте, отнесся к нему вполне благосклонно²⁰. Он же, при приеме в коммуны 19 зажиточных крестьян (в числе которых был один из самых крупных кулаков-торговцев Фаленского района по прозвищу Проня-богатый), учитывал не все имущество, давая им возможность оставить «про запас»²¹. Подобная картина складывалась в других фаленских коммунах – «Бодрость», им. Сталина, им. Калинина²².

Ущемление прав бедноты имело место и вне

коллективных хозяйств и было связано с недовольством отдельных партийцев льготной налоговой политикой государства по отношению к беднейшим слоям деревни. Так, коммунист Мильчаков Фаленского райкома на партийном собрании заявил: «...зря государство оказывает помощь бедноте, ей оказывают помощь, а она лодырничает. Зачем бедноту принимать в партию, она не развита, ее сначала нужно перевоспитать»²³. Подобных взглядов придерживались некоторые коммунисты Пасадской ячейки Халтуринского района, которые соглашались «с рассуждениями кулаков, что бедняки “лодыри” и “пьяницы”», а в одном из номеров стенгазеты был прямо поставлен знак равенства между беднотой и пьяницами²⁴. На тех же позициях стояли члены Медянской ячейки Вятского района²⁵. Доходило до смешного: секретарь Русиновской кандидатской группы Омутнинского района писал в райком ВКП (б): «У нас классового расслоения по селениям не замечается». А на другой день он же заявлял, что «классовое расслоение появилось, хотя вчера я сообщал, что его нет»²⁶.

Часть коммунистов отказывалась коллективизировать свои хозяйства ввиду того, что они не видели в этом необходимости (члены Кстининской, Посеговской ячеек Вятского района²⁷; и др.), а другие делали это, мотивируя свое решение неэффективностью политики партии в условиях округа. Так, в Кайской ячейке и ячейке фосфоритных рудников Кайской районной партийной организации 9 коммунистов отказались вступать в колхозы. Один из них, Трушников, на заседании районного комитета заявил: «В нашей волости условия для работы в сельском хозяйстве плохи. Земля плохая, машины не применить, а трактор через 100 лет раньше не будет. Пришел к выводу, что выход один – нужно ехать в Сибирь в коммуны. Я лучше застрелюсь, чем оставаться в Кайской волости, а в Сибири и земля хорошая и трактора есть»²⁸. Характерно, что райком не реагировал на это откровенное выступление, и вскоре он беспрепятственно покинул пределы округа. Вторили Трушникову члены Загарской ячейки Вятского района, утверждавшие, что в Загарье нет условий для коллективизации сельского хозяйства. После того, как им указали на ошибочность подобных высказываний, они заявили: «Нам нужно теперь бить ставку на переселение, при этом переселение сразу коллективами, а создавать колхозы и коммуны у нас на месте бесполезно, т. к. мало земли»²⁹.

Иные партийцы переходили к активным действиям, агитируя против политики ВКП (б) в деревне, а иногда проводили линию на ликвидацию организованных колхозов и коммун. Так, член Просницкой районной партийной организации Скрябина была исключена из партии «...за отказ от вступления в колхоз, за извращение классовой линии в работе по кооперации и недооценку работы с беднотой», член партии того же района Кайгородцев отказался обобществить свое имущество в коммуне³⁰. В коммуне «Искра» Вятского района коммунисты во главе с секретарем агитировали за ликвидацию коммуны, а затем вышли из нее; выходы коммунистов имели место также в коммунах «Красноармеец» и «Сельский пролетарий» того же района³¹.

Членов партии-служащих, обладавших специальными знаниями, необходимыми для эффективного функционирования коллективных хозяйств, старались прикреплять к колхозам³². Но в дальнейшем некоторые из них проявляли пассивность, никак не участвуя в деятельности организованных хозяйств. Так, в Кайской организации ВКП (б) агроном Перминов был прикреплен к колхозу «Победим», но ни разу там так и не появился по мотивам неверия в рост коммун в условиях округа³³, за что был причислен к представителям правой оппозиции. Кайский район не был в этом одинок. Вятский окружком осенью 1929 г. отмечал, что «...агрономический персонал на местах до сих пор коллективизацию и обслуживание колхозов не поставил в центр своей работы. Особенно отстают в коллективизации Вятский, Просницкий, Бело-Холуницкий, Слободской, Омутнинский, Халтуринский районы»³⁴.

В ряде случаев коммунисты откровенно заявляли о неправильности политики партии и пророчили ее провал, вследствие чего в официальных документах они фигурируют как «правые оппортунисты». Некоторые члены Омутнинской парторганизации³⁵ заявляли, что «...мы сами расшевелили классовую борьбу, если бы не мы, то ее не было бы». На партсобрании одной из ячеек Халтуринской организации ВКП (б) студент Московской академии социалистического воспитания заявил: «Сельское хозяйство поставлено и пришло в тупик, каждый крестьянин это видит, при таких условиях развиваться нельзя»³⁶. Подобных взглядов придерживался член Просницкого райкома ВКП (б) Половников из с. Чудиново, который настаивал на деградации сельского

хозяйства в результате политики большевистской партии в деревне³⁷. К слову, в отчете бюро Вятского окружного комитета ВКП (б) отмечалось, что «Просницкая парторганизация целиком недооценивала работу с беднотой, вся кампания проводилась без организации батрачества и бедноты, не учитывались факты борьбы кулачества против коллективизации, в результате чего ячейка потеряла свой авторитет среди основной массы батрачества, бедноты и актива»³⁸.

Иногда целым ячейкам ВКП (б) присваивали ярлык носителей «правого уклона». Примером может послужить дело Подрельской партячейки (в составе 6 человек) Халтуринского района, которая, по отчету райкома ВКП (б), «полностью в своей практической работе проводила политику в духе правой оппозиции». Это проявлялось в распределении сенокосов кулакам (с. Давыдов), отпуск сельскохозяйственных машин кулакам (с. Тохтино), терпимое отношение к кулакам, находящимся в колхозах («Труд Крестьянина» и коммуна в с. Иловатка), а также в игнорировании работы с батрачеством, беднотой, зажиме самокритики и т. д.³⁹ Неприятие своевременных мер к взысканию недоимок (штрафы и иски) с кулаков по линии административного отдела Халтуринского района, было оценено райкомом как проявление «правого уклона» в практической работе, за что начальник административного отдела был снят с работы и получил строгий выговор⁴⁰.

Следует отметить, что большинство коммунистов, уличенных в партийной документации в «правом уклоне», формально не причисляли себя к какой-либо оппозиции. На различных партийных собраниях и конференциях они вместе со всеми голосовали за резолюции, осуждающие позиции бухаринского течения в ВКП (б), с какими-либо оппозиционными заявлениями не выступали. Об этом красноречиво говорится в отчете об итогах работы районных партсобраний и конференций окружкома ВКП (б) за апрель 1930 г.: «Выступлений на конференциях с правыми и левыми настроениями не замечалось. В практической же работе отдельных членов партии и даже ячеек проявления правого уклона имели место»⁴¹.

Их деятельность, отличная от официальной линии XV съезда партии, была во многом связана с собственными взглядами на политику, которая, по их мнению, должна была бы проводиться в деревне. Эти взгляды исходили

из личного опыта работы в условиях вятской деревни, а также (о чем говорилось выше) с личными материальными интересами. Отсюда проистекали заявления о невозможности проведения коллективизации в условиях округа, о «бесполезности бедняков-лодырей», отрицание необходимости помощи беднейшим слоям деревни. К тому же в памяти членов партии еще была свежа борьба против троцкистской оппозиции, и коммунисты, при несогласии с официальной линией партии, старались не показывать своего недовольства, дабы не повторить участи троцкистов.

Официальным же властям было необходимо противостоять указанным настроениям и действиям, так как они препятствовали осуществлению политики большевистской партии. Помня об успешной борьбе с троцкистами, коммунистические лидеры сформировали в сознании партийных масс образ новой оппозиции, представленной «правым уклоном», который подавался как еще большая опасность, чем «левые загибы». Искоренение проявлений пробухаринской оппозиции, в первую очередь поддержки кулачества как мощнейшей силы на селе, противостоящей коммунистам, должно было проводиться еще интенсивнее, учитывая радикальность наступления государства на деревню.

Лишь небольшая часть коммунистов осознанно и открыто поддерживала идеи «правого уклона». Один из членов ячейки рабфака, защищая взгляды правых, сделал вывод, что настоящая политика партии может привести «к хозяйственным затруднениям и бунту крестьян»⁴². Другой коммунист Тяжелников из Кайской организации, «...утверждал, что вывод правых о деградации сельского хозяйства правилен, и что на данном этапе развития надо сосредоточить максимум внимания на развитии индивидуального хозяйства»⁴³. В выводах проверочной комиссии указывалось, что по инициативе Тяжелникова в квартире беспартийного Медведева проводились собрания с участием четырех членов ВКП (б), на которых доказывалась теория деградации сельского хозяйства. Но «...после того, как им на партсобрании было доказано о несостоятельности их доводов, они признали ошибку и больше с этими взглядами нигде не выступали, и в практической работе отступлений от линии партии не было»⁴⁴.

Одно из подобных явных проявлений «правого уклона» в Вятском округе было освяще-

но в центральной газете «Правда». В статье «Партийные лозунги в практическом преломлении» среди прочего был рассмотрен случай, связанный с именем члена ячейки Вятского Союзхлеба Д. П. Зыкова, который «пытался “вдалбливать” в головы коллег капитулянтскую теорию правых о деградации сельского хозяйства». Член той же ячейки Яговкин при обсуждении вопроса о внутривнутрипартийном положении после XVI **всесоюзной партконференции** заявил: «Посмотрим, кто будет прав – правый уклон или ЦК партии!». В заключение автор статьи сетовал, что «самопроверочная комиссия после этого утверждает, что все в порядке, никаких уклонов в ячейке нет»⁴⁵.

Наконец, группа членов Зуевской ячейки на очередном партийном собрании организовано выступили против гонений на Н. И. Бухарина, считая, что это «слишком резкое разоблачение, которое лишь связывает его прошлые ошибки с настоящими»⁴⁶.

Проявления «правого уклона» официальными документами отмечались и в советских учрежденческих ячейках ВКП (б). Обследование деятельности бывшего губернского финансового отдела (губФО) выявило крупнейшие искажения официальной государственной политики: большое недообложение частного сектора (около 500000 р.), в ряде случаев переобложение госторговли и кооперации, провал кампании по индивидуальному обложению кулачества в 1928–1929 гг., переобложение в ряде районов середняка и т. д. В частности, было выяснено недообложение частных на 8000 р. со стороны финангента Щенникова и на 6000 р. со стороны финангента Макарова⁴⁷. Искажение налоговой политики было выявлено также у заместителя заведующего губФО А. К. Мамаева, заведующего налоговым отделом М. И. Шорохова, финангента А. И. Вылегжанина, служащего С. В. Фатикова⁴⁸. Недоимка по сбору налога с частного по гор. Вятке на 1 июля 1929 г. равнялась 134000 р.⁴⁹ В результате были исключены из партии 15 человек или 12 % аппарата бывшего губФО⁵⁰. Бывший же председатель губФО В. П. Сметанин к тому времени успел скрыться в неизвестном направлении, и применить к нему санкции оказалось невозможно.

Обследование Вятского сельскохозяйственного банка выявило направление сельскохозяйственных кредитов в кулацкие хозяйства, за что управляющий банком, член партии с 1917 г. П. П. Тимофеев был исключен из

ВКП (б), а член правления, партиец с 1918 г. С. М. Девятериков получил выговор⁵¹.

Характерно, что позиция вышеуказанных вятских коммунистов была во многом схожей с реакцией части сельского общества на преобразование 1928–1930 гг. В архивных фондах отложилось множество сообщений о недовольстве политикой ВКП (б) в деревне всех слоев села, начиная от интеллигенции и заканчивая зажиточным крестьянством⁵². Крестьяне в массовом порядке сопротивлялись обобществлению своих хозяйств, не платили налоги (срыв сбора единого сельскохозяйственного налога, отказ от самообложения), отказывались подчиняться местным властям, переходили к активным действиям, уничтожая государственное имущество. В связи с этим можно отметить непосредственную связь между партийно-советским активом и частью деревни в сфере сопротивления проводимой политике партии в деревне. Коммунисты, проводившие линию, официально именуемую «правым уклоном», объективно поддерживали деревенские слои, которые выступали против политики ВКП (б) в сельском хозяйстве.

Таким образом, «правый уклон» в Вятской организации ВКП (б) действительно имел место и в подавляющем большинстве случаев проявлялся в связи с мероприятиями партии, ориентированными на коллективизацию сельского хозяйства. Коммунисты, подпадавшие под определение носителей «правого уклона», как правило, выступали против таковой и в целом политики ВКП (б) в деревне, а иногда и прямо противодействовали ей, отказываясь обобществлять свое имущество, нередко поддерживали кулаков, ущемляя права беднейших слоев деревни.

Примечания

¹ Итоги ноябрьского пленума ЦК ВКП (б) (10–17 ноября 1929 г.). Л., 1929; Итоги XVI съезда ВКП (б). Л., 1930; Ксенофонтов, Ф. К вопросу об ошибках правооппортунистической группы т. Бухарина. 2-е изд. Самара, 1930; Коммунистическая партия в борьбе за социалистическую индустриализацию страны (1926–1929 гг.) : сб. лекций. Л., 1955. С. 120–132; Конюхов, Г. А. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране (1928–1929). М., 1960. С. 104–117; Трапезников, С. П. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М., 1965. С. 206–219;

Московские большевики в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом. М., 1969. С. 247–317; Чигринов, Г. А. Разгром партией правых капитулянтов. М., 1969; Ваганов, Ф. М. Правый уклон в ВКП (б) и его разгром (1928–1930 гг.). М., 1970; Некрасов, К. В. Борьба Коммунистической партии за победу колхозного строя в Северном крае (1929–1937). Вологда, 1973; Золотарев, Н. А. Важный этап организационного укрепления Коммунистической партии (1929–1939 гг.). М., 1979. С. 115–138; Очерки истории идеологической деятельности КПСС : Октябрь 1917–1937 гг. М., 1985. С. 243–257; и др.

² Тетюшев, В. И. Становление и развитие экономики СССР и буржуазные критики. 2-е изд., доп. М., 1987; Суровая драма народов : Ученые и публицисты о природе сталинизма / сост. Ю. П. Сенокосов. М., 1989; Возвращенные имена : сб. публицист. ст. : в 2 кн. / сост. А. Проскурин. М., 1989; Емельянов, Ю. В. Заметки о Бухарине : Революция. История. Личность. М., 1989; Горелов, О. И. М. П. Томский (страницы политической биографии). М., 1989; Шаповалова, Л. Д. М. П. Томский. Материалы к биографии // История СССР. 1989. № 2; Бухарин : Человек, политик, ученый / под общ. ред. В. В. Журавлева; сост. А. Н. Солопов. М., 1990; Лацис, О. Р. Перелом : Опыт прочтения несекретных документов. М., 1990; Зевелев, А. И. Истоки сталинизма. М., 1990; Шелестов, Д. К. : 1) Время Алексея Рыкова. М., 1990; 2) Трагедия Алексея Рыкова // Исторические портреты / под общ. ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1993. С. 50–65; Власть и оппозиция : Российский политический процесс XX столетия / под ред. В. В. Журавлева. М., 1995; и др.

³ Щагин, Э. М. Власть и оппозиция в СССР в конце 20-х – начале 30-х гг. // Власть и общество в России XIX–XX вв. : материалы науч. конф. М., 2002; Шубин, А. В. Вожди и заговорщики. М., 2004; Бакулин, В. И. Листая истории страницы : Вятский край и вся Россия в XX веке : сб. науч. ст. Киров, 2006; Писаренко, К. Н. Тридцатилетняя война в Политбюро. 1923–1953 гг. М., 2006; и др.

⁴ Шубин, А. В. Указ. соч. С. 161.

⁵ Сталин, И. В. Полн. собр. соч. Т. 11. М., 1947. С. 116–126.

⁶ Ваганов, Ф. М. Указ. соч. С. 167.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 2 ч. Ч. II. М., 1954. С. 419.

⁸ Верной дорогой: Хроника истории Кировской организации КПСС. 1883–1983. Киров, 1983. С. 158, 168.

⁹ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее ГАСПИ КО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 15. Л. 10 об.

¹⁰ Там же. Д. 8. Л. 21.

¹¹ Там же. Л. 27.

¹² 21 мая 1929 г. СНК СССР принял постановление о признаках кулацких хозяйств, согласно которому к кулацким хозяйствам были отнесены «все крестьянские хозяйства, обладающие одним из следующих признаков:

а) если хозяйство систематически применяет наемный труд для сельскохозяйственных работ или в кустарных промыслах – за исключением случаев применения наемного труда в тех пределах, в которых оно, согласно законодательству о выборах в советы, не влечет за собой лишения избирательных прав;

б) если в хозяйстве имеется мельница, маслобойня, крупорушка, просорушка, волночесалка, шерстобитка, терочное заведение, картофельная, плодовая или овощная сушилка или другое промышленное предприятие механического двигателя, а также если в хозяйстве имеется водяная или ветряная мельница с двумя или более подставами;

в) если хозяйство систематически сдает в наем сложные сельскохозяйственные машины с механическими двигателями;

г) если хозяйство сдает в наем постоянно или на сезон отдельные оборудованные помещения под жилье или предприятие;

д) если члены хозяйства занимаются торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или имеют другие нетрудовые доходы (в том числе служители культа)».

Данный документ, отход от которого означал неподчинение решению вышестоящего органа, стал основополагающим для причисления крестьянских хозяйств, в том числе и Вятского округа, к кулацким (Тянут с мужика последние жилы... : Налоговая политика в деревне (1928–1937) : сб. док. и материалов / отв. ред. Н. А. Ивницкий. М., 2007. С. 7–8).

¹³ ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 59. Л. 19; Там же. Д. 28. Л. 42–43.

¹⁴ Там же. Ф. П-101. Оп. 2. Д. 18. Л. 1.

¹⁵ Там же. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 117. Л. 16 об.

¹⁶ Там же. Л. 13.

¹⁷ Там же. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 117. Л. 12 об.

¹⁸ Там же. Ф. П-101. Оп. 2. Д. 18. Л. 55.

¹⁹ Вят. правда. 1929. № 162. 21 июля. С. 2.

²⁰ ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 65. Л. 14.

²¹ Там же. Л. 17; Вят. правда. 1929. № 224. 2 окт. С. 2.

²² ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 18. Л. 266.

²³ Там же. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 117. Л. 12 об.

²⁴ Там же. Д. 59. Л. 19.

²⁵ Там же. Д. 63. Л. 25.

²⁶ Там же. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 59. Л. 19.

²⁷ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 66. Л. 29.

²⁸ Там же. Д. 132. Л. 174.

²⁹ Там же. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 63. Л. 25.

³⁰ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 168. Л. 100.

³¹ Там же. Д. 66. Л. 177.

³² Осенью 1929 г. Вятский окружком ВКП (б) отмечал, что «до сих пор в ряде районов нет специальных работников-колхозников, отдельные подрайонные агроучастки не укомплектованы соответствующим персоналом» (ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 117. Л. 14).

³³ ГАСПИ КО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 132. Л. 174.

³⁴ Там же. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 117. Л. 14.

³⁵ Там же. Д. 59. Л. 19.

³⁶ Там же. Л. 20.

³⁷ Там же. Ф. П-101. Оп. 2. Д. 8. Л. 37.

³⁸ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 132. Л. 174.

³⁹ Там же. Д. 168. Л. 100; Там же. Д. 192. Л. 35.

⁴⁰ Там же. Ф. П-101. Оп. 2. Д. 8. Л. 37.

⁴¹ Там же; Подобное заявление – Там же. Д. 18. Л. 1.

⁴² Там же. Д. 128. Л. 120.

⁴³ Там же. Д. 162. Л. 4.

⁴⁴ Там же. Д. 18. Л. 32.

⁴⁵ Правда. 1929. № 191. 21 авг. С. 2.

⁴⁶ Вят. правда. 1929. № 207. 12 сент. С. 2.

⁴⁷ ГАСПИ КО. Ф. П-101. Оп. 2. Д. 26. Л. 4.

⁴⁸ Там же. Д. 3. Л. 244–244 об.

⁴⁹ Там же. Д. 26. Л. 4.

⁵⁰ Там же. Д. 8. Л. 4–5; Там же. Д. 3. Л. 136–137, 194–194 об.; Там же. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 168. Л. 74.

⁵¹ Там же. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 168. Л. 74, 82.

⁵² Наиболее полная и систематизированная информация содержится в ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 117. – «Сводки о настроении населения в связи с проведением коллективизации сельского хозяйства, лесозаготовок и других кампаний»; Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. – «Спецсводки ОГПУ по различным вопросам»; и др.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

С. А. Кусков

ЭВАКОГОСПИТАЛИ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1939–1945 ГОДАХ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье описывается план организации эвакогоспиталей накануне и в период Второй мировой войны а также противоречия его практического осуществления. В числе рассматриваемых вопросов особое внимание уделяется влиянию мобилизационной политики государства на систему управления, снабжение эвакогоспиталей на территории Челябинской области и материально-бытовое положение их сотрудников.

Ключевые слова: социальная политика, эвакогоспиталь, мобилизационное развёртывание госпиталей, эвакуационный пункт.

Развитие современной цивилизации от Второй мировой войны до наших дней кардинально преобразило угрозы, стоящие перед государством и обществом. Снижение военно-практической актуальности исследования периода 1939–1945 гг. многократно перекрывается важностью нашего знания о процессах и явлениях, проходивших в недрах советского общества как в общенациональном, так и региональном масштабе. В 1939–1945 гг. в СССР функционировала система эвакогоспиталей. Эвакуационные госпитали – это особый вид военных госпиталей, организуемых в условиях крупномасштабных войн в тылу. В отличие от фронтовых, эвакогоспитали создавались и в процессе работы управлялись как военными, так и местными гражданскими властями¹. Но эвакогоспитали – это и социальные учреждения. Государство встраивало их в систему государственных и общественных связей в соответствии со своими мобилизационными и идеологическими приоритетами.

Деятельность властей разных уровней по формированию и обеспечению работы эвакогоспиталей – до сих пор малоизученный аспект социальной политики советского государства. Тема истории эвакуационных госпиталей часто привлекала внимание исследователей. Ей посвящено немало статей, книг и диссертаций². В диссертациях А. М. Радича и Н. А. Дегтяревой обобщены данные об эвакогоспиталях на Урале³. В советский период очень многое было сделано по сбору и обработке фактического материала, но идеологический диктат делал невозможной его вариативную интерпретацию, заменяя её повторением одних и тех же штампов. В постсоветский период изучение эвакуационных

госпиталей сосредоточено на конкретных вопросах дислокации, материально-технического состояния, шефства, лечебной работы вне общих идеологических и практических целей государства⁴. Исследование истории эвакуационных госпиталей ограничивается хронологическими рамками Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), на региональном уровне процесс подготовки и возникновения первых эвакогоспиталей в 1939–1940 гг. выпал из поля зрения исследователей. Недостаточно изучено место эвакогоспиталей в системе подготовки СССР к войне.

Под термином «социальная политика» мы понимаем проективную деятельность по преобразованию либо сохранению существующих общественных отношений, общественных институтов⁵. Ведущим субъектом этой деятельности выступали партийные и государственные органы. Анализ социальной политики в отношении коллективов эвакогоспиталей Челябинской области возможен при решении следующих задач: исследование предвоенных планов создания системы эвакогоспиталей и опыта их организации в 1939–1940 гг.; освещение мероприятий по их мобилизационному развёртыванию в 1941–1943 гг.; показ роли центральных и местных органов власти в снабжении эвакогоспиталей; изучение изменений в материально-бытовом положении личного состава.

Принципиально важен вопрос о подготовке эвакогоспиталей в 1939–1941 гг. Высшее политическое и военное руководство не смогло предугадать масштабы санитарных потерь и полностью к ним подготовиться. Но проблема организации помощи раненым в условиях войны предвиделась. Во второй половине 1930-х гг.

накапливались материальные, кадровые и организационные резервы. В центре мероприятий по подготовке госпитальной базы на случай войны оказалось военно-санитарное Управление Красной Армии. Ещё в конце 1920-х гг. СССР была заимствована французская система медицинского обеспечения войск, применённая в период Первой мировой войны⁶. Основные характеристики этой системы – многоэтапность медицинской помощи раненым, использование всей территории страны для размещения госпиталей, специализация военно-медицинских учреждений⁷. В условиях Второй мировой войны важнейшей её характеристикой стала мобильность. Эта система позволяла сократить в мирное время до минимума количество постоянных госпитальных коек. Но в случае вооружённого конфликта имеющейся госпитальной базы для обслуживания раненых уже не хватало даже при условии полной загрузки домов отдыха и санаториев Наркомата обороны.

Учитывая временный, «эпидемический» характер проблемы медицинского обеспечения войск, её решение предполагалось за счёт мобилизационного развёртывания сотен тысяч коек в тыловых эвакогоспиталях. В 1939–1940 гг. в областях, прилегающих к зонам боевых действий, местными органами советской власти развёртывались эвакуационные госпитали у озера Хасан (во Владивостоке и посёлке Посъет⁸), во время конфликта у реки Халхин-Гол – в Забайкалье. В период войны с Финляндией в восьми военных округах было задействовано 101038 коек в эвакогоспиталях Наркомздрава СССР (НКЗ)⁹.

Начиная с 1936 г. все школы в СССР строились по типовым проектам, согласованным с военно-санитарным Управлением РККА. Предполагалось за две недели при относительно малых по объёму работах и финансовых затратах переоборудовать эти школы¹⁰. С развёртыванием городскими отделами здравоохранения госпитали передавались медицинской службе Красной Армии. Личный состав эвакогоспиталей составляли мобилизованные и вольнонаёмные. Большинство вольнонаёмных работников составлял технический персонал зданий, переданных под госпитали. Бронь от мобилизации на них не распространялась. Заработок, обязанности и статус не менялись. Все медики гражданской сети были военнообязанными. В случае мобилизации они могли быть призваны: мужчины – во фронтовые госпитали, а женщины – в эвакуационные. Военное ведомство несло от-

ветственность за обеспечение мобилизованных жильём и питанием.

Система подготовки кадров для нужд госпиталей и фронта на территории Челябинской области была представлена частично. Подготовкой кадров для военно-медицинских служб с 1938 г. занимались: областной военный комиссариат, военно-санитарное Управление Уральского Военного Округа и организации Красного Креста. После получения базового образования медики проходили кратковременные курсы. Из женщин и негодных к строевой службе мужчин формировали отдельный поток, предназначенный для работы в эвакогоспиталях. Среди предметов обучения преобладали военная хирургия, тактика противовоздушной и противохимической обороны¹¹.

На местах все решения, связанные с мобилизационными мероприятиями на случай войны, принимались на заседаниях суженных составов исполкомов советов. Во всех учреждениях имелись сотрудники мобилизационного сектора (или спецсектора), отвечавшие за разработку мобилизационных календарей по ведомству. В случае начала войны эти календари с планом работы на 15–20 дней для ответственных сотрудников и всего коллектива раздавались на руки. В областном отделе здравоохранения – в ведомстве, которое проводило развёртывание эвакогоспиталей зимой 1940 г. и летом 1941 г., обязанности заведующего мобилизационным сектором исполнял Георгий Лукич Мешалкин¹².

Отдельный аспект работы исполкомов составляла подготовка материально-технической базы эвакогоспиталей. В Челябинской области планировалось развёртывание восьми госпиталей. Ежегодно исполкомами назначались комиссии по осмотру школ, учтённых в мобилизационных планах. В эти комиссии включались представители местного совета депутатов трудящихся, строительного отдела облоно, облздравотдела, горздравотдела, областного военкомата, облкомхоза. Для отопления, приготовления пищи и стирки в эвакогоспиталях должен был храниться месячный запас дров¹³. Снабжение мебелью, канцелярскими принадлежностями, культинвентарём предполагалось за счёт гражданских организаций: клубов, кинотеатров, пионерских лагерей. Областной и городские советы должны были отвечать за финансирование и снабжение топливом, электроэнергией, хозяйственным инвентарём эвакогоспиталей и после их развёртывания. Таким

в общих чертах представлялось решение проблемы помощи раненым в глубоком тылу и, в частности, в Челябинской области.

В условия начавшейся войны с Финляндией 13 января 1940 г. в Челябинск был передан приказ о развёртывании двух эвакуогоспиталей в школах № 12 (№ 1722) и 27 (№ 1724). Их переоборудование под госпитали к 19 января было поручено организациям Челябстрой и Госсантехмонтаж. Для ускорения рекомендовалась круглосуточная работа. Нужные для монтажа горячего водоснабжения котлы и бойлер были переданы с завода им. Коллющенко, с ЧТЗ – болты необходимых размеров. Недоставало медицинских инструментов, мебели¹⁴. К установленному сроку подготовительные работы не были окончены. Переоборудование шло в спешке, некачественно. Челябинской конторой Госсантехмонтаж не были завершены работы и к середине февраля из-за отсутствия материалов. В июне 1941 г. конторе этой организации опять было поручено переоборудование школ № 12 и 27. За срыв работ руководитель конторы был отдан под суд¹⁵.

С 13 по 19 января 1940 г. районными и областными военкоматами были вызваны и направлены в госпитали врачи, средний и младший медицинский персонал, сотрудники хозяйственной службы – всего 78 человек. Подсобные работники школ: слесари, истопники, дворники, сторожи, уборщицы – остались в госпиталях. 2 февраля штат эвакуогоспиталей был уже укомплектован. Часть персонала набрали посредством найма. Общежития не было. Иногородним, мобилизованным для работы в госпиталях жилья не предоставили. Поэтому некоторые стали самовольно возвращаться домой. В госпиталях были созданы партийные и комсомольские ячейки, организованы редколлегии стенгазет, комиссии хозяйственного содействия. На протяжении февраля – марта 1940 г. коллективы госпиталей ожидали санитарный поезд с ранеными. Был выделен необходимей автотранспорт для скорейшей транспортировки раненых в госпитали. Но раненые не прибыли. В марте 1940 г. война закончилась. Проблемой для всех эвакуационных госпиталей, развёрнутых в 1939–1940 гг., стал некомплект труб, сантехнического и водонагревательного оборудования. Работы так затягивались, что Е. И. Смирнов, начальник военно-санитарного Управления Красной Армии, выступил с предложением уже летом 1940 г. пополнить недостающее и начать пере-

оборудование школьных помещений в условиях мира, но оно было отвергнуто.

Те же трудности в более острой форме сопровождали развёртывание сети эвакуационных госпиталей и в период Великой Отечественной войны. Уже через четырнадцать часов после гитлеровского вторжения в Челябинской области началась подготовка к приёму раненых. Стремительное наступление германских войск в 1941 г. свело на нет мероприятия по подготовке госпитальной базы в приграничных округах. Масштаб военных действий в 1941–1945 гг. предопределил огромное количество раненых и больных воинов. Их было необходимо срочно разместить, оказывать лечебную помощь. Поэтому возрастала роль тыловых Урала и Поволжья как зон дислокации эвакуационных госпиталей¹⁶.

Мобилизационные планы организации эвакуогоспиталей в РСФСР были превышены примерно в шесть раз. За первые семь месяцев войны в Челябинской области было принято и развернуто 70 эвакуогоспиталей, в которых имелось 27 тыс. госпитальных коек и работало почти 11 тыс. человек. При этом мобилизационным планом в области предусматривалось лишь 3100 коек. Школьных помещений постройки 1936–1941 гг. было недостаточно. И уже в июле 1941 г. было начато размещение эвакуогоспиталей в зданиях больниц и санаториев¹⁷.

На этапе мобилизационного развёртывания обеспечение госпиталей всем необходимым, и в том числе медицинскими препаратами, осуществлялось из складов горздравотделов, Челябинского отделения Государственного аптечного управления. Медицинское оборудование передавалось также и из больниц гражданской сети. Материалы для переоборудования зданий под госпитали в большинстве были заготовлены заранее¹⁸. Но полностью отсутствовала спецодежда для сотрудников, электролампы, автопокрышки. Нехватка труб, водонагревательного и сантехнического оборудования опять задерживала развёртывание эвакуогоспиталей, делала дороже сами работы из-за перерасхода материалов и простоев рабочей силы. Их преодоление шло необычными методами. Так, для монтажа санитарных пропускников по распоряжению Челябинского горисполкома в ряде многоквартирных домов демонтировали ванны¹⁹.

Выполнение сверхплановых заданий по развёртыванию эвакуогоспиталей, поступавших в 1941–1943 гг., обострило проблему недостатка

запасов. Так, по данным на 1 декабря 1941 г., потребность в мягком инвентаре в 1,5–2 раза превысила мобилизационные запасы в области. Госпитали располагали минимумом хирургических инструментов. В специально созданных мастерских спешно изготовлялось травматологическое оборудование: шины, подголовники, массажные стойки. Необходимы были тёплые вещи для организации приёма раненых в зимнее время. Из-за роста коечной сети в эвакогоспиталях перестало хватать тёплых одеял. По инициативе областного комитета Красного Креста был начат их сбор и пошив. Подготовка и оснащение помещений под эвакогоспитали была невозможна без помощи общественности. Предприятия разных ведомств получали от обкома партии и облисполкома срочные заказы на изготовление тех или иных материалов, зачастую по ценам не восполнявшим затраты на производство²⁰.

За 1941 г. мобилизационный сектор облздравотдела получил имущества на 4,5 млн. р. по централизованным фондам и на 10,5 млн. р. по децентрализованным заготовкам внутри области. Более чем две трети всех материалов при формировании было получено эвакогоспиталями благодаря помощи областных организаций и населения. Всего за 1941–1945 гг. областные организации передали госпиталям оборудования на 15 млн. р.²¹

Если для госпиталя требовались дополнительные помещения, в том числе квартиры для личного состава, то любую квартиру или частный дом местные органы власти могли забрать без предоставления замены. Жильцам в таком случае давали только сутки для выселения и поиска другого места. Но государственные ведомства и предприятия могли игнорировать мобилизационные распоряжения районных и городских исполкомов. Так, в октябре 1941 г. руководство завода им. Калинина в разрез с распоряжением Нязепетровского райисполкома отказалось отдать своё помещение в пользу госпиталя. Начальник госпиталя своими требованиями добился лишь того, что в его квартире по распоряжению руководства завода отключили подачу электроэнергии «в целях экономии». В результате райисполком был вынужден передать собственное административное здание госпиталю и переехать в реквизированные частные дома²². Местные органы власти не всегда действовали только в интересах госпиталей. Например, в 1942 г. Троицкий горисполком для активизации заготовки топлива отобрал у го-

спиталья № 3110 последний имеющийся транспорт: автомашину и лошадь, которые тоже использовались для вывозки дров²³.

К 1942 г. в системе эвакуационных госпиталей было уже более двух тысяч госпиталей. При этом они оказались в подчинении у разных органов. Поэтому требовалось более четкое разграничение ответственности основных ведомств. Г. А. Митерев (народный комиссар здравоохранения СССР) и Е. И. Смирнов (начальник военно-санитарного Управления РККА) договорились о том, что все госпитали вблизи фронта переходят в систему Народного комиссариата обороны (НКО), а остальные, и в том числе некоторые военные госпитали, должны были управляться Наркомздравом. Для руководства ими в марте 1942 г. было создано Главное Управление эвакогоспиталями НКЗ СССР. При республиканских и областных отделах здравоохранения создавались отделы эвакогоспиталей. Органы управления эвакогоспиталями Наркомздрава занимались учётом сети, разработкой руководящих указаний по лечебной и финансовой деятельности, снабжением, кадровым обеспечением, внедрением новых методов лечения. Функции военных органов сводились в основном к сбору статистических сведений о результатах деятельности эвакогоспиталей систем НКЗ и ВЦСПС и распределения раненых между областными управлениями эвакогоспиталей. Передача госпиталей из одной системы в другую происходила в случае их передислокации. Если эвакогоспиталь перебазировался на фронт, то его переводили в систему НКО, и наоборот фронтные госпитали, эвакуированные в тыл, переподчинялись органам НКЗ²⁴.

В 1942–1944 гг. на территории Челябинской области шесть госпиталей было создано на базе профсоюзных санаториев. Данные учреждения располагали необходимой для лечебного учреждения материальной базой и квалифицированными медицинскими кадрами. Поэтому система Управления домами отдыха и санаториями профсоюзов была в основном сохранена. Но место отдыхающих заняли раненые. Так оформились три системы эвакуационных госпиталей: НКО, НКЗ и профсоюзов (ВЦСПС).

Затяжное высшим военным руководством весной 1942 г. сокращение госпиталей с целью высвободить людские и материальные ресурсы и на территории Челябинской области привело к печальным результатам. Резкий всплеск санитарных потерь на южном участке фронта

продемонстрировал преждевременность этой меры. К июню 1942 г. все госпитали были крайне переполнены. Управление эвакуогоспиталей облздравотдела сопротивлялось размещению раненых по заполнению штатного количества коек. В результате оба органа управления давали эвакуогоспиталюм взаимоисключающие распоряжения²⁵. Это становилось причиной периодически возникавших конфликтов между руководством Местного Эвакуационного пункта № 98 (МЭП № 98) и Управлением эвакуогоспиталей облздравотдела.

В этих случаях обком партии выступал в качестве арбитра. Все вопросы, связанные с деятельностью эвакуогоспиталей, в обкоме ВКП(б) курировались вторым секретарём, заведующими отделами военным и кадров. С. Ф. Князев, заведующий отделом кадров, как председатель комиссии по обслуживанию больных и раненых воинов имел формальное право апеллировать в ЦК ВКП(б) и А. А. Андрееву²⁶.

Имевшийся уровень материального снабжения эвакуогоспиталей Челябинской области в целом обеспечивал их нормальную работу. В Челябинске и Свердловске находились склады, откуда по нарядам Эвакуационного пункта № 98 для раненых выделялись продукты. Но Челябинский склад снабжал эвакуогоспитали продовольствием с перебоями. Очень мало выдавалось интендантством молочных продуктов (менее ¼ от положенного). Недополучение эвакуогоспиталюми причитающегося продовольствия стало постоянной проблемой снабжения. В 1943 г. в госпитали почти не поступали положенные по норме растительное масло, манная крупа, рис, макароны, сахар. Отсутствие некоторых видов продуктов делало рацион однообразным. Неполученные продукты заменялись теми, которые имелись на складе. Хотя раненые часто жаловались на однообразную пищу, ежедневно они получали по 3500 калорий²⁷. Снабжение овощами шло напрямую из колхозов области. 88,2 % всей продукции подсобных хозяйств Управления госпиталюми ВЦСПС направлялось для снабжения раненых и сотрудников²⁸.

Продовольственное обеспечение обслуживающего персонала эвакуогоспиталей было намного хуже. Райторги и горторги фактически распределяли среди сотрудников только хлеб. Шефская помощь (весной 1942 г. все эвакуогоспитали были раскреплены между колхозами и совхозами области) не могла даже частично улучшить положения. Продукты, полученные

от шефов, совместным приказом НКЗ СССР и военно-санитарного Управления Красной Армии разрешалось использовать только для раненых взамен государственных фондов. Трата наличности, переданной шефами на нужды госпиталя, также считалась тяжёлым нарушением. Её следовало передавать в Фонд обороны. Летом 1942 г. прошла проверка облздравотделом финансово-хозяйственной части госпиталей. Было вскрыто множество нарушений, когда начальники и их заместители присваивали себе продукты, занимались нелегальными закупками продовольствия, которое распределялось среди коллектива и работников МЭПа. В результате были уволены не только хозяйственные работники, не только комиссары, но и несколько начальников госпиталей. Руководство МЭП № 98 заступилось за М. М. Оржеховскую, начальника госпиталя № 1723, над которой тоже нависла угроза увольнения по этой причине²⁹.

В 1939–1941 гг. считалось, что госпитали – это сугубо военные учреждения, а их работники военнообязанные. Это гарантировало медперсоналу котловое довольствие. С передачей госпиталей в управление НКЗ питание сотрудников в госпитале стало преступлением. Врачи и медсёстры эвакуогоспиталей считались вольнонаёмными, но призванными по мобилизации. Их нельзя было отправить на гауптвахту, хотя имелись и такие случаи³⁰. В дисциплинарном порядке возможны были только выговор и увольнение. Только начальники эвакуогоспиталей и комиссары считались военнослужащими.

Для улучшения питания личного состава по решениям облисполкома от 6 октября 1941 г. и 8 апреля 1942 г. во всех эвакуогоспиталюх были организованы подсобные хозяйства. Масштаб подсобных хозяйств, а значит, роль в продовольственном снабжении зависели от профиля госпиталя. В наиболее выгодном положении оказывались эвакуогоспитали для легкораненых, имевшие больше рабочих рук. Подсобные хозяйства могли снабжать эвакуогоспитали только овощами, но их наличие обеспечивало бесперебойное питание раненых и медперсонала. Обед из одного блюда в столовой для сотрудников госпиталей стоил от 2,5 до 5 р.

Когда в августе 1942 г. резко ухудшилось снабжение личного состава, первый секретарь обкома ВКП(б) Н. С. Патоличев был вынужден лично вмешаться³¹. Распоряжением обкома партии старший и средний медицинский персонал приравнивался к нормам рабочих второй категории, комиссары и начальники госпиталей

– первой, а врачи-хирурги к нормам рабочих особого списка³². Госпитали получили право заготовок в определённых для этого районах. В результате снабжение личного состава эвакогоспиталей продовольствием стало стабильнее. Е. И. Осокина отмечает, что в СССР в период Второй мировой войны в сфере снабжения возникла самая сложная стратификация в мире³³. Единственная возможность подняться на ступеньку выше в иерархии снабжения для сотрудника госпиталя состояла в повышении его медицинской квалификации.

Социально-бытовое положение медперсонала в госпиталях было гораздо лучше, чем в гражданской сети. Снабжение и заработки в госпиталях также были существенно выше. Так, начальник госпиталя получал в месяц 1200 р., начальник отделения 925 р., ординатор 600 р., медсестра от 250 до 425 р. Летом 1942 г. в госпиталях работало 597 врачей. Этого числа вполне хватало. Имелось 95 хирургов, из них опытных – 60. Если по штату полагалось, что один хирург будет обслуживать 100 госпитальных коек, то фактическая нагрузка на него была в 2,5 раза выше. За счёт работы курсов по усовершенствованию врачей других специальностей в Челябинске и Магнитогорске удалось удвоить число врачей в госпиталях области, способных оперировать³⁴. К работе по усовершенствованию медицинских кадров были привлечены головные госпитали и Киевский мединститут³⁵. На завершающем этапе войны вместе с госпиталями из области выехало 750 врачей и около двух тысяч медсестёр³⁶.

Сразу же с приемом первых раненых перед руководством эвакогоспиталей, местными партийными и советскими органами встала проблема снабжения топливом. Согласно постановлению СНК СССР от 26 мая 1939 г., здания, передаваемые под госпитали, должны были снабжаться топливом за счёт тех организаций, которые их передали. Ссылаясь на это, осенью 1941 г. облплан отказывался выдавать руководству госпиталей наряды на топливо³⁷. Отделы народного образования и здравоохранения сами находились в очень тяжёлой ситуации. Впоследствии обеспечение топливом было возложено на местные советы. Они распределяли лесосеки и обязаны были обеспечить вывоз заготовленного топлива в госпитали. Заготовка его возлагалась на гортопы и райтопы. Но вывоз заготовленного был уже заботой начальников эвакогоспиталей. Имевшихся у них транспортных ресурсов (2–3 машины и 6–7 лошадей в среднем

на госпиталь) едва хватало для удовлетворения текущих потребностей. Помощь местных органов власти в этом вопросе заключалась в выделении нарядов на уголь, в мобилизации колхозного гужевого транспорта на вывозку дров или торфа. Для выполнения этих работ в порядке трудовой гужевой повинности направлялись колхозники и единоличники. Кооперативные и муниципальные организации часто просто игнорировали эти задания. Трудности с заготовкой топлива сохранялись в течение всей войны.

Источником проблем с обеспеченностью топливом мог послужить отказ эвакогоспиталей от заготовок в ожидании передислокации, падёж лошадей, нехватка горючего и запчастей для грузовых машин. Отделом эвакогоспиталей перераспределялись автомашины, покрышки между эвакогоспиталями поштучно. Лимиты горюче-смазочных материалов для госпиталей области были очень малы, даже с учётом того, что часть автотранспорта была оснащена газогенераторами. В среднем на один госпиталь в год приходилось 200–300 л бензина. Машины ряда госпиталей заправлялись на промышленных предприятиях в качестве шефской помощи.

Ежегодно облисполком принимал решения о проведении ремонта в госпиталях. Но необходимых для исполнения ресурсов выделялось недостаточно. Так, в 1942 г. строительные материалы выделялись в местах на расстоянии от 100 до 400 км. Тогда госпитали не получили совсем цемента, войлока, белил, провода. Но следует учитывать, что гражданские лечебные учреждения области в этот период вообще не могли добиться централизованного выделения материалов для ремонта. Каждый год порученные предприятиям подрядные работы по ремонту выполнялись на 2–4 %. Их руководство соглашалось с поручением, но ничего не делало. 92 % работ в 1942 г. выполнялись собственными ремонтными группами. Такая ситуация сохранялась на протяжении всей войны. Для решения насущных проблем начальники госпиталей вынуждены были обращаться в органы государственной и партийной власти либо к хозяйствующим субъектам. Зачастую второе оказывалось более продуктивным. Постепенно складывались между госпиталями с одной стороны и руководителями близлежащих предприятий, колхозов с другой, неформальные связи. Партийные органы поощряли этот процесс, но и пытались его регламентировать через систему комитетов помощи раненым. Закрепление

госпиталей за шефами входило в компетенцию этих комитетов, а фактически секретарей по кадрам ВКП(б). Но формально закреплённые шефы и обязанности выполняли формально.

Хотя снабжение эвакогоспиталей всем необходимым было важной государственной задачей, их материальное обеспечение удовлетворяло только самые насущные и простые потребности. Постоянно возникали «узкие места», которые преодолевались чрезвычайными усилиями власти и общественности. Причины этого лежат не в злом умысле политического и военного руководства, а в общем недостатке ресурсов. Каждое звено управления маневрировало ими в соответствии с тем, какая задача в данный момент являлась наиболее приоритетной.

Победы Красной Армии на фронтах заставляли военное руководство смещать госпитальную базу страны на запад. Уже 3 февраля 1942 г. выходит первое постановление Государственного комитета обороны о передислокации эвакогоспиталей. Параллельно с развёртыванием новых эвакогоспиталей в 1941–1944 гг. интенсифицировался процесс передислокации. Поэтому весной 1943 г. началось сокращение госпитальной базы Челябинской и Курганской областей: к июню 1943 г. осталось 53 госпиталя, через год – 17. В 1945 г. на территории области осталось только два военных медицинских учреждения. Областные органы власти перемещали госпитали по своему усмотрению. Так, в 1943 г. с территории, отходящей в новую Курганскую область, были передислоцированы госпитали, чтобы получить несколько административных зданий. Передислокация преимущественно небольших эвакогоспиталей, размещённых в сельских и малых городских поселениях, способствовала концентрации госпиталей в крупнейших городах области. Это облегчало деятельность госпиталей, а власти могли более оперативно реагировать на возникшие проблемы.

Исследование предвоенных планов показало, что, несмотря на их высокую степень детализацию и привлечение местных советов к проведению подготовительных мероприятий, мобилизационным органам не удалось предусмотреть ряд хозяйственных и кадровых проблем. Опыт организации эвакогоспиталей в 1939–1940 гг. в Челябинской области облегчил развёртывание госпиталей в последующий период.

Мероприятия по развёртыванию эвакогоспиталей в 1941–1943 гг. включали в себя вы-

деление и приспособление помещений, мобилизацию лечебного персонала, необходимого инвентаря и медицинского оборудования. Потребовались чрезвычайные усилия для выполнения дополнительных заданий.

Ответственность за снабжение госпиталей фактически оказалась расплывлена между множеством государственных структур и возложена на всё общество. Промышленные предприятия, колхозы, муниципальные и кооперативные организации имели свои основные производственные задачи и уже несли немалые социальные обязательства. Поэтому их сопротивление дополнительной мобилизационной нагрузке, в данном случае – на нужды госпиталей, понятно. В отношении эвакогоспиталей проводилась прагматичная государственная политика. Главной была задача обеспечить потребности прежде всего раненых.

Изменения в материально-бытовом положении личного состава определялись мерами по мобилизации материальных и людских ресурсов на нужды фронта, сокращением социальных гарантий. Резко ухудшившееся в 1942 г. снабжение сотрудников постепенно улучшалось благодаря интенсификации хозяйственной деятельности эвакогоспиталей, повышению норм снабжения отдельных категорий работников. На персональном уровне важным фактором улучшения материально-бытового положения было повышение квалификации и должностной рост.

Примечания

¹ Большая Советская Энциклопедия. М., 1933. Т. 63. С. 19–20; Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1952. Т. 12. С. 278.

² Мушкин, С. Г. Всенародная помощь раненым в годы Великой Отечественной войны. Тбилиси, 1971; Водолагин, М. А. Партия – организатор помощи раненым бойцам и командирам Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Вопр. истории КПСС. 1978. № 1. С. 64–75; Кузнецов, Д. Н. Всенародная забота о раненых воинах // Деятельность КПСС по укреплению единства фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны. Л., 1980. С. 93–99; Астапова, Л. И. Деятельность эвакогоспиталей по лечебно-эвакуационному обеспечению советских войск в годы Великой Отечественной войны : (На материалах Воронежской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006; Орлова, Е. А. Эвакогоспитали Кузбасса в годы

- Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007.
- ³ Радич, А. М. Руководство партийных организаций Урала восстановлением здоровья раненых и больных воинов Советской Армии в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1981; Дегтярёва, Н. А. Госпитали на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007.
- ⁴ Федорова, А. В. : 1) Забота оренбуржцев о раненых бойцах и командирах Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Урал в период Великой Отечественной войны. Уфа, 1990. С. 158–161; 2) Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995; Урал ковал победу : сб.-справ. Челябинск, 1993. С. 357, 376–379; Тюменцева, И. П. Деятельность эвакуационных госпиталей Курганской области в годы Великой Отечественной войны // Пятидесятилетию победы. Челябинск, 1995. С. 108–111.; Добарских, Б. В. Организация военных госпиталей в Челябинской области // Пятидесятилетию победы. Челябинск, 1999. С. 99–104; Дивногорцев, А. Л. Книга о военном госпитале // Мир библиографии. 2005. № 4. С. 29–31 и др.
- ⁵ Философский словарь. 7-е изд. М., 2001. С. 433–435; Большая советская энциклопедия. М., 2006. Т. 37. С. 555; Т. 47. С. 94.
- ⁶ Бурденко, Н. Н. Современная фаза военной хирургии // Госпит. дело. 1942. № 1. С. 7–11.
- ⁷ Большая Советская энциклопедия. М., 1933. Т. 63. С. 19–20.
- ⁸ Фоторепортаж из госпиталей НКЗ Приморья // Санитар. оборона. 1938. № 8–9. С. 11–12; Федотов, П. Г. Санитарная служба в боях у озера Хасан // Санитар. оборона. 1939. № 1. С. 16–17; Ахутин, М. Н. Чему учит опыт боёв у Хасана // Санитар. оборона. 1939. № 4. С. 19–20.
- ⁹ Гладких, П. Ф. Служба здоровья в Великой Отечественной войне. Очерки истории военной медицины / П. Ф. Гладких, А. Е. Локтев. СПб., 2005. С. 34.
- ¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 11. Д. 39. Л. 244.
- ¹¹ Майор медицинской службы Б. Мацеевич // Златоуст – фронту. Златоуст, 2000. С. 41.
- ¹² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 261. Л. 28–30; ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 11. Д. 47. Л. 66.
- ¹³ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 13. Д. 1. Л. 4; Оп. 11. Д. 39. Л. 115.
- ¹⁴ Там же. Л. 27, 28, 32; ОГАЧО. Ф. Р-1535. Оп. 1. Д. 46. Л. 27.
- ¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 11. Д. 57. Л. 123; Оп. 13. Д. 1. Л. 213.
- ¹⁶ Митерев, Г. А. Дни мира и войны. М., 1975. С. 205.
- ¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-804. Оп. 12. Д. 2. Л. 99–100; Ф. П-288. Оп. 42. Д. 17. Л. 255.
- ¹⁸ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 281. Л. 7.
- ¹⁹ Тогда была война... 1941–1945 : сб. док. и материалов. Челябинск, 2005. С. 68–69.
- ²⁰ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 126. Л. 144; Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 4. Л. 236, 236 об.
- ²¹ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 73. Л. 96; Ф. П-288. Оп. 6. Д. 269. Л. 124.
- ²² ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1419. Л. 12–22.
- ²³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 21. Л. 480.
- ²⁴ ОГАЧО. Ф. П-288-к. Оп. 1. Д. 32. Л. 7; Ф. П-288. Оп. 42. Д. 23. Л. 445.
- ²⁵ ОГАЧО. Ф. П-288-к. Оп. 1. Д. 32. Л. 83; Ф. П-288. Оп. 6. Д. 270. Л. 26.
- ²⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 119. Л. 52.
- ²⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 270. Л. 31; Ф. П-288-к. Оп. 1. Д. 21. Л. 227.
- ²⁸ Подсчитано по материалам: ОГАЧО. Ф. П-1732. Оп. 1. Д. 23. Л. 12; Д. 40. Л. 4–15.
- ²⁹ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 2. Л. 51; Ф. П-288. Оп. 42. Д. 21. Л. 132; Оп. 6. Д. 89. Л. 36, 41.
- ³⁰ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 269. Л. 103.
- ³¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 225. Л. 39.
- ³² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 21. Л. 267; Оп. 7. Д. 100. Л. 4.
- ³³ Осокина, Е. А. За фасадом «Сталинского изобилия» : Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997. С. 249.
- ³⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 281. Л. 113; Оп. 6. Д. 270. Л. 29; Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 2. Л. 259.
- ³⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 269. Л. 8, 75, 77; Усольцева, Н. Л. : 1) Кадровые проблемы здравоохранения Челябинской области и их решение в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Южный Урал в судьбе России : материалы науч.-практ. конф. Челябинск, 2003. С. 245–248; 2) Учреждения высшего медицинского образования Южного Урала в годы Великой Отечественной войны // Война. Культура. Победа : материалы Урал. науч. форума. Ч. 1. Роль Урала как арсенала Победы. Культура и искусство Урала в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 2005. С. 189–192.
- ³⁶ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 73. Л. 96.
- ³⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 281. Л. 20; Оп. 6. Д. 270. Л. 15–18, 22; Д. 271. Л. 7.

Н.Н. Ивлев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНОВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья содержит информацию о деятельности финансовых органов Челябинской области в 1941–1945 гг. Рассматриваются цели, задачи, направления работы финансовых органов области и их вклад в победу в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: финансы, финансовые органы, налоговая и неналоговая мобилизация средств, вклады, банки долгосрочного кредитования, сберегательные кассы, финансовый контроль, бюджет, бюджетное планирование.

В современной России, когда финансовая политика государства напрямую затрагивает жизненные интересы и стратегии каждого члена общества, а терминология – «дефолт», «денежная эмиссия», «инфляция» и т. д. – перестала быть абстракцией и превратилась в обыденные факты повседневности, научный анализ устройства и функционирования финансовой системы в экстремальной обстановке Великой Отечественной войны приобретает особую актуальность, теоретическую и духовно-нравственную востребованность. Изучение финансов позволит создать комплексную картину советской экономики периода войны.

Практическая значимость темы усилилась в связи с мировым финансовым кризисом. Сокращение доходных статей бюджета, вызванное резким спадом мирового спроса на основные продукты экспорта и удешевлением углеводородов, при необходимости сохранять и увеличивать расходные статьи, делают нынешнюю ситуацию схожей с той, что переживало наше государство в период Великой Отечественной войны. Тщательное изучение финансовой политики и практики военных лет даст возможность выявить положительные и отрицательные моменты, что позволит избежать серьезных ошибок.

Финансы – обобщающий экономический термин, означающий как денежные средства, финансовые ресурсы, рассматриваемые в их создании и движении, распределении и перераспределении, использовании, так и экономические отношения, обусловленные взаимными расчетами между хозяйствующими субъектами, движением денежных средств, денежным обращением, использованием денег.

Вопрос о том, какое значение имели финансы в плановой экономике СССР в годы

Великой Отечественной войны и как строилась работа финансовых органов, остается открытым в отечественной историографии. Предлагаемая ниже статья является попыткой на конкретно-историческом материале Челябинской области выявить основные направления работы финансовых органов, оценить их вклад в победу над фашизмом.

В историографии проблемы можно выделить общесоюзный (федеральный) и региональный уровень. Общесоюзный уровень представлен комплексом исследований Н. А. Вознесенского, К. Н. Плотнокова, Я. Е. Чадаева¹. Все эти работы посвящены экономике СССР в целом и рассматривают лишь некоторые финансовые вопросы.

Единственной специальной работой по советским финансам в годы Великой Отечественной войны, является монография М. Л. Тамарченко², опубликованная в 1967 г. Интересная информация о финансовых кадрах содержится в мемуарах А. Г. Зверева³, наркома финансов в годы войны. Работы Ю. И. Константиновой и В. П. Дьяченко⁴ посвящены истории финансов советского государства в целом, и главное внимание в них уделено налоговым, бюджетным и денежным реформам. Уральские историки работали в русле общесоюзной концепции, углубленно изучая местную специфику. В обобщающем труде «Урал – фронту» сделана попытка представить итоговые сведения по региону. Некоторые аспекты налоговой политики военных лет рассмотрены в работах Г. Е. Корнилова и Н. П. Палецких⁵.

Краткий анализ литературы показывает, что наиболее разработанной частью финансовой проблематики является тема кредитования населением военных расходов государства. Как правило, она включена в контекст

всенародной помощи фронту, либо присутствует в исследованиях по социальной политике, т. е. выводится за пределы собственно финансовой политики и практики военных лет. Специальные комплексные исследования по финансовой системе и работе финансовых институтов отсутствуют.

Финансовые органы СССР были представлены системой Наркомата финансов. Союзному Наркомфину во главе с А. Г. Зверевым подчинялись республиканские наркоматы, в том числе и НКФ РСФСР, которому, в свою очередь, подчинялись областные финансовые отделы (облфо), которые контролировали деятельность районных и городских финансовых отделов (райгорфо). Кроме отделов, в систему Наркомата финансов входили управления сберегательных касс, представленные на каждом уровне, и банки долгосрочного кредитования (Промбанк, Сельхозбанк, Торгбанк и др.)

Основными задачами советской финансовой системы в годы войны были: перераспределение доходов для финансирования войны; перераспределение материальных запасов и резервов в пользу тяжелой промышленности; осуществление денежного контроля над производством и распределением общественного продукта⁶.

Ведущими направлениями работы финансовых органов являлись сокращение расходов и мобилизация свободных средств и ресурсов. В ходе этой работы не только осуществлялось финансирование военных расходов, но и происходило изъятие свободной денежной массы, что не позволяло развиваться инфляции. Мобилизация денежных средств осуществлялась двумя способами: налоговым и неналоговым.

Архивные источники позволяют рассмотреть деятельность налоговых отделов области на примере кампании по проведению сельскохозяйственного налога 1942 г. Работа финансовых органов области по взиманию налоговых платежей начиналась с учета плательщиков и объектов обложения. Одновременно с проведением учета составлялись списки льготников: хозяйств лиц, достигших преклонного возраста, семей военнослужащих, инвалидов войны и труда, переселенцев, хозяйств, пострадавших от стихийных бедствий.

Серьезные проблемы возникали с соблюдением законности. Многие налоговые работ-

ники, в азарте исполняя приказы о массовой мобилизации, не обращали внимания на законодательство и шли на прямое нарушение закона, который определял широкий слой льготников. Большое количество подобных нарушений заставило власти принимать специальные решения, например, постановление ЦК ВКП(б) «О чутком и внимательном отношении к семьям военнослужащих». Но и подобные распоряжения нарушались сотрудниками финансовых органов, что приводило к неправильному обложению налогом и необоснованному привлечению к сельскохозяйственным поставкам. За 1943 г. к налоговым платежам были незаконно привлечены более 900 семей и 674 семьи к обязательным сельскохозяйственным поставкам. Из-за незаконных действий сотрудников многие льготники были неправомерно привлечены к судебной ответственности. Судебные органы не разбирались в делах и выносили обвинительные приговоры на основании документов, полученных от финансовых органов. В связи с этим резко возросло количество жалоб на деятельность финансовых работников. В 13 районах было удовлетворено 1629 жалоб на незаконное налогообложение, из них 947 жалоб от семей красноармейцев⁷.

Местные налоги и сборы устанавливали областные исполкомы. С 1 января 1942 г. были введены новые местные налоги и сборы. В городах – налог со строений, земельная рента, сбор с владельцев транспортных средств, сбор с владельцев скота, разовый сбор на рынках. В сельской местности – налоги со строений, земельная рента, разовый сбор на колхозных рынках⁸. Тарифы сбора с продавцов и кустарей, работающих на колхозных рынках, менялись. С 1 января 1944 г. за каждый день торговли в крупных городах области плата составила 10 р., на остальных рынках – 5 р.⁹

Среди неналоговых форм особое место занимал государственный военный заем. Всего в годы войны осуществлялась подписка и реализация по пяти открытым госзаймам. Каждый из них имел свои особенности, но основные принципы и способы размещения были одинаковы. Займы выпускались сроком на 20 лет и состояли из двух выпусков: выигрышного и процентного. Выигрышный выпуск распространялся среди населения, а процентный (4 % годовых) среди артелей, товариществ, кооперации¹⁰.

Распространение государственного кредита проходило в виде подписки на облигации. Оплата подписки велась по-разному. Среди рабочих и служащих практиковалась безна-

были обязаны оказывать помощь в организации подписки.

Данные по реализации государственных займов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Реализация государственных займов (в млн р.)¹²

Наименование займа и дата	Сумма реализации		Процентное соотношение
	По СССР	По Челябинской области	%
Заем третьей пятилетки	10945	157	1,4
Первый военный заем 14.04.1942 г.	13186	366	2,7
Второй военный заем 5.06.1943 г.	20843	413	1,9
Третий военный заем 5.05.1944 г.	28963	347	1,1
Четвертый военный заем 4.06.1945 г.	26716	316	1,1
Итого	76608	1599	2,08

личная форма расчета, то есть бухгалтерия просто списывала часть зарплаты в счет оплаты облигаций. В деревне оплата облигации осуществлялась по наличному расчету.

Распоряжения о проведении займов принимал СНК СССР, который устанавливал четкую дату начала их реализации. На уровне правительства России (СНК РСФСР) устанавливались суммы, которые было необходимо разместить в отдельных областях, а на областном уровне бюро обкома партии и облисполком занимались разверсткой кредита среди населения.

Размещение подписки проходило в строго ограниченные сроки – 2–3 дня. Этому предшествовала большая подготовительная работа. Активно проводилась агитация, формировались комиссии содействия, на предприятиях выбирались ответственные и уполномоченные по госкредиту. В бухгалтериях составлялись и проверялись зарплатные ведомости. Сумма подписки устанавливалась на общих партийных собраниях и обычно составляла заработок за 4–5 недель. В сельских районах местные власти подготавливали денежные средства для авансирования колхозников в период подписки и организовывали выезд колхозников на городские рынки¹¹. На селе в размещении займа принимали участие учителя, почтальоны. Центры подписки и столы справок открывались в избах-читальнях. Все коммунисты и кандидаты в члены партии

Всего за годы войны по Челябинской области было привлечено 1,6 млрд р. или 2 % от общей суммы займов в СССР.

Не менее важным способом мобилизации средств являлись денежно-вещевые лотереи. Проведение лотерей осуществлялось в несколько этапов: выпуск лотерейных билетов, подписка на них и оплата подписки. Выигрыши по всем лотереям устанавливались в размере 20 % от их номинальной суммы. Стоимость вещевых выигрышей составляла по первой лотерее 5,4 %, по второй – 12,4 %, по третьей – 15,3 %, по четвертой – 14,2 %. Держателям лотерейных билетов предоставлялось право получить стоимость выигранной вещи деньгами¹³. В городах продажа билетов велась через сеть сберегательных касс и информационных столов. В сельских районах эту функцию исполняли столы справок и избы-читальни. Населению разъясняли необходимость займов и лотереи, объясняли, какие доходы можно было получить от участия в этих кампаниях.

Главной особенностью денежно-вещевых лотерей была их ориентированность на село, где требовалось собрать наличные деньги в сжатые сроки. Количество реализованных билетов не должно было быть меньше 1/3 от суммы индивидуальной подписки на заем текущего года¹⁴. Итоги размещения денежно-вещевых лотерей на территории Челябинской области в годы войны можно увидеть в табл. 2.

Таблица 2

Объемы размещения денежно-вещевых лотерей (в млн р.)¹⁵

Дата	Сумма размещения		Процентное соотношение %
	По СССР	По Челябинской области	
1941 г.	1000	37	3,7
1942 г.	1500	64	4,2
1943 г.	2500	64	2,5
1944 г.	5000	48	0,9
Всего	10000	213	2,1

Важным способом мобилизации денежных средств населения служили вклады в государственных трудовых сберегательных кассах. Главными задачами сберкасс в годы войны стали привлечение новых вкладов и удержание уже имеющихся. В соответствии с решением правительства НКФ СССР с 23 июня 1941 г. установил временные ограничения изъятия вкладов из сберегательных касс. Максимальная сумма, которую вкладчик мог получить из сберкассы, составляла 200 р. в месяц. Резкое сокращение притока новых вкладов после начала войны вынудило НКФ объявить о том, что все вклады, внесенные после 23 июня 1941 г., будут выдаваться в неограниченных суммах, по первому запросу вкладчика.

Работа сберкасс находилась в поле зрения областных властей. Ежегодно обком ВКП(б) и облисполком принимали совместные постановления об активизации привлечения новых вкладчиков, о помощи сберкассам со стороны парторганизаций и местных советов. Агитационная работа совмещалась с проверкой облигаций госзайма и лотерейных биле-

тов на предмет выигрыша. В 1943 г. в области было проведено 1026 собраний, 3814 групповых бесед, 1443 индивидуальные беседы; опубликовано 192 статьи, 129 заметок, 94 объявления; состоялось 140 выступлений по областному радио¹⁶.

Активная деятельность работников финансовых отделов, сберегательных касс и помощь со стороны местных властей принесли результаты. Начиная с 1942 г., в области наблюдается рост количества вкладов и его среднего размера. Данные об остатках денежных средств населения на счетах сберкасс и размеры средних вкладов представлены в табл. 3, 4.

Как видно из представленных данных, в 1941 г. происходило массовое изъятие денег со счетов. Люди, опасаясь за сохранность своих сбережений, предпочитали иметь наличность на руках. Запрет на выдачу вкладов и активная работа по привлечению новых средств дали свои результаты. В течение войны продолжался рост количества вкладов и вкладчиков. Основные средства переводились в государственный бюджет для покрытия военных расходов.

Таблица 3

Наличие вкладов населения в сберкассах в годы войны (в млн р.)¹⁷

Дата	Остатки вкладов населения	
	По СССР	По Челябинской области
21 июня 1941 г.	6797	82,9
1 января 1942 г.	4960	65,9
1 января 1943 г.	4410	68,8
1 января 1944 г.	4405	37,9
1 января 1945 г.	5238	67,4

Таблица 4

Размер вкладов населения в сберкассах Челябинской области (в р.)¹⁸

Год	Средний размер вклада в сберкассах		
	На начало года	На конец года	Изменения
1941 г.	278	224	- 54
1942 г.	233	274	+41
1943 г.	592	1173	+581
1944 г.	1118	1189	+71
1945 г.	1189	1701	+512

В годы войны у сберкасс появилась новая функция: прием и перечисление денежных компенсаций за неиспользованные отпуска. По решению правительства все ежегодные отпуска на время войны были отменены, а компенсации аккумулировались в сберкассах. На 1 января 1946 г. в сберкассах по области числилось по этой статье 201,2 млн р.¹⁹

Кроме мобилизации денежных средств населения, существовал еще один путь получения дополнительных доходов в бюджет – сокращение управленческих расходов. Этой работой занимался штатный отдел облфо. В его задачи входили регистрация штатных расписаний и контроль над административно-управленческими расходами. Регистрация управленческого аппарата проходила ежегодно, её сроки устанавливались на союзном уровне. Предприятиям и организациям, которые не прошли регистрацию, Госбанк прекращал выдачу средств на зарплату и административные расходы. Регистрация штатов проводилась силами местных финансовых органов²⁰.

Контроль за снижением себестоимости продукции и рационализацией производства осуществлялся через отдел государственных доходов облфо и через банки долгосрочного кредитования (Промбанк, Торгбанк и Сельхозбанк). Именно эти финансовые учреждения непосредственно работали с предприятиями и крупными стройками, разрабатывали программы снижения себестоимости и выносили их на рассмотрение облисполкома²¹.

Еще одним способом сбора средств на военные нужды было создание различных фондов, куда население могло перечислять денежные средства. Наиболее крупным стал Фонд обороны. Это были финансовые потоки особого рода: они не являлись ни налоговыми, ни займовыми ресурсами, а поступали как дар населения. Создание таких фондов инициировалось самим населением и происходило одновременно в различных районах страны. Финансовые органы не принимали активного участия в работе этих фондов, они лишь исполняли аккумулирующую функцию. В Госбанке были открыты специальные счета, куда все желающие могли вносить свои пожертвования. Сбор средств в фонды проходил через систему сберкасс, которые принимали средства и переводили их на счета Госбанка.

Все полученные от мобилизации и экономии средства накапливались в бюджетах различных уровней. Создание областного бюджета и его взаимоотношения с вышестоящими бюджетами входили в сферу деятельности областных финансовых органов. Через бюджет осуществлялось не только накопление средств, но их распределение и расходование. Бюджет области делился на две части: местный бюджет, куда входили доходы и расходы районов, и собственно областной бюджет. Процесс составления бюджета области проходил пять стадий. На первой стадии составлялись проекты бюджета. Отделы облисполкома готовили проекты для подчиненных им предприятий и организаций, городские и районные финансовые отделы – для своих территорий. Полученные данные передавались в бюджетный сектор облфо. Другие отделы облфо, такие как налоговый, государственных доходов, финансирования народного хозяйства, также составляли проекты и передавали их в бюджетный сектор. После получения всех данных составлялся общий или сводный проект бюджета, который выносился для согласования на заседание облисполкома. У представителей районов была возможность высказать свои претензии и пожелания по принимаемому документу – это вторая стадия. После обсуждения на уровне облисполкома проект бюджета отсылался в Москву на согласование с НКФ РСФСР – третья стадия. После Наркомфина проект утверждал СНК РСФСР – четвертая стадия. И только после этого бюджет принимался облисполкомом и рассылался в районы для исполнения – пятая стадия.

Каждый из военных бюджетов имел свои особенности. Бюджет 1941 г. составлялся как бюджет мирного времени, а исполнялся в условиях войны. Начиная с лета 1941 г. в стране вводился режим жесткой экономии. В июне происходило сокращение расходов местных бюджетов. Расходы по области были уменьшены на 48 млн р., 50 % этой суммы были перечислены в областной бюджет для расчетов с государственным бюджетом. Сокращение расходов производили по каждой смете каждого учреждения, состоявшего на финансировании. Расходы снижались за счет экономии фондов заработной платы и урезания штатов бюджетных учреждений. Всего за 1941 г. благодаря сокращению расходов область смогла передать в государственный бюджет 47,5 млн р.

1942 г. стал годом завершения перестройки экономики на военный лад, огромные средства тратились на устройство эвакуированных предприятий. Доходная часть бюджета в области была выполнена на 110 %, а расходная на 79 %. За счет сокращений было получено 123 млн р.

В 1943 г. административные границы Челябинской области изменились. В феврале, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР, образовалась Курганская область. В её состав из Челябинской области перешли 32 района и 2 города областного подчинения. А в августе постановлением СНК РСФСР город Челябинск получил статус

районных бюджетов; проверки законности налоговой работы. Банки долгосрочного кредитования осуществляли контроль за целевым и экономным расходованием выданных средств. На протяжении всех военных лет именно контрольно-ревизионная работа оставалась самым уязвимым местом в деятельности финансовых органов. Огромный объем работы и постоянный недокомплект штата делали нереальным исполнение ревизионных планов. Так, в 1944 г. было проверено только семь районных бюджетов и 20 областных отделов. В областном контрольно-ревизионном аппарате вместо положенных по штату 10 ревизоров работало только один²⁴.

Таблица 5

Исполнение бюджетов области за годы войны (в % к плану)²³

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Доходы	99	110	102	97	94
Расходы	88	79	92	92	92

административного центра республиканского подчинения. Поэтому окончательный бюджет области был переработан и утвержден после всех изменений.

За период Великой Отечественной войны вопрос о годовом бюджете впервые был вынесен на сессию областного совета в 1944 г. Кроме него, на сессии также были заслушаны отчеты об исполнении годовых бюджетов за 1941, 1942, 1943 гг. В 1945 г. осуществлялись процессы демилитаризации экономики, и это нашло отражение в новом годовом бюджете.

Если проследить исполнение бюджетов за годы войны, можно отметить, что расходные статьи никогда не выполнялись в полном объеме. Установка на экономию присутствовала и в момент составления бюджета, и в ходе его исполнения. К концу войны наблюдается невыполнение планов по доходам бюджета. Так, в 1944 г. областной бюджет недополучил 13 млн р., которые не были собраны в районах области²². Итоговые данные можно увидеть в табл. 5.

Отдельным и важным направлением деятельности финансовых органов была контрольно-ревизионная работа. Отделы облфо и райгорфо осуществляли общий финансовый надзор за всеми отраслями хозяйства. Существовал внутренний финансовый контроль, проверки, ревизии налоговых касс и налоговых агентов; ревизии городских и

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны финансовые органы исполняли функции бюджетного планирования, мобилизации и экономии денежных средств, финансового контроля. Методы работы финансовой системы в годы войны практически не изменились. Если в довоенный период средства собирались на ускоренную модернизацию и индустриализацию, то в 1941–1945 гг. – на военные нужды. Отработанная и отлаженная система сбора средств и перераспределения финансовых потоков выполняла задачи, поставленные военным временем.

Примечания

¹ Вознесенский, Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948; Плотников, К. Н. Очерки истории бюджета Советского государства. М., 1955; Чадаев, Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1985.

² Тамарченко, М. Л. Советские финансы в период Великой Отечественной войны. М., 1967.

³ Зверев, А. Г. Записки министра. М., 1973.

⁴ Дьяченко, В. П. История финансов СССР (1917–1950 гг.) М., 1978; Константинова, Ю. И. История финансов СССР. М., 1987.

⁵ Урал-фронту / П. Г. Агарышев, М. Е. Евланова, А. Г. Наумова и др. ; под. ред. А. В. Ми-

- трофановой. М., 1985; Корнилов, Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990; Палецких, Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995.
- ⁶ Вознесенский, Н. А. Указ. соч. С. 130.
- ⁷ ОГАЧО. Ф. Р.-274. Оп. 3. Д. 1575. Л. 13.
- ⁸ ОГАЧО. Ф. Р.-1029. Оп. 7. Д. 332. Л. 45.
- ⁹ ОГАЧО. Ф. Р.-274. Оп. 3. Д. 1688. Л. 53.
- ¹⁰ Челяб. рабочий. 1942. 14 апр.
- ¹¹ ОГАЧО. Ф. П.-288. Оп. 8. Д. 26. Л. 58; Д. 34. Л. 5–6.
- ¹² Составлено и рассчитано автором по материалам: ОГАЧО. Ф. Р.-1147. Оп. 3. Д. 53. Л. 27; Д. 75. Л. 39; Д. 90-а. Л. 37; Д. 97. Л. 31; Д. 102. Л. 104; Тамарченко, М. Л. Указ. соч. С. 81.
- ¹³ Плотников, К. Н. Указ. соч. С. 317.
- ¹⁴ Палецких, Н. П. Указ. соч. С. 57.
- ¹⁵ Составлено и рассчитано автором по материалам: ОГАЧО. Ф. Р.-1147. Оп. 3. Д. 53. Л. 28; Д. 75. Л. 42; Д. 90-а. Л. 39; Д. 97. Л. 33; Д. 102. Л. 107; Плотников, К. Н. Указ. соч. С. 317.
- ¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р.-1147. Оп. 3. Д. 90-а. Л. 34.
- ¹⁷ Составлено и рассчитано автором по материалам: ОГАЧО. Ф. Р.-1147. Оп. 3. Д. 53. Л. 21; Д. 75. Л. 31; Д. 90-а. Л. 26; Д. 97. Л. 31; Д. 102. Л. 101.
- ¹⁸ Составлено и рассчитано автором по материалам: ОГАЧО. Ф. Р.-1147. Оп. 3. Д. 53. Л. 23; Д. 75. Л. 31; Д. 90-а. Л. 28; Д. 97. Л. 32; Д. 102. Л. 101.
- ¹⁹ ОГАЧО. Ф. Р.-1147. Оп. 3. Д. 102. Л. 103.
- ²⁰ ОГАЧО. Ф. 1029. Оп. 15. Д. 1908. Л. 44.
- ²¹ ОГАЧО. Ф. Р.-1507. Оп. 1. Д. 37. Л. 21.
- ²² ОГАЧО. Ф. Р.-274. Оп. 3. Д. 1723. Л. 44.
- ²³ ОГАЧО. Ф. Р.-274. Оп. 3. Д. 68. Л. 4.
- ²⁴ ОГАЧО. Ф. Р.-274. Оп. 3. Д. 1705. Л. 160.

В. В. Гришаев, В. Н. Шевченко

РАЗВИТИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БАЗЫ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В СИБИРИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются основные аспекты и проблемы развития энергетики Сибири в годы Великой Отечественной войны. Работа выполнена на основе привлечения большого круга архивных источников, впервые введенных в научный оборот. Авторы отмечают значительное развитие электроэнергетики Сибири в военный период и делают вывод о вкладе сибирских энергетиков в укрепление обороноспособности страны.

Ключевые слова: энергетическая база, энергетическая система, военно-промышленное производство, промышленный район, выработка электроэнергии, электропромышленность.

Проблемы перестройки народного хозяйства Сибири в годы Великой Отечественной войны нашли широкое освещение в отечественной историографии. Однако проблема развития энергетической базы не получила должного внимания со стороны исследователей работы сибирского тыла. Не в полной мере раскрыт этот вопрос и в специальных работах по истории электрофикации Сибири в условиях военного времени¹. Более того, в постсоветский период история развития энергетики в годы Великой Отечественной войны фактически выпала из поля зрения сибирских историков. Обращение к данной теме обусловлено как недостаточной разработанностью проблем, освещением их в искаженном виде, так и необходимостью подобных научных изысканий для объективного освещения прошлого во имя избегания грубых ошибок в выработке механизма военно-экономической политики применительно к новым условиям и конкретным регионам.

Быстрое и эффективное восстановление эвакуированного в Сибирь военно-промышленного потенциала не представлялось возможным без укрепления его энергетической базы. Необходимо было не только разместить, построить новые производственные площади, смонтировать в кратчайшие сроки прибывавшее оборудование, но и «оживить» его, «заставить» работать на нужды фронта.

Сложная ситуация с электроснабжением в предвоенные годы, усугублявшаяся по мере восстановления эвакуированных предприятий, с осени 1941 г. переросла в энергетический кризис. Это ставило под угрозу срыва пуск в эксплуатацию вводимых в строй производственных мощностей оборонных заво-

дов. Так, потребная мощность в электроэнергии Омска к концу 1941 г. возросла до 41,3 МгВт, а на 1942 г. – 87,9 МгВт, в то время как существовавшие электростанции обеспечивали мощность только в 32 МгВт². Мощности электростанции Новосибирска к 1 марта 1942 г. составляли 60 МгВт, а для промышленности уже требовалось не менее 92 МгВт, а во втором квартале 1942 г. они возросли до 125 МгВт³.

Еще сложнее складывалась ситуация в Восточной Сибири, где до войны не было построено сколь-нибудь крупных районных электростанций. Дефицит электроэнергии в Красноярске зимой 1941–1942 г. настолько возрос, что, как отмечал директор строящейся КрасТЭЦ П. В. Юренский в своей докладной записке на имя секретаря крайкома ВКП(б) А. Б. Аристова, «...даже хлебозаводы, мельницы, водоснабжение, строительство важнейших предприятий не было обеспечено электроэнергией»⁴. Не имея возможность покрыть потребности промышленности и стройки в электроэнергии, электростанции вынуждены были временно отключать от потребления даже действующие предприятия оборонного значения.

В этих условиях строительство новых и реконструкция имевшихся энергообъектов выдвигается в ряд приоритетных, а сами стройки объявляются ударными. Особое внимание уделяется развитию энергетики промышленных районов Западной Сибири, в частности Новосибирской области (в составе Кузбасса), где разместился основной оборонный потенциал эвакуированных в Сибирь предприятий. В соответствии с принятым 26 сентября 1941 г. постановлением СНК СССР

«О мероприятиях по строительству электростанций в г. Новосибирске и Кузбассе» предусматривалось расширение Кемеровских ГРЭС и ТЭЦ, а также сооружение линии электропередач Кемерово-Ленинск-Кузнецк и Мундыбаш-Таштагол. Для ускорения строительства и ввода в эксплуатацию новых энергообъектов в августе 1941 г. в Новосибирске было организовано специальное управление «Спецэнергомонтаж»⁵.

Особенностью строительства объектов энергетики Сибири в годы войны являлось развитие прежде всего тепловых электростанций, что было чрезвычайно важно, так как производственная деятельность промышленных предприятий основывалась на комплексном (комбинированном) использовании энергии – тепловой и электрической. Строительство гидроэлектростанций практически не велось, так как это требовало больших финансовых, материальных, людских и, главным образом, временных затрат, что в условиях военного времени было непозволительной роскошью, хотя сами гидроэлектростанции были более эффективными и экономически выгодными.

Развитие энергетики в Сибири немислимо было без перемещения сюда оборудования электростанций, заводов энергоэлектромашиностроения из зон, подверженных оккупации. Однако в отличие от других отраслей промышленности, энергетика Сибири не получила в сколь-нибудь крупных размерах оборудования для строящихся электростанций. Хотя по решению ГКО в Сибирь стало прибывать оборудование Каширской, Сталинградской ГРЭС, Ленинградской ТЭЦ, Харьковского и Невского машиностроительных заводов, Московского трансформаторного, Белгородского котельного и других заводов, потери электроэнергетической промышленности были несравненно выше. Так, за 1941–1942 гг. из европейской части страны было эвакуировано 92 паровых турбины, 14 гидротурбин, 108 паровых котлов, 383 силовых трансформатора и ряд другого энергетического и электротехнического оборудования⁶, в то же время только в Германию было вывезено 14 тысяч паровых котлов, 1400 гидротурбин, 11300 электрогенераторов⁷.

Такое положение объяснялось тем, что энергетические предприятия, как правило, продолжали работать до последнего момента, обслуживая промышленные предприятия, нужды фронта и потребности населения при-

фронтовых районов вплоть до отхода Красной Армии. Проводимая в спешке эвакуация неизбежно вела к большим потерям энергетических мощностей, часть из которых по причине невозможности вывоза уничтожалась, другая – попадала врагу. Как следствие, многие строящиеся в Сибири энергообъекты, несмотря на быстрое возведение необходимых производственных площадей, длительное время не могли быть пущены в эксплуатацию.

Ключевым вопросом в развитии энергетики Сибири стала проблема восстановления эвакуированных в Сибирь предприятий электропромышленности, без чего немислимо было поднять уровень энергообеспеченности военной экономики. Уже осенью 1941 г. на базе эвакуированного оборудования цехов двигателей переменного тока Харьковского электромеханического завода в г. Кемерово воссоздается завод № 652 НКЭП. Оборудование цехов машин постоянного тока электротехнического завода из Харькова и завода «Мотор» из Воронежа послужило основой для создания в Прокопьевске завода № 651 НКЭП («Электромашин»), специализировавшегося на выпуске электромоторов и трансформаторов.

Особо важную роль в становлении энергетики Сибири сыграли два котельных завода, строившиеся в Алтайском крае – Барнаулский и Бийский. С их помощью удалось значительно сократить острый дефицит в котлах на энергообъектах промышленных предприятий и электростанциях Сибири. Уже в октябре 1942 г. Барнаулский котельный завод дал свою первую продукцию, хотя почти все основные цехи (инструментальный, модельный, котельно-сборочный) работали на открытых площадках. За 1942 г. – первую половину 1943 г. завод построил 15 котлов производительностью 900 т. пара/час, что эквивалентно производству 200 тыс. кВт электроэнергии⁸.

Для ускорения ввода новых энергетических мощностей и удешевления строительства широко применялись местные строительные материалы взамен дефицитных, значительно упрощались конструкции зданий, широкое распространение получили скоростные методы строительного-монтажных работ. Важным фактором в ускорении ведения строительного-монтажных работ являлась проведенная еще до войны в стране стандартизация энергетического оборудования, что позволяло сравнительно быстро включить в действующие

электроустановки Сибири эвакуированные сюда котлы и турбины.

При строительстве объектов КрасТЭЦ широко внедрялись методы скоростного возведения зданий, крупноблочная система монтажа оборудования, поточный метод ведения работ. Ленинградскими инженерами был разработан упрощенный проект строительства: стены строились из стандартных щитов, монтаж котлов проводился крупными блоками, дефицитный прокладочный материал был заменен медными кольцами. Однако строительство КрасТЭЦ, как и других стратегически важных объектов, плохо обеспечивалось стройматериалами и строймеханизмами, не хватало рабочих рук. В конце 1941 г. на строительстве имелось всего 4 автомашины, 1 постоянно ломавшийся трактор, 2 растворомешалки, 2 бетономешалки, 5 землеподъемников, 3 транспортные ленты. При такой технической вооруженности, даже с массовым привлечением жителей города, выполнить плановые задания было чрезвычайно трудно. Из выделенных на 1941 г. капиталовложений на сумму в 3,95 млн р. фактически было освоено 3,25 млн р., в том числе по основному промышленному строительству на 1,99 млн р.⁹

Не лучше обстояли дела на строительстве и других ударных энергообъектов Сибири. План строительно-монтажных работ на строительстве Новосибирской левобережной ТЭЦ-3, обслуживавший комплекс восстанавливаемых оборонных заводов, выполнен был всего на 38,1 %. На развернувшихся строительствах Омской и Томской ТЭЦ объем выполненных работ составил всего 213 тыс. р. Лишь на достройке Новосибирской ТЭЦ-2 удалось более-менее приблизиться к выполнению плановых заданий, где был выполнен объем строительно-монтажных работ на сумму в 6248 тыс. р. – 89,3 % от плана¹⁰.

Первые крупные успехи были достигнуты в Новосибирской области в 1942 г. Уже в августе 1942 г. дала первый ток первая очередь ТЭЦ-3. С ее постройкой мощности городской энергосистемы увеличились на 42 %. Важно отметить, что первая очередь ТЭЦ-3 со всем вспомогательным хозяйством и возведением объектов большого водозабора была построена и введена в эксплуатацию всего за 11 месяцев. В мирное время такая же станция ТЭЦ-2, но со значительно меньшим объемом работ строилась свыше 2 лет. Вошло в строй также несколько менее мощных заводских электро-

станций. На их создание в целом было затрачено 66,8 млн р.¹¹

Первая очередь производства на Красноярской ТЭЦ мощностью 25 тыс. кВт и производительностью 150 т. пар/час вошла в строй действующих 16 мая 1943 г. Наряду с сооружением ТЭЦ, в Красноярске развернулось строительство мелких и средних электростанций на базе и силами промышленных предприятий. К середине 1943 г. в Красноярске работало 6 заводских электростанций, на которых было установлено 22 паровых котла, общей производительностью 360 т. пара/час и 10 турбогенераторов общей мощностью 46,8 тыс. кВт. Кроме того, на предприятиях действовало 5 стационарных установок с генераторами суммарной мощностью в 1295 кВт и 9 аварийных блокстанций на жидком топливе мощностью 1200 кВт¹². Ввод в строй новых энергоустановок вывел промышленность Красноярска из тяжелейшего дефицита в энергоснабжении, но не решил полностью задачи энергообеспечения.

Менее быстрыми темпами, но все-таки развивалась энергетика Иркутской области. В 1943 г. был смонтирован дополнительный турбогенератор мощностью 2500 кВт на Иркутской ТЭЦ, были реконструированы Черемховская ЦЭС и Усольский энергетический узел, который стал располагать двумя турбинами суммарной мощностью 4000 кВт и снабжал электроэнергией всю промышленность Усоля-Сибирского. Пущена в эксплуатацию электростанция завода № 39 НКПА мощностью 600 кВт, а на машиностроительном заводе им. Куйбышева вступила в строй вторая турбина мощностью 2500 кВт.¹³ Значительное расширение энергетической базы позволяло без сколь-нибудь серьезных перебоев снабжать электроэнергией всю промышленность Иркутской области уже к концу 1943 г.

В последующие годы энергосистема «Главостокэнерго» пополнилась новыми мощностями. За 1944 г. в строй действующих введены: турбина № 5 на Барнаульской ТЭЦ мощностью 12 МВт, котел № 6 на Барнаульской ТЭЦ производительностью 70–85 т. пара/час; котел № 11 в Омскэнерго производительностью 25–30 т. пара/час; котел № 2 на Новосибирскэнерго – 166–200 т. пара/час; котел № 8 Кемеровоэнерго – 120–150 т. пара/час. Сроки строительства и ввода в эксплуатацию новых объектов энерге-

тики составляли от 17 месяцев (котел № 2 Новосибирскэнерго) до 6 месяцев (турбина № 5 Барнаульской ТЭЦ). Общая стоимость выполненных строительно-монтажных работ в системе «Главвостокэнерго» за 1944 г. составила (без подрядчиков и субподрядчиков) свыше 14562 тыс. р.¹⁴

Значительный прирост энерго мощностей в годы войны не сопровождался радикальными качественными изменениями в работе энергопредприятий. В годовом отчете «Главвостокэнерго» за 1944 г. подчеркивалось, что, несмотря на проводимую большую работу по повышению эффективности эксплуатации сибирских энергосистем и полученные при этом результаты по экономии топлива и электроэнергии на свои нужды, в целом коэффициент использования оборудования оставался низким. Наряду с объективными причинами, в энергосистеме Сибири имелось немало неиспользованных резервов. Теплофикационные турбогенераторы на Омской ТЭЦ, Красноярской ТЭЦ работали как кондиционные, главным образом по причине неготовности тепловых сетей. Ряд турбин (на Омской ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2, Новосибирской и Красноярской) работали со сниженной на 15–20 % температурой. На Западно-Сибирской ТЭЦ, Омской ТЭЦ, Томской и Красноярской ГРЭС коэффициент использования котлов был ниже 70 %. Велики были потери пара и конденсата на Кемеровской ГРЭС (9,43 %), Омской ТЭЦ-1 (11,3 %) и ТЭЦ-2 (9,1 %), Новосибирской ТЭЦ-3 (8,7 %). Себестоимость электроэнергии превысила плановую на 5,8 %.¹⁵

Серьезной проблемой энергетики Сибири в годы войны являлось качество обслуживания энерго мощностей. Стремление во что бы то ни стало обеспечить электроэнергией промышленные предприятия приводило к тому, что практически повсеместно на объектах электроэнергетики не соблюдались технические правила эксплуатации энергооборудования. Это объективно вело к росту аварийности, перерасходу топлива и электроэнергии на свои нужды. Необходимые регламентные работы не проводились своевременно, ремонт энергетического оборудования проводился наспех, низкого качества, а иногда и просто не делался.

Неудовлетворительная эксплуатация оборудования Омской ТЭЦ, некачественный ремонт основных узлов и агрегатов привел в

1942 г. к перерасходу топлива на 1079 т. По причине происшедших в этом году 126 аварий было недодано 6136 тыс. кВт и недовыработано 5984 тыс. кВт электроэнергии. На Барнаульской ТЭЦ из-за некачественного обслуживания оборудования количество аварий за 1942 г. увеличилось на 29 %, с 66 в 1941 г. до 85 случаев в 1942 г. На кемеровском энергокомплексе за этот период количество аварий увеличилось на 20 %, с 15 до 20 случаев¹⁶. Аналогичная ситуация складывалась и по другим энергосистемам Сибири. После введения принудительных графиков капитальных ремонтных работ в конце 1942 г. аварийность несколько снизилась, но продолжала оставаться на довольно высоком уровне, а энергетика не могла полностью использовать заложенные в нее мощности.

Основной причиной высокой аварийности являлась слабая профессионально-техническая подготовка работников энергопредприятий. Низкий уровень культуры эксплуатации оборудования не мог не отразиться на технико-экономических показателях работы электростанций, в результате чего энергетика Сибири несла большие и далеко не всегда оправданные потери. Из прошедших в «Красноярскэнерго» в 1943 г. 184 аварий более 80 % случилось по вине обслуживающего персонала. На Барнаульской ТЭЦ в этом же году произошло 29 аварий, из которых 23 аварии случились по вине работников станции¹⁷.

Проблема кадров в энергетике имела одни и те же корни, что и в целом экономика Сибири: в связи с призывом в армию уже в первые месяцы войны общее количество работников по всем энергоносителям резко сократилось, качественный состав резко ухудшился.

Значительное обновление кадрового состава работников электропредприятий ставило задачу их обучения в ранг приоритетных. Однако, как показала практика, организовать этот процесс в условиях постоянного движения кадров, нехватки специалистов в необходимых размерах и качественно удавалось далеко не всегда. Утвержденные планы подготовки кадров по энергосистемам и энергопредприятиям Сибири из года в год не выполнялись. Выполнение планов подготовки кадров за 1943 г. по энергосистемам составило: «Красноярскэнерго» – 55 %, «Омскэнерго» – 61 %, Барнаульская ТЭЦ – 57 %¹⁸.

Сложное положение оставалось и с обеспечением энергопредприятий инженерно-

техническими кадрами. Имевшиеся на местах специалисты, а также приехавшие по эвакуации небольшие группы ИТР не могли удовлетворить разрастающуюся электроэнергетику Сибири. Единственным выходом из создавшегося положения в условиях военного времени являлось выдвижение на руководящие административно-технические должности старых кадров высококвалифицированных рабочих-энергетиков, а также хорошо зарекомендовавших себя молодых рабочих из числа выпускников ремесленных училищ.

В целом, в годы Великой Отечественной войны электроэнергетика Сибири, в отличие от европейской части страны, получила дальнейшее развитие. Используя эвакуированное энергетическое оборудование, строя новые крупные и средние электростанции и расширяя действовавшие, энергетики Сибири внесли заметный вклад в укрепление обороноспособности страны, обеспечивая электроэнергией оборонную и связанную с ней отрасли промышленности. Были сделаны важные шаги на пути образования в регионе мощных энергетических систем, развития энергоемких производств, создания энергомашиностроения. По темпам развития энергетики и по выработке электроэнергии Сибирь прочно удерживала передовые позиции среди других регионов страны.

Общий рост энерго мощностей и выработки электроэнергии в районах Сибири за годы

Удельный вес Сибири в общесоюзной выработке электроэнергии увеличился свыше чем в 2,3 раза и составил почти 12 %. В то же время энергетика Сибири развивалась неравномерно. Если перед войной энергетические мощности Западной Сибири более чем в 4,1 раза превышали мощности Восточной Сибири, а выработка электроэнергии – в 2,7 раза, то в 1945 г. эти соотношения составили соответственно почти в 2,2 и 3,6 раза.

Вместе с тем, при несомненном росте мощностей и увеличении выработки электроэнергии, темпы развития энергетики в целом отставали от роста промышленности. Отставание энергопроизводства от потребностей промышленности означало уменьшение энерговооруженности труда и вело к снижению его производительности, что не могло не сказаться на производственной деятельности предприятий и всей промышленности, прежде всего оборонной.

Так, в целом, рост мощностей энергосистемы Красноярского края к концу войны составил 310 %, а производство электроэнергии по отношению к 1940 г. увеличилось на 246 %. Но трудности с энергоснабжением оставались, что не могло не отражаться на ритмичности работы предприятий. При росте потребности в электроэнергии с 1943 г. по 1945 г. в два раза, выработка электроэнергии оставалась на прежнем уровне. На первый квартал 1945 г. Главвостокэнерго установил

Территория	1940 г.				1945 г.			
	Мощность (тыс. кВт)	% от общесоюзного	Выработка (млн. кВт)	% от общесоюзного	Мощность (тыс. кВт)	% от общесоюзного	Выработка (млн. кВт)	% от общесоюзного
СССР	11193,0	100	48309,0	100	11124	100	43253,0	100
Сибирь	585,4	5,2	2477,0	5,0	1106,9	9,9	5100,5	11,8
В том числе:								
Западная Сибирь	448,0	3,6	1808,0	3,7	758,2	6,8	3984,2	9,2
Восточная Сибирь	108,6	1,6	669,0	1,3	348,7	3,1	1116,3	2,6

Источник: Алексеев, В. В. Электрфикация Сибири. Новосибирск, 1973. С. 243.

войны характеризовались следующими показателями.

Данные таблицы свидетельствуют, что при общем снижении производства электроэнергии в годы войны в стране на 11 %, в Сибири в целом оно выросло более чем в 2 раза.

выработку электроэнергии в объеме 28,2 млн кВт, хотя для нормальной работы промышленности необходимо было не менее 43 млн кВт. Это приводило к тому, что промышленность в целом обеспечивалась электроэнергией в пределах 50 % от потребностей, что

вело к срыву работы оборонных предприятий и полной остановки предприятий других отраслей промышленности. По этой причине только в 1944 г. простой оборудования на промышленных предприятиях оборонного значения составил 906 тыс. станко/час и 1774 тыс. чел/час рабочей силы¹⁹.

Большие затруднения с энергоснабжением испытывала промышленность других регионов Сибири. Несмотря на то, что за годы мощности Омской энергосистемы выросли в 3,8 раза, с 60 МгВт до 220 МгВт, выработка электроэнергии в сутки, утвержденная ГКО в январе 1945 г., составляла всего 835 тыс. кВт, что давало возможность в самых ограниченных объемах удовлетворять потребности только основных оборонных заводов. Лимит выработки электроэнергии в сутки составлял 920 тыс. кВт²⁰.

Выработка электроэнергии по Новосибирской энергосистеме по постановлению ГКО на I квартал 1945 г. составила 138,5 МВт, при лимите в 47,7 МВт, в том числе по предприятиям НКАП – 6,9 МВт, НКБ – 18 МВт, НКВ – 4 МВт. По Барнаульской энергосистеме на этот же период выработка планировалась в 41,2 МВт, при лимите 12,5 МВт, в том числе НКТП – 4,35 МВт, НКВ – 2,7 МВт, НКБ – 0,6 МВт²¹.

Все возраставший дефицит в электроснабжении в годы войны пытались преодолеть испытанными методами: от грозных постановлений ГКО, Наркоматов, партийно-хозяйственных органов о недопустимости ограничений в энергообеспечении заводов, изготовлявших оборонную продукцию до жесткой регламентации подачи электроэнергии промышленным объектам, разработки и реализации энергосберегающих мероприятий на самих предприятиях. Но решить до конца эту проблему не только не удалось, но и не было объективной возможности это сделать, так как был нарушен один из основополагающих принципов опережающего развития производства электроэнергии по сравнению с темпом роста промышленности. С другой стороны, эффективное и полное использование имевшихся энерго мощностей во многом зависело от обеспеченности их энергетическими углями, от работы в целом угольной промышленности.

Таким образом, в силу сложившихся объективных обстоятельств, ошибок и просчетов в планировании и реализации достичь этого в полном объеме вплоть до конца войны так и не удалось. Военная экономика развивалась в условиях жесткого дефицита энергетических ресурсов, что не давало возможности полностью использовать созданный военно-промышленный потенциал.

Примечания

¹ Бутягин, И. П. Энергетика Сибири / И. П. Бутягин, А. И. Васильев. М. ; Л, 1963; Алексеев, В. В. : 1) Очерки электрофикации Западной Сибири. Красноярск, 1966; 2) Сто сибирских ГОЭЛР. Очерки электрофикации Западной Сибири. Новосибирск, 1970; 3) Электрофикация Сибири. Новосибирск, 1973.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 42. Д. 921. Л. 3.

³ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 5. Д. 565. Л. 74.

⁴ Архивное агентство администрации Красноярского края (ААА КК). Ф. П-26. Оп. 1. Д. 467. Л. 93.

⁵ РГАЭ. Ф. 7870. Оп. 2. Д. 133. Л. 1, 2, 157.

⁶ Электрофикация СССР. М., 1970. С. 48.

⁷ Куманев, Г. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005. С. 22.

⁸ Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 44. Д. 28. Л. 82.

⁹ ААА КК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 206. Л. 73.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 7870. Оп. 2. Д. 62. Л. 6.

¹¹ Наша малая Родина : хрестоматия по истории Новосиб. обл. Новосибирск, 1997. С. 336.

¹² ААА КК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 62. Л. 37–43; Д. 736. Л. 2.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 112. Л. 71.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 7870. Оп. 2. Д. 146. Л. 13, 30.

¹⁵ Там же. Д. 145. Л. 55, 56, 60.

¹⁶ Там же. Д. 92. Л. 22, 33, 41.

¹⁷ Там же. Д. 122. Л. 23, 26.

¹⁸ Там же. Д. 122. Л. 24, 26, 30.

¹⁹ ААА КК. Ф. П-26. Оп. 15. Д. 8. Л. 10; Д. 15. Л. 61.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 420. Л. 5.

²¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 335. Л. 140, 141, 146, 147.

В. Н. Мамяченков

ПОЛИТИКА ЦЕН И КАРТОЧНАЯ СИСТЕМА В СССР: ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В 1946 ГОДУ (НА МАТЕРИАЛАХ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья посвящена малоисследованной теме – реализации такого важного социально-экономического мероприятия, каковым явилось послевоенное выравнивание государственных и коммерческих цен на продукты питания. Работа содержит значительный объем фактологического материала, наглядно и достаточно полно характеризующего ценовую политику государства и уровень потребления населения области в конце первого послевоенного года. Источниковой базой исследования послужили прежде всего никогда ранее не публиковавшиеся архивные материалы Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).

Ключевые слова: Свердловская область, условия жизни, ценовая политика, постановление, урегулирование, сокращение, спрос, недовольство.

Окончание Великой Отечественной войны, вопреки ожиданиям, не принесло с собой резкого повышения уровня доходов и потребления населения. И тому были вполне объективные причины: уже в 1942 г. производство многих важнейших промышленных потребительских товаров в СССР сократилось в несколько раз и упало до уровня 1924 г.¹ Что касается аграрного сектора, то из-за последствий войны валовая продукция сельского хозяйства страны сократилась на 40 %, а производство зерна и хлопка – почти на 50 %². Посевные площади колхозов страны в 1946 г. по сравнению с 1940 г. сократились на 24 %, обеспеченность их основными производственными фондами – на 25 %, а трудовые ресурсы села – на 32 %³.

Уральский регион, в том числе и Свердловская область, находясь в глубоком тылу, не понесли прямых потерь от ведения боевых действий и оккупации. Но, тем не менее, война проявила себя и здесь, кардинально повлияв на состояние всех отраслей экономики региона и сферу материальных условий жизни его населения. Исправить и восполнить такие масштабные диспропорции экономики и материальные потери в короткие сроки было, естественно, невозможно.

Тем не менее, и союзные, и региональные власти стремились поддерживать у населения оптимистический настрой в отношении ближайшего будущего. Например, в апреле 1946 г. на совещании торговых работников первый секретарь Свердловского обкома партии В. И. Недосекин объявил, что в новой,

только что начавшейся, пятилетке расходы «на материальные и культурные нужды» возрастут в 2,6 раза, а самое главное – уже осенью будут отменены карточки на хлеб, муку, крупу и макаронные изделия⁴.

Как нам представляется, областной партийный руководитель выдавал желаемое за действительное: никаких объективных предпосылок для реализации обещанного им не существовало. Вообще на уровень доходов населения (а соответственно и на уровень расходов и потребления) всегда прямо влияют три фактора: общее состояние экономики страны, социально-экономическая политика государства и – иногда и только временно – форс-мажорные обстоятельства (прежде всего – стихийные бедствия в виде засухи, наводнений, эпидемий и т. д.).

Первые два фактора были для всей страны безусловно отрицательными: о состоянии экономики на момент окончания Второй мировой войны мы вкратце уже сказали, а мощным форс-мажорным обстоятельством стал неурожай 1946 г. Сложнее обстояло дело с социально-экономической политикой: первые послевоенные годы были достаточно насыщены мероприятиями такого рода, сильно повлиявшими на уровень доходов, расходов и потребления населения. Основными из них были:

- урегулирование пайковых и коммерческих цен (сентябрь 1946 г.);
- конфискационная денежная реформа (декабрь 1947 г.);
- реформа оптовых цен (1949 г.);

- регулярные размещения государственных займов;
- периодические снижения розничных цен;
- непроизводительные бюджетные расходы;
- налоговая политика государства.

Мы не зря поставили урегулирование пайковых и коммерческих цен на первое место, так как ценовая политика государства всегда отражает суть его экономической политики в целом. Здесь надо начать с того, что (вопреки распространенному мнению) в послевоенные годы цены не только снижали, но и повышали. И самый известный такой случай – это Постановление Совмина от 16 сентября 1946 г.

В нем говорилось, что «Совет Министров СССР в целях подготовки условий для отмены в 1947 году карточной системы и введения единых цен признал необходимым осуществить мероприятия, направленные к сближению высоких коммерческих и низких пайковых цен путем дальнейшего снижения коммерческих и некоторого повышения пайковых цен с тем, чтобы к моменту отмены карточной системы упразднить коммерческие цены и объявить пайковые цены едиными государственными ценами»⁵.

Надо сказать, что данное мероприятие советского Правительства в первом послевоенном году пока что очень слабо отражено в отечественной и зарубежной историографии. Поэтому в научной литературе можно найти только отдельные фрагменты, касающиеся данного мероприятия, и ссылки на его проведение и последствия. При этом сама целесообразность его реализации большинством авторов под сомнение не ставится, а необходимость оправдывается облегчением введения в дальнейшем единых цен⁶.

При внимательном же рассмотрении этого события нельзя не заметить его объективной двойственности. С одной стороны, действительно, послевоенная множественность цен – коммерческих, льготно-коммерческих и пайковых – поощряла спекуляцию и не способствовала стабилизации экономики. А с другой – снижение коммерческих цен ощущалось населением в гораздо меньшей степени, чем повышение пайковых, так как почти все население страны жило от зарплаты до зарплаты. Но в результате урегулирования именно пайковые цены были повышены почти в три раза, коммерческие же – снижены всего

на 20–30 %. Это напрямую било по городскому населению и прежде всего – по малооплачиваемым гражданам, которых было много (в 1946 г. 43 % работающих в стране зарабатывали менее 300 р. в месяц, а 35 % – от 300 до 600 р.)⁷.

Правда, чтобы смягчить удар по низкооплачиваемым категориям населения, было решено несколько повысить пособия и стипендии, а также зарплату тем рабочим и служащим, у кого она была меньше 900 р. в месяц. Таких в Свердловской области было немало: только на не самом крупном в Нижнем Тагиле заводе № 63 (он выпускал разнообразную продукцию, в том числе снаряды и двигатели) зарплату до 300 р. в месяц получали 764 человека, а до 500 р. – 921 человек⁸. На прямые вопросы граждан, например: «А как быть с многосемейными, у которых отцы погибли на фронте?», обычно следовал уклончивый ответ: «Нужно руководителям <...> пересмотреть расстановку этих людей, так чтобы они смогли обеспечить заработной платой прожиточный минимум»⁹.

Но самым неприятным моментом в Постановлении было то, что ряду категорий населения – старикам, детям, иждивенцам, жителям сельской местности – выдача продуктовых карточек вообще прекращалась (в Постановлении это было названо «снижением расхода хлеба по пайковому снабжению»). Архивные документы донесли до нас большой пласт информации о настроениях населения Свердловской области в тот период и его реакции на это событие.

Так, Зайковский РК ВКП(б) сообщал, что «Постановление <...> рабочими и служащими района встречено основной массой хорошо», но «имеются факты, когда рабочие и служащие в личных разговорах выражают свое недовольство трудным положением в связи с сокращением расхода хлеба по пайковому снабжению». Далее в информации райкома приводился ряд таких высказываний:

– учительница Кочевской начальной школы Якимова: «У меня муж погиб на войне, защищая Родину, от него осталось двое детей, их надо воспитывать, но карточек на них не дали. На 500 грамм хлеба, который я получаю, прожить невозможно троим, я не знаю, как дотянем до нового урожая»;

– шофер из поселка Красногвардейский Минеев: «Сейчас в связи с подорожанием продуктов ежедневно в столовой нужно рас-

ходовать 15–20 р., а зарабатываем по 5–8 р.»;

– счетовод Зайковской МТС Вандышева: «Сейчас очень трудно будет жить с детьми, придется ежедневно покупать с рынка по буханке хлеба и платить по 50–100 р., да еще у нас купить негде, придется ходить и просить, а коли не покупать, то ребятишки помрут с голоду»¹⁰.

– мать-героиня Шарапова (одна из 37 домохозяек Невьянска, лишившихся хлебных карточек): «Как же так <...> я мать-героиня, мне орден дали, а хлебную карточку не дают?»¹¹.

Но, к сожалению, Постановлением от 16 сентября дело не ограничилось: буквально следом вышло Постановление Совмина СССР от 27 сентября 1946 г. «Об экономии в расходовании хлеба», которым фонд расходования муки по сельской местности снижался в среднем на 70 %. По Свердловской же области эта цифра составила почти 90 %: из 363000 человек, проживающих в сельской местности и получающих карточки, с октября осталось только 40000. При этом наблюдались совершенно абсурдные случаи: например, сельские жители Ачитского района, перевыполнившего государственный план хлебозаготовок, вместо 12000 хлебных карточек стали получать только 1350. В целом же по области количество граждан, получающих карточки на хлеб, только с сентября по декабрь 1946 г. сократилось с 2237,6 тысяч до 1815,5 тысяч человек, в том числе в Свердловске – с 483,7 до 456,7 тысячи¹².

Жесткость и непродуманность Постановления от 16 сентября проявлялись хотя бы в том, что карточек лишились проживающие в сельской местности, но зачастую не имеющие даже огородов, учителя, медицинские работники, персонал школ и больниц, работники связи, партийно-советских органов и другие. Например, секретарь Карпинского ГК ВКП(б) Лопатин с тревогой сообщал в обком партии, что в таком положении оказалось 90 человек, проживающих на лесочастках Угольного мехлесопункта, из которых 16 учителей и 25 врачей и фельдшеров¹³.

В труднейшем положении оказались не только сельские труженики, но и районная «элита» – семьи так называемого партийно-хозяйственного актива. По этому поводу Свердловский обком партии сообщал в ее ЦК: «В безвыходном положении оказались районные руководящие партийно-советские работники сельской местности, в особенности

многосемейные, так как хлебные карточки выданы только на главу семьи. Например, директор Первухинской МТС Талицкого района тов. Патрушев, имеющий 9 человек членов семьи, получил 1 карточку на 500 граммов хлеба. В таком же положении находится второй секретарь Покровского райкома ВКП(б) тов. Пронин, имеющий 6 человек членов семьи. Тяжелое положение многосемейных ответственных партийных и советских работников еще более усугубляется тем, что запрещена продажа зерна, муки и хлеба»¹⁴.

Если говорить о последствиях упомянутых Постановлений Совмина от 16 и 27 сентября 1946 г., то они были неоднозначными как для различных категорий населения, так и для разных регионов страны. Например, в сравнительно лучшем положении оказались граждане, имеющие натуральные доходы от приусадебных участков. Аналогично меньшие потери понесли регионы и местности с относительно развитым сельским хозяйством. Что же касается промышленно развитой Свердловской области, то для нее указанные мероприятия руководства страны выразились в следующих социально-экономических последствиях:

1. Часть семей рабочих и служащих, проживающих в сельской местности, подались в колхозы, где легче было выжить. Только в Зайковском районе области в первый же месяц после выхода в свет Постановления от 16 сентября так поступили 39 семей. Еще более масштабный случай произошел на Уральском артиллерийском полигоне под Нижним Тагилом, где сразу 70 человек подали заявления об увольнении. Аналогичный случай произошел и в совхозе № 1 подсобного хозяйства Новотагильского металлургического завода, где такие заявления подали 60 человек¹⁵.

2. На предприятиях и организациях произошел некоторый прилив рабочей силы, прежде всего за счет бывших иждивенцев. Лишив неработающих граждан права на получение продовольственных карточек, государство этой жесткой мерой заставило их искать средства к существованию.

3. Цены на колхозных рынках области в целом несколько снизились. Для наглядности приведем следующую таблицу:

Похожая картина была и в ряде других районов области. Так, на рынке Бисерти цены на мясо несколько снизились (примерно на 10 р.), а на масло – повысились, и довольно

Цены на продукты питания на колхозном рынке г. Камышлова
в сентябре 1946 г., р./кг

Наименование продуктов	Цены		Снижение (-), повышение (+) цен, %
	15.09.46.	25. 09.46.	
Морковь	6	3	- 50
Капуста	3	2	- 33
Картофель	2	2	0
Свекла	6	6	0
Телятина	50	35	- 30
Свинина	55	50	- 9
Баранина	40	40	0
Молоко	12	10	- 17
Сливки	35	35	0
Творог	10	10	0
Масло топленое	150	160	+ 7
Яйца, дес.	40	35	- 12

Источник: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 100.

сильно (со 100–120 до 150–160 р.)¹⁶. То же было и в областном центре: в Свердловске цены на хлеб и крупы вообще не изменились, на масло снизились до 12 %, на картофель – до 25 %, на мясо – в среднем на 36 %¹⁷.

4. Цены в столовых предприятий и организаций довольно чувствительно повысились. Например, в столовых Первоуральска стоимость мясного гуляша возросла с 2 рублей 10 коп. до 4 р. 30 коп., каши ячневой – с 30 до 80 коп., горошницы – с 35 до 70 коп. и даже стакан чая с сахаром вместо 15 стал стоить 25 коп.¹⁸ Особенно резко выросла стоимость обедов в диетических столовых. Например, в диетстоловых Уралмашзавода стоимость обеда из трех блюд возросла с 2,80 до 6,40 р.¹⁹

Вследствие этого в столовых предприятий и организаций в разы сократилось число столоующихся. Например, в столовых треста «Свердпромстрой» число ежедневно обедающих в октябре 1946 г. снизилось почти в три раза. Причем дело было не только в возросших ценах – еще сильнее ударила по гражданам отмена хлебных карточек для иждивенцев. Работница одного из предприятий Пшеницына так сказала об этом: «... вот я, например, прикреплюсь к столовой, что будет есть дети?»²⁰

5. Резко повысился спрос на ряд повседневных товаров. Например, после снижения цен в магазинах Нижнего Тагила продажа са-

хара, спичек и хлебобулочных изделий уже 16 сентября увеличилась в 4 раза, кондитерских изделий и макарон – в 5 раз, колбасы – в 15 раз²¹. При этом резко возрос объем реализации продовольственных товаров в магазинах так называемого Особторга, торгующих по повышенным ценам. Так, в магазинах Свердловска, Нижнего Тагила, Карпинска объемы продаж сахара возросли в 10, макарон – в 8, круп – в 6, мыла хозяйственного – в 3, хлебобулочных изделий – в 1,5 раза²².

6. В Свердловской области произошли отдельные акции протеста. Например, 2 и 3 октября 1946 г. не вышли на работу около 300 рабочих Быньговского совхоза медеплавильного завода. Причиной было то, что им не выдали карточек на хлеб. Только на третий день, 4 октября, когда им за счет совхоза была выдана мука, они приступили к работе²³.

Интересно, что Свердловский обком партии, информируя ЦК ВКП(б) о том, что в области «имеют место случаи невыходов на работу рабочих предприятий местной промышленности и членов промартелей», о происшествии в Быньговском умолчал. Хотя при этом в информации сообщалось о некоторых случаях невыхода на работу. Так, сообщалось, что в селе Сарапулка Березовского района 3 октября не вышли на работу 46 человек артели «Коммунар», 36 человек артели «Боевик», 49 рабочих Косулинского совхоза, 43 рабочих

Химлесхоза и 21 работник райпотребсоюза, то есть всего 195 человек. В этом же селе в тот же день не пошли в школу 152 школьника. В Буткинском районе 3 октября не вышли на работу 10 работников промкомбината. Там же 1 октября не посетили школу 60, а 2 и 3 октября – 80 детей рабочих, служащих, инвалидов войны и погибших воинов²⁴.

Если провести сравнение ситуации, сложившейся по поводу Постановления от 16 сентября 1946 г., на Среднем Урале и в других регионах страны, то нельзя не отметить их схожести. Например, повсеместно наиболее болезненно отреагировали на Постановление малооплачиваемые слои населения. Так, вскоре после выхода в свет Постановления, председатель ВЦСПС В. В. Кузнецов докладывал в ЦК партии, что «повышение цен на продукты, и в особенности на хлеб, вызвало больше всего беспокойство у много семейных и низкооплачиваемых рабочих, причем особенно болезненно реагировали женщины, имеющие детей и потерявшие мужей на войне. На Воскресенском химкомбинате некоторые из таких низкооплачиваемых и многодетных женщин, узнав о новых ценах, поплакали, жалуясь, что им теперь на хлеб зарплаты не хватит <...> Крепильщица кузнечного цеха завода “Подъемник” (Москва) тов. Кирпичева Евдокия Яковлевна, имеющая трех детей и получающая 500 р. в месяц, узнав о повышении цен, заявила: “Мне остается только повеситься”».

Власти многих краев и областей страны с тревогой сообщали в Правительство, что народ недоволен, что самым характерным высказыванием становится такое: «Будем ходить в магазины только смотреть» (в целом по стране без карточек осталось почти 5 миллионов человек, из них почти 600 тыс. детей). При этом недовольство выражали даже отдельные представители партийных и советских органов, для которых стоимость литерных пайков выросла едва ли не втрое.

Так же повсеместно повысились цены на обеды в рабочих столовых. Например, в столовых Октябрьской железной дороги вермишелевый суп вместо 50 коп. стал стоить 1 р. 5 коп. В результате в столовую депо Ховрино вместо 628 обедавших 16 сентября на следующий день пришло только 246²⁵.

В то же время источники указывают только на повышение цен на колхозных рынках

страны²⁵, чего в Свердловской области не произошло, во всяком случае – осенью 1946 г. На наш взгляд, объяснить это можно уже сложившимся к тому времени относительно высоким уровнем рыночных цен в нашем регионе.

Таким образом, Постановление от 16 сентября 1946 г. оказало противоречивое влияние на социально-экономическую жизнь как Свердловской области, так и страны в целом. При этом в очередной раз подтвердилась давно известная истина: в тяжелые периоды истории популярных решений не бывает.

Примечания

¹ Мотревич, В. П. Экономическая история России. Екатеринбург, 2004. С. 414.

² Там же. С. 434.

³ Чернявский, У. Г. Война и продовольствие : снабжение городского населения в Великой Отечественной войне. М., 1964. С. 47.

⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4 (Свердловский областной комитет КПСС). Оп. 41. Д. 135. Л. 21, 39.

⁵ Правда. 1946. 16 сент.

⁶ См. например: Мотревич, В. П. Указ. соч. С. 462.

⁷ См.: Пихоя, Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945–1985. М., 2007. С. 95.

⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 171. Л. 134.

⁹ Там же. Л. 72.

¹⁰ Там же. Л. 87–89.

¹¹ Там же. Л. 99, 101, 104.

¹² Там же. Л. 65–66; Д. 224. Л. 52.

¹³ Там же. Д. 148. Л. 68.

¹⁴ Там же. Д. 169. Л. 14.

¹⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 169. Л. 12. Д. 171. Л. 89.

¹⁶ Там же. Д. 171. Л. 146.

¹⁷ Там же. Л. 36.

¹⁸ Там же. Л. 146 (расчеты автора).

¹⁹ Там же. Л. 21.

²⁰ Там же. Л. 39–40; Д. 220. Л. 14.

²¹ Там же. Д. 171. Л. 132.

²² Там же. Л. 34–35.

²³ Там же. Л. 118.

²⁴ Там же. Д. 169. Л. 11–12.

²⁵ <http://www.kommersant.ru>.

И. В. Лосева

КРИЗИС ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ 1946–1947 ГОДОВ В ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В данной статье освещается кризис продовольственного снабжения и связанный с ним голод 1946–1947 гг. в Горьковской области. Для стабилизации положения власти вынуждены были принять ряд постановлений, которые вызвали большой общественный резонанс. На основе архивного материала рассматриваются мнения и суждения простых людей на продовольственную проблему.

Ключевые слова: неурожай, голод, продовольственный кризис, общественное мнение, постановления ЦК, председатели колхозов, уголовная ответственность.

Интерес к истории послевоенного периода всегда был большим, т. к. он представляет собой один из ключевых этапов в развитии советского общества. Голод 1946–1947 гг. стал одним из самых тяжелых испытаний, которых пришлось пережить советскому народу после войны.

Необходимо отметить, что современные исследования на данную тему в основном ограничиваются освещением общесоюзных событий, а на уровне Горьковской области эта проблема не подвергалась освещению. Впервые в советской историографии о голоде 1946–1947 гг. было сказано в 1988 г. в книге «История советского крестьянства», в которой основными причинами голода 1946–1947 гг. назывались только катастрофическая засуха и последствия войны¹. Более подробно эта проблема стала рассматриваться с начала 90-х гг. XX в., однако работы отечественных историков, например И. М. Волкова, продолжали поддерживать линию официальной советской историографии². Только после распада Советского Союза авторы получили возможность пересмотреть устоявшуюся точку зрения и заново осмыслить весь комплекс проблем, связанный с послевоенным голодом. Среди ученых, занимавшихся этой проблемой, можно назвать В. Ф. Зиму, Е. Ю. Зубкову и др.³

Цель данной статьи – осветить особенности и специфику кризиса продовольственного снабжения и связанный с ним голод 1946–1947 гг. в Горьковской области.

Засуха 1946 г. затронула большинство зерновых областей страны – Украину, Молдавию, правобережье Средней и Нижней Волги, Центрально-Черноземную зону и значительные территории в Нечерноземье. В результате

заготовки хлеба в стране резко сократились, что не могло не сказаться на продовольственном снабжении населения. На значительной территории СССР начался голод.

Иная ситуация сложилась в сельском хозяйстве Горьковской области. Хотя засуха в области была не так масштабна, как в других регионах, местное население в полной мере ощутило на себе всю тяжесть сложившейся ситуации. Еще весной 1946 г. из-за неблагоприятных климатических условий в колхозах области погибло озимых 34300 га и оказались сильно изреженными 70 тыс. га, а осенью текущего года по тем же причинам было недосеяно 92100 га. Так, если в 1945 г. сдача зерна государству с одного гектара площади зерновых по области составила 203 кг, то в 1946 – 157 кг. Общая недоимка сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства в колхозах Горьковской области составила 269,4 тыс. тонн зерна, 113,5 тыс. тонн картофеля, 45,6 тыс. тонн овощей, 3,8 тыс. тонн мяса, 37 млн. литров молока, 18 млн. штук яиц⁴.

Правительство СССР, чтобы покрыть дефицит зерна в других регионах, пошло по пути увеличения планов хлебозаготовок. Из колхозов и совхозов Горьковской области изъяли практически весь имеющийся хлеб, который предназначался для крестьян и распределялся в форме натуроплаты. Эта мера правительства привела к перебоям в снабжении населения продуктами питания.

Уже в мае 1946 г. снизилось качество продуктов питания в заводских столовых и больницах, сократилось количество хлеба, продаваемого в сети коммерческой торговли. Качество выпекаемых хлебобулочных изделий также ухудшилось: по данным августа

1946 г. в нем содержалось до 30 % примесей ячменной и овсяной муки. Выросли цены на рынках в городах и поселках Горьковской области. Например, в Павлове Горьковской области цена на двухкилограммовую буханку хлеба на рынке в августе 1946 г. возросла с 25 до 50 р.

Решением исполкома Горьковского областного Совета депутатов трудящихся от 6 августа 1946 г. в целях пресечения и предупреждения фактов преступного разбазаривания хлеба, предназначенного для сдачи государству, колхозам, колхозникам и единоличным крестьянским хозяйствам запрещалось продавать и обменивать зерна муки и печеного хлеба впредь до выполнения ими плана сдачи хлеба государству. Этим решением всем категориям производителей запрещалась торговля хлебом на колхозных рынках до выполнения областью в полном объеме плана обязательных хлебозаготовок. За нарушение данного решения все незаконно продаваемые продукты подвергались изъятию, назначался штраф в размере 300 р. при первом попадании, и уголовная ответственность при повторном нарушении⁵. Жесткие меры по пресечению хлебной торговли привело к ее полному прекращению на рынках города и области. Таким образом, сельские жители лишились важного источника своих доходов, которые в большинстве своем шли на выплату государственных налогов.

В связи с «продовольственными затруднениями», как в официальных документах именовалась нехватка сельскохозяйственных продуктов, ЦК ВКП(б) вынужден был принять постановление от 16 сентября 1946 г. о повышении пайковых цен на продовольствие. Еще накануне принятия постановления на предприятиях и селах Горьковской области стали работать агитаторы с целью разъяснения основных положений постановления. В «Правде» данная мера обосновывалась необходимостью сближения пайковых и коммерческих цен для осуществления в 1947 г. отмены карточной системы. На встречах с агитаторами простые рабочие задавали много вопросов, относительно сложившейся обстановки: «Скажите, какое положение с хлебом в стране?», «Будет ли повышена плата за квартиру», «Какие еще меры предпринимаются по борьбе со спекуляцией хлебом»⁶.

В первый же день торговли по новым ценам в г. Горьком состоялось совещание руко-

водящих партийных, советских и торговых работников. На нем отмечался ряд недостатков, среди которых были плохая работа ОРСов, несвоевременный завоз продуктов в магазины, скудный ассортимент товаров на прилавках, плохая работа отдельных столовых и снабжающих организаций⁷. Реальным примером изменения социального положения рабочих может служить факт, что на заводе № 92 им. Сталина столовую комсостава раньше посещали 120 человек, а 16 сентября пришло на завтрак только 50 человек⁸.

Решение правительства вызвало большой общественный резонанс. Партийная пропаганда традиционно распространяла мнение передовиков производства, которое сводилось к одобрению данного постановления. По словам рабочего завода «Красная Этна» И. М. Малофеева, высказанным в беседе с представителем райкома, постановление правительства «...выдвинула сама жизнь: международная обстановка, тяжелые климатические условия текущего года <...> Оно направлено на то, чтобы усилить мощь нашего государства, укрепить советский рубль, прийти к единым ценам. На первое время трудно будет. Ну что же, и хуже жили, да прожили, и теперь проживём»⁹. Однако большую часть рабочих такая перспектива не радовала. На Горьковском заводе фрезерных станков рабочий второго механического цеха Красицкий сказал: «Это не повышение цен, а петля на шею рабочему классу». Часто народное недовольство вырывалось наружу. В цехе № 50 завода № 92 им. Сталина была обнаружена надпись мелом, открыто призывающая к акции гражданского неповиновения: «Рабочим надо бунтовать».

Несмотря на то, что данная мера преподносилась правительством как вынужденная, а пропагандистские митинги партии пытались смягчить реакцию населения, избежать социальной напряженности в обществе не удалось. В народе стали распространяться различного рода слухи. Слесарь 2 цеха завода № 92 им. Сталина А. Зайцев в кабинете секретаря политбюро высказывал свое мнение, что «...повышение цен на продукты <...> связано с международной обстановкой, что порохом пахнет и правительство хочет создать запас на всякий случай»¹⁰.

Спустя 10 дней после повышения пайковых цен, 27 сентября 1946 г. правительство и ЦК партии приняли новое совместное по-

становление – «Об экономии в расходовании хлеба», которое еще больше осложнило ситуацию в стране. В соответствии с этим постановлением с 1 октября 1946 г. предусматривалось снять с пайкового продовольственного обеспечения большое количество населения, преимущественно неработающих взрослых иждивенцев – пенсионеров, инвалидов.

Особенно пострадали жители сельской местности: если в 1945 г. колхозникам Горьковской области на трудодень было выдано 480 г., то в 1946 – 226 г., а в 1947 – 43 г.¹¹. Тяжелое положение с обеспечением продовольствием влияло на их моральное состояние: «В колхозе дела никуда не годятся, урожай плохой, да плюс к тому и работают-то плохо, все ссылаются на то, что колхоз ничем не платит, а бесплатно работать не хотят. Председатель руководит слабо, попивает, да вечера устраивает», «народ совсем не ходит на работу, потому что голодный, кушает лебеду», «урожай здесь плохой, одна трава, колхозники работают плохо, если дадут хлеба, то идут на работу, а не дадут, никто не идет, в общем все смотрят, как бы смотаться из колхоза»¹². Всего, согласно данным из двадцати районов Горьковской области, по состоянию на 15 декабря 1946 г. обязательный минимум трудодней выработали всего 8,3 % колхозников. Чтобы заинтересовать колхозников работой в общественном хозяйстве, председатели шли на нарушение строжайшего запрета расходования зерна на собственные нужды сверх 15 % от сданного государству. Подобные нарушения имелись в большинстве коллективных хозяйств Горьковской области. Так, в Воскресенском районе в октябре 1946 г. в колхозе им. Куйбышева было израсходовано 247 % от сданного государству зерна, в колхозе им. Буденного – 175 %, колхозе «Доброволец» – 530 % и так далее. В Красно-Баковском районе такие нарушения имелись в 21 хозяйстве¹³.

Снижение норм пайкового снабжения заметно ухудшило положение городских рабочих. Власти считали, что рабочие промышленности, работники совхозов, кооперативных предприятий и различных организаций смогут прокормить себя и свою семью за счёт личных подсобных хозяйств, небольших огородов и старых запасов. Однако далеко не все из них имели свои подсобные хозяйства и огороды. К тому же во время засухи посевы выгорели не только на общественных полях, но и в личных огородах.

Мнение населения по закону об экономии в расходовании хлеба разделились. Официальная пропаганда инициировала и распространяла мнения трудящихся, солидарных с мнением правительства, которое «сокращает снабжение тем, кто не работает, а работать может и должен»¹⁴. Но основная масса населения выражала свое недовольство. В Наруксовском районе Горьковской области многие высказывали мнение, что «... жить сейчас очень тяжело, а дальше будет еще хуже». Были попытки решения продовольственного вопроса путем коллективных просьб в адрес представителей районных властей, а часть населения даже угрожала отказом от работы, если снабжение хлебом не восстановят¹⁵. В областном центре положение населения было не лучше. Мастер пресового цеха ГАЗ А. И. Тихонов сказал, что положение его семьи резко ухудшилось: «Я имею троих детей школьников, в связи с уменьшением норм хлеба детям придется взять из школы и послать работать. Иначе жизнь себе не представляю»¹⁶.

Много недовольства у населения вызывала такая акция советского правительства, как оказание продовольственной помощи другим странам, проводившаяся по политическим и идеологическим мотивам. Люди часто интересовались у агитаторов: «Почему хлеб вывозим за границу, когда его в нашей стране не хватает?», «Получает ли наше государство продукты питания и хлеб от дружественных государств?», «Почему нашему правительству не дадут займы хлеба?». Нередким было мнение, что не надо материально помогать тем странам, которые в период войны были сторонниками Гитлера, «они были наши враги ими и останутся»¹⁷.

В сложившихся условиях люди нередко начинали искать виноватых в своих бедах. Так как о претензиях к руководству страны не могло не быть и речи, вся ответственность ложилась на плечи руководителей местных колхозов. Так, работница фабрики № 5 города Горького И. В. Прыткова заявила представителю Ждановского райкома города Горького о том, что в неурожае виновато плохое руководство сельским хозяйством председателями колхозов и вышестоящими органами. 19 сентября 1946 г. в газете «Правда» появилась статья «Горьковская область отстает с хлебопоставками». В этой статье ответственность за медленное выполнение плана по сдаче хлеба

государству также возлагалась на местное руководство, которое не вело «жесткой борьбы с антигосударственными тенденциями в расходовании хлеба». Осенью 1946 г. по Горьковской области было привлечено к уголовной ответственности 83 председателя колхозов, из которых 76 человек осуждены от 1 до 7 лет за то, что «...укрывали зерно под различными предлогами: вторые и третьи сорта, высокая влажность, незаконная засыпка на семена зерна с общих посевов, расход зерна на внутриколхозные нужды (более 15 % от сданного государству)»¹⁸. Такие драконовские меры по отношению к руководителям колхозов имели целью предупредить все сельскохозяйственные кадры о недопустимости отстаивания «местных» интересов в ущерб государственным.

Страх голодной смерти толкал людей на самые отчаянные действия. Первые послевоенные годы отмечены ростом мелких хищений государственного и личного имущества. Для борьбы с преступностью власть пошла по испытанному пути ужесточения наказаний. В июне 1947 г. были приняты указы Президиума Верховного совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан». Эти указы предусматривали длительные сроки заключения в исправительно-трудовых лагерях за кражу, присвоение, растрату общественного и личного имущества граждан. Применение новых норм началось сразу же после их опубликования. Так, в Горьковской области летом 1947 г. мать двоих детей Захарова за хищение с мельзавода 10 кг муки была приговорена к 7 годам лишения свободы. То же наказание – 7 лет ИТЛ – получила гражданка Шмелева за кражу одного листового корыта и двух тазов. Однако ужесточение наказаний не могло остановить рост теневых отношений в торговле и снабжении населения продуктами питания.

Таким образом, особенности кризиса в Горьковской области следующие. Несмотря на то, что хлеба, выращенного колхозами области, было достаточно для проживания населения региона, голод осуществился также остро, как и по всей стране. Политика властей по изъятию в государственный фонд практически всего зернового запаса привела к резкому снижению норм выдачи хлеба, результатом чего

стало массовое недоедание и даже голодные смерти. Сложившееся положение приводило к разным формам проявления социального недовольства как в деревне, так и в городе, которое правительство жестко пресекало путем усиления административных и уголовных мер воздействия.

Примечания

¹ История советского крестьянства : в 5 т. Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов. М., 1988. С. 183.

² Волков, И. М. Засуха, голод 1946–1947 годов // История СССР. 1991. № 4. С. 3–19.

³ Зима, В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов : происхождение и последствия. М., 1996; Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество : политика и повседневность. 1945–1953. М. : РОССПЭН, 1999. С. 69; Данилов, А. А. Рождение сверхдержавы : СССР в первые послевоенные годы / А. А. Данилов, А. В. Пыжиков. М. : РОССПЭН, 2001. 303 с.

⁴ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 138. Д. 4. Л. 73.

⁵ Арзамас. правда. 1946. 9 авг.

⁶ ГУ ГОПАНО (Государственное учреждение Государственный общественно-политический архив Нижегородской области). Ф. 3. Оп. 1. Д. 5432. Л. 43.

⁷ ГУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5349. Л. 1а об.

⁸ Там же. Л. 5 об., 6.

⁹ Там же. Д. 5432. Л. 58.

¹⁰ Там же. Д. 5349. Л. 2.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 4. Л. 73.

¹² Занозин, Н. В. Региональный опыт промышленного и социального развития в условиях начала холодной войны 1945–1953 гг. (на материалах Горьковской области) : дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2001. С. 190.

¹³ Там же. С. 191.

¹⁴ ГУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5432. Л. 43.

¹⁵ Там же. Л. 28.

¹⁶ Там же. Л. 43.

¹⁷ Там же. Л. 44 об, 133 об.; Д. 5436. Л. 121.

¹⁸ Там же. Д. 5345. Л. 60.

О. Ю. Жарков

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОСВОЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПЛУТОНИЯ В СССР

В статье на основе архивных документов, мемуарной и исторической литературы рассказывается о начальном этапе работы первого плутониевого комбината № 817 как феномена военной научно-технической революции в СССР в области создания атомного оружия.

Ключевые слова: ядерная физика, Атомный проект СССР, комбинат № 817, плутоний.

Создание атомной промышленности в СССР во второй половине 1940-х гг. было обусловлено необходимостью производства собственного атомного оружия в кратчайшие сроки в качестве ответной меры на появление атомных бомб в арсенале США летом 1945 г.

Кроме того, создание атомной промышленности в США, а затем в СССР имело не только большое политическое, военно-стратегическое, но и научно-техническое значение. В создании атомного оружия, ядерная физика, возможно, впервые в полной мере выступила в качестве производительной силы военной научно-технической революции. Более совершенная техника и средства научных исследований в США были к тому времени обеспечены тесным сотрудничеством ученых и промышленников. Поэтому США первыми осуществили т. н. «Манхэттенский проект» и создали новую отрасль промышленности по производству самого смертоносного оружия на Земле.

В СССР атомная военно-техническая революция началась позже. Только осенью 1942 г. правительство И. В. Сталина обратило внимание на систематически поступающие разведанные из-за рубежа о ведении на Западе работ по атомному оружию и на доклады ученых о необходимости начала подобных работ в СССР. 28 сентября 1942 г. Государственным Комитетом обороны (ГКО) издается распоряжение об организации исследовательских работ по созданию атомного оружия¹. Таким образом, по мнению многих исследователей, было положено начало Атомному проекту по созданию атомного оружия и атомной отрасли в СССР².

Следует отметить, что советские ученые были способны осмыслить и развить открытия мировой ядерной науки, но им не хватало, в отличие от коллег из США, уранового сырья, мощной технико-экспериментальной

базы исследований, а также развитой отечественной промышленности и поддержки мирового ученого сообщества. В таких условиях для получения результатов самостоятельных исследований понадобились бы десятилетия. Поэтому знания и опыт международной ядерной физики, полученные по линии научно-технической разведки, явились первоосновой для проведения советскими учеными в 1943–1945 гг. сначала теоретических, а затем и экспериментальных успешных исследований. В образованном в 1943 г. первом «атомном НИИ» – Лаборатории № 2 (ныне – РНЦ «Курчатовский институт») ученые под руководством И. В. Курчатова пришли к выводу, что изготовление атомной бомбы в кратчайший срок возможно на основе плутониевой взрывчатки. Однако для наработки плутония необходимо построить сначала исследовательский реактор-модель, а затем промышленный уран-графитовый реактор³.

Запуск исследовательского реактора Ф-1 в Лаборатории № 2 в декабре 1946 г. и последующая наработка в нем миллиграммов видимого плутония стали первым крупным успехом советской атомной военно-технической революции. Страна вплотную приблизилась к практическому осуществлению грандиозного национального проекта – созданию атомной промышленности. Отработка учеными технологии получения плутония на экспериментальном уровне, мобилизация всех возможных ресурсов государства позволили в конце 1945 – начале 1946 г. приступить к строительству на Южном Урале первого в СССР комбината промышленного производства плутония.

26 апреля 1946 г. Научно-технический совет Первого главного управления (ПГУ) при СМ СССР утвердил генеральный план создания комбината № 817 (ныне – ФГУП «Производственное объединение “Маяк”») в

составе трех основных объектов: «А» – уран-графитовый промышленный реактор, «Б» – радиохимический завод и «В» – химико-металлургический завод⁴.

На первом объекте «А» предполагалось облучать урановые блочки до наработки в них необходимого количества плутония. На объекте «Б» – из блочков радиохимическим способом извлекать плутоний в виде раствора. На третьем объекте «В» – из раствора химико-металлургическим способом получать металлический плутоний и изготавливать из него детали заряда для бомбы.

Как для ученых, так и для промышленности создание плутониевого производства являлось проблемой новой и ширококомасштабной. Использовать для ее решения даже самые высокотехнологичные действующие заводы промышленных наркоматов было невозможно из-за уникальности нового производства. Для внедрения технологии получения плутония в промышленных объемах требовалось разработать и ввести в эксплуатацию специальное оборудование, которое еще предстояло спроектировать и изготовить. Кроме того, необходимо было подготовить технический персонал, способный это оборудование эксплуатировать в среде радиоактивного излучения. Задача усложнялась тем, что после американских бомбардировок японских городов Хиросима и Нагасаки в августе 1945 г. Атомный проект становится «программой № 1» для советского Правительства⁵. Из научной проблемы проект превратился в политический заказ И. В. Сталина, который предстояло выполнить в кратчайшие сроки, любой ценой и в полной секретности для окружающего мира. Поэтому, в условиях послевоенной разрухи, на создание первого плутониевого предприятия были выделены невиданные ранее финансовые и людские ресурсы. С целью ускорения работ, 20 августа 1945 г., для управления Атомным проектом создается Специальный комитет при ГКО во главе с Л. П. Берия и Первое главное управление при СНК СССР под руководством бывшего наркома боеприпасов СССР Б. Л. Ванникова⁶.

По существу, с созданием комбината Атомный проект переходил в стадию практического осуществления атомной научно-технической революции по схеме «наука – техника – производство». Ученым отводилась основная роль разработчиков новейших технологий и научных руководителей

внедрения этих технологий в производство реакторного, радиохимического и химико-металлургического заводов и подготовки для них руководящих технических кадров.

Создание реактора «А» являлось самым ответственным этапом. От его способности наработать плутоний зависел весь дальнейший ход проекта. Сроки, диктуемые реалиями международной обстановки, вынуждали ученых, конструкторов, инженеров и строителей, не дожидаясь окончания всех запланированных исследований на реакторе Ф-1, начать работы по проектированию и сооружению промышленного реактора. В этом был огромный риск. Глобальные решения принимались, зачастую, в условиях полной неопределенности, что привело впоследствии к неминуемым трудностям, организационным ошибкам и задержкам строительства⁷.

В мае 1948 г. основные строительные и монтажные работы по объекту «А» были закончены. На возведение реактора и его вспомогательных подразделений потребовалось один год и восемь месяцев. Стоимость реактора «А» со всем хозяйством составила 504 млн. р. в нормах и ценах 1945 г.⁸

Однако только пуск реактора и начало наработки в нем плутония могли подвести итог долгой и кропотливой работе ученых, проектировщиков, строителей и монтажников. Для руководства и обеспечения на месте всех мероприятий по подготовке и пуску, Л. П. Берией на комбинат № 817 командировается начальник ПГУ Б. Л. Ванников и научный руководитель проекта И. В. Курчатова⁹.

19 июня 1948 г., в 12 часов 15 минут, И. В. Курчатовым впервые начался вывод загруженного ураном реактора «с нуля» на проектную мощность 100Мвт¹⁰, которая была достигнута за очень короткий срок – 2,5 часа¹¹. С этого момента началась наработка плутония в урановых блочках.

Несмотря на то, что при проектировании предполагались технологические неполадки и нарушения в работе реактора¹², реальные события выявили неготовность ученых и эксплуатационного персонала ко многим непредвиденным ситуациям и технологическим авариям.

Работа ученых и эксплуатационного персонала находилась под жестким контролем Л. П. Берии, который часто напоминал о сроках наработки плутония и требовал их стро-

гого выполнения¹³. Поэтому И. В. Курчатова принял решение об устранении последующих технологических аварий на номинальной мощности реактора, т. е. без его остановки¹⁴. Это приводило к сильному радиационному «загрязнению» рабочих помещений и переоблучению эксплуатационного персонала, но другого варианта у атомщиков не было.

Таким образом, первые полгода работы реактора, с июня по декабрь 1948 г., выявили, кроме предусмотренных при проектировании, непредвиденные трудности эксплуатации, преодоление которых стало повседневным делом ученых, руководителей, ИТР и рабочих-атомщиков. В условиях радиационного переоблучения их упорный труд, постепенно нарабатывающийся опыт, а нередко и рабочая смекалка позволяли преодолевать технологические аварии и неполадки, на месте проектировать и изготавливать необходимый аварийный инструмент¹⁵.

К концу 1948 г. удалось главное – наработать в реакторе первый промышленный плутоний для атомной бомбы, который в декабре был передан для переработки на радиохимический завод «Б»¹⁶.

Как и в случае с реактором «А», сложность возведения завода «Б» заключалась в новизне проблемы. Заранее разработанной и апробированной радиохимической технологии промышленного получения плутония у советских ученых не было¹⁷. Из-за сжатых сроков создания атомной бомбы, все научно-исследовательские работы по изучению процесса выделения плутония, разработке технологической схемы, а также по проектированию и строительству завода «Б» пришлось проводить спешно и одновременно¹⁸.

Задача усложнялась тем, что в распоряжении ученых не было ни грамма весового количества плутония, поэтому разработка технологической схемы проводилась с имитаторами – химическими аналогами плутония (нептуний, лантан, торий) и ничтожно малыми импульсными количествами плутония, нарабатываемыми в циклотроне¹⁹. Тем не менее, наряду с использованием разведанных, эти исследования позволили изучить варианты и сочетания технологических операций с разным валентным состоянием плутония¹⁹. Совместными усилиями Радиевого института АН СССР (РИАН), Лаборатории № 2 и Института физической химии (ИФХАН) было разработано 5 технологических схем

вариантов выделения плутония из урана²⁰.

16 марта 1946 г. на совещании Спецкомитета наиболее изученной признали ацетатно-фторидную схему, она и была принята за основу при разработке технологии завода «Б»²¹.

Не менее сложным и срочным оказалось проектирование и изготовление уникального оборудования завода, ранее не изготовлявшегося в нашей стране²². Основная сложность заключалась в выборе материалов для химических аппаратов. Уже после первых проб ведения технологических процессов ученые столкнулись с проблемой выхода из строя аппаратов из-за интенсивной коррозии. Отдельные аппараты, технологические трубы и вентили для завода, с учетом использования в среде повышенного радиационного и химического воздействия, решили изготавливать с применением дорогостоящих и драгоценных металлов. Расход драгоценных металлов измерялся тоннами (серебро) и килограммами (платина, золото)²³. Как показала практика первых месяцев эксплуатации завода, и драгоценные металлы не устояли перед коррозией. Впоследствии их заменили пластмассами – плексиглас, винидур и др.²⁴

С октября 1948 г. на заводе начались предпусковые работы, заключавшиеся в основном в проверке измерительной аппаратуры, водной и кислотной обкатке аппаратов. Персонал приобретал навыки дистанционного управления техпроцессом.

22 декабря 1948 г. в аппарат-растворитель была загружена первая партия облученных урановых блочков, полученных из реактора «А»²⁵, таким образом начался период освоения радиохимической технологии на комбинате № 817.

Пуск завода обнаружил все недостатки проекта и недоработки в технологическом процессе. Крупномасштабное производство с емкостями аппаратов в сотни и тысячи литров, коммуникациями километровой длины, сотнями приборов и запорной арматуры показало, что в лабораторных «пробирочных» условиях на миллиграммовых количествах плутония полноценно отработать радиохимическую технологию нельзя. В промышленных условиях высоких радиационных полей многие химические реакции протекали иначе, чем в лабораториях РИАНа и НИИ-9. Аппаратура быстро корродировала и выходила из строя²⁶.

Из-за новизны предусмотреть заранее, как

поведут себя аппаратура и приборы контроля при промышленной эксплуатации, было невозможно. Например, по условиям техпроцесса, для подачи растворов с нижних этажей производственного здания на верхние применялся сжатый воздух, который вместо транспортирования по назначению, иногда «направлял» раствор в вентиляционные шахты. Трубы и уплотнители в радиоактивной среде разрушались, множественные свищи давали течь, происходило радиационное «загрязнение» помещений, где работал незащищенный персонал²⁷. Нередко большие площади технологических аппаратов и трубопроводов становились причиной «пропадания» плутония, т. к. происходило его оседание на конструкциях оборудования и коммуникаций.

Большая нагрузка во время пуска и освоения технологии завода, кроме руководителей и ученых, легла на технический персонал: техников, инженеров, операторов и аппаратчиков отделений, пробоотборщиков, слесарей, электриков, механиков и сварщиков. В условиях повышенного радиационного воздействия, в которых по современным требованиям не допускается работать, ремонтный персонал выполнял повседневную работу: меняли вентили, заваривали свищи, делали врезки в действующее оборудование.

К радиоактивному воздействию на персонал приводили и другие, более тривиальные причины. Несмотря на категорические требования санитарных норм и правил, руководители комбината и завода поначалу работали в отделениях завода в личной одежде и обуви, поверх надев только халаты и галоши. В одном из производственных зданий завода действовал буфет. В результате, в первые месяцы эксплуатации радиоактивность была отмечена дозиметристами в административном корпусе и на личной одежде работников. После этого приняли решение об обязательном переодевании в спецодежду всех категорий работников в санпропускнике, запрещался пронос на рабочие места любых личных вещей. Буфет закрыли²⁸. Такие примеры иллюстрируют недооценку, а иногда и пренебрежение мерами радиационной безопасности.

Несмотря на личную ответственность начальников отделений, служб, отделов завода и предусмотренные наказания, переоблучения персонала в 1949 г. были частыми. Нередко техники, инженеры работали в каньонах с активными веществами в личной одежде, без

перчаток, проливы убирали подручными средствами²⁹. Только с 20 апреля 1949 г. запретили использование труда беременных женщин на работах с облучением свыше 0,01 г за рабочий день³⁰. Запрет принятия женщин на работы во вредных условиях и вывод женщин из спецусловий был оформлен гораздо позже³¹.

Осложняли освоение технологии высокие режимные требования. По соображениям гостайны работникам не разрешалось делать любые записи в личные блокноты. На центральном щите управления завода, по указанию уполномоченного СМ СССР при строительстве завода № 817 ПГУ генерала И. М. Ткаченко, были смыты номера оборудования со схемы размещения аппаратов. Необходимость держать в памяти большие объемы информации, зачастую меняющейся в процессе освоения технологии, приводило к ошибкам³².

Дистанционное управление оборудованием также давалось нелегко. Это подтверждает большое количество приказов начальника завода о нарушениях технологического режима в 1949 г.³³

Тем не менее, заводчане постепенно справлялись с трудностями первых пусковых месяцев. В конце февраля 1949 г. завод выдал первую готовую продукцию и передал ее для последующей переработки на завод «В»³⁴.

Таким образом, долгий и сложный путь советских радиохимиков от пробирочных научных опытов в лабораториях НИИ до промышленного получения плутония составил чуть более трех лет, и это был огромный успех. Обладая минимальными знаниями, при отсутствии опыта удалось разработать и внедрить сложнейшую технологию, аналогов которой еще не знала отечественная наука и промышленность. Только эксплуатация выявила, насколько опасно и вредно радиохимическое производство для здоровья работающих на нем людей. Многие из тех, кто начинал производство, заплатили за успех науки и технологии своим здоровьем, но заказ Правительства был выполнен. Раствор плутония начал поступать для обработки на конечный пункт комбината по созданию взрывчатки для атомной бомбы – химико-металлургический завод «В».

Химико-металлургический завод (объект) «В» являлся конечной частью проекта создания плутониевого комбината. Основная задача технологического процесса завода за-

ключалась в очистке химическим путем передаваемых с завода «Б» азотнокислых растворов, получении металлургическим путем металлического плутония и изготовлении из него литейно-механическим способом деталей заряда атомной бомбы³⁵.

В СССР отсутствовала технология и какой-либо лабораторный или промышленный опыт подобного производства. Так же, как реакторное и радиохимическое, химико-металлургическое производство ученым пришлось организовывать, разрабатывать и проектировать впервые, лабораторные исследования тут же воплощать в проекты, а нередко и проектировать, не имея окончательных лабораторных результатов.

Уникальность и сложность создания химико-металлургического производства проявлялась в необходимости уже на начальном этапе решить одновременно несколько принципиальных задач:

- разработать и внедрить технологию аффинажа, т. е. глубокой химической очистки получаемых с завода «Б» растворов;
- разработать и внедрить технологию металлургического передела, т. е. получения металлического плутония;
- разработать и внедрить технологию литья, прессования, механической обработки полученного металлического плутония до состояния готового изделия.

Разработка технологии аффинажа была необходима для извлечения спектрально чистого (товарного) диоксида плутония из растворов, передаваемых с «Б». Технические условия заказчиков на оружейный плутоний содержали чрезвычайно высокие требования к его качеству³⁶. Большое содержание примесей могло стать источником нейтронного излучения и причиной неполноценного взрыва атомной бомбы³⁷.

Постановлением СМ СССР от 27 ноября 1947 г., в НИИ-9 для разработки технологии будущего химико-металлургического завода образовался новый аффинажно-металлургический отдел, состоящий из нескольких лабораторий, во главе с академиком А. А. Бочваром – профессором Московского института цветных металлов и золота им. М. И. Калинина³⁸.

В лаборатории химического аффинажа объединили свои усилия к. х. н. В. Д. Никольский и д. х. н. А. Д. Гельман под руководством академика И. И. Черняева. В результате продол-

женных исследований им удалось создать новую технологию глубокой очистки плутония от примесей, которую утвердили в 1948 г. для проектирования аффинажного отделения завода «В»³⁹.

При разработке технологии металлургического передела в лаборатории профессора А. Н. Вольского в распоряжении ученых не было ни литературы о производстве металлического плутония, ни данных о свойстве самого металла и его соединений⁴⁰. Первые исследования в 1947–1948 гг. проводились на имитаторе – уране⁴⁰ и только со второй половины 1948 г. появилась возможность начать работы на 5–10 миллиграммовых «порциях» плутония⁴¹. Из-за очень малых количеств вещества, отпускаемого на исследования, пришлось разрабатывать новый вид металлургии, не имеющей аналогов – микрометаллургию. Ученые научились изготавливать микроскопические тигельки диаметром 6–10 мм. На таких тигельках в июле 1948 г. в первом же опыте НИИ-9 были получены первые в СССР миллиграммы металлического плутония⁴¹.

В лаборатории обработки готового металла проф. А. Н. Займовского сначала на уране⁴², а затем на первых слитках («корольках») плутония исследовались свойства металлов и разрабатывались сплавы, пригодные для дальнейших работ – литью, прессовке, механической обработке. Неожиданным для ученых оказалось открытие: в интервале температур от комнатной до +640°C (температура плавления) плотность плутония неоднократно меняется, следовательно, получить однородную массу, без трещин, практически невозможно. К тому же исследователи установили, что металл сильно подвержен коррозии, легко образует аэрозоли, что крайне опасно для здоровья персонала⁴³. Поэтому уже на стадии проектирования будущего плутониевого завода должна предусматриваться особая защита и особое оформление всей химической аппаратуры⁴⁴.

Все перечисленные особенности заставили ученых вести работы и разработать аффинажную и металлургическую технологии по совершенно новым, ранее не существовавшим в науке и промышленности схемам. Параллельно разрабатывались образцы оригинальной и уникальной аппаратуры с применением для аппаратов дорогостоящих и ценных материалов (золото, платина, кварц – в химии, а также чистейший графит, оки-

си магния, кальция и тория – в металлургии) и высококачественных химических реактивов⁴⁵.

4 января 1949 г., приказом начальника Базы № 10, началась подготовка пуска первой очереди объекта «В», планируемого на 10 февраля 1949 г.⁴⁶

Научные руководители А. А. Бочвар, И. И. Черняев, А. Н. Вольский, А. С. Займовский и А. П. Виноградов со второй половины декабря 1948 г. находились на площадке комбината и активно участвовали в пусковых работах⁴⁷.

Начинать работу с плутонием на объекте «В» первым работникам аффинажного цеха, из-за невероятной спешки, пришлось по существу без радиационной защиты на обычном лабораторном оборудовании. В небольших комнатах 5х9м², представляющих собой хорошо отделанные, но все же обычные химические лаборатории, располагались только столы, стулья, деревянные вытяжные шкафы, стеклянная лабораторная посуда. Здесь же в металлических контейнерах находились и растворы. На конечных операциях, с целью исключения каких-либо внешних факторов внесения загрязнений в продукт, применялись золотые и платиновые стаканы, колбы, а также золотые воронки с фильтрами и палочки для перемешивания растворов и суспензий⁴⁸.

Отделение металлургического передела расположили в одном здании с аффинажным отделением (цех № 9). Первое оборудование для него привезли с собой сотрудники лаборатории А. Н. Вольского из НИИ-9, прибывшие на площадку завода в январе 1949 г.⁴⁹ Полностью приспособлять бывший складской барак под помещения цеха № 9 для длительного производства не предполагалось. Поэтому, до ввода в действие строящегося основного здания (цех № 1), ряд операций металлургам пришлось проводить в вытяжных шкафах, не оборудованных необходимой пылеулавливающей системой, что впоследствии сказалось на величине безвозвратных потерь металла и радиационно-вредных условиях труда персонала⁵⁰.

В цехе № 9 не был предусмотрен санпускник и индивидуальный дозиметрический контроль⁵¹, что сегодня может быть объяснимо только невероятной спешкой в ущерб здоровью работников. Можно предположить, что в первый период имела место и недооценка опасности плутония⁵².

28 февраля 1949 г. в аффинажное химическое отделение цеха № 9 была получена первая партия растворов с завода «Б»⁵³. Начался период опытно-промышленного опробования и доработки технологии глубокой очистки плутония от примесей.

Трудность отработки технологии заключалась в том, что всю экспериментально-исследовательскую работу приходилось вести прямо в цехе на товарной продукции, это увеличивало и без того высокую психологическую нагрузку. Ведь руководство комбината наставляло: «Ни одной капли раствора нельзя потерять, слишком дорого стоит государству каждая капля»⁵⁴.

Несмотря на трудности отработки технологии в цеховых условиях, качество продукции с каждой переработанной партией возрастало и даже значительно перекрывало все первоначальные предположения ученых. Более пяти месяцев с начала пуска цеха продукция химического отделения производилась в опытно-экспериментальных, почти лабораторных условиях.

К работе в металлургическом отделении цеха № 9 приступили в марте 1949 г.⁵⁵, что позволило уже 11 марта получить первый промышленный слиток металлического плутония весом 6 граммов⁵⁶.

Цех № 4, где было организовано опытное литейно-механическое производство, как и цех № 9, размещался в бывшем складском бараче, отремонтированном и переоборудованном. В нем предстояло ученым и производственникам разработать технологические процессы, которые в лабораторных условиях НИИ-9 смоделировать было невозможно из-за отсутствия необходимого количества плутония.

С апреля 1949 г. в цех № 4 начали поступать слитки металлического плутония из цеха № 9⁵⁷.

Сложнейшей задачей для цеха № 4 являлось разработка и освоение технологии изготовления деталей заряда – двух одинаковых по размерам полусфер. Из предложенных НИИ-9 вариантов: литейный или прессование порошка плутония⁵⁸, на практике не был реализован ни один⁵⁹. Оригинальное решение было найдено на заводе руководителями отделения прессования А. Г. Самойловым и Б. Н. Лоскутовым. Их вариант заключался в диффузионной сварке отдельных кусков плутония при высокой температуре под дав-

лением в вакууме. Эта технология позволяла использовать все отливаемые в металлургическом отделении слитки, любой массы и таким образом решить важнейшую задачу – незамедлительно начать изготовление деталей, как только накопится и пройдет лабораторную проверку достаточное количество металла.

Несмотря на успешное проведение процесса прессования первой заготовки в новом аппарате, и здесь не обошлось без осложнения. Из пресс-формы первую деталь пришлось извлекать при помощи молотка и зубила главному инженеру комбината Е. П. Славскому. Благо деталь осталась неповрежденной⁶⁰.

После прессования, деталь заряда была с ювелирной точностью обработана на примитивном токарном и слесарном оборудовании и доведена до заданных размеров в отделении механической обработки резанием.

Технический паспорт на первый плутониевый заряд был утвержден директором комбината № 817 Б. Г. Музруковым 5 августа 1949 г., а 8 августа 1949 г. детали были отправлены в Конструкторское бюро-11 академика Ю. Б. Харитона (ныне – РФЯЦ-ВНИИЭФ, г. Саров Нижегородской обл.) для конечной сборки конструкции первой советской атомной бомбы⁶¹.

Персонал завода «В» в значительно большей степени, чем персонал заводов «А» и «Б», был подвержен внешнему и особенно внутреннему облучению инкорпорированным (поглощенным) плутонием. Помещения цеха № 9 содержали большое количество аэрозоль плутония, беспрепятственно попадавших с дыханием в организм человека. В первые годы производства о внутреннем воздействии плутония ученым ничего не было известно и оно не учитывалось⁶².

Позже, проведенные санитарно-гигиенические и дозиметрические исследования ученых подтвердили наличие чрезвычайно высоких концентраций плутония в воздухе цехов № 1 и № 9 завода «В», превышавших предельно допустимый уровень в сотни тысяч раз⁶².

В тяжелейших условиях ученым и сотрудникам завода пришлось одновременно строить и пускать в наскоро приспособленных бараках разработанную НИИ-9 аффинажную, металлургическую и литейную технологию получения деталей заряда для ядерного оружия. Почти неизученные свойства металлического плутония являлись главной

трудностью, с которой столкнулись ученые и технологи на первом этапе становления химико-металлургического производства. По мере работы с весовым плутонием, накапливались знания и опыт, позволившие в течение пяти месяцев успешно доработать и опробовать технологию получения металлического плутония и изготовить детали для атомной бомбы.

Через три с половиной недели после утверждения паспорта на первую продукцию завода «В», 29 августа 1949 г., на Семипалатинском полигоне в Казахстане был произведен атомный взрыв первой советской атомной бомбы.

Таким образом, в августе 1949 г. с изготовлением первых образцов закончился начальный этап освоения производства плутония для советской атомной бомбы. Со времени принятия предложенного учеными и проектировщиками генерального плана (апрель 1946 г.) государство смогло в течение чуть более трех лет построить и пустить в эксплуатацию первый атомный комбинат зарождающейся ядерной индустрии СССР. Ученые физических и химических институтов страны, используя материалы научно-технической разведки, но больше на основе собственных исследований, разработали сложнейшие технологии реакторного, радио-химического и химико-металлургического производства плутония – вещества, ранее неизвестного и неизученного. Однако именно новизна проблемы и установленные нереальные сроки создания нового оружия, несмотря на выдающиеся успехи ученых и инженеров, обусловили большое количество нерешенных задач и недоработок первых технологических процессов. Это имело драматичные последствия и сказалось не только на сроках строительства, монтажа и ввода в эксплуатацию основных заводов, но и на радиационной опасности условий труда тысяч работников плутониевого комбината.

Примечания

¹ См.: Распоряжение ГКО № 2352 «Об организации работ по урану» от 28 сентября 1942 г. // Атомный проект СССР : Документы и материалы : в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. 1, ч. 1. М. ; Саров, 1998. С. 269–270.

² См.: Губарев, В. С. Белый архипелаг Сталина. Документальное повествование о создании ядерной бомбы, основанное на рас-

- секреченных материалах «Атомного проекта СССР». М. : Молодая гвардия, 2004. С. 29; Выступление академика А. Ю. Румянцева на Международной научной конференции «Ядерный век : Наука и общество» // Бюл. по атом. энергии. 2003. № 3. С. 9; Чтобы оставаться гарантом мира, ядерное оружие должно постоянно совершенствоваться. Интервью министра Российской Федерации по атомной энергии А. Ю. Румянцева политическому обозревателю И. Фесуненко 29 марта 2003 г. // Бюл. по атом. энергии. 2003. № 6. С. 6.
- ³ См.: Докладная записка И. В. Курчатова В. М. Молотову о работе Лаборатории № 2 за первое полугодие 1943 г. // Атомный проект СССР. Т. I, ч. 1. С. 371.
- ⁴ См.: Меркин, В. И. Создание первого промышленного реактора Советского Союза // Наука и общество : история советского атомного проекта (40–50-е годы) : тр. междунар. симп. ИСАП-96 : в 2 т. Т. 1. М. : ИздАТ, 1997. С. 120.
- ⁵ См.: Быстрова, Н. Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М. : Гиперборея : Кучково поле, 2007. С. 47.
- ⁶ См.: Постановление СНК СССР № 3150-952 «Об организации строительных Управлений НКВД СССР № 859 и 865» // Атомный проект СССР. Т. II, ч. 2. С. 84.
- ⁷ См.: Все силы отдам Родине : Повесть о Б. Г. Музрукове / авт.-сост. Н. Н. Богуненко ; под ред. Р. И. Илькаева. Саров : ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», 2004. С. 182.
- ⁸ ГФ ПО Маяк. Ф. 1. Оп. 3. Д. 309. Л. 9, 17.
- ⁹ См.: Протокол № 55 заседания Спецкомитета при СМ СССР от 27 февраля 1948 г. // Атомный проект СССР. Т. II, ч. 1. М. ; Саров, 1999. С. 250–252.
- ¹⁰ ГФ ПО Маяк. Ф. 1. Оп. ЗНТ. Д. 23. Л. 17.
- ¹¹ См.: Докладная записка Л. П. Берия, Г. М. Маленкова, Н. А. Вознесенского, Б. Л. Ванникова и др. на имя И. В. Сталина о пуске завода «А», не позднее 25 июля 1948 г. // Атомный проект СССР. Т. II, ч. 4. С. 460.
- ¹² См.: Письмо Б. Л. Ванникова Л. П. Берии об агрегате «А» комбината № 817 от 3 февраля 1949 г. // Там же. С. 589.
- ¹³ См.: Брохович, Б. В. Трагедия И. В. Курчатова. Озерск, 1997. С. 12, 15.
- ¹⁴ Там же. С. 12, 13.
- ¹⁵ См.: Брохович, Б. В. Химический комбинат «Маяк». История. Серпантин событий (воспоминания). Озерск, 1996. С. 122–123.
- ¹⁶ ГФ ПО Маяк. Ф. 1. Оп. ИИ. Д. 2. Л. 4.
- ¹⁷ См.: Яковлев, Г. Н. История первых работ по получению плутония в СССР // Наука и общество : история советского атомного проекта (40–50-е годы) : тр. междунар. симп. ИСАП-96 : в 2 т. Т. 2. М. : ИздАТ, 1999. С. 363.
- ¹⁸ ГФ ПО Маяк. Ф. 1. Оп. 5НТ. Д. 856. Л. 5.
- ¹⁹ См.: Землянухин, В. И. Создание промышленной радиохимической технологии получения плутония // Наука и общество : история советского атомного проекта (40–50-е годы)... С. 384.
- ²⁰ См.: Отчет Б. Л. Ванникова, И. В. Курчатова, М. Г. Первухина, И. И. Малышева, И. К. Кикоина Л. П. Берии о состоянии работ по проблеме использования атомной энергии за 1945 г. и 7 месяцев 1946 г. // Атомный проект СССР. Т. II, ч. 2. С. 564.
- ²¹ ГФ ПО Маяк. Ф. 1. Оп. 1ПК. Д. 1. Л. 360.
- ²² См.: Справка Н. Борисова и В. Махнева Л. П. Берии по плану научно-исследовательских работ на 1949 г. от 1 сентября 1949 г. // Атомный проект СССР. Т. II, ч. 4. С. 697.
- ²³ ГФ ПО Маяк. Ф. 1. Оп. 9. Д. 9. Л. 21.
- ²⁴ См.: Сохина, Л. П. Страницы истории радиохимического завода ПО «Маяк». Озерск, 2001. С. 35–36.
- ²⁵ См.: Круглов, А. К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. 2-е изд., испр. М. : ЦНИИАтоминформ, 1995. С. 98.
- ²⁶ См. Сохина, Л. П. Страницы истории... С. 21.
- ²⁷ См.: Гладышев, М. В. Плутоний для атомной бомбы. Озерск, 1992. С. 27; Все силы отдам Родине : Повесть о Б. Г. Музрукове... С. 230.
- ²⁸ ГФ ПО Маяк. Ф. 1. Оп. ИИ. Д. 78. Л. 12.
- ²⁹ Там же. Оп. 5. Д. 4.
- ³⁰ Там же. Л. 31.
- ³¹ Там же. Оп. 1. Д. 723. Л. 57–61; 195–196.
- ³² См.: Все силы отдам Родине : Повесть о Б. Г. Музрукове... С. 228.
- ³³ ГФ ПО Маяк. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4; Ф. 1. Оп. 5. Д. 5.
- ³⁴ Там же. Д. 9. Л. 1.
- ³⁵ См.: Доклад И. В. Курчатова об основных научно-исследовательских, проектных и практических работах по атомной энергии, выполненных в 1947 г., февраль 1948 г. // Атомный проект СССР. Т. II, ч. 3. С. 770.
- ³⁶ См.: Коростелев, Н. Н. Хроника становления и развития химико-металлургического производства плутония на ПО «Маяк». Озерск, 2008. С. 7.

- ³⁷ См.: Доклад И. В. Курчатова... С. 763–781.
- ³⁸ См.: Постановление СМ СССР № 3909-1327 «Об обеспечении окончания строительства и подготовки к пуску и эксплуатации комбината № 817 ПГУ при СМ СССР» от 29 ноября 1947 г. // Атомный проект СССР. Т. II, ч. 3. С. 370.
- ³⁹ ГФ ПО Маяк. Ф. 1. Оп. 8НТ. Д. 96. Л. 8.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 2НТ. Д. 20. Л. 13.
- ⁴¹ См.: Решетников, Ф. Г. Становление и развитие промышленного производства урана и трансураниевых элементов для оборонной отрасли и ядерной энергетики страны // Бюл. по атом. энергии. 2004. № 12. С. 69.
- ⁴² См.: Сохина, Л. П. Страницы истории химико-металлургического завода 20 ПО «Маяк». Озерск, 1998. С. 6.
- ⁴³ См.: Круглов, А. К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. С. 115–116.
- ⁴⁴ См.: Доклад И. В. Курчатова... С. 763–781.
- ⁴⁵ См.: Справка А. А. Бочвара на имя Б. Л. Ванникова о проекте завода «В» комбината №817... С. 471.
- ⁴⁶ ГФ ПО Маяк. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 77–80; Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–3.
- ⁴⁷ Там же. Д. 12. Л. 167–169.
- ⁴⁸ См.: Полухин, Г. А. Первые шаги. История производственного объединения «Маяк». Озерск, 1993. С. 36; Коростелев, Н. Н. Хроника становления и развития химико-металлургического производства плутония на ПО «Маяк»... С. 10.
- ⁴⁹ ГФ ПО Маяк. Ф. 1. Оп. 2НТ. Д. 20. Л. 7.
- ⁵⁰ См.: Коростелев, Н. Н. Хроника становления и развития химико-металлургического производства плутония на ПО «Маяк»... С. 10.
- ⁵¹ См.: Сохина, Л. П. Страницы истории химико-металлургического завода 20 ПО «Маяк»... С. 12.
- ⁵² ГФ ПО Маяк. Ф. 1. Оп. 2НТ. Д. 20. Л. 14.
- ⁵³ Исаева, З. А. Атомная бомба и наша жизнь // Озер. вестн. 1993. № 43–88.
- ⁵⁴ ГФ ПО Маяк. Ф. 1. Оп. 2НТ. Д. 20. Л. 8.
- ⁵⁵ Там же. Л. 7.
- ⁵⁶ См.: Сохина, Л. П. Страницы истории химико-металлургического завода 20 ПО «Маяк»... С. 20.
- ⁵⁷ См.: Справка А. А. Бочвара на имя Б. Л. Ванникова... С. 472.
- ⁵⁸ См.: Иванов, Н. И. Первый ядерный заряд // Наука и общество : история советского атомного проекта (40–50-е годы)... С. 434.
- ⁵⁹ Там же. С. 434.
- ⁶⁰ См.: Круглов, А. К. Завод по получению металлического плутония и деталей из него для первой плутониевой бомбы на комбинате № 817 // Создание первой советской ядерной бомбы. М. : Энергоатомиздат, 1995. С. 141.
- ⁶¹ См.: Круглов, А. К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. С. 133.
- ⁶² См.: Гуськова, А. К. Медицина всегда рядом // Создание первой советской ядерной бомбы. М. : Энергоатомиздат, 1995. С. 159.

РЕЛИГИЯ. ОБЩЕСТВО. ВЛАСТЬ

Ю. Ю. Цыкина

ТРАДИЦИИ ЦЕРКОВНОГО ПЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МАРИЙСКОМ КРАЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Статья посвящена истории становления музыкального образования в Марийском крае до революции. Рассматривается динамика развития церковного пения в Казанской губернии, составной частью которой был Царевококшайский уезд. Исследуются основные тенденции в преподавании музыки и пения в образовательных учреждениях г. Царевококшайска. Статья полностью базируется на материалах, почерпнутых автором в Национальном архиве Республики Татарстан и Государственном архиве Республики Марий Эл. Данные материалы публикуются впервые, что придает работе особую актуальность.

Ключевые слова: история, музыкальный, образование, дореволюционный, пение, «иногородцы», Братство Святого Гурия, земство, Псалтырь.

В настоящее время, в связи с ростом национального самосознания народов, населяющих Россию, усиливается интерес исследователей к их истории, культуре, традициям. В этом контексте важную роль играет проблема влияния традиций русской православной церкви, в частности пения, на профессиональную музыкальную культуру и музыкальное образование. Становление профессиональной музыкальной культуры мари в исторической связи с традициями церковного пения рассматривалось в труде А. Л. Маклыгина «Музыкальные культуры Среднего Поволжья: Становление профессионализма»¹. Автор работы считает церковно-певческую практику определенным историческим этапом культуры, важным этапом формирования профессиональных музыкальных традиций. Цель настоящей статьи – показать становление систематического музыкального образования в Марийском крае в рамках церковно-певческих традиций.

Еще в XVI в. в процессе обучения изменялись основы церковного пения, дабы воспитать добропорядочных христиан «иногородцев». Аналогичную функцию выполняли уроки пения в церковно-приходских школах. Ситуация несколько изменилась в XIX в., однако говорить об усилении светского начала в обучении учащихся музыке можно лишь частично. До 1917 г. функцию музыкального просвещения мари брала на себя русская православная церковь, дабы воспитывать «иногородцев» в духе «истинной веры». Просвещение «нерусских» народов в духе

православия включало в себя и обязательное знание основ церковного пения.

Уже в 1555 г. Иваном IV в г. Казань был направлен Митрополит Гурий (1500–1563) для «крещения иногородцев» и воспитания «чувства любви» к православной церкви. С согласия царя святитель завел школу в Зилантовом монастыре. Подобные школы были открыты в Свияжске и в Спасо-Преображенском монастыре. Эти школы послужили прототипом других школ, в которых родной язык был языком обучения². По приказанию настоятеля те из черемисских мальчиков, кои не были пугливы и немного владели русской речью, уводились в школы и поступали в обучение к «старцам» - монахам. Первой школьной книгой была азбука. С нее начиналось обучение в XVI в. Кто чувствовал влечение к образованию, усовершенствовался уже вне школы, самостоятельным чтением «божественных писаний»³.

По всей вероятности, грамотность черемисского школьника не заходила дальше механического чтения и письма. Преподавание на незнакомом ему языке не могло внедрить в черемисском мальчике охоты к учению. Это было тем тормозом, который не позволил первосвястителю Казанскому осуществить свою миссионерскую задачу⁴.

И в XVII в. дело просвещения иногородцев носило случайный характер⁵.

В XVIII в., одновременно с основанием церковей, стали создаваться школы из детей новокрещенных для воспитания будущих па-

стырей среди черемисского народа. Первый опыт школьного обучения черемисских детей был применен Митрополитом Тихоном. В течение 1707–1709 гг., под руководством митрополита Тихона, 32 мальчика обучались кругу наук, намеченному впоследствии Синодальным Указом от 31 мая 1722 г. для обучения отроков. 5 из этих мальчиков совсем обучились, 20 выучили часослов, а 7 умерли⁶. Учителями у них были: вначале архиерейский певчий, в 1720 г., 20 черемисских детей обучались у митрополита Тихона; в 1722 г. учителями были иеромонахи⁷.

Указом Святого Синода от 16 января 1740 г. повелевалось построить 4 новых школы в Казани, Цивильске, Елабуге, Царевококшайске, которые были построены к 1749 г. В 1753 г. Царевококшайская школа была закрыта⁸.

Важным событием в просвещении инородцев стало издание в 1775 г. «Грамматики черемисского языка». В 1791 г. был напечатан Г. Ф. Миллером «Словарь» на татарском, черемисском, чувашском, вотяцком и других языках в приложении к «Описанию живущих в Казанской губернии языческого народа».

Во второй половине XIX в., благодаря деятельности выдающихся просветителей Н. И. Ильминского, доказавшего необходимость введения родного языка в школе, и С. В. Смоленского, ратовавшему за всеобщее хоровое пение как основу эстетического воспитания школьников, дело просвещения инородцев сдвинулось с «мертвой точки». К концу XIX в. – в 1875–1892 гг. – было издано 33 названия «переведенных переводческой комиссией» (книги учебные, религиозно-нравственные, богослужебные). В 1872 г., с открытием в Казани учительской семинарии, и в ней самой и при существующих при этой семинарии школах: чувашской, черемисской и мордовской, стали постепенно заготавливаться переводы богослужебных книг на языки этих инородцев; русские церковные напевы стали применяться к переводным текстам – чувашским, черемисским и мордовским⁹. Богослужение во второй половине XIX в. стало совершаться на их родном языке¹⁰. К концу XIX в. было рукоположено 6 человек в священники и 13 во дьяконы из черемис (со времени открытия братства Святого Гурия)¹¹.

Пение было обязательным предметом как в церковно-приходских школах Братства Святого Гурия, так и в Казанской учитель-

ской семинарии, которая во второй половине XIX в. стала играть роль важнейшего просветительного центра. Примечательно, что во время выбора (членов братского совета на наступившее трехлетие) 14 декабря 1897 г. ученики Учительской семинарии и Центральной крещеной татарской школы пели «разные церковные песнопения на инородческих языках»¹².

В начале XX в. церковно-приходские школы были уже укомплектованы специальными учебниками по церковному пению и музыкальное образование стало носить плановый характер. Так, С. С. Жемчужников – Его Высокоблагословение священник с. Ронга – использовал следующие учебники:

1. Партитура Смоленского, ч. 1–2
2. Учебная псалтирь на славянском языке
3. Курс хорового церковного пения¹³

В Двухклассной женской церковно-приходской школе при Царевококшайском женском монастыре на уроках пения использовались следующие пособия:

1. Церковные хоры, ч. 1–2
2. Касторский. Церковно-певческий сборник

3. А. Нешумов. «Литургия Св. Иоанна Златоуста, положенная на 4 голоса»¹⁴

В 1912–1916 гг. библиотека церковно-приходских школ пополняется еще рядом новых изданий по церковному пению, что является ярким свидетельством огромного внимания властей к этому предмету:

1. Соловьев. Курс хорового пения
2. Учебный обиход (Церковное пение) из Св. Синода
3. Михайловский. Руководство по церковному пению
4. Соловьев Стихиры и тропари на 3 гласа
5. Карасев Уроки пения, ч. 1–2
6. Шемякин. Сельские хоры
- ...14. Хоровые церковные песнопения на черемисском языке¹⁵

В 1915–1916 учебном году существовало 13 школ Братства Святого Гурия: Чедрояльская, Шаптунгинская (2), Кучкинская, Кужолкская, Фадейкинская, Олок-Яльская, Ново-Карамасская, Мало-Мушеранская, Дальне-Кужнурская, Испаринская, Ямбатырская, Уньжинская женская. Учителей было 13 (по одному на каждую школу), Учащихся : 198 мальчиков, 77 девочек. Все школы помещались в наемных квартирах, отапливались дровами, отпускаемыми бесплатно Управлением

Земледелия и Государственных имуществ¹⁶. В 1916 г. 50 очередное земское собрание выразило свое согласие на включение в школьную сеть Царевококшайского уезда 5 школ, в ведение Братства передало Нурумбальскую и Руш-Родинскую школы, население которых исповедовало язычество¹⁷.

Понимая важность церковного пения в процессе обучения, в 1916 г. Земским собранием было решено увеличить ассигнования за пение в начальных училищах¹⁸.

После появления Манифеста об отречении государя школы братства Св. Гурия и ЦПШ были переданы в ведение земства¹⁹. Однако пение и в ту пору было обязательным и почитаемым предметом.

Обучение музыке велось также и в начальных народных училищах. К 1900 г. в Казанской губернии существовало 673 учебных заведения подобного типа, в т. ч. женское трехклассное городское училище в г. Царевококшайске²⁰.

Следует отметить, что Общественное управление выделяло достаточно большие суммы на содержание училищ г. Царевококшайска. Так, в смете 1910 г. указывалось, что на содержание 6-классной женской Прогимназии и городской женской гимназии было израсходовано по городской смете 1600 р. На содержание городского женского приходского училища израсходовано 259 р. 06 коп. – в том числе на наем учителя пения. Учителем пения с марта 1909 г. был дьякон Ф. И. Генералов. Проводилось 6 уроков в неделю, 1 урок практических занятий²¹.

Необходимо добавить, что в смете указывались затраты и на другие учебные заведения. Так, на содержание Министерства народного просвещения мужского училища – 200 р., городской читальни при Городском управлении – 100 р. Всего на дело народного образования было затрачено 2159 р.²²

Пение преподавалось во всех училищах. Их ученики учились петь повседневные молитвы, и во многих училищах были организованы хоры певчих, исполнявшие все церковные песнопения в местных приходских или домовых церквях.

23 июля 1911 г. педагогический Совет Царевококшайской женской гимназии обсуждал вопрос об учебниках для 2 класса педагогических курсов. Были приняты учебники, в том числе «Начатки теории музыки» Фаминцына²³.

В 1912 г. женская гимназия была преобразована в 8-классную гимназию, открыты 3-х годовичные педагогические курсы и ремесленная школа; городское 3-хклассное училище преобразовано в 4-хклассное, в уезде введено всеобщее обучение, открыто 9 двухклассных министерских училищ и 6 ремесленных отделений при училищах и учреждена отдельная Царевококшайская уездная инспекция. Положительным моментом было выделение беспроцентной ссуды в 400 р. на расширение здания женской гимназии и принятие на счет казны содержания учительского персонала в городское женское приходское училище. Ходатайствовал и помог претворить в жизнь эти проекты Попечитель Казанского учебного округа А. Н. Деревницкий.

В 1912 г. было открыто приходское мужское училище (заведующая Лидия Яковлевна Руммель)²⁴. Необходимо указать и тот факт, что, помимо общественных учреждений, в решении материальных вопросов принимали участие и преподаватели училищ. Так, на пасхальной неделе 1912 г. был устроен любительский спектакль по пьесе Островского «Доходное место», в котором приняли участие учителя городского училища. Средства от спектакля были направлены в фонд общественного вспомоществования нуждающимся учащимся.

Пение преподавалось во всех указанных учебных заведениях, но уровень музыкальной подготовки учащихся оставлял желать много лучшего.

Обучение пению или, точнее, изучение учащимися молитв, церковных песнопений, гимнов и светских песен производилось во всех начальных училищах округа, причем запоминание учащимися мотивов тех или иных пьес постигалось главным образом подражанием пению преподавателя, а не чтением нот. В большинстве училищ пению обучали обычные учителя. Несовершенство школьной постановки столь важного предмета, как пение, объяснялось отсутствием у большинства учителей не только надлежащего музыкального образования, но даже и элементарной музыкальной подготовки²⁵.

Слабые успехи по пению в училищах объяснялось в значительной степени и тем, что предмет этот по Положению народных училищ 1874 г. в числе школьных предметов занимал неопределенное место. В программе предметов Министерства народного просве-

щения, действовавшей в начальных народных училищах этого ведомства до 1897 г., пение считалось необязательным, а желательным предметом²⁶. В 1897 г. в примерной Программе предметов, преподаваемых в начальных народных училищах, преподавание пения поставлено в число обязательных предметов, на него отведено 3 часовых урока в неделю. Правилами же о начальных инородческих училищах, изданными Министерством народного просвещения от 31 марта 1906 г., положено по пению 4 часовых урока в неделю. На этих дневных уроках дети в инородческих школах стали изучать в течение учебного курса нотную азбуку, мажорные и минорные гаммы, знакомиться с различными нотными знаками: паузами, диезами, бемолями и упражняться в пении гамм не только в восходящем и нисходящем порядке, но и вразбивку; параллельно же с такими голосовыми упражнениями в течение курса изучали в систематическом порядке все главнейшие напевы церковных песнопений: тропарей, стихир, ирмосов и прочих всех 8 гласов²⁷.

В отчете Инспектора народных училищ Казанской губернии в 1908 г. отмечалось: «...В виду указанного значения церковного пения в начальных училищах крайне желательно и необходимо требовать от кандидатов и кандидаток, при назначении их на учительские должности, знания церковного пения. Преподавание пения требует немалых усилий <...> многие из существующих ныне учителей и учительниц в земских училищах относятся к преподаванию этого предмета вполне добросовестно»²⁸.

Таким образом, музыкальное образование в Марийском крае в дореволюционный период носило хотя и систематический характер, но было ограничено, в основном, прикладными целями: воспитать добропорядочного христианина, владеющего основами церковного

пения. Развитие музыкального образования светского плана в образовательном процессе стало возможным после 1917 г. Возникновение же и развитие музыкальных школ и других музыкальных учебных заведений стало возможным в Марийской Автономной области лишь с 1930-х гг.

Примечания

¹ Маклыгин, А. Л. Музыкальные культуры Среднего Поволжья : Становление профессионализма. Казань, 2000. 311 с.

² НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1274. Л. 77–78.

³ Там же. Л. 79.

⁴ Там же. Л. 79 об.

⁵ НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1274. Л. 84 об.

⁶ Там же. Л. 196.

⁷ Там же. Л. 197.

⁸ Там же. Л. 249.

⁹ Там же. Д. 1383. Л. 188.

¹⁰ Там же. Л. 189.

¹¹ Там же. Л. 204.

¹² НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 625. Л. 43.

¹³ ГА РМЭ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 9. Л. 11.

¹⁴ Там же. Л. 49.

¹⁵ Там же. Д. 13. Л. 13.

¹⁶ Там же. Д. 18. Л. 141.

¹⁷ Там же. Л. 158.

¹⁸ Там же. Л. 283 об.

¹⁹ Там же. Д. 21. Л. 142.

²⁰ ЦГА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 2. Л. 236.

²¹ ГА РМЭ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.

²² ГА РМЭ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 218. Л. 35.

²³ ГА РМЭ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 61. Л. 56.

²⁴ ГА РМЭ. Ф. 278. Оп. 1. Д. 116. Л. 20.

²⁵ ГА РМЭ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 218. Л. 242.

²⁶ ГА РМЭ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 92. Л. 6.

²⁷ Там же. Л. 7.

²⁸ Там же. Л. 8.

Д. Н. Денисов

МУСУЛЬМАНСКИЕ МОЛИТВЕННЫЕ ДОМА В ПРОМЫШЛЕННЫХ ПОСЕЛКАХ ЮЖНОГО УРАЛА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

В статье рассматривается функционирование мусульманских молитвенных домов в промышленных поселках Южного Урала конца XIX – начала XX в., где ограничения, установленные российским законодательством, временный характер занятости мусульманских рабочих создавали препятствия для удовлетворения их религиозных нужд.

Ключевые слова: мусульманский молитвенный дом, мечеть, мулла, промышленность, Южный Урал.

70–80-е гг. XIX в. отмечены подъемом горнодобывающей и металлургической промышленности на Южном Урале, который был обусловлен упрощением процедуры разведки, заявки и разработки полезных ископаемых, глубокой капиталистической перестройкой предприятий, модернизацией производственных мощностей и внедрением новых технологий, развитием сети железных дорог, позволивших увеличить и ускорить поставку сырья и топлива, а также вывоз готовой продукции в центральные районы страны. Расширяющееся производство испытывало возрастающую потребность в рабочей силе. Продолжающееся обезземеливание и социальное расслоение крестьянства объективно стимулировали приток на промышленные предприятия татарского и башкирского населения, которое массово нанималось на добычу руды, основные и вспомогательные работы при металлургических заводах (рубку дров, жжение угля, гужевые перевозки, сплав леса и др.). Усилению трудовой миграции способствовала прокладка в 1885–1890 гг. Самаро-Златоустовской железной дороги, соединившей основные горнозаводские центры Южного Урала с поволжскими губерниями. Как следствие, на рубеже XIX–XX столетий в промышленных поселках Южного Урала впервые появилось значительное мусульманское население, которое изменило их традиционный этноконфессиональный состав. Оторванные в течение долгого времени от своих приходов временные рабочие из числа мусульман далеко не всегда могли в полной мере исполнять обряды своей религии из-за ограничений, установленных российским законодательством.

Так, еще в 1887 г. золотопромышленник Гавриил Ермолаевич Подвинцев построил

для своих татарских и башкирских работников мусульманский молитвенный дом на Аполлинариевском прииске, вблизи поселка Кочкарского (ныне г. Пласт Челябинской обл.). Однако он не имел официального юридического статуса потому, что законодательство Российской империи вообще не знало такого термина. Оно различало только пятидневные мечети, предназначенные для ежедневного пятикратного совершения намаза, и соборные мечети, где разрешалось дополнительно проводить пятничные и праздничные богослужения. Согласно ст. 155 Устава строительного сооружения любой мечети с образованием самостоятельного прихода и назначением собственных священнослужителей допускалось при наличии не менее 200 мусульман мужского пола из числа постоянных жителей¹. Поскольку большинство мусульманских рабочих имело на приисках сезонную занятость, а их число не дотягивало до законодательно установленного норматива, они были вынуждены довольствоваться простым домом, куда могли собираться только на общественную молитву. Для совершения других обрядов и регистрации актов гражданского состояния (рождения, бракосочетания, развода, смерти) приходилось вызывать муллу со стороны, из ближайшей деревни, где имелась мечеть.

Постепенно мусульмане, приезжавшие на временные заработки, стали оседать на постоянное жительство, обзаводились семьями и домашним хозяйством. Некоторые из них занялись торговлей, земледелием, кустарными промыслами. Лишь когда численность постоянного мусульманского населения достигла минимального норматива, предусмотренного законодательством, стало возможным поставить вопрос об организации собственного

прихода. В 1901 г. мусульманские рабочие Кочкарских приисков на общественном собрании постановили приговор, которым ходатайствовали о разрешении постройки соборной мечети и утверждении имамом избранного ими крестьянина Мухаметсадыка Сагидеева. Он имел свидетельство Троицкого городского училища от 2 декабря 1898 г. № 271 о знании русского языка в объеме, достаточном для кандидатов на должности сельских мулл, а также сдал в Оренбургском магометанском духовном собрании экзамен на звание имама-хатыба и мудариса. Доверенные мусульман Кочкарской системы, мещане Мухаметзариф Сабитов, Мухаметхафиз Мухаметгалимов и Мухаметзариф Мухаметзянов представили пакет необходимых документов на рассмотрение Оренбургского губернского правления. По его запросу 14 июля 1901 г. за № 5288 духовное собрание выразило мнение о том, что постройка здесь мечети является насущной необходимостью. Рапортом от 25 апреля 1902 г. № 2587 горный исправник 2-го округа подтвердил, что при ней будут состоять не менее 200 мусульман мужского пола, «...издана оседло живущих на приисках». Наконец, епископ Оренбургский и Уральский отношением от 28 октября 1902 г. № 11594 уведомил губернатора, что со стороны епархиального начальства не имеется никаких препятствий к постройке здесь мечети². Однако Войсковое хозяйственное правление Оренбургского казачьего войска в качестве собственника земли отказалось отвести участок для строительства мусульманского храма. На этом основании Губернское правление 15 февраля 1905 г. отклонило ходатайство мусульман, проживавших на Кочкарских приисках. По их жалобе, Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД разъяснил губернским властям, что молитвенный дом может быть устроен в любом пригодном для этого частном помещении, а вопрос о владении землей не стоит в непосредственной связи с устройством духовных нужд мусульман³. Поэтому новым указом от 12 июня 1906 г. Оренбургское губернное правление разрешило образовать самостоятельный приход при молитвенном доме на Аполлинариевском прииске, а избранный общиной крестьянин Мухаметсадык Сагидеев был утвержден к нему в званиях имама-хатыба и мудариса⁴. С 1906 г. он отправлял религиозные обряды на всех золотых приисках Кочкарской и

Кособродской систем, объезжая их по просьбе местных мусульман⁵.

В 90-е гг. XIX столетия мусульманский молитвенный дом был открыт в поселке при Саткинском заводе, а по указу Уфимского губернского правления от 2 апреля 1899 г. № 1155 к нему был временно прикомандирован из другого прихода имам Салихьян Тагиров⁶. Помимо заводского поселка, он обслуживал мусульманское население ближайшей округи. В 1904 г. на Саткинском заводе насчитывалось 124 мусульманина мужского пола, на Бакальском руднике – 59, в Саткинском лесничестве – 9, на станции Бердяуш – 18, а всего 210 мужчин. С учетом этого 12 саткинских мусульман, имевших собственные дома и занимавшихся торговлей, решили построить пятивременную мечеть вместо молитвенного дома. Однако по сведениям полиции, в заводском поселке постоянно проживало всего 76 мусульман м. п., а остальные были временными рабочими. Поэтому 16 июня 1906 г. Уфимское губернное правление отклонило их просьбу. Уполномоченный местной общины Биктагир Фаткуллин 30 декабря 1906 г. подал жалобу на имя министра внутренних дел. Он указал, что минимальный норматив рассчитан на сельскую местность, где мусульмане проживают компактно «без примеси других национальностей». Однако законодательство не учитывает специфику промышленных предприятий и поселков потому, что на заводах и рудниках временно работают тысячи мусульман, не имеющих возможности полноценно исполнять свои религиозные обряды. По мнению Фаткуллина, такой запрет противоречил духу высочайшего Манифеста от 17 октября 1905 г., который гарантировал всем российским подданным свободу совести и вероисповедания. Тем не менее, следуя букве закона, 16 августа 1907 г. МВД оставило его жалобу без последствий⁷.

Мусульмане Кусинского завода в конце XIX – начале XX в. были причислены к приходу соборной мечети д. Каскиновой 2-й Айлинской вол. Златоустовского уезда Уфимской губ. (ныне Кусинского района Челябинской обл.). По мере надобности для совершения религиозных обрядов и регистрации актов гражданского состояния к ним приезжал сельский мулла, а на общественную молитву они собирались в специально купленном для этой цели 2-этажном доме. Необходимость приглашать имама за

18 верст от заводского поселка создавала для них огромные неудобства, требовала затрат времени и денег. Поэтому 8 октября 1910 г. кусинские мусульмане постановили общественный приговор, которым ходатайствовали о назначении к их молитвенному дому собственного имама, башкира д. Кызыльяровой Булекей-Кудейской вол. Уфимского уезда и губ. Ибнихазипа Гильмутдиновича Ахмерова. Проживающие в заводском поселке состоятельные торговцы Галиаскар Галиакберов, Ярулла Загиров, Лутфулла Ибрагимов и Рахматулла Фаткуллин приняли на себя хлопоты по этому делу и уже 12 октября подали соответствующее заявление в ОМДС. Однако для утверждения духовного лица требовалось разрешение на строительство мечети, которое могло быть дано при наличии в поселке не менее 200 мужчин, исповедующих ислам. После разъяснений духовного собрания местные жители 1 декабря 1910 г. составили новый приговор, где выразили желание построить в Кусинском заводе мечеть с образованием самостоятельного прихода и назначением штата духовенства. К нему был приложен именной список из 208 местных мусульман, заверенный Кусинским волостным правлением. При прошении от 6 декабря уполномоченный общины Рахматулла Фаткуллин представил документы на рассмотрение духовного собрания. Журналом на 14 декабря 1910 г. оно признало ходатайство заслуживающим удовлетворения «по многочисленности постоянно проживающих там магометан и отдаленности приходской мечети», о чем сообщило Уфимскому губернскому правлению (рапорт от 19 декабря)⁸. Тем не менее, администрация отклонила просьбу, поскольку многие из 208 кусинских мусульман в действительности оказались временными жителями поселка, приехавшими на заработки.

С 1895 г. первые мусульманские рабочие появились на Бакальском казенном руднике. Их доля особенно возросла с началом Первой мировой войны, когда экономические условия заставили многих сельских жителей наниматься на самую тяжелую работу. Если в 1904 г. в рудничном поселке проживали 59 мусульман, то в 1915 г. – уже 170 человек (118 мужчин и 52 женщины) из примерно 2000 рабочих. Они занимали 11 из 78 построенных здесь казенных бараков. Архивные документы свидетельствуют о том, что мусульманские рабочие были вы-

ходцами в основном из Белебеевского, отчасти Бирского, Мензелинского и Уфимского уездов Уфимской губ., Бугульминского уезда Самарской губ., Мамадышского и Свияжского уездов Казанской губ. Это жители современных сел Верхние Карьявды (5 человек), Калмашбаш (4), Каразириково (1), Каран (2), Каргалы (2), Новый (2) и Старый (21) Балак, Старый Калмаш (25), Тузлукуш (21), Чекмагушево (1) Чекмагушевского района, Аккузово (1) и Рсаево (11) Илишевского района, Гублюкучуково (9) и Москово (3) Дюртюлинского района, Зайпе-Куль (3) и Новые Карамалы (4) Миякинского района Республики Башкортостан, Аккузово (6), Верхнее Яхшеево (2), Новое Алимово (3), Поисево (4) Актанышского района, Новое Надырово (14) Альметьевского района, Сикия (6) Муслюмовского района Республики Татарстан и др. Кроме вольнонаемных рабочих, на Бакальском руднике трудилось до 40 арестантов мусульманского вероисповедания⁹. Официально все они имели только временное пребывание, состав рабочих менялся едва ли не каждый день, одни отбывали на родину, а другие поступали на их место. Тем не менее, 23 мусульманских семьи фактически проживали в поселке постоянно, круглогодично в течение нескольких лет. Если православные рабочие духовно окормлялись в церкви села Рудничного всего за 5 верст от их временного поселка, то ближайшая соборная мечеть д. Калмакуловой Златоустовского уезда располагалась в 25 верстах. Поэтому для совершения религиозных обрядов мусульмане были вынуждены ездить за 22 версты на Саткинский завод, где при молитвенном доме состоял временно прикомандированный имам Салихьян Тагиров, «... упуская рабочие дни, или приглашать муллу оттуда, что “было” сопряжено <...> с убытками». 30 марта 1915 г. мусульманские рабочие «разных селений, уездов и губерний», проживающие на Бакальском казенном руднике, собрались на сход в количестве 110 человек. Они «имели суждение» о том, что у них нет «молитвенного дома и духовных лиц, почему крайне нуждаются в религиозных напутствиях, богослужениях и, главным образом, в отправлении треб и записях в метрики родившихся, умерших и проч.»¹⁰. Собравшиеся постановили ходатайствовать перед властями о разрешении строительства на руднике молитвенного дома с утверждением к нему

в должности муллы башкира д. Карановой Богадинской вол. Белебеевского уезда Уфимской губ. Габдуллы Имамудиновича Зюбаирова, имевшего свидетельство ОМДС на звание имама-хатыба и мугаллима. При этом рабочие дали письменное обязательство содержать молитвенный дом и духовное лицо за свой счет. Уполномоченный мусульман Хафиз Исмагилов при прошении от 23 апреля 1915 г. лично представил приговор в духовное собрание¹¹. Оно с пониманием отнеслось к проблеме и 22 мая 1915 г. за № 3127 сообщило Уфимскому губернскому правлению о том, что находит ходатайство заслуживающим уважения «за многочисленностью проживающих там рабочих-магометан и отсутствием вблизи к этому руднику мечетей и духовных лиц»¹². Однако на запрос о возможности постройки молитвенного дома Управление Златоустовского горного округа ответило, что, согласно российскому законодательству, земельный участок на казенном руднике может быть отведен только с разрешения министра торговли и промышленности. Узнав об этом, бакальские мусульмане отказались от первоначальных планов строительства отдельного культового здания, а их доверенный Хафиз Исмагилов 5 января 1916 г. попросил выделить две комнаты в старом семейном бараке: для проведения общественной молитвы и проживания муллы. Администрация Бакальских рудников и Златоустовская уездная полиция не возражали против приспособления барачного помещения для религиозных нужд мусульман¹³. В соответствии со ст. 247 Устава строительного разрешение на постройку иноверческих храмов в населенных пунктах, где православные совместно проживали с представителями других конфессий, необходимо было согласовывать с местным епархиальным начальством. Опираясь на сведения и. о. епархиального миссионера, священника Стефана Матвеева, 13 июня 1916 г. епископ Уфимский и Мензелинский высказался против открытия мусульманского молитвенного дома на Бакальском казенном руднике. Свою позицию он обосновал тем, что по закону для образования самостоятельного мусульманского прихода необходимо не менее 200 душ мужского пола, имеющих постоянную оседлость. Пребывание же мусульман на руднике «...носит случайный, временный характер, вызванный, главным образом, обстоятельствами военного времени», да и число их

ниже установленного норматива. Епископ добавил, что «...обязанности муллы, при отсутствии его, может исполнять всякий мусульманин, знающий свои религиозные обряды и умеющий совершать намазы»¹⁴. Его позиция уже не имела определяющего значения для исхода дела. Поскольку мусульмане не обращались за разрешением к министру торговли и промышленности, Уфимское губернское правление журналом на 25 августа 1916 г. № 236 отклонило их просьбу о строительстве молитвенного дома (указы от 1 сентября 1916 г. № 2046, 2047). С другой стороны, оно выразило согласие на отвод молельного помещения в семейном бараке при условии, что духовное собрание временно командует на Бакальский рудник муллу одного из ближайших приходов¹⁵.

Тем не менее, до 1917 г. для исполнения духовных треб местные рабочие по-прежнему обращались к мулле Саткинского завода Салихьяну Тагирову. 7 января 1917 г. он отказался посещать мусульман Бакальского рудника «за неимением свободного времени» на дальние поездки в 22 версты туда и столько же обратно. Однако после Февральской революции положения российского законодательства, ограничивавшие религиозные права мусульман, утратили юридическую силу. 5 октября 1917 г. 67 рабочих Бакальских рудников на общем собрании избрали своим муллой Ибнихазипа Гильмутдиновича Ахмерова. Он родился в 1876 г. в семье башкир д. Кызыльяровой Булекей-Кудейской вол. Уфимского уезда и губ. (ныне с. Красная Горка Нуримановского района Республики Башкортостан). По результатам сдачи экзаменов получил свидетельство ОМДС от 22 мая 1902 г. № 3009 на звание имама-хатыба и мудариса, а также свидетельство 1-го Уфимского 4-классного училища от 18 сентября 1903 г. № 432 о знании русского языка в объеме, достаточном для кандидатов на должности сельских мулл. Бакальские мусульмане установили своему имаму ежемесячный оклад в 100 р. «при готовой квартире в 2 комнаты» с бесплатным освещением и отоплением. По их заявлению, Духовное ведомство Национального управления мусульман внутренней России журналом на 24 декабря 1917 г. постановило открыть в Бакале самостоятельный приход и утвердить к нему в должности имама-хатыба И. Г. Ахмерова. Показателем нового отношения государственных структур к духов-

ным нуждам мусульман стало возбужденное Управлением Бакальского казенного рудника ходатайство об ассигновании в 1918 г. кредита на постройку мечети и о принятии вознаграждения мулле на счет предприятия¹⁶.

Падение юридической системы Российской империи позволило реализовать духовные запросы мусульман и в других заводских поселках Южного Урала. В 1917 г. была разрешена постройка мечети в Кусинском заводе, а 23 ноября к ней был переведен Мухаметсалим Бадретдинов (24.04.1885-?), который незадолго до этого 28 июня 1917 г. был утвержден в званиях имама и мугаллима д. Малокрызылбаевой Златоустовского уезда Уфимской губ. (ныне Мечетлинского района Республики Башкортостан). В 1918 г. было санкционировано строительство мечети в Саткинском заводе¹⁷.

Таким образом, ограничения, установленные законодательством Российской империи, особенности правового статуса земель промышленности, временный характер занятости мусульманских рабочих на заводах и рудниках Южного Урала создавали препятствия для удовлетворения их религиозных нужд. По российским законам разрешение на постройку мечети с образованием самостоятельного прихода и назначением штата священнослужителей давалось при наличии не менее 200 мусульман мужского пола из числа постоянных жителей. Поэтому в промышленных поселках немногочисленные общины, объединяющие временных рабочих, были вынуждены проводить коллективный намаз в молитвенных домах, не имевших официального статуса. В этих случаях религиозные обряды с регистрацией актов гражданского состояния (рождения, бракосочетания, развода, смерти) совершали временно прикомандированные

имамы или мусульманские священнослужители ближайших деревень.

Примечания

¹ Свод законов Российской империи. Изд. 1900 г. Ч. 1, т. XII. Ст. 155.

² Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 3. Д. 4235. Л. 439–441.

³ Загидуллин, И. К. Махалля в промышленных поселениях в Европейской части России и Сибири (XIX – начало XX в.) // Татарские мусульманские приходы в Российской империи : материалы науч.-практ. конф. (г. Казань, 27–28 сент. 2005 г.). Казань : Ин-т истории АН РТ, 2006. С. 79; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 700. Л. 116–118об.

⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4235. Л. 439–441.

⁵ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-295. Оп. 2. Д. 8. Л. 445.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 3202. Л. 42.

⁷ Загидуллин, И. К. Указ. соч. С. 78; РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 695. Л. 103–104, 107–108об.

⁸ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 5. Д. 8159. Л. 1–1об, 3–4.

⁹ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 3854. Л. 12–16, 37–37об.

¹⁰ Там же. Л. 8–9об.

¹¹ Там же. Л. 7, 10–10об.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 17, 34–34об.

¹⁴ Там же. Л. 18–19.

¹⁵ Там же. Л. 20–21об.

¹⁶ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 5. Д. 15314. Л. 2–10.

¹⁷ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 2. Д. 8. Л. 197.

Э. З. Шакирова

РАБОТА ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КПСС С ВЕРУЮЩИМИ В СЕРЕДИНЕ 1950-х – 1980-е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЕНБУРГСКОЙ, ЧЕЛЯБИНСКОЙ, КУРГАНСКОЙ И КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Неотъемлемой частью идеологической работы КПСС было осуществление атеистического воспитания, где важное место отводилось индивидуальной работе с верующими. В этой статье рассматриваются методы и средства её реализации на территории Оренбургской, Челябинской, Курганской и Куйбышевской¹ областей в соответствии с постановлениями и решениями КПСС с середины 1950-х гг. вплоть до кризиса коммунистической идеологии.

Ключевые слова: индивидуальная работа с верующими, атеистическая пропаганда, антирелигиозная пропаганда, атеистическое воспитание, научно-атеистическая пропаганда.

Историография советского периода, посвященная анализу форм, методов и эффективности индивидуальной работы с верующими, накопила солидную исследовательскую базу. Среди них историки, религиоведы, философы, социологи и политологи.

Во второй половине 1950-х гг. были изданы работы С. Н. Кулякова² и Г. Б. Крупницкого³. Они проанализировали постановления ЦК КПСС, принятые в 1954 г., и пришли к выводу решительно покончить с «религиозными пережитками» и пассивностью в антирелигиозной пропаганде.

В 1967 г. вышел в свет сборник «Индивидуальная работа с верующими»⁴, переизданный и дополненный в 1974 г. В книге содержались статьи, авторы которых рассматривали проблему в духе времени, ставя во главу угла партийные решения. Они указывали на необходимость дифференцированного подхода к верующим, учёта национальных особенностей, характер вероисповедания. При этом сборник страдает гиперболизацией роли КПСС и имеет идеологизированный характер.

Религиовед М. Г. Писманик⁵ на первый план выносит социально-психологические особенности личности, подчеркивает необходимость воспринимать индивид как целостную личность. В работе «Индивидуальная религиозность и её преодоление»⁶ автор выявляет причины сохранения и воспроизводства религиозности как «пережитка капитализма» в обществе, анализирует формы её проявления, исследует проблему преодоления индивидуальной религиозности и даёт рекомендации по её реализации.

В монографии А. Т. Москаленко и А. А. Чечулина⁷ определяется влияние микросреды на характер индивидуальной работы с верующими в целях активизации и проведения результативности атеистического воспитания.

Исследователи М. А. Попова⁸, Ю. П. Зуев, В. Г. Пивоваров⁹ провели социологические исследования, подвергли анализу степень религиозности населения, чтобы полученные результаты уже целенаправленно и дифференцировано использовать в индивидуальной работе с верующими.

В общую копилку историографических работ внесли вклад и уральские учёные. Среди них С. С. Кирбятъев¹⁰, Я. В. Рабинович¹¹, И. М. Габдулгафарова¹², которые сосредоточили внимание на атеистическом воспитании студентов, молодёжи, школьников, где в индивидуальной работе первенство отводилось преподавателям, учителям, учреждениям культуры и др. Авторы Н. Д. Сухоручкина¹³ и Л. Т. Орлова¹⁴ в своих статьях поднимали вопросы об индивидуальной работе с женщинами, готовящихся стать матерями. При этом антирелигиозная пропаганда была возложена на медицинских работников с целью пресечь крещение детей и оградить их от влияния церкви.

Авторский коллектив – Э. Я. Комисарова, П. А. Овинов, Е. А. Алешко, А. В. Вишнякова, Л. Ф. Артеменко, Я. И. Валл и другие¹⁵ – среди них учёные-философы, историки, партийные работники, пропагандисты-практики, руководители общественных организаций и учреждений культуры, подготовил сборник «Атеисты за работой». Они на основе на-

копленного опыта провели анализ проблем, связанных с атеистическим воспитанием, выделили основные категории верующих, определили методы и средства атеистической пропаганды, ориентируясь при этом на индивидуальную работу с верующими. Вместе с тем книга была издана в то время, когда в «планах социального развития» воспитательную работу планировали как «выпуск продукции»; также была преувеличена роль партии, переоценены результаты атеистической работы.

Таким образом, историография советского периода при освещении данной проблемы не избежала идеологических стереотипов, десятилетиями доминировал «однобокий» подход.

Государственно-конфессиональные отношения военного и послевоенного времени по-прежнему исходили из идеологических установок КПСС, где религии отводилась срежессированная властью роль. Война заставила партию поменять политический курс от интернационализма к патриотизму. Казалось, что руководство страны, наконец-то, по достоинству оценило патриотическую позицию церкви и ее духовный потенциал, однако «потепление» оказалось непродолжительным. Религиозные объединения и носители веры вновь подверглись серьезным испытаниям. Атеистическая пропаганда приняла всеохватывающий и агрессивно-наступательный характер. Акцент был сделан на индивидуальную работу с верующими.

Начало было положено постановлениями ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» и от 10 ноября 1954 г. вышло еще одно постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». В решениях было озвучено «покончить с запущенностью антирелигиозной работы, развернуть научно-атеистическую пропаганду, уделяя особое внимание среди наиболее отсталой части населения, находящейся в плену религиозных верований и предрассудков»¹⁶, «...ни в коем случае не допускать каких-либо оскорблений чувств верующих и церковнослужителей», а «...умело поставленная научно-атеистическая пропаганда поможет им освободиться от религиозных заблуждений»¹⁷.

Постановления способствовали развертыванию антирелигиозной кампании не только против церкви, но и против верующих. Так,

в отчёте Челябинского горкома партии (март 1955 г.) отмечалось, что научно-атеистическая пропаганда не отвечает требованиям ЦК. Так, за первое полугодие 1955 г. по Челябинской области из 3020 прочитанных лекций антирелигиозной тематике было посвящено только 169. С этой целью был организован городской трехдневный семинар лекторов-общественников по научно-атеистической пропаганде. Силами квалифицированных лекторов было прочитано шесть лекций для 45 слушателей из 77 приглашённых¹⁸.

Аналогичный вопрос решался на бюро Куйбышевского обкома КПСС (20 марта 1958 г.), где отмечалось, что на местах была проведена определенная атеистическая работа среди населения. Только в 1957 г. было прочитано 1561 лекция на антирелигиозную тематику, что в четыре раза превысило показатели 1954 г. Вместе с тем, подчеркивалась безынициативность лекторов, особенно философов – из 17 выступили только трое (Александров, Калабин и Арончик)¹⁹. В феврале 1958 г. инструктор отдела пропаганды и агитации Сталинского райкома г. Куйбышева в справке о состоянии научно-атеистической пропаганды отмечал, что «состояние атеистического воспитания населения по месту жительства не отвечает задачам КПСС». Руководители некоторых предприятий игнорировали вопросы организации атеистической работы. Например, председатель профсоюзного комитета Сталинского района Мышкин, считал, что «их мучают, когда рекомендуют читать лекции на антирелигиозные темы». Ни в цехах завода «Кинап», ни в клубе, ни в заводских общежитиях не проводились лектории по антирелигиозной и научно-атеистической тематике. Лишь в марте и апреле 1958 г. в связи с Пасхой в обеденные перерывы было организовано две лекции на темы «Происхождение праздника Пасхи» и «Преодоление религиозных предрассудков»²⁰.

Претворяя в жизнь решение XXI съезда партии, ЦК КПСС принимает постановление от 11 марта 1959 г. «О массовой политической работе», в котором предписывалось областным, городским и районным партийным организациям широко развернуть содержательную, всеохватывающую и разнообразную по форме, методам и средствам пропагандистскую и массово-политическую работу, направленную на воспитание трудящихся в духе коммунистической идеологии.

Стремясь придать научно-атеистической пропаганде целенаправленный, системный характер, местные партийные комитеты всех уровней создавали комиссии, атеистические секции, советы по атеистической работе. На конференциях и пленумах, собраниях партийно-советского актива строго требовали с партийных, советских и комсомольских работников усиления внимания к борьбе с чуждой идеологией. При некоторых отделениях общества «Знание» были организованы секции лекторов-атеистов. Так, при Шадринском горкоме КПСС Курганской области отделение общества «Знание» были созданы лектории на темы «Происхождение жизни на земле», «Женщина и религия», «Что такое религия и есть ли бог?» Лекции регулярно читались на телефонном заводе, на фабрике по пошиву одежды, хлебокомбинате, в производственно-техническом училище № 9 и техникумах города²¹. В Домах культуры г. Оренбурга, Бугуруслана, Орска, Абдулино Оренбургской области были организованы уголки атеиста, практиковались вечера вопросов и ответов на антирелигиозные темы «Правда о религии», «Наука побеждает религию», практиковались выставки антирелигиозной литературы, вывешивались красочные плакаты²².

Научно-атеистическая пропаганда ориентировалась не только на массовые формы, но и на индивидуальную работу с верующими. Пропагандистам необходимо было учитывать особенности личности верующего, черты его характера, его интересы, жизненный опыт, отношения, складывавшиеся в семье и в производственном коллективе. Индивидуальная работа с верующими условно проходила в три этапа. На первом этапе агитатору необходимо было заинтересовать верующего, тактично подвести его к сопоставлению религиозного и научного мировоззрения, подготавливая ко второму этапу – сомнение в вере. На этом этапе ставилась задача «раздуть зародившуюся искру сомнения» и перейти к третьему завершающему этапу – «разрыву с религией».

Особое внимание в воспитательной работе пропагандисты уделяли верующим женщинам, молодёжи, пенсионерам. В постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» от 9 января 1960 г. рекомендовалось обратить особое внимание на пропаганду среди женщин²³. Повышенная религиозность женщин объяснялась сохранением их неравенства в быту, зависимостью от

религиозных родителей, бабушек и дедушек, большой загруженностью домашними делами, что ограничивало их свободное время и возможность общения, затрудняло духовное развитие и снижало социальную активность. Учитывая особенности женской психологии, агитаторы-атеисты активно проводили с ними индивидуальную работу, которая возлагалась на врачей, воспитателей, учителей. Они понимали всю важность работы с женщинами, поскольку, борясь с женской религиозностью, перекрывали один из главных каналов воспроизводства религиозности и влияние религии на детей и подростков. Оренбургский облисполком рекомендовал служителям культов и исполнительным органам не допускать женщин и детей в церкви, мечети, снять запрет обязательного соблюдения постов верующими, занятыми в производстве, больных, матерей с детьми²⁴. В Центральном районе г. Челябинска агитаторы-атеисты проводили беседы в домашней обстановке с каждой верующей из числа церковной «двадцатки»²⁵. В результате систематической и продолжительной индивидуальной работы удалось убедить четверых выйти из «двадцатки» – Кокшарову, Зоткину, Вербовскую и Царенко²⁶.

Также активно проводились мероприятия по отвлечению молодежи от религиозного влияния. Молодые верующие являются носителями некоторых специфических социально-психологических особенностей, которые связаны с периодом социального становления, поисками цели и смысла жизни, желанием утвердить себя как личность в обществе, что активно использовали пропагандисты в своих целях. В частности, в Оренбургской области была значительно улучшена культурно-просветительская работа клубов и красных уголков в с. Старо-Гумерово Александровского района и татарского клуба в с. Соль-Илецке и библиотеке г. Бугуруслана. В городском районе, где преобладало татарское население, был организован парк с киноэстрадой. В колхозных клубах для отвлечения молодежи создавались хоровые, музыкальные, драматические, танцевальные кружки, кружки кройки и шитья, народных промыслов. В Шадринском педагогическом институте Курганской области для студентов был оборудован планетарий, организовывались выставки на сатирические темы, проводились атеистические вечера, в программы которых были включены антирелигиозные

песни, частушки, инсценировки, демонстрации химических опытов²⁷.

Пожилые люди – хранители исконно национальных традиций, обычаев, веры не оставались без внимания со стороны атеистов. Агитаторы считали, что к пенсионерам необходим особый подход, проводить работу с ними нужно тонко и умно, так как они составляли основу группы верующих и являлись источником влияния на рост религиозности и обрядности. Большинство в составе церковных «двадцаток» составляли всё те же пенсионеры. Местная власть Курганской области всерьёз была обеспокоена этим фактом. Так, в 1978 г. уполномоченный по делам религий И. И. Таранченко сообщал, что «обряд поминок на третий, девятый, сороковой день, а также полугодовые и годовые поминки почти всеми взяты в обиход у религии и сейчас его соблюдают верующие и неверующие, коммунисты и комсомольцы, советские и профсоюзные активисты»²⁸. В связи с этим для верующих пенсионеров пропагандисты организовывали специальные вечера. Так, в с. Усть-Миасское Каргопольского района были приглашены на вечер пенсионеры со всех колхозных бригад сёл Усть-Миасское, Грачево, Воденниково. Съехались 180 человек, состоялась душевная беседа за чашкой чая. Руководители колхозов, секретари парткомов, председатели сельских Советов, директора школ обратились к ветеранам с просьбой «помогать во всем своим богатым опытом», на что в ответ участники встречи с большой теплотой поблагодарили за организацию вечера, за оказанное внимание и заботу о них²⁹.

Архивные данные за 1960 г. позволяют нам выявить картину состояния индивидуальной работы с верующими в Куйбышевской, а также в некоторых городах и населенных пунктах Челябинской областей. Так, уполномоченный совета по делам религиозных культов при Куйбышевском облисполкоме Н. Трофимов отмечал отсутствие положительного опыта в индивидуальной работе с верующими. Особенно слабо была поставлена атеистическая пропаганда среди мусульманского населения³⁰. В справке Магнитогорского отделения общества «Знание» по выполнению постановления ЦК КПСС от 9 января 1960 г. подчеркивалось, что в Кунашакском районе «действуют две мечети, но пока не чувствуется активной борьбы против мулл», не прово-

дилась индивидуальная работа с верующими мусульманами³¹.

XXII съезд КПСС в октябре 1961 г. принял новую Программу, провозгласившую построение коммунистического общества в СССР к началу 1980-х гг. Программа обязывала партийные, советские и комсомольские организации «систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, опираясь на достижения современной науки»³². Решения съезда в определенной степени способствовали активизации антирелигиозной пропаганды на местах. Однако, во многих областных, городских, районных партийных организациях, особенно в сельских, атеистическим просвещением занимались единицы. У большинства коммунистов зачастую отсутствовали необходимые и знания, и опыт, а порой и желание для ведения атеистической пропаганды. Так, при Ленинском РК г. Куйбышева и отделении общества «Знание» функционировал контрольный орган за качеством читаемых лекций. В 29 прослушанных докладах и лекциях были выявлены существенные недостатки. На районном семинаре учителей лектор строительного института В. Кондрашин в лекции «Атеистическое воспитание молодежи» не раскрыл содержания темы, не дал примеров атеистического воспитания. Преподаватель К. Чуркин в лекции «Химия в борьбе с религией» «показал очень много ценных научных опытов, разоблачающих религию, но мало объяснял их, поэтому слушатели не совсем поняли, о чем шла речь»³³.

Таким образом, деятельность партийных организаций по усилению атеистической пропаганды не всегда достигала намеченных результатов.

В феврале 1964 г. идеологическая комиссия при ЦК КПСС разработала «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения». В результате был создан Институт научного атеизма, руководивший и координировавший теоретическую работу и издание специальной литературы. В 1964/65 учебном году в вузах было введено преподавание «Основ научного атеизма», созданы кафедры научного атеизма в университетах и институтах³⁴. Так, в 1968 г. при содействии горкома партии г. Бугуруслана Оренбургской области был организован народный университет научного атеизма. Непосредственно подготовкой

кадров занимались первичные организации общества «Знание». Обучали в университете опытные пропагандисты: П. П. Баранов преподавал основы научного атеизма в сельскохозяйственном техникуме, В. А. Ильина – педагог в педучилище, Л. В. Винюкова – замдиректора по воспитательной работе средней школы им. Калинина, М. В. Закиров – учитель истории в школе № 10. Программа включала разделы «Искусство и религия», «Свобода совести в СССР», «Советское законодательство о культах». Работников партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, юристов, деятелей культуры обязывали читать лекции антирелигиозной направленности³⁵.

К атеистическому воспитанию привлекались также медицинские работники, в обязанность которых входила индивидуальная работа с больными, главным образом, с женщинами в Домах санитарного просвещения, больницах, родильных домах, женских и детских консультациях. В планы по пропаганде медицинских знаний включались материалы на атеистические темы. Специалисты проводили беседы с женщинами, готовящимися стать матерями, о вреде религиозных обрядов крещения, обрезания и т. д. Так, в больнице им. Калинина Самарского района г. Куйбышева агитатор-атеист убедил отказаться от религии верующую Федосееву. Участковому врачу амбулатории № 6 Вороновой удалось отвлечь от религиозного влияния пациентку Тачанову. Только за период с 1966 по 1968 г. в результате проведенной индивидуальной работы в Самарском районе в 160 семьях были сняты иконы, а в Куйбышевском районе лишь в 29 семьях. Хорошо была поставлена работа по атеистическому воспитанию с молодыми матерями в медсанчасти 4-го Государственного подшипникового завода и в женской консультации № 20 Октябрьского района. На заводе им. Масленникова в начале 1974 г. с ответственными работниками были проведены семинары по теме «Формы и методы работы с родителями, совершившими обряд крещения»³⁶.

Духовенство также подвергалось психологической обработке со стороны пропагандистов-атеистов. Работники идеологического отдела Челябинского горкома партии постоянно наблюдали и вели индивидуальную работу с Мухиным – священником Семёновской церкви, кандидатом бо-

гословских наук (позднее работал шофером на скорой помощи), Новокрещеновым – священником (ставшим студентом мединститута). Аналогичным образом «освободились от религиозных убеждений» настоятель молитвенного дома г. Оренбурга Пигулевский, настоятель Николаевского молитвенного дома г. Орска Дмитриев, молодые послушники Жатков и Семененко, намеревавшихся поступить в Духовную семинарию³⁷.

В газетах помещались материалы об отречении священников от религии. Так, бывший священнослужитель Успенской церкви И. Бородин г. Бугуруслана Оренбургской области в статье «Почему я отрекаюсь от сана священника» делился своими наблюдениями о жизни и церкви и подводил к выводу, что «религия возводит в культ безразличие к гражданскому долгу перед народом, Родиной; сеет в умах людей сомнения, стоит ли трудиться, есть ли цель земного существования человека»³⁸. Такого рода статьи влияли на сознание советских людей. Например, в редакцию газеты «Советское Зауралье» поступило письмо от К. Меньшикова, который писал, что «...разочаровался в православии, поскольку учение противоречит выводам науки»³⁹. В 1959 г. Оренбургским областным издательством была выпущена брошюра под названием «Почему мы порвали с религией», в которой бывшие верующие, отошедшие от религии, на конкретных примерах «...изобличают всю антиобщественную сущность и фальшь проповеди сектантов»⁴⁰.

Атеистическую пропаганду обязаны были проводить и библиотеки. В с. Алькино Похвистневского района Куйбышевской области проводилась индивидуальная работа с читателями. Было составлено несколько планов чтения для верующих: «Что читать о происхождении жизни на земле» «Наука и религия о происхождении жизни», «Чудеса химии» и др. Заведующей библиотекой с. Заплавное Борского района за период 1964–1969 гг. в результате целенаправленной и разъяснительной работы, чтения атеистической литературы удалось отвлечь от религии бывшего казначея церкви Д. И. Гаврилович, домохозяйку А. С. Бородину, пенсионера С. В. Сундеева, а они, в свою очередь, оказали влияние на других верующих – А. К. Сундееву и Ф. И. Цветкову⁴¹.

Для повышения эффективности индивидуальной работы с верующими использовались

разнообразные методы и средства, включая социологические исследования. На нефтеперерабатывающем заводе им. Чкалова г. Орска Оренбургской области атеисты завода в 1966 г. поставили задачу изучить состояние религиозности на предприятии. Тогда были выявлены 182 верующих, выяснили, что состав их неоднороден по вероисповеданию, полу, возрасту и образованию. Основная группа (около 60 %) – православного вероисповедания, 17 % – мусульмане, остальные сектанты, главным образом, меннониты. В возрастном отношении основная часть верующих (70 %) старше 40 лет. Более 75 % верующих имели образование до 9 классов, 80 % из них были заняты неквалифицированным трудом. Результаты исследований позволяли устанавливать такие отношения с верующими, чтобы знать характер его веры, степень его убежденности, бытовые условия, его интересы и потребности с целью духовного сближения с верующим и подбор действенных мер для его перевоспитания.

Пропагандист становился связывающим звеном между верующим и коллективом. Так, В. С. Пикалов считал, что лучший приём в работе с верующими – беседы о противоречиях Библии. Именно так он начал работу с плотником цеха верующим К. Фирягиным. Чтобы добиться результатов, сначала сам атеист основательно познакомился с Библией и критическими работами. Затем он начал вступать в спор с Фирягиным, раскрывать противоречия Библии. Кроме него, совместными усилиями удалось «отнять у церкви» плотника цеха Рыкова и его жену, оператора Ярных, слесаря Карпова и др.⁴² Вся ответственность за проведение индивидуальной работы с верующими возлагалась на коллектив. Так, комсомолка Т. А. Шерстобитова, работавшая в 16 отделе завода им. Масленникова Октябрьского района Куйбышевской области, заявила, что мать окрестила ребенка без ее ведома. На заседании комитета комсомола завода – за проявленное равнодушие к крещению ребенка ей был объявлен строгий выговор с занесением в личное дело⁴³.

16 июля 1971 г. ЦК КПСС принял постановление «Об усилении атеистического воспитания населения», в котором отмечалось, что в некоторых областях идеологические учреждения ослабили внимание к научно-атеистической пропаганде, имелись упущения в атеистическом воспитании школьников

и студентов. Перед партийными органами, культурно-просветительными учреждениями, обществом «Знание», средствами массовой информации ставились задачи по активизации атеистической работы.

По-прежнему объектом пристального внимания в атеистической пропаганде оставалась женщина-мать. Так, на Орском мясоконсервном комбинате Оренбургской области был создан совет атеиста, который возглавил коммунист Л. В. Зайцев. Члены совета держали на учете женщин, готовящихся стать матерями, беседовали с ними, выясняли их отношение к обряду крещения детей, посещали их на дому, покупали сувениры, дарили детские игрушки⁴⁴. Аналогичная практика индивидуальной работы с женщинами, готовящимся стать матерями, сложилась на станкостроительном заводе⁴⁵. Большую роль стали играть женсоветы, которые проводили беседы для домохозяек, читали лекции в красных уголках при домоуправлениях, пробуждая интерес к светской жизни, помогая им включиться в активную общественную жизнь. Здесь, как правило, работали женщины-энтузиасты, которые всё свободное время уделяли работе с женщинами и детьми по месту жительства. Например, женсовет при домоуправлении треста «Челябметаллургстрой» организовали для женщин кружки текущей политики, кройки и шитья, более 500 женщин-домохозяек были вовлечены в общество Красного Креста⁴⁶. При участии женсоветов в школах № 4 и 5 г. Отрадного Куйбышевской области были созданы атеистические секции, за учащимися из семей верующих были закреплены кураторы⁴⁷. Преподаватель фармацевтического училища г. Челябинска Е. И. Арнаутова после бесед с Екатериной Б., находившаяся под влиянием своей матери-сектантки, отказалась идти у неё на поводу и вступила в ряды ВЛКСМ⁴⁸. В средней школе № 47 г. Челябинска активно действовал клуб юного атеиста, куда вовлекались учащиеся разных возрастов. Для них читались лекции антирелигиозной направленности, а в течение года работали выставки: «Марксизм-ленинизм о роли науки и религии», «Наука и религия о строении Вселенной», «Происхождение жизни и человека», «Медицина и религия», «Церковь и войны».

Один из основных факторов, обеспечивающих успех в атеистической работе – это удачный подбор пропагандистов. С 1970 г.

при Курском райкоме партии г. Челябинска работали курсы научного атеизма, которые посещали люди, ответственные за атеистическую работу на предприятиях и в учреждениях. Совет научного атеизма возглавил активный пропагандист И. С. Мисник. А с 1976 г. активно работала школа идеологического актива, а в ней секция научного атеизма. Перед активистами выступали кандидат педагогических наук М. Е. Дуранов, старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма пединститута В. М. Рябиков, кандидат философских наук, доцент А. Т. Кирсанов, лекторы планетария, члены общества «Знание», врачи⁴⁹. В с. М. Малышенка Кинельского района Куйбышевской области действовала школа атеистов в составе 30 человек, которой руководила опытный лектор пенсионерка М. В. Петрова. В результате проделанной работы удалось убедить снять иконы в 20 из 45 семьях коммунистов⁵⁰.

Однако не всегда атеистическая пропаганда давала положительные результаты. Так, в 1977 г. В. В. Ерешкин, председатель научно-методического совета по пропаганде марксистско-ленинской философии и научного атеизма Каргапольской районной организации общества «Знание» Курганской области, отмечал, что «...первичные организации общества “Знание” крайне слабо участвовали в проведении индивидуальной работы с верующими, неудовлетворительно руководили деятельностью районной методической секции по пропаганде научного атеизма»⁵¹.

Между тем, повсеместно наблюдался рост религиозной обрядности. Так, в Челябинской области с 1976 по 1980 г. обрядность крещения увеличилась с 4246 до 5185⁵². Аналогичная ситуация сложилась в Оренбургской области, где рост составил с 4101 до 4635⁵³. В Курганской области – соответственно 1288 и 1928⁵⁴, а в Куйбышевской области – 9712 и 12916⁵⁵.

Поскольку усилия партийных и государственных органов в борьбе с религией не привели к уменьшению религиозности населения, ЦК КПСС вынужден был принять ряд постановлений («О дальнейшем улучшении идеологической политико-воспитательной работы» от 26 апреля 1979 г. и «Об усилении атеистического воспитания» от 22 сентября 1981 г.). ЦК особо обратил внимание на необходимость усиления атеистического воспитания и обязал партийные организации всех

уровней принять неотложные меры по их выполнению.

В феврале 1982 г. Курганский обком КПСС принял постановление «О мерах по усилению пропаганды медико-атеистических знаний среди населения Курганской области» и разработал комплекс мероприятий по его реализации. Планировалось создание советов по научному атеизму, уголков атеиста, чтение лекций и проведение бесед, усиление мировоззренческой направленности преподавания и воспитания студентов и учащихся и т. д. Ответственность за выполнение данного постановления возлагалась на местную власть, отделы народного образования, здравоохранения, культуры, общество «Знание» и др.⁵⁶

2 марта 1982 г. аналогичное постановление вышло по Челябинской области. Областной Дом санитарного просвещения и Челябинский государственный медицинский институт обязали подготовить методические комплексы. Вопросы медико-атеистического воспитания были включены в программы народных университетов здоровья, лекториев медицинских знаний, школ матерей при женских консультациях и родильных домах. В городах Магнитогорске, Копейске, Каргалах, Троицке, Усть-Катаве, Еманжелинске, Карталинском, Сосновском районах были проведены атеистические семинары для работников культуры, народного образования, санитарного просвещения, врачей-лекторов. В Златоусте, Миассе, Пласте, Троицке учреждения культуры совместно с обществом «Знание» организовали работу лекториев «Религиозные суеверия и их вред», «Свобода совести и их последовательное осуществление в СССР». При областном телевидении ежеквартально транслировалась программа «Для верующих и неверующих»⁵⁷.

В 1986 г. на XXVII съезде КПСС в условиях начавшейся перестройки общества еще по инерции был поднят вопрос об усилении идеологической работы партии. В новой редакции Программы КПСС, принятой на съезде, индивидуальная работа с верующими продолжала рассматриваться как важнейшая форма атеистического воспитания в формировании гармонично развитой личности⁵⁸. Следует отметить, что партия уже буквально топталась на месте и не могла добиться решительного повышения уровня жизни населения. XIX партийная конференция КПСС (июнь-июль 1988 г.), состоявшаяся на фоне

набиравшего силу кризиса доверия людей к партии в целом, явилась началом конца длительного пути существования КПСС, а вся ее атеистическая работа сошла на нет.

Таким образом, в результате предпринимаемых партий во второй половине 1950-х – 1960-е гг. попыток по активизации индивидуальной работы с верующими удалось достичь кратковременных успехов. Вместе с тем, бессистемность в индивидуальной работе с различными категориями верующих, нехватка квалифицированных лекторов-атеистов, отсутствие регулярности в проведении индивидуальной работы с верующими и её формальный характер, отсутствие дифференцированного подхода в работе по месту жительства, недостаток целенаправленного действия атеистического воспитания в семье, детском саду, школе, профтехучилище, вузе, трудовом коллективе сделали эти усилия бесперспективными.

Примечания

¹ 28 января 1991 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР город Куйбышев был переименован в Самару, а область, соответственно, в Самарскую. Оренбургская область граничит с Самарской, и обе входят в Приволжский федеральный округ.

² Куляков, С. Н. О преодолении церковных пережитков в СССР. М. : Мысль, 1958. 167 с.

³ Крупницкий, Г. П. Государство и религия. Сталинград : Обл. книж. изд-во, 1959. 156 с.

⁴ Индивидуальная работа с верующими. М. : Мысль, 1967. 215 с.

⁵ Писманик, М. Г. Личность и религия. М. : Наука, 1976. 151 с.

⁶ Писманик, М. Г. Индивидуальная религиозность и её преодоление. М. : Мысль, 1984. 205 с.

⁷ См.: Москаленко, А. Т. Микросреда верующего и атеистическое воспитание / А. Т. Москаленко, А. А. Чечулин. Новосибирск : Наука, 1979. 222 с.

⁸ Попова, М. А. Критика приемов и методов конкретно-социологических исследований в американской психологии религии // Конкретно-социологическое изучение состояние религиозности и опыта атеистического воспитания. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 182–190.

⁹ Зуев, В. П. Социологические исследования на службе индивидуальной работы с верую-

щими / В. П. Зуев, В. Г. Пивоваров // Индивидуальная работа с верующими. М. : Мысль, 1967. С. 47–62.

¹⁰ Кирбятъев, С. С. В походе – атеисты. Оренбург : Оренбург. книж. изд-во, 1964. 40 с.

¹¹ Рабинович, Я. В. Музыка в атеистическом воспитании студенчества // Будни атеистов. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1973. С. 63–70.

¹² Габдулгафарова, И. М. Из опыта антирелигиозной работы // Будни атеистов. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1973. С. 71–79.

¹³ Сухоручкина, Н. Д. Ищем новые формы работы // Будни атеистов. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1973. С. 24–33.

¹⁴ Орлова, Л. Т. Воспитатель – трудовой коллектив // Будни атеистов. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1973. С. 34–43.

¹⁵ Атеисты за работой. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1985. С. 120.

¹⁶ О религии и церкви : сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М. : Политиздат, 1981. С. 72.

¹⁷ Там же. С. 77.

¹⁸ Государственное учреждение «Объединённый государственный архив Челябинской области» (далее ГУ ОГАЧО). Ф. П-9. Оп. 13. Д. 48. Л. 122.

¹⁹ Государственное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области» (далее ГУСО ЦГА-СО). Ф. 1007. Оп. 1. Д. 57. Л. 18–19.

²⁰ Государственное учреждение Самарской области «Самарской областной архив социально-политической истории» (далее ГУСО СОГАСПИ). Ф. 714. Оп. 1. Д. 2155. Л. 23–24, 128.

²¹ Государственное учреждение «Государственный архив Оренбургской области» (далее ГУ ГАОО). Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 387. Л. 44.

²² Государственное учреждение «Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (далее ГУ ГАОПДКО) Ф. 6557. Оп. 9. Д. 15. Л. 15.

²³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях. Т. 9. М. : Политиздат, 1986. С. 502.

²⁴ ГУ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 390. Л. 37.

²⁵ Церковная «двадцатка» – это группа верующих, составляющая основу религиозной общины. Чтобы община могла получить в пользование храм, пригласить священника который мог бы начать богослужения, она должна

- была представить в местные органы список не менее 20 своих членов.
- ²⁶ ГУ ОГАЧО. Ф. 1007. Оп. 1. Д. 57. Л. 18–19.
- ²⁷ ГУ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 390. Л. 32; ГУ ГАОПДКО. Ф. 6557. Оп. 9. Д. 15. Л. 40.
- ²⁸ Государственное учреждение «Государственный архив Курганской области (далее ГУ ГАКО). Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 103. Л. 128.
- ²⁹ ГУ ГАКО. Ф. 166. Оп. 294. Д. 346. Л. 47.
- ³⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 6991. Оп. За. Д. 1667. Л. 41.
- ³¹ ГУ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 24. Д. 147. Л. 133.
- ³² Материалы XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М. : Политиздат, 1961. С. 412.
- ³³ ГУСО СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 2283. Л. 174, 146.
- ³⁴ О религии и церкви: сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма... М. : Политиздат, 1981. С. 82–89.
- ³⁵ Василенко, Г. Д. Свобода совести и законодательство о культах // Будни атеистов. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1973. С. 12.
- ³⁶ ГУСО СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 145. Д. 182. Л. 12–13; Оп. 159. Д. 128. Л. 27.
- ³⁷ ГУ ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 27. Д. 39. Л. 2; ГУ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 387. Л. 16.
- ³⁸ Бородин, И. Почему я отрекаюсь от сана священника // Юж. Урал. 1960. 24 февр.
- ³⁹ Меньшиков, К. Я отказываюсь от религии // Совет. Зауралье. 1960. 22 дек.
- ⁴⁰ ГУ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 387. Л. 44.
- ⁴¹ ГУСО СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 145. Д. 182. Л. 27, 31.
- ⁴² Орлова, Л. Т. Воспитатель – трудовой коллектив // Будни атеистов. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1973. С. 40–41.
- ⁴³ ГУСО СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 159. Д. 128. Л. 27.
- ⁴⁴ Сухорукова, Н. Д. Ищем новые формы работы // Будни атеистов. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1973. С. 25.
- ⁴⁵ Тиминская, М. Важный участок идеологической работы // Вечер. Челябинск. 1976. 9 сент.
- ⁴⁶ Атеисты за работой. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1985. С. 84.
- ⁴⁷ ГУСО СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 150. Д. 75. Л. 41.
- ⁴⁸ Габдулгафарова, И. М. Из опыта антирелигиозной пропаганды // Будни атеистов. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1973. С. 74.
- ⁴⁹ Тиминская, М. Важный участок идеологической работы // Вечер. Челябинск. 1976. 9 сент.
- ⁵⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф. 4187. Оп. 1. Д. 28. Л. 33.
- ⁵¹ ГУ ГАКО. Ф. Р-1705. Оп. 1. Д. 919. Л. 60.
- ⁵² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2122. Л. 26.
- ⁵³ ГУ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 420. Л. 2.
- ⁵⁴ ГУ ГАКО. Ф. Р-1541. Оп. 8. Д. 3561. Л. 164–165.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2446. Л. 31; ГУСО ЦГАСО. Ф. 3219. Оп. 2. Д. 23. Л. 1.
- ⁵⁶ ГУ ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 109. Д. 19. Л. 78–80.
- ⁵⁷ ГУ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 198. Д. 143. Л. 105–107.
- ⁵⁸ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М. : Политиздат, 1986. С. 87.

Л. С. Евдокимова

ПРОЦЕСС ВОЗВРАЩЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ИМУЩЕСТВА КУЛЬТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ В РОССИИ (КОНЕЦ 80-х – НАЧАЛО 90-х ГОДОВ XX ВЕКА)

Статья посвящена актуальной проблеме, которую до сих пор нельзя назвать до конца решенной, – возвращению верующим церковных ценностей. На основе архивных документов рассматривается начальный этап этого процесса, показавший неприменимость поспешных мероприятий и необходимость установить единый порядок передачи на всей территории России.

Ключевые слова: имущество культового назначения, Комитет по свободе совести, российское христианско-демократическое движение, Русская православная церковь, Русская православная церковь за границей, государственно-церковные отношения.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в связи с изменением государственной политики в отношении религиозных организаций, возрастанием их роли и присутствия в жизни государства и общества обозначилась проблема возвращения имущества культового назначения. После десятилетий гонений на церковь в вопросе об ее имуществе проявилась другая крайность – стремление «одарить» церковь. Народные депутаты СССР поставили вопрос о возвращении верующим всех без исключения культовых зданий, даже соборов Московского Кремля¹. Однако этот вопрос оказалась непростым делом.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. только начинало складываться новое законодательство о религиозных организациях, еще не была проработана процедура передачи церковных ценностей верующим. В этих условиях судьба каждого конкретного храмового здания зависела от многих субъективных факторов, связанных с позицией центральных и местных властей, политической конъюнктурой. Можно говорить о стихийности начального этапа передачи. Это оказалось особенно актуально для двух челябинских православных строений.

22 февраля 1990 г. Совет по делам религий при Совете Министров СССР принял решение освободить здание Свято-Троицкой церкви, занимаемое Челябинским областным краеведческим музеем с 1929 г., и передать его верующим. У музея было отнято и здание мечети. Выставочные залы и фонды музея были размещены на первых этажах жилых зданий, тесных и аварийных. По воспоминанию директора музея А. Г. Савченко, в то

время, в преддверии очередных выборов в центральные и местные органы власти, была очень сложная политическая обстановка, шла борьба за голоса населения, в том числе верующего, поэтому передача храма являлась козырем в этой борьбе.

В то же время в другом бывшем православном храме святого благоверного князя Александра Невского был установлен католический орган и организован зал камерной и органной музыки. Верующие неоднократно обращались в Комитет по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности с просьбой вернуть храму исконное назначение, были поддержаны Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II. Комиссия Комитета, выезжавшая в Челябинск, сделала вывод, что реконструкция храмового здания не была согласована с органами охраны памятников и нарушает эстетику и традиционный облик здания. Однако, несмотря на предложения Председателя Верховного Совета РФ Р. И. Хасбулатова, вице-президента России А. В. Руцкого, Комитета по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности о поэтапном освобождении здания храма для совершения богослужений, оно осталось учреждением культуры. Глава областной администрации В. П. Соловьев отказался принять представителей комиссии Верховного Совета России. Вопрос о судьбе данного храмового здания открыт до сих пор².

Формирование нового законодательства в сфере государственно-церковных отношений в России было возложено на Комитет

Верховного Совета по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности (позже переименованный в Комитет по свободе совести и связям с общественными, религиозными и благотворительными организациями). Комитет возглавлял христианский демократ, священник В. С. Полосин, сопредседатель Российского христианско-демократического движения. По его свидетельству, в новый комитет вошли семь народных депутатов РСФСР, представляющие Движение или его поддерживающие, что «позволило сосредоточить все рычаги влияния комитета в Российском христианско-демократическом движении»³.

Следует отметить единодушие конкурирующих христианско-демократических организаций в вопросе возвращения имущества культового назначения. Программы Российского христианско-демократического движения и Христианско-демократического союза России требовали вернуть верующим все ранее отобранные здания храмов и монастырей, другое культовое имущество⁴. Государство, по мнению христианских демократов, должно помочь в восстановлении разрушенных храмов и монастырей, чтобы частично возместить ущерб, нанесенный религиозным организациям (об этом говорила и программа Российской христианско-демократической партии)⁵. Этой позиции до сих пор придерживается бывший лидер Российского христианско-демократического движения и член Комитета по свободе совести В. В. Аксютин⁶.

Подготовленный Комитетом по свободе совести Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» предусматривал, что религиозные организации могут иметь в собственности имущество, передаваемое государством. Таким образом, исполнительная власть получила законное право передавать храмы и культовое имущество в полную собственность верующих.

После принятия Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г. Комитет по свободе совести приступил к разработке проекта закона «О денационализации зданий и предметов, предназначенных специально для религиозных целей»⁷. По этому проекту признавалось право собственности религиозных объединений на здания и предметы, конфискованные по Декрету СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы»

от 23 января 1918 г. и Постановления ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1924 г. Однако религиозные объединения лишались права купли-продажи. Право собственности предоставлялось зарегистрированным религиозным объединениям, которые пользовались этим имуществом, если ранее это имущество принадлежало представителям той же конфессии. Предполагалось, что решать вопросы правопреемства будет суд. Исключение проект делал только для уникальных историко-культурных и архитектурных памятников⁷.

Однако провести столь радикальный законопроект христианским демократам не удалось, тем более что уже существующая практика передачи культовых ценностей выявила ряд трудностей.

Комитету по свободе совести неоднократно приходилось решать споры о правопреемстве культового имущества. Одним из таких конфликтов стал спор Русской православной церкви и Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) за влияние на православное население России. Возмущение Архиерейского Синода РПЦЗ вызвала передача православных храмов Московскому Патриархату, о чем был направлен протест Президенту Б. Н. Ельцину. РПЦЗ требовала передавать храмы конкретным общинам верующих, независимо от их юрисдикции⁸. Летом 1991 г. Комитет по свободе совести уведомил Президента РСФСР Б. Н. Ельцина о том, что РПЦЗ фактически провоцирует «войну приходов» в России и не желает мирных переговоров с властями. В качестве решения проблемы Комитет предлагал привлечь пристальное внимание регистрирующих и правоохранительных органов к этой организации⁹.

Деликатность ситуации заключалась в том, что председателем Комитета по свободе совести, игравшего важную роль в реформировании церковно-государственных отношений, являлся штатный священник Русской православной церкви, который надеялся в Комитете по свободе совести «послужить на благо Святой Церкви», и в ряде писем Патриарху Алексию II подписывался «Вашего Святейшества недостойный послушник» или «Вашего Святейшества смиренный послушник»¹⁰. Обвинения в нарушении равенства конфессий перед законом, заставили В. С. Полосина обратиться к Патриарху Алексию II с просьбой разрешить ему на вре-

мя исполнения государственно-церковных функций перейти за штат¹¹.

Один из членов Российского христианско-демократического движения В. В. Борщев, возглавляя Постоянную Комиссию по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности Московского городского совета народных депутатов также столкнулся с проблемой установления правопреемственности религиозных организаций, претендующих на одно помещение. Например, на здание собора Святых Петра и Павла, исторически принадлежавших Московской консистории Лютеранской церкви России претендовали в 1991 г. Евангелическо-Лютеранская церковь России и Немецкая Евангелическо-Лютеранская церковь в СССР¹².

В Комитет по свободе совести поступало множество писем от верующих, религиозных общин, священнослужителей с просьбой посодействовать в передаче бывших культовых зданий. Комитету приходилось своим вмешательством пытаться ускорить передачу отдельных храмов верующим – например, собор Святого Александра Невского в Свердловске, флигель церковно-усадебного комплекса, принадлежащего 17 наркологической больнице Москвы, церковь Александра Невского в Кургане¹³. Комитет по свободе совести хлопотал о передаче храма св. Марона в Москве общине ливанских христиан – маронитов¹⁴. В. В. Борщев от имени Комиссии по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности Московского городского совета народных депутатов ходатайствовал о возвращении общине костела св. Людовика домов по Малой Лубянке, занимаемых Управлением КГБ СССР по г. Москве и Московской области¹⁵. 6 мая настоятель храма св. Людовика отец Пранас Рачюнас просил В. В. Борщева содействовать в получении помещения по адресу ул. Мархлевского, 8, строение 1, необходимого для приходской школы, культурного центра и службы социальной помощи малоимущим¹⁶. 11 мая Епископ Москвы и Европейской части России архиепископ Тадеуш Кондрусевич просил уже В. С. Полосина как Председателя Комитета по свободе совести содействовать возвращению храму св. Людовика принадлежавших ему ранее двух зданий по ул. Мархлевского и двух – по ул. Лубянка, находящихся на балансе КГБ¹⁷.

Поступали в Комитет по свободе совести и обращения другой стороны – светских учреж-

дений, размещенных в культовых зданиях и хранящих культовые предметы. Например, директор Российской государственной библиотеки И. С. Филиппов, на балансе которой в 1992 г. находились 2 церковных здания, просил предоставить равноценное помещение для обменно-резервного фонда вместо передаваемой верующим церкви св. Климента Римского и предлагал режим совместного использования церкви св. Николая, где расположится музей библиотеки¹⁸. Руководители крупнейших музеев России призывали Русскую православную церковь проявить ответственность, а властные структуры – отказаться от раздачи музейных собраний ради получения поддержки церкви в политической борьбе¹⁹. Довольно часто в культовых зданиях размещались музеи. В Комитете по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности называлась такая цифра: 70 % музеев России располагались в культовых зданиях. Возврат этих помещений религиозным организациям означал катастрофу для музейной сферы страны. Из бывших церковных и монастырских зданий фактически на улицу выселялись десятки музеев, реставрационных мастерских.

В феврале – мае 1991 г. Комитет по свободе совести работал над проектом Постановления Верховного Совета «О возвращении верующим имущества религиозного назначения». Однако после избрания Президента России было признано целесообразным принять по этому вопросу Указ Президента²⁰. Одним из первых юридических документов, инициирующим передачу верующим культовых ценностей, стало Распоряжение Президента РФ от 23 апреля 1993 г. В нем на Правительство РФ возлагалось осуществление поэтапной передачи имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности, в собственность или пользование религиозным организациям, по возможности учитывающая интересы культуры и науки.

К 15 июля 1993 г. при участии Комитета по свободе совести было передано или поэтапно передавалось религиозным объединениям 179 культовых и других зданий, большинство из которых отошло Русской православной церкви²¹. Храмы, передаваемые религиозным организациям, восстанавливались за счет средств федерального бюджета, если считались объектом культурного наследия народов России. На эти цели законом Российской Федерации «О

бюджетной системе Российской Федерации на 1993 год» статьей 12 предусматривались 3 млрд. р. Контроль возлагался на Комитет Верховного Совета РФ по свободе совести и связям с общественными, религиозными и благотворительными организациями и на Комиссию Совета Республики по бюджету, планам, налогам и ценам²².

Таким образом, уже первый опыт возвращения верующим религиозных ценностей показал, что решение этого вопроса не терпит крайностей. Обозначилась необходимость установить единый порядок передачи на всей территории России, что стало причиной появления Распоряжения Президента РФ от 23 апреля 1993 г. и последующих нормативно-правовых актов. Законодательный механизм передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в собственности государства, совершенствуется до сих пор. При этом большинство возвращенных православных храмов и культовых зданий других религий остаются юридически государственной собственностью, предоставленной общинам верующих в безвозмездное пользование. Современное законодательство устанавливает лишь право, но не обязанность компетентных органов удовлетворить конкретное ходатайство религиозной организации о передаче культового здания или иного имущества религиозного назначения. Не решена судьба культовых зданий, занимаемых нерелигиозными организациями, в том числе учреждениями культуры.

Примечания

¹ Опыт возврата имущества культового назначения, хранящегося в музеях, наша страна уже имела. Во время Великой Отечественной войны началось директивное возрождение церкви как основы национального единства, выразительницы вековых русских традиций. 1943–1948 гг. стали периодом поощрения религиозности, не отменявшим между тем закона о положении церкви 1929 г. В 1944 г.

было принято Постановление СНК СССР от 30 июля 1944 г. за № 811, согласно которому национализированное имущество подлежало передаче в бессрочное, бесплатное пользование зарегистрированным религиозным общинам. Руководствуясь этим Постановлением, Челябинский областной краеведческий музей 6 сентября 1946 г. передал церкви Рождества Богородицы иконы, кресты, хоругви, богослужебные книги из фондов музея. Однако период религиозного возрождения оказался недолгим. Церковь Рождества Богородицы была разрушена в 1960 г., и судьба музейных ценностей осталась неизвестной (ОГАЧО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 400. Л. 5).

² ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 3117. Л. 45–46.

³ Али, В. Полосин. Замыслы и их реализация // Независимая газета – Религии. 2000. 12 апр. С. 4.

⁴ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 3116. Л. 7; Программа Христианско-Демократического Союза России // Вестн. христиан. демократии. 1992. № 2(30). С. 8.

⁵ Основные положения программы Российской Христианско-демократической партии // Рос. газ. 2002. 15 июня.

⁶ Авторское интервью с В. В. Аксючицем 26.05.2007 г.

⁷ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 3088. Л. 3–4.

⁸ Там же. Д. 3117. Л. 30–31.

⁹ Там же. Л. 3–4.

¹⁰ Там же. Д. 3124. Л. 14, 161, 162.

¹¹ Там же. Л. 162.

¹² Д. 3111. Л. 21–23.

¹³ Там же. Л. 118, 194, 225, 229; Д. 3119. Л. 9.

¹⁴ Там же. Д. 3117. Л. 33–36.

¹⁵ Там же. Д. 3121. Л. 3–4.

¹⁶ Там же. Д. 3124. Л. 104.

¹⁷ Там же. Л. 108.

¹⁸ Там же. Д. 3122. Л. 64–67.

¹⁹ Там же. Д. 3102. Л. 68–71.

²⁰ Там же. Д. 3172. Л. 93.

²¹ Там же. Д. 3111. Л. 8.

²² Там же. Д. 3118. Л. 17–24.

РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

А. Р. Хабибуллина

РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЯЗЫКА В 1990-е – НАЧАЛЕ 2000-х ГОДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Родной язык – это один из главных компонентов этнической культуры, уровень сохранности которого является одним из показателей уровня культуры межнациональных отношений. Сохранение и развитие родных языков и национальных культур в Башкирии, современная государственная национальная политика – факторы сохранения этнической идентичности населения. Язык рассматривается как фрагмент социально-культурного пространства и как часть межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: языковая политика, межкультурная коммуникация, национальное образование, родные языки, национальная культура, национальная печать, этническое самознание, национальная политика.

Для Республики Башкортостан вопросы языковой политики имеют особое значение. Башкортостан является наиболее крупной в Российской Федерации республикой по численности населения (более 4 млн.) и уникальным регионом по многообразию представленных в ней этносов, культур, языков. Сегодня здесь живут представители более 130 национальностей. Наиболее многочисленны русские, башкиры, татары, чувашаи, марийцы, украинцы, мордва, удмурты. Имеется компактное проживание немцев, латышей, белорусов, казахов, украинцев.

Полиэтнический характер Республики Башкортостан обуславливает естественное многоязычие на бытовом и официально-государственном уровнях. Однако язык рассматривается нами не как имманентная знаковая система, а как фрагмент социально-культурного пространства, основными компонентами которого выступают человек как языковое существо, языковые сообщества, семиотическая система языка, тексты и т. д., то есть совокупность «превращенных форм» феномена «язык». Язык как составляющая часть культуры и культура как таковая образуют социальное пространство. Такой подход соответствует современным антропоцентрическим и онтологическим концепциям языка.

В аспекте изучения этнических процессов также важен вопрос о родном языке, который является одним из главных компонентов этнической культуры. Общение на одном языке внутри семьи, внутри конкретной этнической

группы во многом способствует сохранению и других элементов этнической культуры.

Проведение целенаправленной национальной, в том числе и языковой политики, требует создания соответствующей правовой базы. Стратегические задачи обозначены в Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Башкортостан. В республике принят ряд законов и нормативно-правовых актов, регулирующих различные аспекты национальных отношений, предусматривающих конкретные механизмы реализации конституционных прав граждан на сохранение и свободное развитие языков, национальных культур и т. д. Это законы «О культуре»¹, «Об образовании»², «О национально-культурных объединениях»³. Значительным шагом на пути закрепления опыта и достижений республики в области национальной политики стало принятие в 1999 г. закона «О языках народов Республики Башкортостан»⁴. В данном документе закреплена конституционная норма о том, что Республика Башкортостан признает и гарантирует равные права на сохранение и развитие языков всех национальных групп, проживающих на ее территории. Уже само название закона гарантирует защиту всем языкам народов, проживающих на территории Башкортостана. Для сравнения: в Республиках Татарстан и Коми приняты соответствующие законы не о языках народах республик, а о государственных языках народов этих республик, что говорит само за себя.

В целях реализации Закона о языках была

образована и активно и целенаправленно действует соответствующая комиссия при Правительстве Республики Башкортостан. Подобные же комиссии были созданы при администрациях всех городов и районов республики.

Необходимо признать, что во всех остальных случаях закон декларировал широкое использование всех языков, в том числе в сфере государственной жизни, поддержку их со стороны государства.

Созданная в республике правовая база постоянно подкрепляется планомерными научными разработками. Одобрены постановлениями Правительства Республики Башкортостан государственные программы «Возрождение и развитие башкирского народа»⁵, «Сохранение, изучение и развитие языков народов Республики Башкортостан на 2006–2010 гг.»⁶, «Народы Башкортостана» на 2003–2012 гг.⁷ и «Программа по изучению, возрождению и развитию фольклора народов Республики Башкортостан»⁸. Эти программы включают в себя систему мер, направленных на поддержку и развитие социальной, экономической, духовной, культурной жизни народов Республики Башкортостан.

Серьезное отношение к вопросам сохранения и развития родных языков и национальных культур в Башкортостане является традиционным.

В качестве примера приведем формирование языкового пространства в Республике Башкортостан. Принято различать три периода в формировании многоязычного пространства РБ, делая акцент на развитии языка титульной нации, государственного башкирского языка.

Следует отметить, что предпосылки возникновения и историко-педагогическая периодизация развития национальной школы в разные общественно-исторические периоды становления Башкортостана занимают немалое место в истории отечественного образования. Известный национальный просветитель Риза Фахретдинов считал, что история исламских школ на Южном Урале начинается с XVI в.⁹ На переломной грани XIX–XX вв. в Уфимской губернии насчитывалось 1579 мектебов. Наиболее крупными и известными мусульманскими новометодными учебными заведениями в Башкирии были признаны Стерлибашевское медресе, в Уфе – медресе «Усмания» и «Галия»¹⁰. Интересно, что еще в 1911 г. английский журнал “The Moslem

World” («Мусульманский мир»), анализируя учебные планы некоторых мусульманских медресе Урало-Поволжья, отметил, что они сходны с учебными планами классических гимназий, где место латинского и греческого языка занимают арабский и персидский¹¹.

Первый этап охватывает 20–30-е гг. XX в. Башкирский язык был введен в делопроизводство государственных учреждений, в сферы образования, печати и книгоиздательства, была проведена реформа башкирской письменности. Был обновлен башкирский литературный язык, началась подготовка специалистов, владеющих башкирским и русским языками. В то же время не обделялись вниманием и представители других народов республики. Принятием конкретных мер по проведению в жизнь постановлений правительства по языковому вопросу и контролем их исполнения занималась Центральная комиссия по реализации башкирского языка. Башкирское правительство, осуществляя национальную политику, старалось соблюдать права всех народов, населяющих республику. В местах контактного проживания чувашей, марийцев, мордвы, немцев, латышей и т. д. внутреннее делопроизводство разрешалось вести на языке, на котором говорит большинство населения.

Второй период охватывает 50–80-е гг., когда больше внимания стало уделяться изучению и развитию основ нерусских языков, нежели их функциональному развитию.

С середины 80-х гг. XX в. возрождение национальных культур и языков снова становится актуальным. Ответственность за осуществление данного процесса взяли на себя в основном общественно-культурные центры, созданные в начале 90-х гг., а также государственные органы. В республике была принята Государственная программа «Народы Башкортостана» на 2003–2012 гг.; сформирована законодательно-правовая база, призванная удовлетворять этнокультурные потребности народов и регулировать стабильность этносоциальных процессов (законы «Об обеспечении свободы деятельности общественных организаций в Республике Башкортостан»; «О национально-культурных объединениях граждан в РБ» и т. д.). Широким фронтом развернулась работа по изучению, возрождению и развитию фольклора народов Башкортостана, активизировалась научно-исследовательская работа по культурно-языковым проблемам, регулярно начали проводиться научные, научно-

практические конференции на региональном, всероссийском и международном уровнях.

Особенностью современной языковой ситуации в РБ можно считать активизацию интеграционных процессов, в которых значительную роль играл Республиканский центр национальных культур «Дружба», созданный в 1996 г. При поддержке государства в 2000 г. был создан Совет Ассамблеи народов Башкортостана, как правопреемник РЦНК «Дружба». Сегодня Ассамблея народов Башкортостана объединяет более 60 республиканских национально-культурных общественных организаций. Указами Президента РБ М. Г. Рахимова было создано 14 историко-культурных центров (башкирский, русский, татарский, чувашский, украинский, марийский, немецкий, латышский, белорусский и др.).

В области образования действует комплекс целевых республиканских программ, в том числе Президентская программа «Дети Республики Башкортостан». С 2005 г. реализуется Концепция национального образования и принципов изучения родных языков в Республике Башкортостан, отражающая устойчивое понимание места и роли национальной школы в поликультурном открытом мире и направленная на формирование толерантной личности.

Основные задачи поликультурного образования:

- формирование у учащихся знаний об исторических формах и методах взаимопонимания, взаимообогащения и взаимодействия культур;
- изучение языковых и этнических особенностей культур народов Башкортостана, России и мира;
- развитие толерантного отношения и межъязыковой коммуникации с носителями различных культур и вероисповеданий;
- воспитание в духе мира и высокой культуры межнациональных отношений.

Сегодня в Башкортостане создана уникальная система национального образования: в школах республики организовано изучение 14 родных языков: башкирского, русского, татарского, чувашского, марийского, удмуртского, мордовского, немецкого, украинского, белорусского, латышского, иврит, польского и армянского. В школах со смешанным национальным составом организовано изучение нескольких родных языков в параллельных группах в рамках одного класса. Для сравнения в 1990 г. в республиканской системе образования было

представлено всего 7 языков.

Сегодня в 1427 общеобразовательных учреждениях обучение ведется на родном языке. Действуют национальные школы: башкирские (932), татарские (420), чувашские (28), марийские (105), удмуртские (22). В 2008–2009 учебном году число нерусских учащихся, изучающих свой родной язык, увеличилось и составило более 73 %. Для сравнения, в 1995 г. эта цифра составляла лишь чуть более 50 %. Родной язык изучают сегодня 98,9 % учащихся башкирской национальности, 58,8 % – татарской, 54,5 % – чувашской, 63 % – марийской, 64,4 % – удмуртской, 22,3 % – мордовской национальностей.

Укрепляется материально-техническая база преподавания родных языков.

В текущем году в школах республики оборудовано и оснащено современными техническими средствами 3442 кабинета родных языков¹².

В более чем в половине дошкольных образовательных учреждений воспитание организовано на родных языках (башкирском, татарском, чувашском, марийском, удмуртском).

Русский язык изучается в школах Республики Башкортостан как государственный язык (в школах всех типов) и как родной язык русского народа в русских школах, классах и подгруппах.

Школы с русским языком обучения составляют 64,5 % от общего количества школ. В них обучается 84,8 % учащихся республики. Кроме того, 6 образовательным учреждениям республики придан статус «Русской национальной школы».

Свой родной язык изучают две трети учащихся нерусской национальности. Кроме того, в республике функционируют воскресные национальные школы, в том числе: 4 украинских, 2 немецких, 2 чувашских, 2 марийских, татарская, еврейская, польская, армянская.

На протяжении многих лет республика самостоятельно решает проблемы обеспечения кадрами национальных школ. Учителей родных языков по 8 специальностям готовят в вузах республики (по русскому, башкирскому, татарскому, чувашскому, марийскому, немецкому), по 2 (удмуртскому, мордовскому) – в училище. Около 80 % учителей родных языков имеют высшее филологическое образование.

Эти результаты очень показательны отличаются от ситуации в отдельных регионах России. Например, посол Украины в

Российской Федерации Николай Белоблоцкий, выступая на Съезде украинцев Башкортостана в 2001 г., заявил, что из 12 школ с изучением украинского языка в Российской Федерации 9 находятся в Башкортостане, тогда как в Краснодарском и Ставропольском краях, где украинцев насчитывается несколько сот тысяч человек, имеется лишь несколько воскресных школ (в 1930-е гг. там насчитывалось более 1000 украинских школ).

Лишь несколько лет назад в Удмуртии дети начали обучаться на родном удмуртском языке. А в нашей республике в местах компактного проживания удмурты всегда изучали и обучались на родном языке.

В Татарстане проживают 15 тыс. башкир, а изучение языка началось 4 года назад на базе лишь одной школы в г. Набережные Челны, тогда как в Башкортостане татары всегда имели возможность обучаться на родном языке¹³.

То же можно сказать и о Свердловской области, и о ряде других регионов России. Мы знаем, что активисты исполкома курултаев башкир регионов России предпринимали усилия по открытию воскресных школ, но этих мер явно не достаточно.

Или еще пример. Для изучения самобытной культуры марийцев, удмуртов, чувашей, мордвы, проживающих в нашей республике, к нам часто приезжают ученые из Марий-Эл, Удмуртии, Мордовии, Чувашии, Финляндии, Эстонии и с удовлетворением отмечают высокий уровень знаний своего родного языка, истории и культуры этими народами.

Одним из важнейших направлений национально-культурного развития народов Республики Башкортостан является организация библиотечно-информационного обслуживания жителей Республики Башкортостан, которое осуществляется на базе 1780 общедоступных библиотек республики. В том числе созданы 9 базовых библиотек, обслуживающих этнические группы населения республики¹⁴.

В рамках Государственной программы сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан, в целях улучшения организации библиотечно-информационного обслуживания этнических групп населения, проживающего на территории Башкортостана, централизации литературы на языках народов Башкортостана и методического обеспечения данного направления в республике созданы на базе центральных библиотек муниципальных районов и действуют базовые библиотеки:

Чекмагушевский район (татарского населения),

Бижбулякский район (чувашского населения),

Янаульский район (удмуртского населения),

Федоровский район (мордовского населения),

Мишкинский район (марийского населения),

Иглинский район (белорусского населения),

Стерлитамакский район (украинского населения),

Архангельский район (латышского населения).

В каждой из данных библиотек открыты секторы по организации библиотечного обслуживания населения конкретной этнической группы, выделены штатные единицы, утверждены Положения о деятельности базовой библиотеки. Совокупный фонд национальной литературы в библиотеках республики постоянно увеличивается и составил более 5 млн. экз. По величине фонда на языках народов Российской Федерации библиотеки Башкортостана занимают 1 место в России среди сельских библиотек.

Базовой библиотекой по информационно-библиотечному обслуживанию башкирского населения является Национальная библиотека им. А. З. Валиди Республики Башкортостан.

В Уфе, на базе городской библиотеки – филиала централизованной системы массовых библиотек, организована специализированная библиотека «Дружбы народов», которая, по Положению, осуществляет информационно-библиотечное обслуживание и удовлетворение национально-культурных запросов этнических групп населения, проживающих в г. Уфе.

В республике успешно действуют 7 башкирских, 4 русских, 2 татарских государственных театра драмы, государственный театр оперы и балета, 30 филармонических коллективов, в числе которых башкирские, русские, татарские, чувашские и марийские.

Только по линии Министерства культуры и национальной политики РБ в республике работает около 60 народных театров, более 100 народных хоров, вокальных и фольклорных ансамблей: среди них – башкирские, русские, татарские, чувашские, марийские, удмуртские, мордовские, кряшенские, немецкие, украинские, белорусские, латышские.

Особая роль в сохранении многообразия традиционной культуры народов Республики Башкортостан отводится самодеятельному народному творчеству. Народное творчество, в широком смысле слова, является основой каждой национальной культуры, хранителем национального самосознания.

Традиционными стали национальные праздники и фестивали, такие как международный фестиваль башкирской и татарской песни «Ирендек мондары», региональный конкурс исполнителей башкирской песни «Озон кюй», международный конкурс-фестиваль тюркской молодежи «Урал моно», Международный праздник курая, Республиканский фестиваль ансамблей народного танца, фестиваль поэзии трех народов – башкирской, татарской, чувашской – «Илхам шишмэлэре», Международный Аксаковский праздник, Дни славянской письменности и культуры, Республиканский конкурс молодых исполнителей татарской песни «Туган тел», чувашской «Шапчак сасси», марийской «Мурпеледыш», удмуртской «Жужась кизилюс», латышский праздник «Лиго», белорусский «Ивана Купала» и многие другие, основной задачей которых является пропаганда самобытного национального искусства, приобщение широкого круга населения к традициям культуры.

Активно содействуют сохранению и развитию родных языков народов республики средства массовой информации, обеспечивающие гражданам «право свободно искать, получать, передавать, производить, распространять информацию любым законным способом».

В Республике Башкортостан при государственной поддержке республиканские газеты и журналы издаются на 6 языках наиболее многочисленных народов Башкортостана: башкирском, русском, татарском, чувашском, марийском, удмуртском. Кроме того, в районах их компактного проживания выходят районные газеты на родном языке. В 2008 г. выпускалось 566 наименования печатных изданий. В частности, издавалось 11 республиканских, 147 районных, городских и объединенных газет, приложений к газетам общим тиражом 101 млн. 297 тысяч экземпляров и 15 республиканских журналов общим тиражом 1,4 млн. экземпляров.

Для башкирского, русского и татарского населения имеются издания для различной возрастной аудитории читателей: детской, молодежной и взрослой. И это не случайно, учитывая то, что три перечисленных народа

составляют подавляющее большинство населения республики – 90 %. Еще в начале 90-х гг. XX в. в Республике Башкортостан стали издаваться к уже имеющимся изданиям такие республиканские газеты и журналы, как «Омет» («Надежда») на татарском языке – тираж по подписке на 2009 г. 38578 экз., «Урал сасси» («Голос Урала») на чувашском языке (1989 г.) – тираж 4000 экз., «Чолман» («Кама») на марийском языке (1991 г.) – тираж 4328 экз.¹⁵

Для оказания методической помощи редакциям, выпускающим газеты на языках народов республики, проводятся семинары-совещания, круглые столы, на которых рассматриваются проблемы, пути их решения и перспективы развития этих изданий.

С 2002 г. в Башкортостане вещает спутниковое телевидение. Сейчас практически территория всей республики охвачена программами Башкирского республиканского телевидения. В эфир регулярно выходят теле- и радиопередачи на русском, башкирском, татарском и чувашском языках. Периодически выходят программы на других языках народов республики.

Таким образом, можно констатировать, что в Республике Башкортостан для сохранения и развития языков народов делается многое. В то же время над многими вопросами предстоит еще поработать. В первую очередь, это касается качества преподавания родных языков. Не секрет, что качество преподавания родных языков оставляет желать лучшего. Наши дети, если и понимают, то слабо говорят на родном языке, особенно в многонациональной городской среде. И здесь нам должны помочь в первую очередь семья и общественность. Необходимо прилагать всеяческие усилия для повышения привлекательности родного языка и сохранения его. Особенно это касается башкирского языка. Ведь Башкортостан является исторической родиной и единственным в мире государственным образованием, призванным юридически и физически защищать и сохранять башкирский язык и культуру. Поэтому естественным долгом республики является всемерное содействие всестороннему социальному и духовно-культурному развитию башкир, включая башкирскую диаспору.

И насущной задачей как органов государственного и муниципального управления, так и ученых и общественности должно являться изыскание всех возможностей для сохранения башкирского языка и башкирского народа как

этнoса с oсобoй кyльтyрoй и язькoм. Кстaти, нa этy рaбoтy нaцeливaют вce мeждyнaрoднoye дoкyмeнтoв, пoдписaннoye Рoссийскoй Фeдeрaциeй, кaсaющиeся вoпрoсoв язькa и зaщиты прaв нaциoнaльнoй мeньшинств.

He спoсoбствyeт yлyчшeнию рaбoты пo oргaнизaции oбyчeния и изyчeния рoднoй язькoв oтсyтствye в нaших пaспoртax грaфы «нaциoнaльнoсть». Кaким oбрaзoм рyкoвoдствo шкoлы и yчитeлeй смoгyт oпpeдeлить, кaкoмy язькy oбyчaть рeбeнкa, к примeрy, бaшкирскoмy или тaтaрскoмy, бeз yщeрбa для eгo этничнoсти? Нaличe грaфы «нaциoнaльнoсть» пoзвoлилo бы чeлoвeкy мaксимaльнo сaмoидентифицирoвaть сeбe в этничeскoм oтнoшeнии, чтo привeлo бы eгo к oсoзнaнию и вoсприятию сeбe кaк пpeдстaвитeлeя тoй или инoй этничeскoй кyльтyры.

Знaниe нaсeлeниeм свoeгo рoднoгo язькa oзнaчaeт тo, чтo пpeдстaвитeли – нoситeли этoгo язькa – с дeтствa рaзвивaютcя в кoмфoртнoй сpeдe, пoлyчaют вoспитaниe нa oснoвe трaдиций свoeгo нaрoдa и имeют вoзмoжнoсть пoлнoгo рaскрyткa и испoльзoвaния свoих вoзмoжнoстей. Сoвeршeннo oчeвиднo, чтo oвлaдeниe свoим нaциoнaльнoм язькoм, a тaкжe рyсским и инoстрaннoм язькaми oткрывaeт пyть к ширoкoмy oсвoeнию вceх дyхoвнoй бoгaтств рeспyблики, стpaны и чeлoвeчeствa в цeлoм. Oт этoгo выигрывaют и oтдeльныe грaждaнe, и нaрoды, и рeспyбликa.

Рaзвитие и зaщитa нaциoнaльнoй язькoв, в тoм числe бaшкирскoгo, пoдпaдaeт пoд юрисдикциoнy Еврoпeйскoй хaртии рeгиoнaльнoй язькoв, или язькoв мeньшинств, пpинятoй Сoвeтoм Еврoпы 5 нoябрe 1992 г. Рoссийскaя Фeдeрaция пoдписaлa Хaртию 10 мaя 2001 г., нo нe рaтифицирoвaлa ee. В дaннoм дoкyмeнтe идeт рeчь o сoхрaнeнии язькoв рeгиoнaльнoй гpyпп кoрeннoй житeлeй, гoвoрящиx нa инoй язькe, чeм бoльшинствo нaсeлeния. В Рoссийскoй Фeдeрaции и в Рeспyбликe Бaшкoртoстaн бoльшинствo нaсeлeния гoвoрит нa рyсскoм язькe. Сoглaснo дaннoй Хaртии, гoсyдaрствo дoлжнo oбeспeчивaть дoстyпнoсть испoльзoвaния рeгиoнaльнoй язькoв или язькoв мeньшинств кaк в oфициaльнoм дeлoпpoизвoдствe, тaк и нa бытoвoм yрoвнe.

Кoнсyльтaтивнoй кoмитeт пo выпoлнeнию Рaмoчнoй кoнвeнции o зaщитe нaциoнaльнoй мeньшинств в сeнтeбрe 2002 г., сoстaвляя мнeниe o Рoссийскoй Фeдeрaции, oтмeтил с пoлoжитeльнoй стoрoны язькoвyю пoлитикy, пpoвoдимyю в Рeспyбликe Бaшкoртoстaн.

Бoльшyю пoлoжитeльнyю рaбoтy, пpoвoдимyю в Бaшкoртoстaнe в oблaсти язькoвoй пoлитики, oтмeтилo тaкжe yчaстники выeзднoгo зaсeдaния Кoнсyльтaтивнoгo кoмитeтa финнo-yгoрскиx нaрoдoв, пpoвeдeннoгo в фeврeлe 2005 г. в г. Уфe.

В мaртe 2009 г. с цeльo знaкoмствa с рeгиoнoм, aнaлизa oргaнизaции изyчeния рoднoй язькoв в oбрaзoвaтeльнoй yчpeждeнии Рeспyбликe Бaшкoртoстaн пoсeтилa кoмиссия OБСE вo глaвe с Вeрxoвнoм кoмиссaрoм OБСE пo дeлaм нaциoнaльнoй мeньшинств К. Вoллeбeкoм. Вeрxoвнoй кoмиссaр OБСE пo дeлaм нaциoнaльнoй мeньшинств пoдчeркнyл, чтo сoвeршeннo рeaлиe пoкaзывaют, чтo вoйнy и кoнфликтoв чaщe вoзникaют мeждy этнoсaми, чeм мeждy гoсyдaрствaми. Тeм вaжнee сeгoднe исклyчить oснoвaния для мeжднaциoнaльнoй трeниг, рeaлизyя фyндaмeнтaльнoй прaвa этнoсoв, вклyчaя их прaвo нa oбyчeниe нa рoднoм язькe. Кнyт Вoллeбeк пoдчeркнyл тaкжe aктуaльнoсть сoхрaнeния нaциoнaльнoгo кoмпoнeнтa в гoсyдaрствeннoм oбрaзoвaтeльнoм стaндaртe.

Пoтeнциaльнaя yгpoзa oслoжнeний в этнo-язькoвoй сфeрe трeбyeт пoстoяннoгo рaсширeния нaучнoй бaзы изyчeния истoрии и кyльтyры нaрoдoв, пpoживaющих в Рoссийскoй Фeдeрaции, нaлaживaния мoнитoрингa и oбoбщaющeгo aнaлизa мeжднaциoнaльнoй oтнoшeний, рaзрaбoтки нa фeдeрaльнoм yрoвнe нaучнoй пpогрaмм и пpeдлoжeний пo сoвeршeнствoвaнию мeхaнизмa мнoгoвaриaнтнoй нaциoнaльнoй и язькoвoй пoлитики.

Бeзyслoвнo, кooрдинирующaя рoль в этoм вoпpосe дoлжнa пpинaдлeжaть Министeрствy рeгиoнaльнoгo рaзвития Рoссийскoй Фeдeрaции. Oднaкo сyщeствyющeе сeгoднe Министeрствo рeгиoнaльнoгo рaзвития с oдним Дeпaртaмeнтoм мeжднaциoнaльнoй oтнoшeний нe в сoстoянии рeшaть вoпpoсы пpoвeдeния eдинoй гoсyдaрствeннoй пoлитики в oблaсти мeждрeгиoнaльнoй и нaциoнaльнoй oтнoшeний с yчeтoм oсoбeннoстей и интeрeсoв вceх нaрoдoв Рoссии.

Для пoлyчeния пoлнoй и oбъeктивнoй инфoрмaции o рaбoтe, пpoвoдимoй в рeгиoнaх Рoссийскoй Фeдeрaции, нeoбxoдимo рaзрaбoтaть систeмy oцeнки дeятeльнoсти рeгиoнoв в oблaсти гoсyдaрствeннoй нaциoнaльнoй пoлитики, вклyчaющeй в сeбя кoнкрeтнeй пoкaзaтeли:

- пo кoличeствy нaциoнaльнoй дeтскиx сaдoв и шкoл и пpoцeнтy yчaщиxся, oбyчaющихся или изyчaющих рoднoй язькe;

- по наличию высших и средних специальных учебных заведений, осуществляющих подготовку кадров для системы национального образования;

- по количеству журналов и газет, выходящих на родных языках народов, проживающих в регионе, их тиражу и периодичности выхода, а также количеству читающих эти издания жителей;

- по количеству национальных передач и программ на региональном радио и телевидении и др.

Россия – уникальная страна, с уникальной историей и собственным опытом решения национального вопроса. Нам сейчас важно трезво проанализировать и бережно использовать этот опыт, развивая его лучшие традиции и достижения. Многонациональная Россия должна сохраняться как многонациональное государство – это для России историческая данность, которая вытекает из реального существования этносов, и с этими реальностями не возможно не считаться.

Примечания

¹ Закон Республики Башкортостан «О культуре» № ВС-18/19 от 13.07.1993 г.

² Закон Республики Башкортостан «Об образовании» № ВС-13/32 от 29.10.1992 г.

³ Закон Республики Башкортостан «О национально-культурных объединениях граждан Республики Башкортостан» № 145-з от 17.03.1998 г.

⁴ Закон Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» № 216-з от 15.02.1999 г.

⁵ Постановление Кабинета Министров Республики Башкортостан № 301 от 06.11.1996 г. «О государственной программе “Возрождение и развитие башкирского народа”».

⁶ Постановление Кабинета Министров Республики Башкортостан № 413 от 31.12.1999 г. «О государственной программе сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан на 2000–2005 гг.»; Постановление Правительства Республики Башкортостан № 83 от 07.04.2006 г. «О государственной программе сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан на 2006–2010 гг.».

⁷ Постановление Кабинета Министров Республики Башкортостан № 388 от 31.12.2002 г. «О государственной программе “Народы Башкортостана” на 2003–2012 годы».

⁸ Постановление Кабинета Министров Республики Башкортостан № 369 от 23.12.2002 г. «О программе по изучению, возрождению и развитию фольклора народов Республики Башкортостан».

⁹ История башкирской литературы : в 6 т. Т. 2. Уфа : Башкнигоиздат, 1990. 582 с. (на баш. яз.) С. 432.

¹⁰ История Башкортостана с древнейших времен до наших дней : в 2 т. / И. Г. Акманов, Н. М. Кулбахтин, А. З. Асфандияров и др.; под ред. И. Г. Акманова. Т. 1. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX в. Уфа : Китап, 2004. 488 с.

¹¹ Аллаяров, З. А. Этнокультурные основы формирования межнационального согласия в образовательной среде Республики Башкортостан // Культурный и языковой плюрализм в Республике Башкортостан : материалы Республик. науч. семинара. Уфа : Гилем, 2008. 163 с.

¹² Материалы Министерства образования Республики Башкортостан за 2008–2009 уч. год. Уфа : Издат.-полигр. комплекс при Администрации Президента РБ, 2009. 68 с.

¹³ Материалы Министерства культуры и национальной политики Республики Башкортостан // Информационный сборник к коллегии Министерства культуры и национальной политики Республики Башкортостан. Уфа : РИЗЦ РЦНТ, 2008. 112 с. С. 38.

¹⁴ Материалы Министерства культуры и национальной политики Республики Башкортостан за 2009 г. Уфа : Издат.-полигр. комплекс при Администрации Президента РБ, 2009. 74 с.

¹⁵ Материалы Управления по делам печати, издательства и полиграфии при Правительстве Республики Башкортостан // Информационный сборник к коллегии Управления по делам печати, издательства и полиграфии при Правительстве Республики Башкортостан. Уфа : Белая река, 2008. С. 87–89.

НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

А. М. Скворцов

М. С. КУТОРГА И В. М. ВЕДРОВ: КОНФЛИКТ УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКА

Не со всеми учениками у М. С. Куторги складывались ровные отношения, что во многом определялось сложным характером мэтра. С одним из первых подопечных – В. М. Ведровым – произошёл даже конфликт. В статье исследуются его причины, а также то влияние, которое он имел на дальнейшую научную карьеру ученика.

Ключевые слова: лидерские научные школы, школа М. С. Куторги, В. М. Ведров, конфликты в научных сообществах.

Центральное место в современных историографических работах занимает изучение коммуникаций в научных сообществах, что подразумевает выявление механизмов становления школы и передачи внутри неё профессиональных ценностей и опыта. При этом существенную роль играет характер межличностных отношений внутри корпорации. Важно для изучения школ исследовать взаимоотношения по линии учитель – ученик и затем проследить, как это общение изменялось после защиты подопечными мэтра диссертаций и попадания их в полноправные члены научного сообщества.

Не всегда у наставника с подопечным складывались ровные отношения. Нередки были между ними противоречия, которые могли вылиться в открытые конфликты. Яркий тому пример – история взаимоотношений В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова, подробно исследованная в историографии¹. А. В. Антощенко выделяет два подхода к исследованиям конфликтов. Один направлен на выявление «культуры конфликтов», тех норм, которыми руководствовались их участники при разрешении возникающих противоречий. Второй подход «...вытекает из признания конфликтности существенной чертой университетской демократии, выработка норм которой и овладение ими происходили в столкновении мнений и их носителей – прежде всего профессоров, осуществлявших в разное время в различной степени коллегиальное управление университетами»².

В нашей статье речь будет идти о столкновении учителя и ученика в рамках школы, что укладывается в типичный «конфликт поколений». Молодой учёный пытается бороться за своё «место под солнцем», преодолевая суще-

ствующие нормы научного сообщества, тогда как его наставник принимает только один вариант поведения подопечного – «уважение и преданность учителю»³. В результате, обе стороны оказываются непонятыми друг другом.

Знакомство В. М. Ведрова (1824–1892 гг.) с М. С. Куторгой произошло в стенах Петербургского университета. В 1842 г. Михаилу Семёновичу по его же прошению было поручено читать курс всеобщей истории первому отделению философского факультета⁴. Думается, что причиной подачи им в Совет университета такого ходатайства являлись не столько проблемы со здоровьем, как это он сам объясняет⁵, сколько желание работать со студентами-«историками». В это время ещё свежи воспоминания М. С. Куторги о домашних семинарах немецких профессоров, которые он регулярно посещал, будучи за рубежом на стажировке. Сильно было у него желание сделать нечто подобное на русской почве, сформировать вокруг себя круг единомышленников-любителей античной истории. Это подтверждает тот факт, что в 1842 г. он добился руководства над казённокоштными студентами в «практических исторических упражнениях»⁶. Однако и сам профессор, и руководство факультета понимали, что эти занятия должны идти в неразрывной связи с лекциями – только в этом случае они могли бы принести действительную пользу студентам. И поэтому следующим логическим шагом было поручение в 1842 г. М. С. Куторге чтения курса всеобщей истории слушателям историко-филологического отделения философского факультета. В этом же году в Петербургский университет поступает В. М. Ведров...

До нашего времени сохранились письма В. М. Ведрова М. С. Куторге, относящиеся к 1850–1857 гг. и свидетельствующие о характере взаимоотношений студента и профессора. Так, из них следует, что на В. М. Ведрова в университетские годы (1842–1846 гг.) очень большое влияние имел именно Михаил Семёнович. Ученик пишет своему наставнику: «Вы первый пробудили во мне душу <...> Ваши идеи человеческие не могли не подействовать на мою одинокую, пылкую душу <...> Я усвоил Ваши же идеи, Вашу же теплоту сердца, Ваши же стремления»⁷. Особо подчёркивается, что профессор способствовал развитию в своём ученике самостоятельности во взглядах на проблемы истории греко-римского мира⁸. Даже на одно из сочинений своего учителя В. М. Ведров, «...смело представил свои замечания», предварительно критически изучив его, тогда как другие студенты лишь слепо восхищались новым творением их обожаемого профессора⁹.

С 1843 г. В. М. Ведров, воспылав любовью к древнегреческой истории, становится одним из активных участников домашних семинаров М. С. Куторги, которые «постоянно и усердно» посещал в течение последующих трёх лет¹⁰. Следует отметить, что на этих занятиях Владимир Максимович зарекомендовал себя как способный и талантливый ученик, знаток латинской и древнегреческой литератур¹⁰, поэтому профессор ходатайствовал о выделении своему воспитаннику денежного содержания на 16 месяцев для прохождения испытаний и написания работы на степень магистра всеобщей истории¹⁰.

Диссертация под названием «Жизнь афинского олигарха Крития», одна из первых в отечественном антиковедении, написанная в жанре исторической биографистики, была защищена в 1848 г. Это сочинение на сегодняшний день безнадежно устарело¹¹, однако, в середине XIX в. было высоко оценено официальным оппонентом В. М. Ведрова М. С. Куторгой. В качестве основных его достоинств оппонентом отмечались следующие моменты: критический анализ сведений древних писателей и зарубежной историографии по заявленной проблеме, знание автором древнегреческого и латинского языков, рассмотрение событий во взаимосвязи и влиянии их на общественное развитие¹². Это были те основные требования, которые предъявлял М. С. Куторга к научным работам, и именно

с этих позиций он оценивал состоятельность учёного. По его прошению диссертацию удалось даже опубликовать¹³.

Действительно, сложно упрекнуть соискателя в незнании источников и новейшей литературы по теме. Каждый свой тезис он пытается по максимуму подкрепить сведениями из сочинений древних авторов. В частности, В. М. Ведров, опираясь на Диогена Лаэртского и Платона, говорит о родстве Крития с Солоном¹⁴. Он спорит с некоторыми распространёнными в историографии мнениями, критикует их. Причём складывается впечатление, что автор хотел защитить персонажа своей диссертации от нападков древних и современных историков. В. М. Ведров явно идеализировал Крития, что часто бывает, когда исследователь углубился в изучение заметного персонажа или сильной личности. Магистрант протестует против тех характеристик своего героя, которые даны в негативных тонах, при этом иногда обвиняя коллег в неопытности или в недостатке убеждённости в их собственных взглядах¹⁵. Тональность подобных «нападков» (в данном случае на Генрихса) явно противоречила этике ученой корпорации, манере ведения научной полемики. Для подтверждения обозначенного мнения он не считал нужным подобрать конкретные доказательства.

Эта уверенность в своей правоте, желание выставить себя на лидирующие позиции в рассматриваемой проблематике является одной из характерных черт школы М. С. Куторги. Профессор на «вечерних беседах», как уже отмечалось выше, учил самостоятельности суждений, критике древних авторов и новейших учёных. Молодёжь со свойственным ей юношеским максимализмом иногда, видимо, переходила грани дозволенного.

Заключительный вывод В. М. Ведрова по своей диссертации носит, скорее, нравоучительный и морализаторский характер. Несмотря на массовый террор, учинённый режимом Тридцати, автор восхищается Критием. Более того, Ведров ставит афинского тирана в число великих¹⁶. Причиной тому является «привязанность [Крития. – А. С.] своему образу мысли»¹⁶, его неукоснительное следование в течение всей жизни собственным идеалам. Однако можно ли говорить, что Критий всегда был верен олигархическим принципам? Э. Д. Фролов, проанализировав воззрения Крития, пришёл к выводу, что этот

исторический персонаж был сродни софистам, которые несли с собой разрушение социальных устоев и морали¹⁷. Все те явления, которые ассоциируются у нас с младшей тиранией, были налицо после установления в Афинах режима Тридцати: правление происходило в обстановке абсолютного произвола и отсутствия каких-либо конституционных прав у граждан. Причём террор вёлся не только в отношении демоса, но и аристократической части граждан, тем самым подрывалась естественная для олигархического режима опора¹⁸. Бесспорно, в лице Крития мы видим сильную личность, но она по своему характеру антисоциальна.

Даже после защиты диссертации М. С. Куторга продолжал покровительствовать своему ученику. Несмотря на получение В. М. Ведровым степени магистра истории, ему не удалось сразу устроиться преподавателем в учебное заведение. Хотя такие попытки, судя по сохранившимся документам, предпринимались: он пытался занять должность адъюнкта в Московском, Киевском и даже в своём родном – Петербургском университетах¹⁹, но везде получал отказы. В результате В. М. Ведров в сентябре 1848 г. ходатайствует перед попечителем Петербургского учебного округа о назначении ему стипендии для продолжения учёных занятий и подготовки диссертации на докторскую степень²⁰. Благодаря протекции М. С. Куторги, просьба Владимира Максимовича была удовлетворена, однако, надежд мэтра ученик не оправдал. Ведрову удалось лишь написать диссертацию *pro venia legendi* «Господство афинян в Греции после мира Анталкидова» (первоначальное название), которая очень низко, с точки зрения учёного труда, была оценена его учителем. Судя по отзыву²¹, «рассуждение» будто написано вовсе не учеником Михаила Семёновича: в нём отсутствует тщательный разбор источников, критические изыскания о предмете исследования, и даже название работы не соответствует её содержанию²². Особо подчёркивалось, что автору не удалось раскрыть тезис о господстве Афин в IV в. до н. э., заявленный в названии²³. На наш взгляд, можно говорить лишь о попытке установления афинянами гегемонии в Греции. Для достижения этой цели был возрожден Афинский морской союз в 378 г. до н. э., который строился уже на равноправии всех полисов, входивших в симмахию. Однако когда афиняне

вновь стали переходить к державной политике (взимание больших размеров союзной подати, вывод клерухий, постанова гарнизонов и т. д.), союзники подняли восстание, которое в 355 г. до н. э. привело фактически к распаду Афинского морского союза, что свидетельствовало о крахе гегемонистских устремлений афинской общины. По настоянию автора отзыва, В. М. Ведров меняет название диссертации на более нейтральное – «О значении Афин после Анталкидова мира»²⁴.

По мнению М. С. Куторги, это сочинение имеет достоинства только лишь как пробная лекция: материал изложен в нём вполне доступно с опорой на свидетельства источников и мнения новейших учёных. Поэтому, по заключению мэтра, автор заслуживает звания доцента²⁴.

В целом же, М. С. Куторга остался недовольным подготовленной диссертацией. Скорее всего, В. М. Ведров писал данную работу самостоятельно, не обращая за консультациями к своему учителю и не обсуждая её на «вечерних беседах». После защиты магистерской диссертации Владимир Максимович, вероятно, ощутил себя самостоятельным учёным, полноправным членом сообщества антиковедов и уверился в мысли, что в дальнейшей деятельности на поприще науки ему не нужна опека профессора.

Американский психолог Д. Саймонтон выделил два периода в жизни учёного. На одном из них – «формирующем» – происходит вхождение в науку. На этом этапе неопит должен прислушиваться к мнению мэтров и подражать им²⁵. На втором – «продуктивном» – «учёный перерабатывает накопленный опыт, преобразуя его в свои внутренние установки и взгляды и «отдаёт» в виде своих научных результатов»²⁶. Одной из первых в отечественной историографии эту теорию для характеристики конфликтов внутри научных сообществ историков применила В. П. Корзун, исследуя взаимоотношения между В. О. Ключевским и П. Н. Милюковым²⁷. Считаю целесообразным использовать её и в нашем случае.

«Формирующий» этап, по мнению В. М. Ведрова, завершился для него после защиты магистерской диссертации. Но точка зрения на этот счёт М. С. Куторги была обратной – он не хотел отпускать воспитанника в «свободное плавание». Профессор был убеждён в том, что его ученики в любом возрасте должны с ним считаться и не прене-

брегать сделанными им замечаниями. Своей негативной рецензией на сочинение ученика он и пытался продемонстрировать это, дав понять, что Ведров слишком рано решил выйти из-под опеки. Таким образом, «продуктивный» этап в деятельности учёного в случае со школой М. С. Куторги наступал достаточно поздно. Зачастую для этого необходимо было порвать всякие контакты с учителем и не обращать внимания на даваемые им советы. Имелся и второй вариант – вовсе сменить профессию. Однако по первому пути в середине XIX в. было довольно сложно пойти, если ученик хотел защищать докторскую диссертацию. Авторитет Куторги в научных кругах был довольно высок. К тому же, все диссертации по античной истории, защищаемые в Петербургском университете, неизбежно попадали в руки Михаила Семёновича, и от его мнения многое зависело.

Устав от опеки и желая заявить о своей самостоятельности, В. М. Ведров в 1850 г. разрывает всякие отношения со своим наставником. Причём, делает это довольно громко и скандально, заявив публично в одном из обществ, что премию за своё сочинение он получил благодаря тому, что «умел приласкать академиков»²⁸. Тем самым ученик умалил не только собственные заслуги, но и заслуги своего учителя. В. М. Ведров, чтобы обозначить наличие конфликта между ним и Куторгой, выступил против критического разбора диссертации Т. Н. Грановского, опубликованного М. М. Стасюлевичем²⁸. В нём автор упрекал московского историка в том, что тот, заботясь о пользе и занимательности своего сочинения для простого обывателя, уделял внимание больше форме, повествованию, внешней связи фактов, вместо того, чтобы критически анализировать отдельные факты и явления²⁹. В полемике на страницах «Москвитянина» отразились различия во взглядах на науку, которые впоследствии оказались основой схолярной традиции Московского и Петербургского университетов³⁰. В своих суждениях Михаил Матвеевич, безусловно, следовал учителю. Отрекаясь от этих взглядов, В. М. Ведров отрекался и от системы ценностей, которую исповедовали М. С. Куторга и его воспитанники. Именно поэтому данный поступок и расценивался М. М. Стасюлевичем как выход из их научной корпорации. Он отметил в письме от 10 июля 1850 г.: «г. Ведров оставил наше общее дело»³¹. Причём Михаил

Матвеевич был уверен, что внутренне Ведров соглашался с рецензией, но не мог не осудить её в угоду декану историко-филологического факультета Петербургского университета Н. Г. Устрялову³², бывшего всегда в плохих отношениях с М. С. Куторгой. Этот скандал привёл к упадку профессионального имиджа Владимира Максимовича, превратив его в глазах научной общественности в интригана, ищущего патроната вне своей школы.

Однако В. М. Ведров всё же раскаялся в совершённых им поступках. Его письма второй половины 1850 г. наполнены извинениями за содеянное, воспоминаниями о студенческих годах, о том времени, когда не существовало разногласий между учителем и учеником³³. Конфликт с мэтром сыграл роковую роль в судьбе Владимира Максимовича. В лице М. С. Куторги был потерян покровитель с огромным авторитетом в научных кругах. В результате, В. М. Ведрову не удалось, например, добиться зарубежной командировки с учёной целью в Германию, Францию, Англию, о которой он просил министра народного просвещения А. С. Норова³⁴. Думается, что здесь не последнюю роль сыграло отсутствие протекции со стороны М. С. Куторги или какого-либо другого именитого профессора. Такая стажировка способствовала бы росту Владимира Максимовича не только в научном плане, но и в педагогическом, так как обязательным элементом её было знакомство с опытом преподавания исторических дисциплин зарубежными профессорами.

Судя по письмам, В. М. Ведров пытается возобновить в начале 1857 г. исследования в области антиковедения после получения им предложения от министра народного просвещения А. С. Норова занять вакантную кафедру всеобщей истории в Казанском университете. Однако перемещение в провинцию с материальной стороны было ему не выгодно. Со степенью магистра он не мог претендовать на профессорскую должность, которая позволила бы В. М. Ведрову в Казани получать жалование, примерно равное его доходу от преподавательской деятельности в столице. А Владимир Максимович рассчитывал именно на «ординарного профессора» по причине «совершенного расстройств в хозяйстве и семейных отношениях»³⁵.

Для достижения такой цели необходимо было защитить докторскую диссертацию, поэтому он и старается наладить отношения

с М. С. Куторгой, просит дать ему последний шанс, назначив тему из древнегреческой истории и снабдив необходимыми книгами³⁶. Вероятно, Михаил Семёнович согласился на это, и уже через 4 месяца учёное сочинение «Поход афинян в Сицилию и осада Сиракуз» было готово. Но его качество оставляло желать лучшего. М. С. Куторга в «мнении», поданном в Совет историко-филологического факультета, отметил, что многие вопросы соискатель не обработал критически³⁷. Большое количество замечаний у рецензента вызвала первая глава, в которой рассматривается подготовка афинян к морской экспедиции 415–413 гг. до н. э. Во-первых, В. М. Ведров не обосновывает цифру населения Сиракуз – 500000 человек. Во-вторых, автором не освещён должным образом вопрос о численности войска и флота афинян. Сведения, которые приводит Фукидид, необходимо было сопоставить с данными других источников. В-третьих, без внимания остался вопрос о финансовых средствах Афин для Сицилийского похода³⁸. М. С. Куторга заключает, что В. М. Ведров не может быть допущен к защите, так как первая глава диссертации написана неудовлетворительно: «...Здесь мы встречаем не учёное докторское рассуждение, но журнальную, вернее говоря, фельетонную статью, быстро написанную»³⁹. И действительно, на первых страницах сочинения строки, восхваляющие афинян, выглядят довольно странно и ни к месту: «Слава народу, хотя и властолюбивому, хотя и своекорыстному, но до такой степени развитому, что и самые враги чувствуют его благоденствия и забывают свои личные раны <...> Я принёс малую лепту моего уважения и глубокого сочувствия этому великому народу древности...»⁴⁰. Из этого пассажа становится понятно, что автор подошёл к оценке событий прошлого довольно предвзято.

На наш взгляд, заключение, данное М. С. Куторгой на диссертацию его ученика, несмотря на всю сложность их взаимоотношений, было составлено в строго научной манере в соответствии с требованиями, предъявляемыми к такому роду сочинений. От себя добавим, что **III и IV главы вообще построены по хронологическому принципу и содержат, по сути, изложение трудов Фукидида и Плутарха, что подтверждают многочисленные ссылки на них.**

Однако В. М. Ведров негативную рецензию своего учителя воспринял как личную

обиду, посчитав, что «это был только предлог к скорейшему окончанию <...> дела без успеха»⁴¹. Но Владимир Максимович игнорирует замечания и отдаёт рукопись в печать⁴¹. Тем самым он апеллирует к третьей стороне, пытается найти нейтральных рецензентов, надеясь на положительные отклики на свой труд со стороны общественности. Но и тут его ждало разочарование.

Едкий отзыв на диссертационное сочинение В. М. Вехова дал Н. А. Добролюбов в журнале «Современник». Труд учёного был осмеян поэтом и назван гимназической работой. Основная претензия Николая Александровича, с которой можно согласиться, сводилась к тому, что автор рецензируемого сочинения не сделал вывод о смысле и значении события, о котором повествует – Сицилийского похода афинян, не вписал его в общеисторический контекст⁴². Вместо этого В. М. Вехов, по мнению Н. А. Добролюбова, пересказывал лишь известные факты, которые неоднократно были предметом разбора учёных⁴³. Владимир Максимович не указал, что Сицилийская катастрофа явилась переломным моментом в Пелопоннесской войне. Поражение афинской армии и флота привело к резкому падению влияния Афинской державы, стратегическая инициатива перешла к Спарте. Внутривосточными последствиями неудавшейся экспедиции следует считать ослабление радикальных демократов и усиление олигархических элементов в Афинах.

Вместе с тем, в рецензии Добролюбова просматривается определенная тенденциозность в оценках. Так, несправедливым обвинением в адрес В. М. Вехова, на наш взгляд, стал упрек в обилии ссылок на источники⁴³. И весьма сомнительным выглядит утверждение публициста о том, что «мнение о событиях древней истории почти во всём уже установились»⁴⁴. Думается, что развитие историографии в последующие десятилетия доказало как раз обратное: постоянно происходит приращение источникового материала, который необходимо осмысливать, совершенствуются переводы античной письменной традиции, изменяются подходы к изучению древности. Всё это в совокупности говорит о том, что наука об античности находится в постоянном движении и развитии.

В. М. Вехову всё же не удалось получить докторскую степень. По сути, ему это было уже не нужно, так как через несколько дней

после оглашения разгромной рецензии на диссертацию он получил уведомление о его назначении в Казанский университет «исправляющим должность ординарного профессора по кафедре всеобщей истории»⁴⁵. Однако и там деятельность Владимир Максимовича была недолгой. Имеется ряд негативных откликов о нём как о преподавателе. Так, И. А. Худяков в воспоминаниях пишет: «... Лекции свои В. М. Ведров составлял бестолково и бессвязно, что иногда было трудно понять их»⁴⁶. На занятиях по истории средних веков Владимир Максимович ставил своей целью не выявление тенденций социально-экономического и политического развития стран Европы, а объяснение истории возникновения и окончательного торжества христианства⁴⁷.

В. М. Ведров был не понят молодёжью, и после неоднократного столкновения со студентами подал в отставку в 1859 г., проработав в Казанском университете около двух лет. Так завершилась его научная и преподавательская карьера. Какого-либо заметного следа в антиковедении ему так и не удалось оставить. Контакты его с М. С. Куторгой после 1857 г. в источниках не фиксируются.

В заключение отметим, что трения между учителем и учеником в научных школах – это нередкое явление. Причины этих противоречий имеют, на наш взгляд, главным образом, субъективный характер. М. С. Куторга старался выработать у своих подопечных самостоятельность мышления, но вместе с тем не мог допустить, чтобы кто-либо из них обособился и совсем не советовался с ним по исследуемым проблемам истории греко-римского мира. Здесь взгляды на науку пересекаются и входят в противоречие с личными амбициями мэтра. Когда ученики понимали это противоречие, то старались дистанцироваться от своего наставника, продолжая сугубо самостоятельные занятия антиковедением. Яркий пример тому – В. М. Ведров. Но его научная карьера имела печальный итог. Плохую службу здесь сыграла амбициозность молодого историка. Он, словно Икар, не послушавшийся совета отца, поднялся сильно близко к солнцу, опалил себе крылья и разбился. В условиях середины XIX в. молодому человеку, имевшему за спиной только лишь защищённую магистерскую диссертацию, без покровителей в лице именитых профессоров было сложно продолжать научную карьеру. Разрыв с учителем был роковой ошибкой В. М. Ведрова: он

не смог самостоятельно написать достойное сочинение на докторскую степень и не получил достаточного опыта для успешного преподавания всеобщей истории.

Примечания

¹ См., напр.: Корзун, В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург ; Омск, 2000. С. 71–73; Макушин, А. В., Трибунский П. А. Павел Николаевич Милуков : труды и дни (1859–1904) / А. В. Макушин, П. А. Трибунский. Рязань, 2001; Гришина, Н. В. Школа В. О. Ключевского в культурном пространстве дореволюционной России : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004. С. 67–69; Бон, Т. Русская историческая наука. П. Н. Милуков и московская школа / пер. с нем. Д. Торицина. СПб., 2005 и др.

² Антощенко, А. В. Университетский устав 1863 г. и конфликты в профессорской среде. URL : www.omgpu.ru/science/conf/conflicts-2008/download/antoschenko_av.doc.

³ Свешников, А. В. «Вот вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка : историогр. сб. / под ред. В. П. Корзун, Г. К. Садретдинова. Омск, 2005. Вып. 1. С. 250.

⁴ Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 4531. Л. 2.

⁵ В прошении М. С. Куторга отмечает, что болезнь гортани не позволяет ему читать лекции аудитории более чем в 50 человек. Количество же студентов-«юристов», которым он преподавал курс всеобщей истории с 1838 г., с каждым годом постоянно росло. В 1841/1842 учебном году их было уже около 100. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4531. Л. 1 об).

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4531. Л. 1 об.

⁷ Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (ОР РНБ). Ф. 410. Ед. хр. № 112. Л. 4–4 об.

⁸ Там же. Л. 4 об.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 24. Д. 160. Л. 1.

¹¹ Фролов, Э. Д. Критий, сын Каллесхра, афинянин – софист и тиран // Парадоксы истории – парадоксы античности. СПб., 2004. С. 236 (подстрочник).

¹² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15892. Л. 14.

- ¹³ Там же. Л. 15.
- ¹⁴ Ведров, В. М. Жизнь афинского олигарха Крития. Рассуждение, писанное для получения степени магистра всеобщей истории. СПб., 1848. С. 34.
- ¹⁵ Там же. С. 97.
- ¹⁶ ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. № 112. Л. 4 об.
- ¹⁷ Фролов, Э. Д. Критий, сын Каллесхра ... С. 258.
- ¹⁸ Там же. С. 252 со ссылкой на Ксенофонта.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 160. Л. 14, 18, 24.
- ²⁰ Там же. Л. 30 об.
- ²¹ Текста самой диссертации в архивах, к сожалению, не сохранилось.
- ²² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15903. Л. 2–2 об.
- ²³ Там же. Л. 2 об.
- ²⁴ Там же. Л. 7.
- ²⁵ Аллахвердян, А. Г. Психология науки / А. Г. Аллахвердян, Г. Ю. Мошкова, А. В. Юревич, М. Г. Ярошевский. М., 1998. С. 191.
- ²⁶ Там же. С. 192.
- ²⁷ Корзун, В. П. Образы исторической науки... С. 72.
- ²⁸ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / под ред. М. К. Лемке. СПб., 1911. Т. 1. С. 50
- ²⁹ Стасюлевич, М. М. // Москвитянин. 1850. № 12. Июнь. Кн. 2, ч. III, отд. IV. С. 68–69. Рец. на кн. : Аббат Сугерий. Историческое исследование Т. Грановского.
- ³⁰ Подробнее об этом литературном инциденте см.: Валк, С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк, С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 13–19.
- ³¹ М. М. Стасюлевич и его современники... С. 237.
- ³² Там же. С. 237, 50.
- ³³ ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. № 112. Л. 1–5.
- ³⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 47. Д. 133. Л. 1.
- ³⁵ Там же. Л. 1 об.
- ³⁶ ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. № 112. Л. 6 об.
- ³⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 47. Д. 133. Л. 7 об–8.
- ³⁸ Там же. Л. 7 об–8 об.
- ³⁹ Там же. Л. 9.
- ⁴⁰ Ведров, В. М. Поход афинян в Сицилию и осада Сиракуз (с мая 415 до сентября 413 г. до Р. Х.). СПб., 1857. С. 4.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 47. Д. 133. Л. 24 об.
- ⁴² Добролюбов, Н. А. // Добролюбов, Н. А. Собр. соч. М. ; Л., 1962. Т. 2. С. 56. Рец. на кн. : Поход афинян в Сицилию и осада Сиракуз. Сочинение В. Ведрова.
- ⁴³ Там же. С. 54–55.
- ⁴⁴ Там же. С. 54.
- ⁴⁵ Там же. Л. 12.
- ⁴⁶ Цит. по: Дружинина, И. А. Изучение античности в Казанском университете XIX – 20-е гг. XX века. Казань, 2006. С. 73.
- ⁴⁷ Там же. С. 72.

Т. Н. Иванова

У ИСТОКОВ ВЫСШЕГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. И. ГЕРЬЕ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ СОВРЕМЕННОКОВ

На основе свидетельств современников анализируется деятельность В. И. Герье по созданию Московских Высших женских курсов. Успешность предприятия стала результатом взаимодействия ряда факторов. Важнейшими из них являются особенности личности Герье, который обладал инициативностью, упорством, глубоко мотивированным стремлением к развитию женского образования и, одновременно, законопослушностью и умеренностью политической позиции.

Ключевые слова: В. И. Герье, Московские Высшие женские курсы, история высшего женского образования, феминизм, воспоминания.

Ровно 90 лет прошло со времени смерти В. И. Герье (1837–1919 гг.). Он остался в истории русской культуры как разносторонний ученый, профессор, первым внедривший семинарские занятия по всеобщей истории в Московском университете. Он положил начало систематическому чтению лекционных курсов по истории Великой французской революции и воспитал целую плеяду выдающихся ученых, составивших славу «русской исторической школы». Однако, как отметил в 2002 г. ректор Московского педагогического государственного университета В. Л. Матросов, основная его заслуга состоит в организации Московских Высших женских курсов: «Если бы Владимир Иванович не сделал больше в жизни ничего, все равно его имя осталось бы в памяти, ибо он основал учебное заведение, которому было суждено внести весомую лепту в подготовку российского учительства»¹.

Признаваемая всеми роль Герье в организации высшего женского образования в России недостаточно полно проанализирована в литературе². Между тем сохранившиеся свидетельства современников, многие из которых еще не опубликованы, позволяют всесторонне осветить его роль в организации первого высшего учебного заведения для женщин в России.

Необходимость организации высшего женского образования была осознана общественностью еще в середине XIX столетия. С началом либеральных реформ 60-х гг. в качестве вольнослушательниц девушки начали посещать лекции в Петербургском университете и в Петербургской медико-хирургической академии. Профессор Московского университета В. В. Марковников первым открыл двери

своей лаборатории для женщин³. В. И. Герье позже вспоминал: «И в Москве еще в начале 60-х годов были женщины, проникавшие на лекции университета и надеявшиеся там утвердиться»⁴. Однако вместе с изданием либерального университетского устава 1863 г. появился особый циркуляр Министерства народного просвещения, запрещавший «особам женского пола» посещение университетских лекций.

Своеобразным центром борьбы за высшее женское образование стал кружок феминисток, в который входили А. П. Философова, М. В. Трубникова и Н. В. Стасова. В 1868 г. по их инициативе было подано прошение ректору Петербургского университета, под которым подписалось свыше 400 девушек, с просьбой разрешить обучение в университете женщинам. Прошение поддержали 43 профессора⁵.

«В этот самый год, когда в Петербурге 30 дам и 43 профессора затевали миллионное дело об учреждении женского университета, я в Москве в одиночестве предавался мысли о необходимости дать русским девушкам возможность высшего образования», – вспоминал Герье. Далее он поясняет, как возникло у него это намерение. Впервые он задумался об этом еще в студенческие годы, когда женщины появились на лекциях университета, где они, по словам Герье, «производили впечатление, что они не на своем месте». Новый толчок его мечте дали уроки, которые он осенью 1860 г. стал давать своей будущей супруге Е. И. Токаревой. Эти стремления окрепли во время преподавания в женском пансионе госпожи Брок. В 1868 г., после свадьбы, у Герье «назрело твердое убеждение», что именно на

нем лежит долг «содействовать высшему образованию русских девушек»⁶.

Это стремление было обусловлено не феминистическими теориями, а практическими соображениями. Герье считал, что в современных условиях «увеличивается число женщин, принужденных добывать себе средства к существованию собственным трудом». Помимо этого существуют и нравственные потребности, ибо «личный труд есть великое условие и главный рычаг человеческой культуры» и «стремление к общепольному и самостоятельному труду охватило и такие лица», которые не нуждаются материально⁷.

Перечисляя сферы экономики, в которых применим женский труд, Герье считал медицину и преподавание наиболее важными из них. Однако главную цель он видел не в приобретении профессии, а в просвещении женщин. «Теперешний уровень женского образования недостаточен, то есть не соответствует переживаемой нами ступени цивилизации», – писал Герье, и поэтому «высшие учебные заведения для женщин, кроме приготовления учительниц, должны служить к поднятию общего и научного образования среди женщин вообще». Профессор считал, что обучение женщин в уже существующих университетах не приведет к решению вопроса о женском образовании, т. к. программа обучения в них ориентируется на будущих ученых, а число женщин «имеющих желание и возможность посвятить себя науке в высшем значении этого слова» не велико. «Современной женщине прежде всего необходимо более основательное и обширное общее образование – а этого она не найдет в университете», – писал он. Поэтому Герье решил способствовать развитию общего, а не специального образования для женщин, считая, что развитие и улучшение женского образования «удвоит интеллигенцию страны»⁸.

К началу 70-х гг. в Москве и Петербурге открылись женские курсы (Аларчинские, Владимирские, Лубянские), но они не могли претендовать на роль высших учебных заведений, т. к. по программе приближались лишь к объему мужских гимназий. А между тем число женщин, мечтающих о высшем образовании, было велико. «Каждый год гимназии и институты выпускали очень юных девиц со свидетельствами на право домашних наставниц, но, искавшие работу, не находили способов осуществить свои права на практике за недостатком школ; другие сознавали всю призрачность

своего среднего образования и изливали горькие хулы на всех прикосновенных к школьным реформам, содействовавших открытию начальных школ для женщин, откуда, подразнив любознательность, их выбрасывали в жизнь без всякой надежды на дальнейшее, настоящее образование», – писала Е. Н. Щепкина, окончившая в 1870 г. Саратовскую Мариинскую гимназию⁹.

Осознанная обществом потребность требовала появления личности, которая могла бы взять на себя инициативу переговоров с властью, создания квалифицированного преподавательского коллектива, разработки учебных программ, поисков материальных средств для существования курсов. Молодой и инициативный Герье обладал всеми этими качествами и к тому же казался властям фигурой более умеренной по своим политическим взглядам, нежели феминистки и их сторонники. Любое полезное начинание в России, как правило, встречает массу препятствий, и Герье совершил подвиг, преодолев эти препятствия. «Несгибаемая воля, железная настойчивость и даже, по словам коллег, некоторое “занудство” позволили Герье переломить сопротивление чиновников Министерства народного просвещения и открыть курсы», – отмечает Н. Н. Никс¹⁰.

14 января 1871 г. Александр II на заседании Совета Министров высказался за распространение женских курсов, готовящих акушеров и педагогов. Это стало для законопослушного Герье сигналом к началу конкретных действий. Он готовит проект организации Высших Женских Курсов. Ссылаясь на слова императора о желательности расширения педагогической деятельности женщин, Герье подчеркивает, что целью курсов будет не подготовка «ученых женщин по специальным предметам», а повышение общего уровня образования и развития девушек «по определенной, строго обдуманной системе»¹¹. 6 мая 1872 г. Положение о Московских Высших женских курсах было утверждено министром народного просвещения. Само название «Высшие Женские Курсы» было предложено попечителем Московского учебного округа А. П. Ширинским-Шихматовым, который, по словам Герье, относился к данному проекту вполне сочувственно. Название должно было подчеркнуть отличие нового учреждения от уже существовавших курсов и обозначить их «университетский характер». Неуверенность Герье в успешности предприятия побудила его

просить об утверждении устава лишь на четыре года «в виде опыта». По сути, все это предприятие было лишь его частной инициативой, и только на нем лежала вся моральная и материальная ответственность.

Наряду с официальным разрешением, сложным вопросом являлось обеспечение материальной базы курсов. Как частное учреждение, курсы не получали материальной поддержки со стороны государства. Бюджет складывался из платы за обучение (50 р.), что соответствовало университетской оплате, и добровольных взносов. Первые средства поступили от жены Герье Евдокии Ивановны, ее тети Е. К. Станкевич (по 500 р. ежегодно) и К. Т. Солдатенкова (100 р. ежегодно). Герье удалось договориться о предоставлении бесплатного помещения в зале первой мужской гимназии на Пречистинке¹². Именно на нем лежала разработка организационных принципов функционирования курсов, подготовка программы преподавания, формирование корпуса преподавателей и обслуживающего персонала, ведение бюджета, взаимоотношения с вышестоящей администрацией и со слушательницами, найм учебных помещений, размещение объявлений и т. д.

1 ноября 1872 г. состоялось торжественное открытие курсов. Большое впечатление на собравшихся произвела речь С. М. Соловьева. Она вызвала, по словам одной из курсисток, «некоторую сенсацию». Одни оценили ее как доброе напутствие к учебе, но были и феминистически настроенные девушки, недовольные акцентом на общем, а не специальном образовании, что сводило роль курсов, по их впечатлению, к созданию «образованных жен», а не специалистов¹³. Все начальство курсов заменял В. И. Герье, который познакомил слушательниц с предстоящей программой обучения. С. М. Соловьев стоял во главе педагогического Совета Курсов, но играл скорее вдохновляющую, а не практическую роль в их работе.

Всего к занятиям приступило 59 девушек – 32 слушательницы и 27 вольных слушательниц. Большая группа курсисток перешла с Лубянского курсов. Иногородних в первый год работы курсов было немного. Е. Н. Щепкина вспоминала так: «В. И. Герье, тогда еще почти молодой человек, встретил меня любезно, почти ласково. Приезды учащихся из провинции радовали его, как залог прочности дела <...> “Вот первый диплом из Казанского округа”, – говорил он, приятно улыбаясь» (Л. 7).

Социальный состав слушательниц был пестрый: «На курсы собирались, главным образом, дамы, барышни, представительницы высшей буржуазии, начиная с жены богача Третьякова», – вспоминает Щепкина (Л. 9). Однако позже на курсах становилось все больше представителей «скромной интеллигенции», а затем и разночинцев. Появилось даже неформальное деление курсисток на «носящих бантик», т. е. состоятельных, и на бедных (Л. 17). Вот как образно описывает происходившие изменения другая курсистка Е. С. Некрасова: «У подъезда стояло несколько карет; в зале шумели шлейфы шелковых платьев. Мне помнится этот шум на московских курсах весь первый год. Потом, через год, через два, этих звуков, нарушающих тишину аудитории, уже не было, и не от того, чтобы на следующий год контингент слушательниц оказался другой, – нет, у подъезда по-прежнему стояли разные домашние экипажи, среди слушательниц встречались княжеские фамилии. Но колорит простоты быстро сделался преобладающим, сменил прежнюю пышность костюмов»¹⁴.

При создании курсов Герье рассчитывал на моральную и материальную поддержку общественности, однако «отношение московской интеллигенции к курсам было какое-то пестрое, скорее отрицательное», свидетельствует Щепкина. Даже те, которые «как будто сочувствовали образованию женщин», «только со снисхождением отпускали на курсы дочерей», другие с раздражением уверяли, «что вся затея Герье непременно распадется, через два, три месяца все слушательницы разбегутся» (Л. 9). С. К. Тиманова вспоминает, что родные попытались вернуть ее домой, угрожая полицией¹⁵. Когда курсы переехали в здание Политехнического музея на Пречистенке, москвичи, издавна обходившие этот дом из-за якобы поселившихся в нем привидений, шутили, что власти рассчитывают, «что курсистки помогут выжить нечистую силу» (Л. 13). За слушательницами среди московской интеллигенции закрепилось прозвище «гизотки Герье», т. к. они на семинарах разбирали произведения Ф. Гизо. Даже Л. Н. Толстой в «Анне Карениной» высказал в целом снисходительно-ироничное отношение общественности к слушательницам: «ходят там на какие-то курсы».

Однако с течением времени это пренебрежительное отношение москвичей стало меняться, в первую очередь, благодаря высокому

уровню преподавания на курсах. Тимонова, посетившая ряд лекций на Бестужевских курсах в Петербурге, сочла «что там много хуже». «Я слушала их корифеев и мысленно критиковала, отдавая полное предпочтение нашим профессорам, – вспоминала она. – И еще большим уважением прониклась я к В. И. Г[ерье]. Как он умел подобрать сотрудников, какую широкую они выработали программу, как дружно шло у них дело, и над ними всегда словно витал его дух»¹⁶.

Действительно, на курсах преподавали лучшие ученые Московского университета. Русскую историю читал В. О. Ключевский. По словам Щепкиной, своими лекциями о Московской Руси он «доводил аудиторию до какого-то экстаза, своего рода гипнотического состояния» (Л. 14).

Всеобщую историю на курсах сначала читал С. Ф. Фортунатов, а затем разделы древней и средневековой истории вел П. Г. Виноградов. Блестящий лектор, «он умел сделать паузу и вдруг поражал притихнувших слушателей какую-нибудь потрясающей картиной». Однако его ироничное отношение к ученикам смущало девушек, которые, к тому же заглядывались на его красивые глаза и фигуру «безукоризненного английского джентльмена». Тимонова по этому поводу иронизирует: «Тут во всей силе сказалась обычная женская логика: чем с большим равнодушием и даже насмешкой относится мужчина, тем сильнее он нравится». С 1881 г. отдельные разделы всеобщей истории вел М. С. Корелин, отличавшийся, по словам Тимановой «огромной эрудицией и несомненной талантливостью»¹⁷. Он оказывал Герье огромную помощь в административной работе, занимая пост заместителя директора и заменяя последнего во время его отсутствия¹⁸.

Курсы классической и современной литературы читал «добрый, ласковый профессор» Н. И. Стороженко, известный комментатор Шекспира, литературу нового времени – А. А. Шахов. «Шахов – это талант, – писала одна из слушательниц в своем дневнике. – Никогда не слыхала я такой пылкой, горячей речи, никогда не видела на кафедре такого истинного, неподдельного увлечения своим предметом!»¹⁹.

Н. С. Тихонравов читал курсы древней русской литературы и истории русского языка. С 1876 г. русскую литературу вел известный ученый А. Н. Веселовский, а затем –

В. Ф. Миллер. Один год на курсах преподавал академик Ф. И. Буслаев. Философию читал Вл. Соловьев, «порадивший своими мыслями» слушательниц (Л. 20).

В программу курсов входили и естественные науки. «Энциклопедию естественных наук» вел отец будущего историка Р. Ю. Виппера учитель гимназии Ю. Ф. Виппер, астрономию – профессор Ф. А. Бредихин. Читали здесь лекции и профессора А. Г. Столетов, Д. Н. Анучин, А. И. Чупров.

Сам Герье в разные годы преподавал на курсах всеобщую историю, историю искусства и историю цивилизации. Несмотря на огромную занятость в университете и заботы по руководству курсами, он очень внимательно подходил к своим занятиям, впервые ввел в женском преподавании семинары.

Щепкина, сравнивая преподавание Герье с лекциями Ключевского и Фортунатова, пишет: «Семинарии Герье давали больше, даже его суховатые лекции по истории цивилизации с древних времен были гораздо серьезнее» (Л. 10). Семинар на первом курсе был посвящен разбору книг Ф. Гизо и Фюстель де Куланжа, затем – «Духу законов» Ш. Монтескье, затем – источникам по истории реформ Гракхов (Л. 8, 21). «Стараниями и вниманием» Герье специально для семинария была создана библиотека «из самых необходимых книг по истории, словесности и искусства» (Л. 15).

По мнению Щепкиной, «Герье хорошо учил читать исторические книги», но пресекал попытки перевести разговор на политические темы. Большое внимание он уделял подготовке рефератов, строго оценивая не только их содержание, но и манеру преподнесения: «Герье настаивал, чтобы мы не читали свои рефераты, а устно излагали их по конспекту». После доклада по реферату устраивались общие прения. «При своей требовательности Герье относился довольно мягко и добродушно ко всем референтам», – свидетельствует Щепкина (Л. 21–22). Особую пользу и удовольствие доставило слушательницам приглашение посещать вместе с университетскими учениками Герье вечерний семинарий, который проходил у него дома. «Читали Н. И. Кареев, П. Г. Виноградов, тогда еще студент, бывал здесь и В. С. Соловьев и Боголепов», – вспоминала Щепкина (Л. 15).

Оценивая манеру общения Герье, она пишет, что он «был строг, иногда суховат в обращении с аудиторией, но он любил ее и относился к ней

с неусыпным вниманием» (Л. 10). Он был «суровым руководителем», но его занятия «принесли огромную пользу», отмечает Щепкина и пишет: «...думаю, что именно тогда в провинциальной первокурснице зарождались задатки будущей личности <...>, процесс довольно сложный, которому предстояла нелегкая задача выдвинуть на общественную арену типы “новых женщин”» (Л. 12). Она удивляется, что впоследствии ей приходилось слышать о чрезмерной строгости Герье и о том, что только со слушательницами первых годов профессор был так либерален. «Преданность Герье делу просвещения, его любовь к университетской науке и готовность, не щадя сил, служить ей были всегда неизменно те же, в том я не сомневаюсь; много раз имела случай убеждаться в его стойкости», – заключает Щепкина (Л. 22).

Правоту этих слов отчасти подтверждает слушательница 80-х гг. Тимонова. Хотя ее первое знакомство с Герье чуть не закончилось провалом на курсовом экзамене, она отмечает справедливость его требований. Тех, кто искренне хотел заниматься, Герье всегда поддерживал: «Он приходил на помощь нуждающимся курсисткам, если только они занимались и их экзаменационные отметки удовлетворяли его. Он не только освобождал от платы за слушание лекций, но и выдавал пособия, и немало талантливых, но бедных девушек, благодаря только его доброте получили образование»²⁰.

В 1873 г. на деньги, пожертвованные Московским Купеческим обществом, было учреждено пособие для 10 слушательниц «недостаточного состояния», в дальнейшем число «бесплатных» курсисток увеличилось²¹. Для пополнения бюджета Герье устраивал благотворительные спектакли в театре Солодовникова. На доход от спектаклей в 1883 г. 46 слушательницам были выданы пособия²². В середине 70-х гг. плата за обучение была основным источником доходов курсов и составляла около 79 % их бюджета. На втором месте среди источников дохода стояли дивиденды от облигаций, приобретенных Герье на часть доходов от деятельности курсов (13,44 %). Частные пожертвования составляли небольшую часть – около 7 % бюджета. Дополнительно слушательницы собирали деньги на приобретение книг для библиотеки (1 %)²³. Основная часть расходов приходилась на зарплату приглашенным профессорам, часть – на аренду помещений и текущие хозяйственные нужды. Всю оставшуюся прибыль Герье вкладывал в

ценные бумаги, рассчитывая скопить деньги на собственное здание для курсов.

Как руководителю Герье приходилось быть строгим к дисциплине, внешнему виду слушательниц, попыткам любой политической агитации и к любой мелочи, как то разбитый стул, испорченная лампа, плохо греющие печи и т. д. Он заботился не только о занятиях слушательниц, но и об их быте. Так, в начале 80-х гг. он занялся устройством общежития для иногородних курсисток²⁴. «Надо было знать, как дороги были В[ладимиру] И[вановичу] наши курсы, которых он являлся хозяином и распорядителем; как он дрожал за их участь, чтобы вполне понять его», – замечает С. К. Тимонова. Он редко шутил с курсистками, не любил «неопрятных платьев, стриженных причесок», «беспощадно обрывая какие-либо стремления к политике». «Его нельзя было обойти громкой фразой или смягчить красивой женской улыбкой; на других это действовало, но тут требовалось только знание предмета и больше ничего», – писала она. Герье как человек науки, всего себя отдавший ей, и от слушательниц требовал серьезного отношения к лекциям, к тому, чтобы не смотрели «на профессоров как зрители на артистов». Но от его пронизательного взгляда не ускользало то, что даже старательная ученица могла растеряться на экзамене, и в таком случае он шел ей навстречу, – свидетельствует Тимонова²⁵.

Правительство не отпускало никаких средств на содержание курсов, каждый год вставала проблема об их материальном содержании. Щепкина передает разговор с женой Герье: «...одна семья знает, сколько волнений доставляют ему курсы; каждую осень с приближением октября начинаются мучительные тревоги, сколько запишется новых слушательниц, сколько останется на 2-й год, наберется ли достаточно денег на все расходы? Согласится ли читать такой-то, не отказался бы другой? Тревоги доводят до тяжелых бессонниц, против которых приходилось прибегать к лечебным средствам, и так одним В[ладимиром] И[вановичем] велось дело более полутора десятка лет» (Л. 24).

Несмотря на то, что окончившие курсы не получали никаких прав, число слушательниц росло из года в год: от 70 в конце 1872 г. до 127 слушательниц в 1886 г. Более широкой стала и география тех мест, откуда приезжали девушки. «Десятки и сотни женщин стекались на курсы из самых отдаленных краев нашего

отечества; их не останавливали ни тяжелый труд, ни отсутствие средств, ни предрассудки провинциальной среды – все жертвы были ничтожны в сравнении с теми духовными благами, которые давало знание», – вспоминала бывшая курсистка З. С. Иванова²⁶.

Курсы Герье послужили образцом для высших женских курсов в Казани, Киеве, Петербурге, а также для реформированных Лубяньских курсов. Однако он понимал необходимость их дальнейшего совершенствования.

С целью добиться права для выпускниц курсов получить учительское звание Герье в 1877 г. разрабатывает новый Устав Высших Женских курсов, который предусматривал значительное увеличение числа т. н. специальных предметов (иностранные и древние языки, энциклопедия права, математика, физика, ботаника, зоология, минералогия, химия и т. д.)²⁷. Но под предлогом того, что в программу не входили педагогика, дидактика, методика преподавания отдельных предметов и педагогическая практика, Устав поначалу был отклонен²⁸. По переработанному уставу 1879 г. курсы стали трехлетними, выпускницы получили право на преподавание в высших классах женских гимназий. Это дало возможность многим девушкам сделать успешную карьеру на ниве просвещения. Так, О. Н. Яблокова (слушательница 1880–1883 гг.) работала классной надзирательницей женской гимназии в Севастополе, С. Д. Свербеева (училась на курсах в 1875–1878 гг.) стала попечительницей городского Московского женского училища. М. П. Чехова, сестра писателя А. П. Чехова (слушательница 1882–1885 гг.) в течение 18 лет работала преподавательницей истории и географии в частной женской гимназии Л. П. Ржевской²⁹. Герье, на деле столкнувшийся со сложностями своего частного предприятия, в 1877 г. писал о необходимости особого правительственного учреждения, которое приняло бы на себя попечение об интересах женщин. Таковым могло бы стать Попечительство о женском труде и образовании, основанном императрицей Марией Федоровной, при условии расширения его функций. «Потребность в высшем женском образовании настолько уже сильно обнаружилась в России, что государству и общественным властям необходимо принять меры к ее удовлетворению»³⁰, – писал Герье.

Новый министр народного просвещения И. Д. Делянов вместо помощи в реформировании курсов «поступил с ними с восточной хитростью»³¹. Под предлогом необходимости

разработки новых программ и перевода курсов на государственное обеспечение министерство в 1886 г. запретило прием новых слушательниц. Последний выпуск слушательниц состоялся весной 1888 г.

Одним из предлогов закрытия курсов были якобы финансовые сложности. Однако это не соответствовало действительности. Благодаря рачительному хозяйствованию (в архиве сохранились все книги доходов и расходов по курсам), деловой хватке Герье, в 1886 г. на счету Курсов скопилось 20 тыс. р., которые откладывались для приобретения собственного здания³². «Необходимо положительно дар мудреца, чтобы при таких, менее чем скромных, ежегодных доходах не только покрывать все текущие расходы, помогать беднейшим слушательницам, но еще и образовать 20-тысячный капитал», – писал один из современников³³.

15 мая 1888 г. курсы закрылись. На торжественном заседании царица грустная атмосфера. «Закрывали окно, через которое лился широкими лучами свет науки, освещая и облагораживая женскую душу», – писала одна из курсисток³⁴. В зале собрались не только профессоры и слушательницы, но и выпускницы первых лет. Было много речей с благодарностями Владимиру Ивановичу. Слушательницы преподнесли ему на память статую богини истории Клио.

В. О. Ключевский, обращаясь к Герье, сказал: «Вам принадлежит почин в устройении ВЖК, первых рассадников высшего женского образования в России <...> Вы были первый русский педагог к[ото]рый отнесся с полным доверием к уму русской женщины, признал, что он безопасно может подняться на высоту высшего образования <...>. Вы не только доверились уму русской женщины, Вы решились помочь ей самой уверовать в свой ум, в свою способность к высшему образованию»³⁵.

Герье, только что оправившийся после тяжелой болезни, тем не менее оптимистично заявил собравшимся: «Высказанное Вами сегодня горячее участие в постигшей Курсы судьбе представляется мне несомненным и драгоценным залогом того, что дело высшего женского образования не погибнет, но с торжеством выйдет из печальных недоразумений, мешавших его дальнейшему развитию, и окончательно упрочится»³⁶.

И действительно, Герье попытался продолжить дело просвещения русских женщин. При Московском «Обществе воспитательниц и учительниц» с 1889 г. стали работать

вечерние «коллективные уроки» по двум циклам – историко-филологическому и физико-математическому, с университетской программой. Параллельно с «уроками» профессора Московского университета читали в 1889–1892 гг. общедоступные публичные лекции в Политехническом музее³⁷.

В 1899 г. Герье вновь начинает борьбу за возобновление Высших женских курсов в Москве. В 1900 г. он добился открытия курсов на более широкой основе, когда, по словам современника, они «приняли характер настоящего Высшего Учебного Заведения»³⁸. Однако в начале XX в. в силу ряда причин, среди которых можно отметить преклонный возраст, усиливающуюся консервативность политической позиции и научного мировоззрения Герье, он не смог играть на курсах ту роль авторитетного лидера, которая принадлежала ему в 1872–1888 гг. На вновь открытых курсах профессор занимался в основном административной работой, не уделяя прежнего внимания преподавательской деятельности. Он стремился оградить слушательниц от участия в студенческом революционном движении, опасаясь, что власти закроют курсы. Он подолгу не созывал Совет профессоров, пытаясь единолично руководить курсами, теряя единомышленников среди профессуры. Со стороны и слушательниц, и преподавателей росло недовольство стилем его руководства. В октябре 1905 г., во время отъезда Герье за границу, Совет избрал директором курсов профессора С. А. Чаплыгина. Несмотря на обиду за отлучение его от любимого дела, Герье продолжал материально поддерживать курсы.

В 1914 г. он пожертвовал Курсам значительный капитал, учредив несколько стипендий для курсисток³⁹. Преподаватели Курсов во главе с директором С. А. Чаплыгиным передали профессору приветственный адрес, в котором выражали признательность за этот дар и писали: «Легко и радостно теперь идти по открытому Вами пути, но в начале это был трудный, ответственный, порою тернистый путь; и почти вся тяжесть его лежала на Вас и была Вами одним поднята». В адресе отмечается, что «... только личная инициатива высокой идейности и самоотверженная трудоспособность, непоколебимая вера в святость и важность предпринятого», «глубокое понимание всей совокупности нужд и забот академических и житейских учреждений и учащихся» могли создать «Женский университет в Москве»⁴⁰. Даже после того, как связь профессора с курсами прак-

тически прервалась, «...это любимое детище В. И. Герье в просторечии для всех грамотной России всегда оставалось “Курсами Герье”», – свидетельствует А. И. Яковлев⁴¹.

Московский педагогический государственный университет, ведущий свое начало от Высших женских курсов, недавно отметил свое 135-летие, и в благодарность к памяти своего основателя организовал в 2007 г. первую научную конференцию, посвященную В. И. Герье. С его бюста начинается экспозиция музея истории МПГУ.

С высоты современного развития женского образования в деятельности Герье можно найти много недостатков. Его ориентация на общее, а не специальное образование делали курсы вначале более привлекательными для высших кругов общества, не озабоченных проблемами трудоустройства. Его невнимание к педагогическому циклу дисциплин затрудняло приобретение выпускницами звания учительницы. Категорическое неприятие возможности обучения женщин в уже действовавших университетах ограничивало шансы получения ими ученых степеней. Можно критиковать диктат Герье в управлении вновь открытых МВЖК, что свидетельствует о недооценке им тех либерально-демократических настроений в среде преподавателей и курсисток, которые в эти предреволюционные годы стали преобладающими. Но при всем этом невозможно умалить роли Герье в становлении высшего женского образования в России, его высокого идеализма и практической хватки, его умения договориться с властями и сплотить коллектив единомышленников. Именно в этом наиболее ярко проявилось свойственное Герье сочетание законопослушности и гибкости в преодолении чинимых этим законом препятствий: инициативности, новаторства и стремления к стабильности и порядку. Здесь нашли наиболее полное воплощение его просветительские идеалы и забота о повышении общего уровня образования в России.

Примечания

¹ Матросов, В. Л. От редакционной коллегии // Герье, В. И. История римского народа : курс лекций, читанных ординар. проф. В. И. Герье на Моск. высш. жен. курсах в 1887 г. М. : Просвещение, 2002. С. 12.

² Наиболее полное собрание документов опубликовано в сборнике «Владимир Иванович Герье и Московские Высшие женские курсы»

- (М., 1997). Однако во вступительной статье к сборнику не все документы проанализированы, имеются фактические неточности. Недостаточно объективно освещена роль Герье и в ранних статьях по данной теме, т. к. на оценки ученого повлияли стереотипы, сложившиеся в советской науке относительно его консервативно-охранительной позиции в начале XX в. См.: Боброва, Л. А. **Высшие женские курсы профессора Герье в Москве (1872–1888 гг.)** // Тр. Моск. гос. ист.-архив. ин-та. Т. 16. М., 1961; Андреева, И. Н. В. И. Герье – организатор высших женских курсов в Москве // Совет. педагогика. 1987. № 9.
- ³ Никс, Н. Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. Социокультурный аспект. М.: Новый хронограф, 2008. С. 161.
- ⁴ ОР РГБ. Ф. 70. К. 32. Ед. хр. 3. Л. 13 (об).
- ⁵ Владимир Иванович Герье и Московские Высшие женские курсы: мемуары и документы. М.: Изд-во МПГУ, 1997. С. 3.
- ⁶ Воспоминания В. И. Герье. Гл. III. Возникновение Высших женских курсов // Владимир Иванович Герье и Московские Высшие женские курсы... С. 13. Далее «Владимир Иванович Герье и МВЖК...»
- ⁷ Герье, В. И. Теории и практика женского образования // Вестн. Европы. 1877. № 4. С. 652.
- ⁸ Там же. С. 693.
- ⁹ РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1368. Л. 1. Е. Н. Щепкина. На курсах Герье (1872–1875). Памяти В. И. Герье. Воспоминания. Далее ссылки даются в тексте с указанием листа рукописи.
- ¹⁰ Никс, Н. Н. Указ. соч. С. 161.
- ¹¹ Герье, В. И. Проект организации Высших Женских Курсов // Владимир Иванович Герье и МВЖК ... С. 35.
- ¹² См.: ОР РГБ. Ф. 70. К. 32. Ед. хр. 3. Л. 17–17 (об).
- ¹³ Некрасова, Е. С. Два слова в память десятилетия Московских Женских курсов // Владимир Иванович Герье и МВЖК ... С. 126.
- ¹⁴ Там же. С. 125.
- ¹⁵ Тиманова, С. К. Из «Воспоминаний курсистки» // Владимир Иванович Герье и МВЖК ... С. 135.
- ¹⁶ Там же. С. 141–142.
- ¹⁷ Там же. С. 137–138.
- ¹⁸ ОР РГБ. Ф. 70. К. 45. Ед. хр. 15. Письма М. С. Корелина к Герье. Л. 9–11 (об).
- ¹⁹ Некрасова, Е. С. Указ. соч. С. 127–128.
- ²⁰ Тимонова, С. К. Указ. соч. С. 140–141.
- ²¹ Герье, В. И. Письмо к С. М. Третьякову // Владимир Иванович Герье и МВЖК ... С. 45.
- ²² Герье, В. И. Отчет о деньгах, вырученных на спектакле в театре Солодовникова // Там же. С. 48.
- ²³ См.: Боброва, Л. А. Указ. соч. С. 259–260.
- ²⁴ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 2. Ед. хр. 5. Письма В. И. Герье к М. С. Корелину. Л. 1, 2 (об). К сожалению, планы организации общежития пришлось отложить, т. к. часть денег, вложенных в облигации банка, «сгорела».
- ²⁵ Тиманова, С. К. Указ. соч. С. 141–143.
- ²⁶ Юбилей профессора В. И. Герье // Рус. шк. 1898. № 12. С. 316.
- ²⁷ Герье, В. И. Проект Устава Высших Женских Курсов // Владимир Иванович Герье и МВЖК ... С. 40.
- ²⁸ Шохоль, К. Р. Высшее женское образование в России (историко-юридический очерк). СПб., 1910. С. 57–58.
- ²⁹ Цыганков, Д. А. В. И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. С. 72.
- ³⁰ Герье, В. И. Теории и практика женского образования. С. 697–698.
- ³¹ Воспоминания В. И. Герье ... С. 15.
- ³² Андреева, И. Н. Указ. соч. С. 109.
- ³³ Песковский, М. Университетская наука для русских женщин // Рус. мысль. 1886. № 11. С. 53.
- ³⁴ Тимонова, С. К. Указ. соч. С. 144.
- ³⁵ Ключевский, В. О. Речь при закрытии [Высших Женских] курсов // В. О. Ключевский. Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. С. 178–179.
- ³⁶ Герье, В. И. Речь при закрытии Высших Женских Курсов // Владимир Иванович Герье и МВЖК ... С. 50–51.
- ³⁷ ОР РГБ. Ф. 70. К. 15. Ед. хр. 1–5. «Публичные лекции по истории Культурных идей», читанные по закрытии В. Ж. Курсов V–VI. 1888–1889.
- ³⁸ РГАЛИ. Ф. 2432. Оп. 1. Ед. хр. 430. Яковлева, А. И. В. И. Герье. Биографическая справка. Л. 2 (об.).
- ³⁹ Положение о стипендии имени Евдокии Ивановны и Владимира Ивановича Герье // Владимир Иванович Герье и МВЖК ... С. 151. Супруга Герье скончалась незадолго до этого события, 5 октября 1914 г.
- ⁴⁰ Воспоминания В. И. Герье. С. 23.
- ⁴¹ РГАЛИ. Ф. 2432. Оп. 1. Ед. хр. 430. Л. 2.

SUMMARY

GRISHAEV V. V., SHEVCHENKO V. N. The development of war industry energy base in Siberia during the Great Patriotic War.

The article considers principal aspects and problems of power engineering in Siberia during World War II. The creation of the article is based upon numerous sources. The authors mention the significant development of the power base of Siberia during the War and conclude that the Siberian power industry enterprises made a significant contribution to the Victory.

Keywords: power base, power system, war industry, industrial district, production of electric energy, electric industry.

DENISOV D. N. Muslim meeting houses in industrial towns of South Ural (at the end of XIX – the beginning of XX century).

The article deals with the functioning of the Muslim meeting houses at the end of XIX – the beginning of XX century in industrial towns of South Ural, where the restrictions, imposed by the Russian legislation, and temporary employment of Muslim workers created obstacles to meet their religious needs.

Keywords: the Muslim tabernacle, mosque, the mullah, the industry, Southern Ural

EVDOKIMOVA L. S. On the return of property of religious purpose to Russian religious organizations at the end of the 1980-s – the beginning of the 1990-s.

This article is devoted to a problem which cannot be considered as a finally solved one. That is the problem of the return of Orthodox Church valuables to believers. The first step of this process, analyzed on the basis of archival documents, has demonstrated that hasty actions are unsuitable and that it is necessary to use the same procedure of the returning process all over Russia.

Keywords: property of religious purpose, the Church of holy trinity, committee for freedom of conscience, christian-democratic union of Russia, Russian orthodox church, Russian orthodox church abroad, state-church relations.

IVANOVA T. N. At the cradle of female higher education in Russia: organizational activity of W. Guerrier.

The author analyzes the role of W. Guerrier in the foundation of Moscow Higher courses for women in the framework of notes by Guerrier's contemporaries. The success of the venture resulted from interaction of factors. The most important of them are personal features of Guerrier, who was enterprising in the development of the female education and moderate in his political views. He also possessed a deep motivation to strive for female education development.

Keywords: W. Guerrier, Moscow Higher courses for women, the history of female higher education in Russia.

IVLEV N. N. The activity of the financial bodies of Chelyabinsk region during the Great Patriotic War.

The article contains the information on the activity of the financial bodies of Chelyabinsk region in 1941–1945. The author considers purposes, problems, directions of work of the regional financial bodies and their contribution to the victory in the Great Patriotic War.

Keywords: Finance, financial departments, tax and non-tax mobilization of funds, funds, banks of long-term crediting, savings banks, financial control, budget, budgetary planning

KUSKOV S. A. Evacuation hospitals in the territory of Chelyabinsk region in 1939–1945 as an object of the social policy of the Soviet state.

The article describes the plan of the organization of evacuation hospitals on the eve of and during World War II and the contradiction of its practical realization. Among other problems the author pays special attention to the influence of the state mobilization politics on the control system, the supply of evacuation hospitals in Chelyabinsk region and the financial and material state of their employees.

Keywords: social policy, evacuation hospital, mobilization development of hospitals, evacuation office.

LEKONTSEV O. N. State and peasantry during the famine of 1921 (applied to materials of Vyatka province and Votsk autonomous region).

The famine of 1921 resulted from bad weather conditions, low level of agriculture, and consequences of the Civil war. Such conditions made the state, on the one hand, strengthen taxation and, on the other hand, provide different aid for rural citizens. Being under the influence of the famine, peasants reacted strongly to the activity of the state depending on the direction of its actions.

Keywords: peasantry, state, famine, taxes, aid, reaction of peasants.

LOSEVA I. V. The crisis of food supply in Gorky region in 1946–1947.

This article covers the crisis of food supply and the famine caused by poor harvest of 1945–1946 in Gorky region. So as to stabilize the situation the government had to pass a number of resolutions that drew a wide public response. Applied to archival documents, opinions and judgments of common people on the food issue are considered.

Keywords: Poor harvest, famine, food crisis, public opinion, the Central Committee decisions, chairmen of collective farms, criminal liability.

LYLOVA E. On one type of earrings from burials of early nomads in Southern Urals.

The author of the article looks into a type of ring-shaped earrings with a cylindrical unit, typical for nomadic burials of Southern Ural steppes from the 2nd half of V century B. C. and till IV–III centuries B. C. The researcher has examined 29 decorations of this type and defined 4 variants of the cylindrical unit. The origin and the development of this earring type have been traced; its chronologic borders and dispersion region have been established. The comparison included analogues from neighbouring territories.

Keywords: jewelry, earrings, type, variant, ring-basis, cylindrical unit, manufacturing techniques

MAMYANCHENKOV V. N. Price policy and food card system in the USSR: state and society in 1946 (applied to materials of Sverdlovsk region).

The article is devoted to a scantily studied issue of the realization of such an important social and economic action as the alignment of state and free market prices of food after World War II. The work contains a considerable amount of facts clearly and fully enough characterizing the price policy and the consumption level of the population of the region at the end of the first post-War year. The basis of the research consists of never before published archival materials from the Center of the Documentation of Public Organizations of Sverdlovsk region.

Keywords: Sverdlovsk region, life conditions, price policy, decision, settlement, reduction, demand, discontent.

MINIBAYEVA Z. I. Folk medicine of the Southern Ural Bashkirs and Siberian Turkic peoples: the common and the particular.

Popular knowledge in the field of medicine of the Southern Ural Bashkirs and the Siberian Turkic peoples has much in common in the folk medicine terminology and in applying various means and ways of treating maladies. Comparative data confirm the conservation of the ancient Turkic foundation in the traditional healing and long historical ethnic and cultural contacts among peoples of the Urals-Altay region.

Keywords: Ethnography, traditional medicine, traditional treatment, conceptions about illnesses, means and treatment methods, medical spells, medical ceremonies, magic method of treatment, fumigation, sorcerer.

PEREVOZCHIKOVA S. A. Ring-shaped torus earrings in the Eurasian territory in the first half of the first millenium A. D.

The article is devoted to the ring-shaped torus earrings as Early Medieval Eurasian ornaments. The author describes their appearance and technological characteristics. The researcher defines their allocation that allows tracing the main direction of their evolution more precisely and marks out local and imported ones. The scholar tries to determine the prevalence of certain types in different periods of the medieval history.

Keywords: ring-shaped torus earrings, classification, technology, evolution

POPPI A. Governors and justices of the peace in perm province in the 1870–1880-s in situations of mutual understanding and conflicts.

The article deals with the insufficiently explored issue of the interaction between Perm governors and divisional Justices of Peace. Reasons for and facts of normal or conflict situations involving the two powers, which had crucial consequences for the development and subsequent liquidation of magistrate's courts in the Russian Empire, are exposed on the basis of regional records.

Keywords: the judicial reform of 1864, magistrate's court, local administration, independence of justice, Zemstvo meeting, judge election process, governor's subject return, the Governing Senate.

TAIROV N. I. The role of Tatar entrepreneurs of Volga and Ural region in the development of periodicals in the Tatar language in the second half of XIX – beginning of XX century.

The article is devoted to the research of Tatar entrepreneurs' activities aimed at the publishing of Tatar newspapers and magazines. It covers the activities of such merchants and landlords as the Rameevs, the Akchurins, the Cubaydullins, etc.

Keywords: The Tatar businessmen, merchants, industrialists, newspapers, magazines, periodicals of the Volga, Tatar press.

TAYMASOV S. U. On relations between the Bashkirs and the Kazakhs of the young zhuz during the reign of Nurali-khan.

The most important periods of the history of the Bashkir and Kazakh peoples are revealed in the article; the evolution of the Bashkir and Kazakh relations in the second half of the XVIII century is traced in the context of the national politics of the Russian government. Applied to archival materials, the picture of the events during the Bashkir revolt of 1755 becomes more complete. The author gives new data about the Kazakh khan Nurali's last years in exile in Ufa.

Keywords: Bashkirs and Kazakhs, Russian government, national movements, decline of the khan authority in Kazakhstan.

KHABIBULLINA A. R. Language as a component of intercultural communication (applied to the Republic of Bashkortostan).

Bashkortostan is one of multi-cultural regions of Russia. Polyethnic character of the Republic of Bashkortostan causes many communicative problems both at social and state levels. Language is considered by us as a fragment of social and cultural space. The native language is one of the main components of the ethnic culture, whose level of safety is one of the parameters of the level of the culture of interethnic relations. Preservation and development of native languages and national cultures in Bashkiria as the modern state national policy are factors of the preservation of the ethnic identity of the population.

Keywords: the language policy, the intercultural communications, national formation, native languages, national culture, national press, ethnic consciousness, national policy.

TOKMAKOVA Y. N. “From calligraphy to jurisprudence”: on the problem of the educational level of provincial officials in Central Russia in the first half of XIX century.

The work is devoted to the problem of the introduction of Russian provincial officials to regular education in the first half of XIX century. The author analyzes governmental measures directed to increase the educational level of civil servants and demonstrates concrete data about the educational level of provincial clerks at the beginning and the end of the considered period.

Keywords: officials, state apparatus, Russian province, professional training, education, Kursk province, official lists.

TSYKINA YU. YU. On the tradition of church singing and the development of music education in Mari kray before the Revolution.

The article is devoted the history of the formation of music education in Mari kray during the pre-revolutionary period. The author looks into the dynamics of the development of church singing in Kazan province and in Tsarevokokshaisk district as its part. The basic tendencies in singing teaching in educational institutions of Tsarevokokshaisk are investigated. The article is totally based on the materials obtained from the National Archive of the Republic of Tatarstan and the State Archive of the Republic of Mary El. The given materials have never been published before, which makes the work an important issue.

Keywords: history, music, education, before the October Revolution, singing, foreigners, the Brotherhood of Sacred Guriya, Psalter.

SHAKIROVA E. Z. On the work of the CPSU with believers from the mid 1950-s till the 1980-s (applied to materials from Orenburg, Chelyabinsk, Kurgan and Kuibyshev regions).

An integral part of ideological work of the Party was the atheistic propaganda partially and necessarily consisting of individual work with believers. The article deals with methods and means to realize this work in the regions according to the resolutions and decisions of the CPSU from the middle of the 1950s up to the crisis of the communist ideology.

Keywords: individual work with believers, atheistic propagation, antireligious propagation, atheistic education, scientifically-atheistic propagation.

SHARABAROV P. N. “The right wing” in Vyatka district organization of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in the atmosphere of inner-Party struggle for collectivization.

The article deals with particular forms of the inner-Party struggle in 1929–1930 connected with the so-called «right wing» in the All-Union Communist Party (Bolsheviks) at

the regional level. The author demonstrates direct and close relations between the political processes and the mass collectivization in the USSR.

Keywords: “the right wing”, agrarian transformations, policy of the party, kulaks and communists.

SHIMANSKY E. O. The sets of material culture in nomadic burials in Ural-Kazakhstan steppes in II–IV centuries A. D.

The article deals with compactly located sets of material culture in nomadic burials of II–IV A. D. The author analyzes a correlation between separated objects. He uses statistical methods so as to define different types of sets and their localization in the burials as well as their coherence with the sex and age of the buried nomads. The categorization of the burial sets allows interpreting the social structure and religious views of nomads more accurately.

Keywords: funeral ceremony, ware stock, nomads of Ural-Kazakhstan steppes, Gunn-Sarmatian time, Late-Sarmatian culture, statistical methods in archeology.

SKVORTSOV A. M. M. S. Kutorga and V. M. Vedrov: reasons and consequences of the conflict between the teacher and the pupil.

M. S. Kutorga was incompatible with some pupils due to his difficult nature. There even occurred a conflict between M. S. Kutorga and V. M. Vedrov, one of his first pupils. The reasons of the conflict are investigated in the article. At the principal stage of the creation of his dissertation V. M. Vedrov didn't come to his master for advice while the professor was convinced that his pupils at any age were to count with him and not to disregard his opinion. When V. M. Vedrov was tired of M. S. Kutorga's care, he broke off relations with his master; therefore, the defense of his doctoral dissertation became impossible and he had to change his trade.

Keywords: leaders' scientific schools, M. S. Kutorga's school, V. M. Vedrov, conflicts in scientific communities.

VALEEV R. M. Metallic mirrors as items of external and internal trade in the golden horde.

Metallic mirrors which were brought from eastern countries as a result of external trade contacts were widely spread as everyday life items and, considering their aesthetic qualities, were pieces of decorative and applied arts. As a consequence of technical and artistic preparedness and high qualification of handicraft industry in Bolgar and the Golden Horde and a wide demand in these kinds of goods, there was organized their local production. They circulated in the internal market by means of the offtake of local and imported goods. That is why metallic mirrors were one of the important factors characterizing the widening of commodity production in the Golden Horde.

Key words: items of external and internal trade, types of metallic mirrors, organization of handicraft activity, widening of commodity production in Volga Bulgaria and the Golden Horde, offtake of local and imported goods.

ZHARKOV O. YU. On the initial stage of the plutonium production development in the USSR.

Based on archival documents, literary memoirs and historical sources, the article deals with the initial stage of the operation of the first plutonium combine No. 817 considered as a phenomenon of the scientific and technical revolution in the USSR in the field of nuclear weaponry production.

Keywords: the nuclear physics, the nuclear project of the USSR, combine № 817, plutonium

Сведения об авторах

Валеев Рафаэль Миргасимович – кандидат исторических наук, профессор, проректор по науке Казанского государственного университета культуры и искусств.

Valeev_RM@inbox.ru; nauka@kazguki.ru.

Гришаев Василий Васильевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России Сибирского федерального университета

vhist@mail.ru

Шевченко Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории политологии и социологии Красноярского государственного аграрного университета

kaf.history@mail.ru

Денисов Денис Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института управления Оренбургского государственного аграрного университета.

delen@post.ru

Евдокимова Людмила Сергеевна – аспирант кафедры этнополитологии и социально-политических процессов субъектов РФ Челябинского государственного университета, заведующая сектором новейшей истории Челябинского областного краеведческого музея.

Histori@km-ural.ru

Жарков Олег Юрьевич – руководитель группы фондов научно-технической документации ФГУП ПО «Маяк».

OYZharkov@po-mayak.ru.

Иванова Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран Чувашского государственного университета.

tivanovan@mail.ru

Ивлев Никита Николаевич – аспирант кафедры истории Челябинского государственного агроинженерного университета.

ivleven.n.n@mail.ru

Кусков Сергей Александрович – аспирант очного обучения кафедры истории Челябинского государственного агроинженерного университета.

kuskov_1981@mail.ru

Леконцев Олег Николаевич – кандидат исторических наук, декан исторического факультета Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко, доцент кафедры отечественной истории.

ONLekontsev@mail.ru

Лосева Ирина Владимировна – аспирантка Арзамасского политехнического института (филиал) Нижегородского государственного технического университета.

irena.arz@mail.ru

Лылова Евгения Владимировна – главный специалист министерства культуры Оренбургской области.
amaga-4@yandex.ru

Мамяченков Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории управления и инноваций Института управления и предпринимательства Уральского государственного университета им. А. М. Горького.
istorik@sky.ru

Минибаева Заря Ибрагимовна – научный сотрудник отдела этнологии Института истории языка и литературы Уфимского научного центра РАН.
zarymin@mail.ru

Перевозчикова Светлана Александровна – младший научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета.
homasvet@mail.ru; arch@uni.udm.ru

Попп Иван Александрович – аспирант кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета.
popp82@mail.ru

Скворцов Артём Михайлович – преподаватель кафедры археологии, этнографии и социоестественной истории Челябинского государственного университета; аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Ставропольского государственного университета.
artyom-skvorcov@yandex.ru

Таиров Наиль Измайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и зарубежных стран Казанского государственного университета культуры и искусств.
tairov-nail@yandex.ru

Таймасов Салават Усманович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Биишевой.
sgpi@sgpi.bashedu.ru

Токмакова Юлия Николаевна – аспирант Курского государственного технического университета.
tokmakov7@yandex.ru

Хабибуллина Айгуль Рафкатовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Башкортостана и этнологии Башкирского государственного университета, главный специалист-эксперт отдела национальной политики Министерства культуры и национальной политики Республики Башкортостан.
khabibullina-ar@yandex.ru

Цыкина Юлия Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры культуры и искусств Марийского государственного университета.
Suleimani@mail.ru

Шакирова Эльвира Зуфаровна – преподаватель кафедры отечественной истории Оренбургского государственного университета.
ewelina777@yandex.ru

Шарабаров Павел Николаевич – ассистент, аспирант кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета.
otechhistory@vshu.kirov.ru

Шиманский Евгений Олегович – аспирант Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, преподаватель кафедры археологии, этнографии и социоестественной истории Челябинского государственного университета.
evgenshim@ya.ru